

М.И. Мольчик Л.Д. Попова

Первые ворота Российского государства

D. отъ литеры R. до литеры S.

из дому Приказа Опекающего присутія, в Опекальские казенные строения, 7 Обывательскіе деревянные строения, в Рыбн. дворѣ.

E. отъ литеры S. до литеры T.

Особые казенныя дома, 10 Воротные деревянные для присутствія присяжныхъ людей, 11 Палат. и Опекальскія присутствія при рынкахъ, 12 Присутств. палаткаларная, 13 Флигел. при рынкахъ.

та F. отъ литеры T. до литеры U.

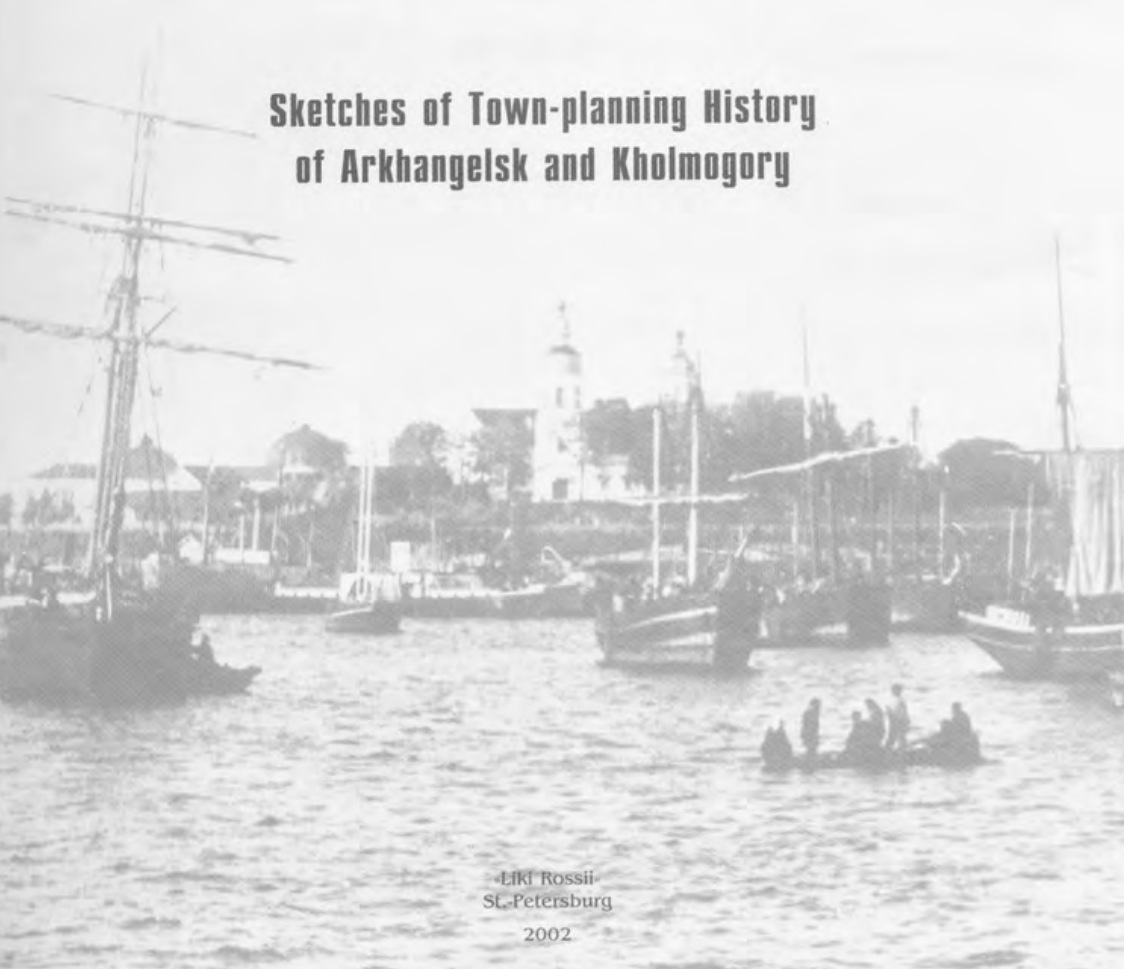

Присутств. 21 Писарской дома, 22 Дома для инженерныхъ офицеровъ и сержантовъ, 23 Служеб. строенія въ казенныхъ до Архангельска Строковъ, 24 Воротные деревянные для и 25 Биржа, 26 Архангельск. дворъ, 27 Остевъ въскосъ, 28 Рыбн. дворѣ.

Mikhail Miltchik, Lyudmila Popova

First Gateway of the Russian State

**Sketches of Town-planning History
of Arkhangelsk and Kholmogory**

LIKI Rossii
St. Petersburg

2002

М. И. Мильчик, Л. Д. Попова

Первые ворота Российского государства

**Очерки
градостроительной и архитектурной истории
Архангельска и Холмогор**

«Дики России»
Санкт-Петербург

2002

Издание осуществлено при финансовой поддержке
администрации Архангельской области
и гранта Президента Российской Федерации (2001 г.)

Книга рассказывает об истории развития (от первого упоминания до 1920-х годов) Архангельска и Холмогор — древнейших городов Российского Севера, важнейших в Поморье — вплоть до основания Петербурга — центров православия и торговли с Западной Европой. Здесь, в устье Северной Двины, Петр I закладывает Новодвинскую крепость — прообраз Петропавловской в дельте Невы и первую корабельную верфь на Соломбальском острове.

В книге широко использованы гравюры, архивные планы, архитектурные чертежи, первые панорамные изображения этих городов в рукописном Атласе Архангельской губернии 1797 года. Вместе с многочисленными документальными фотографиями они помогают представить прежний облик Архангельска и Холмогор, почти полностью исчезнувший в советское время. Особое внимание в книге уделено двум редчайшим памятникам русской архитектуры — Гостиному двору и Новодвинской крепости. Большая часть этого материала, хранящегося в библиотеках, архивах и музеях России и Швеции, публикуется впервые. Читатель узнает много нового об истории названных городов, основных этапах их градостроительного развития и архитектурных ценностях, как существующих, так и погибших.

Книгу дополняют Краткий каталог памятников архитектуры Архангельска, его Строительный устав XIX века и другие приложения.

Издание адресовано как специалистам — историкам, архитекторам, краеведцам, так и всем тем, кого интересует культура Российского Севера, но, прежде всего, жители Архангельска и Холмогор.

This book explains how the ancient Russian cities Arkhangelsk and Kholmogory were founded, and how they developed until the 1920s. Both of these cities were the main ecclesiastic centers of Pomorye, and were important gateways for trading with Western Europe until the founding of Saint Petersburg. Peter I constructed the Novodvinskaya fortress here at the mouth of the Severnaya Dvina river, which became a prototype for Peter and Paul Fortress at the mouth of the Neva. He also began a shipyard on Solombala island. There are many engravings, architectural drawings, and early panoramas of these cities from the hand-written Atlas of the Arkhangelsk Province written in 1797. Most of these documents are kept in archives, museums and libraries in Russia and Sweden, and they are being published for the first time here. Together with numerous old photographs, they help to restore the long-lost images of Arkhangelsk and Kholmogory. Two masterpieces of Russian architecture, the Gostiny Dvor (Merchants Arcade) and Novodvinskaya fortress are described in detail.

You will learn many new facts regarding the history of these cities, how these towns were planned, as well as which architectural landmarks have survived and which have been demolished. The Supplement contains, among other items, a catalogue of all surviving architectural monuments of Arkhangelsk, and the «Ordinance for Development of the Guberniya City of Arkhangelsk» approved by Nicholas I in 1839, and published for the first time in this book. This book will be interesting not only for specialists of history, architecture, and students of local lore, but also for anyone who is interested in the culture of the Russian North and especially the inhabitants of Arkhangelsk and Kholmogory.

*На форзаце изображен герб Архангельска, на вклейке — герб
Холмогор (из рукописного «Атласа Архангельской губернии»
1797 года)*

© М. И. Мильчик, Л. Д. Попова, 2002
© «Лики России», 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение	10
I. Очерк градостроительной истории Архангельска	14
II. Очерк архитектурной истории Архангельска	80
III. Основные архитектурные комплексы Архангельска	104
Гостинные дворы	106
Михайло-Архангельский монастырь	118
Новодинская крепость	122
IV. Очерк архитектурно-градостроительной истории Холмогор	132
Заключение	159
Приложения	
1. Памятники архитектуры Архангельска. <i>Краткий каталог</i>	163
2. Исторические наименования улиц	191
3. Архитектурно-градостроительная история Архангельска и Холмогор. <i>Хронология</i>	193
4. Описная книга строительства в Архангельске каменных крепости (города) и Гостинных дворов	195
5. Грамота царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича двинскому воеводе Никите Константиновичу Стрешневу и дьяку Максиму Бурцеву об отпуске материалов для строительства соборной церкви на Холмогорах	198
6. М. И. Мильчик. Рукописный атлас Архангельской губернии 1797 года. История создания	199
7. Е. И. Ружникова. Виды города Архангельска на акварелях В. Е. Галамина	202
8. «Положение об устройстве губернского города Архангельска». Строительный устав	206
Библиография	209
Принятые сокращения	211
The first Gateway of the Russian state	212
List of plats	214

Предисловие

Архангельск и Холмогоры, если не считать не сохранившиеся до наших дней Пустозерск и Колу, — самые северные из древнерусских городов. Архангельск, с момента своего возникновения в 1583 году и до основания в 1703 году новой столицы на берегах Невы, был «первыми воротами Российского государства». Так в 1646 году определил его значение царь Алексей Михайлович. Вели эти ворота в Западную Европу через Белое море. И потому уже в 1693-м, задолго до Северной войны, именно сюда приезжает молодой Петр I, чтобы на пустынном тогда Большом Соломбальском острове заложить первую в России «казенную верфь» — государственное адмиралтейство, где уже на следующий год будет спущен на воду 24-пушечный «Святой Павел» и торжественно отправлен за границу с русскими товарами.

Позднее, потеряв свое первенство, Архангельск оставался для России морскими воротами: «от архангельских пристаней беспрепятственно отплывают корабли во все стороны света», — рассказывал замечательный архангелогородский писатель Борис Шергин. — На запад — в Норвегию, Швецию, Данию, Германию, Англию и Америку, на север — к Новой Земле, на Шпицберген, на Землю Иосифа». Естественно, что «Архангельск стоит на высоком наволоке, смотрит лицом на морские острова», а Северная Двина издревле определяла всю жизнь города, вытянувшегося по ее берегу на шесть с лишним верст. Набережная стала его главным фасадом: величественный вид с огромными Гостинными дворами, многочисленными главами, шатрами и шпилями храмов, с лесными биржами, рыбным базаром, соляным рынком, лесом корабельных мачт производил на иностранных и отечественных путешественников незабываемое впечатление. «Ничего не может быть эффектнее зрелища, представляемого Архангельском», — писал в прошлом веке В. И. Немирович-Данченко — известный писатель, брат великого режиссера.

Исторически Архангельску предшествовали стоящие на 73 версты выше по реке Холмогоры — административный, церковный, торговый и ремесленный центр огромной Двинской земли в XVI–XVII веках. С основанием Архангельска его значение уменьшается, но в конце XVII века город переживает новый подъем, связанный с обширным каменным строительством, которое развернул здесь деятельный архиепископ Афанасий, сподвижник Петра I. В городе были возведены величественный собор, напо-

минавший московский Успенский, колокольная, архиерейские палаты, еще две каменные церкви и десять деревянных. Обновляется деревянная крепость — самая большая на Севере.

Именно холмогорцы были первыми строителями и жителями Архангельска, который поначалу и назывался Новым Колмогорским городом.

После Октябрьской революции оба города изменились до неузнаваемости. Архангельск в 1929 году становится центром Северного края, что послужило толчком к началу тотального сноса храмов, который шел по всей стране, но особенно интенсивно — в крупных городах. Уже в том году был разрушен кафедральный Троицкий собор — «очаг дурмана», как писали тогда газеты. В начале 1930-х годов срынули с землей Михайло-Архангельский монастырь, давший название городу, вскоре снесены и почти все остальные храмы. Даже прекрасные образцы классицизма — здание губернских присутственных мест и дом губернатора — были «замурованы» в новом здании Дома Советов так, что их стало невозможно узнать... Это была первая волна разрушений, уничтожившая систему доминант — духовных и пространственных ориентиров, на которых почти в прямом смысле слова держался город и его историческая память.

И все же еще после войны оставались старые дома: строгие и представительные, почти столичные — на главных улицах, более простые и незатейливые — ближе к окраинам. Еще можно было «пройти по любому переулку и через двести метров очутиться как бы в глубокой провинции и в прошлом веке», — писал в 1960 году Юрий Казаков. — Дома — одноэтажные и двухэтажные, с высокими крышами, с наружными лестницами, напоминающими трапы; и в этих домах, в их фигурных башенках со шпилями, с петушками, в их антресолях, а маленьких окошечках есть что-то милое, давно забытое, чуть ли не голландское. А во дворах — трава, и колодцы, и старые ивы, и мостки, и сараи...». Меня, впервые приехавшего в Архангельск в 1959 году, именно эти постройки поразили стилизованным разноголосием, подчас наивной интерпретацией заимствованных форм, свободной, иногда даже дерзкой трактовкой распространенных архитектурных мотивов. Однако, по удивительному совпадению, в том же году М. Ф. Кибирев, бывший в то время главным архитектором Архангельска, не увидел ничего достойного в таком наследии прошлого: «...Купечество и фабриканты-лесопромышленники...

[строили] в центре одно-, двухэтажные деревянные особняки, не имеющие даже опосредственной архитектурно-художественной ценности. Архитектура этих домов, создаваемых по капризу хозяина, за редким исключением была бесстильной, лишенной какой-либо связи с прекрасными приемами северного деревянного зодчества».

Подобная оценка, вернее, отрицание каких-либо достоинств того, что составляло саму ткань любого старого города, привело к гибели тысяч ценных памятников в наших исторических городах, причем как раз тех, что придавали им своеобразие и отличали от европейских образцов.

Вторая волна разрушения Архангельска начинается в 1970-х годах, когда на основе нового генерального плана перекраивается

историческая планировка, уничтожаются целые улицы прежней застройки, считавшейся несовместимой с будущим социалистическим Архангельском. В свое время Екатерина II не утвердила первый вариант его регулярного плана «по неудобности к произведению его в действую» именно оттого, «чтобы многою ломкою домов не нанести жителям убытков и разорений». Теперь же никто не остановил ни проектантов, ни городские власти, в результате чего к 1980 году было снесено более 1200 деревянных и каменных построек (в 1923 году весь город насчитывал около 3100 только деревянных жилых домов). Теперь на месте бывших кварталов вдоль главного — Троицкого — проспекта (в советское время пр. П. Виноградова) оказалась широкая эспланада проспекта Энгельса (ныне Воскресенская улица) и возникла «не просто площадь, а площадь-форум... — парад современной советской архитектуры, — как писал Ю. А. Барашков, автор первой архитектурной биографии Архангельска. — Ансамбль ее создан гармонией зданий обкома КПСС, горисполкома, девятиэтажных жилых домов и высотным домом проектных организаций».

Старый Архангельск, от которого остался чуть ли не один Гостиный двор, да и то в сильно усеченном виде, уже в наше время оказался на грани полного уничтожения. Чтобы как-то сохранить воспоминание о нем, архангелогородский умелец П. Калашников за четыре с половиной года построил макет центра города длиной 3,7 м, который с неподдельным любопытством рассматривали многие тысячи горожан, с трудом узнавая родной Архангельск. По той же причине в 1984 году было решено превратить улицу Чумбарова-Лучинского (быв. Мешанскую) в так называемую заповедную, имея в виду свезти туда, а точнее — воссоздать там наиболее примечательные из еще сохранившихся городских домов. В результате, по существу на новом месте, в чуждом окружении панельных домов возникает теперь достаточно условный образ условного Архангельска.

Холмогоры, давно потерявшие свое былое величие, не подвергались такому целенаправленному разрушению, но и там уцелело немного памятников: лишь Спасо-Преображенский собор, ныне грозящий обрушением, и Архирейские палаты, реставрация которых не доведена до конца. До неузнаваемости изуродована Троицкая церковь с колокольней на бывшем Глинском посаде, обезображены восстановливаемые ныне церкви Двенадцати апостолов и Никольская. Новое строительство и

*Начало разрушения
собора Михаила-
Архангельского
монастыря.
Фото начала
1930-х годов*

АОКМ. № 693

Начало разрушения
Троицкого собора.
Фото П. Г. Кононова.
25 апреля 1929 года

ГААО. № 3-336

здесь велось так, будто не ведали строители, где строили. На месте древней столицы края вырос безликий поселок...

Трагическая история последних шести десятилетий жизни этих интереснейших городов российского Севера определила главную задачу книги: с помощью архивных документов, старых чертежей, гравюр, акварелей, фотографий «восстановить» на ее страницах образ исчезнувших в реальности Архангельска и Холмогор, показать основные этапы их градостроительной истории и своеобразие их архитектуры, помочь читателю представить уже несуществующий силуэт старого города и мысленно поставить в контекст распавшегося целого то, что еще сохранилось от прошлого. Для этого в Приложении помещен Каталог ныне существующих памятников архитектуры Архангельска (в пределах городской черты на 1917 год), а также указаны места утраченных памятников, являвшихся в прошлом градостроительными доминантами. В тексте отсылки на номера иллюстраций каталога помещены в скобках, после буквы К.

Весь же представленный изобразительный материал, за редким исключением, относится к дореволюционному времени. И только фотографии, иллюстрирующие Каталог, сделаны в наши дни. Сравнение того и другого дает читателю возможность убедиться в справедливости сказанного выше о печальной судьбе архитектурных памятников Архангельска.

Архангельск, сохранившийся до наших дней лишь фрагментарно, тем не менее формировался на протяжении четырехсот лет. Поэтому необходимо рассмотреть основные этапы его развития. Естественно, что степень

полноты картины для каждого этапа во многом определяется наличием источников, многие из которых вводятся здесь в научный оборот впервые. Среди них особое значение имеют Описная книга (1667–1677) строительства Гостиных дворов в Архангельске (Приложение 4), планы и панорамы рукописного Атласа Архангельской губернии 1797 года (об истории его создания см. в Приложении 6), первые акварельные виды Архангельска (Приложение 7), впервые публикуемый (в извлечениях) строительный устав, утвержденный Николаем I в 1839 года, — «Положение об устройстве губернского города Архангельска» (Приложение 8).

Хронологические очерки доведены до Октябрьской революции, после которой утвердилось резко негативное отношение к историческому наследию. Не случайно в Архангельске, как только начали разрушать храмы, стали выдвигать требования «сбросить» старое имя города как «изношенную, истрепанную, грязную одежду». Правда, в последующие десятилетия в городе был возведен ряд интересных зданий в духе конструктивизма, были сделаны попытки найти новые формы для городских деревянных домов, преобразилась набережная... И тем не менее, с точки зрения отношения к культурному наследию, это была эпоха утрат, а не обретений, хотя и она, бесспорно, заслуживает исследования: в истории нельзя пропускать ни одной страницы, а история заблуждений и потерь — бесценный урок для будущего.

Михаил Мильчик
Санкт-Петербург,
сентябрь 1992 года

P. S.

В настоящем издании учтены публикации, которые вышли до 1999 года: ибо рукопись к тому времени была полностью подготовлена. Ленинградским отделением издательства «Стройиздат», однако экономический кризис помешал тогда ее выходу в свет.

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение города у Белого моря было закономерным явлением в истории России, так как выход к Балтийскому морю осуществлялся лишь через Ивангород, основанный в 1492 году и утраченный в результате Ливонской войны почти через столетие.

На реках же Севера первые фактории новгородцев появились еще во времена Киевской Руси. В уставе Святослава Ольговича (1037) среди новгородских владений перечислены Моша, Усть-Вага, Кевроль, Пинега, Усть-Емецк, Вель. В договоре князя Ярослава Ярославича упоминалось Заволочье — земли по рекам Емце, Северной Двине и берег Белого моря¹. Сложился огромный водный путь, вдоль которого русские строили остроги-крепости со сторожевыми башнями, посадки и промысловые селения. В эпоху Великого Новгорода возникли Орлецкий острог и Холмогоры на Двине, Усть-Пинега и Вельский погост на Ваге. В XIII веке новгородцы плавали не только в пределах Белого моря, но достигали берега Северного Ледовитого океана, подчинив своему влиянию лопарей². Построили Кольский острог, упомянутый в летописях под 1264 годом.

Зарождение очагов материальной и духовной культуры, по словам В. О. Ключевского, в значительной степени связано с так называемой монастырской колонизацией. Не зря первое поселение на месте бу-

дущего Архангельска — это монастырь Михаила-Архангела. Когда он основан и кем, точных данных нет. Из литературных же источников следует, что обитель эта появилась по благословенной грамоте архиепископа новгородского Иоанна³, опубликованной Н. М. Карамзиным. Основываясь на этом документе, одни авторы ведут основание монастыря с XII, другие — с XIV века. Современный исследователь В. Ф. Андреев, анализируя материалы А. А. Шахматова о двинских грамотах XV века, считает датой основания монастыря 1389 год⁴.

В XIV веке Михайло-Архангельский монастырь был далеко не единственным на Севере. В это время существовали уже Сыренский Успенский, Спасо-Каргопольский, Каргопольский Успенский — на Онеге, Михайло-Архангельский — на Вычегде, Лявленский Успенский — на Северной Двине. В XV веке основаны Александров-Ошевенский монастырь на Каргополе, Богословский — на Ваге, Борисоглебский в Соли Вычегодской, Никольский Чухченемский монастырь — на Северной Двине. На левой стороне ее Никольского устья, у Белого моря, возник Николо-Корельский монастырь⁵. Он занимал выгодное положение, вследствие чего все корабли, ходившие в Белое море и возвращавшиеся обратно, проходили мимо него, а нередко останавливались у его причалов.

Борис Шергин

Ивангород на карте Ливонии 1595 года (фрагмент). Герард Меркатор.

КГА. Ученый картон. Bd. 42,56.

Иезуит А. Поссевино, побывавший в России в конце Ливонской войны (то есть за несколько лет до основания Архангельска), доносил римскому папе: «А некоторые голландские и английские корабли, груженные медью и другими товарами, ежегодно приходят по верхнему Северному океану (его называют „Ледовитым“, суровым, жгучим) в порт св. Николая»⁶. Так называл Поссевино пристань Николо-Корельского монастыря. Здесь на временных причалах товары перегружались на речные плоскодонные суда и по мелководью отправлялись в город Холмогоры — центр Двинской земли. Оттуда по Северной Двине и Сухоне, через Устюг товары доставлялись в Вологodu, где их перегружали с судов на подводы и везли в Москву.

Самым северным был Соловецкий монастырь-крепость, основанный в 1430-х годах на островах Белого моря. В XVI веке он становится мощным хозяйственно-культурным и оборонным пунктом на Белом море. Север в это время уже славился пушными богатствами, соляными промыслами в селениях Уна и Нёнокса. В Мезенской губе Белого моря находилось село Лампожня — второй после Холмогор центр поморской торговли. В XVI веке уже существовал Пустозерский острог на Печоре. Возникли Солза, Кереть, Усть-Цильма, Окладникова слобода на Мезени, Сольвыче-

годск, Яреньга, в Подвинье основаны Антониево-Сийский, Кожезерский, Николо-Коряжемский на Вычегде⁷ и Никольский Моржегорский монастыри, окол которых образовывались новые посады и деревни.

Уже был налажен торговый путь по Северной Двине через Белое море в Западную Европу. Север еще помнил плавание Амоса Коровина вокруг Скандинавского полуострова. В «Записках о московских делах» Сигизмунда Герберштейна упомянуто плавание в 1496 году русского дипломата Григория Истома северными морями в Данию. Той же дорогой — из устья Северной Двины через Северный Ледовитый океан — немного спустя ходил в Испанию другой русский дипломат, Василий Власов. Этот путь в Европу трижды проделал переводчик и ученый Дмитрий Герасимов. Его рассказы о Московии в 1525 году помогли итальянскому писателю-географу Павлу Иовию написать книгу о русской стране.

Сочинения названных авторов, вне сомнения, были известны англичанам, отправившим экспедицию Ледовитым океаном в Китай и Индию. В 1553 году корабли погибли в непогоду. Лишь один из них добрался до бухты у Николо-Корельского монастыря. Капитану этого корабля Ричарду Ченслеру удалось завязать отношения с Иваном Грозным, открыть торговлю с Англией. Так, в 1556 году английские корабли увозили отсюда

Ивангород на саркофаге шведского полководца Понтуса де ла Гарди (1593)
Рельеф с видом осады Нарвы и Ивангорода в 1581 году

Тилант
Домский собор

лен, коноплю, сало, слюду, ворвань, смолу и т. д. На одном из этих кораблей в Лондон выехал русский дипломат, вологодский дворянин Григорий Непея со свитой из 16 человек⁸. По возвращении Непея англичанам была разрешена беспощадная торговля по всей России с правом строительства торговых домов, контор. В Холмогорах они завели канатные фабрики, а в Никольском устье (ныне о. Ягры в г. Северодвинске, в 30 км от Архангельска) устроили гавань для своих кораблей.

Вслед за англичанами северным морским путем стали пользоваться голландцы, а затем французы и все «заморские гости», платившие пошлины в древнем центре Поморья — Холмогорах. Однако этот город отстоял от моря на 120 верст, что весьма затрудняло морскую торговлю. Да к тому же огромное пространство наиболее заселенной российской территории оставалось в случае нападения с моря незащищенным.

С начала 1580-х годов внешнеполитическая обстановка складывалась неблагоприятно для России. Близились к неудачному завершению Ливонская война. Против России выступила Швеция, которая уже к лету 1581 г. захватила Корелу (Кексгольм), Яму, Копорье, Нарву. 17 сентября того же года пал Ивангород — единственный русский порт на Балтике⁹, через который осуществлялась прямая торговля с Северной Европой. В отдельные годы туда приходило до ста иностранных кораблей с товарами¹⁰. Осенью следующего года осажден Орешек (Нотебург) — крепость, контролировавшая вход в Ладожское озеро. В результате Россия лишилась возможности вести торговлю с Западом через Балтийское море.

Нельзя исключить, что Ивану IV стал известен стратегический замысел шведского короля Юхана III, заключавшийся в завоевании всего русского побережья Финского залива, Белого и Баренцева морей с тем, чтобы полностью отрезать Россию от морей и поставить всю ее внешнюю торговлю под контроль Швеции¹¹. Падение Ивангорода послужило для царя непосредственным толчком к срочному укреплению северных границ и одновременно к переносу на Белое море всех контактов с европейскими странами¹². К тому же царя склоняли и голландские купцы, указавшие в своем обращении к нему на Михайло-Архангельский монастырь как на место иностранной торговли, которое может оказаться не менее удоб-

ным, нежели потерянные Нарва и Ивангород¹³. Так, в конце 1581 — начале 1582 годов возникла мысль о необходимости создания нового порта на Северной Двине, который был бы призван компенсировать потерю Ивангорода и стать для России новым «окном в Европу».

В августе 1583 года русское правительство подписало Плюсское перемирие, по которому, согласившись с потерей своих городов, получив трехлетнюю передышку. Следовательно, возобновления военных действий следовало ожидать в 1586 году (правда, в 1585 году перемирие было продлено еще на четыре года). Именно этот срок и определял время начала и завершения работ по укреплению пограничных городов: в 1582–1586 годах в Новгороде возводятся Земляной и Окольный города, в 1584–1586 годах коренным образом перестраивается каменная крепость Старой Ладogi¹⁴, в 1580–1590-х годах заменяются на каменные деревянные стены Кирилло-Белозерского монастыря, в 1582 году начинается строительство валуных стен и башен Соловецкого монастыря, в 1583 году срублин острог в Суме, в 1583–1584 годах — в Коле¹⁵, в 1585 году укреплен Орешек¹⁶.

Еще до подписания Плюсского перемирия, в сентябре 1582 года Иван IV направляет воеводу Петра Афанасьевича Нашекина на Двину искать место для города и организовать сбор средств «в городовое дело»¹⁷. А 4 марта 1583 года царь торопит: «...как к вам ся наша грамота придет, и вы б часа того велели город делати... наспех...»¹⁸.

Итак, два события — падение Ивангорода и основание Архангельска, отделенные друг от друга одним годом и полутора тысячами верст, оказались прямо связанными друг с другом. Возведение Архангельского города в 1583 году¹⁹ явилось важной частью этих беспрецедентных по своему размаху мероприятий Русского государства и завершением создания северной оборонительной системы, одной из главных целей которой было обеспечение безопасности нового торгового пути.

Начиная с эпохи Ивана Грозного, морские и речные пути Севера соединили Москву с торговой жизнью Западной Европы, это и стало основным градообразующим фактором сначала для Холмогор, а затем и для Архангельска. Уже к концу XVI — началу XVII века последний превращается в основной морской порт Русского государства.

Примечания

¹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 147–148.

² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Ист.-геогр. исслед. М., 1951. С. 104–105.

³ Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 2.

⁴ Андреев В. Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 68–69.

⁵ Савич А. А. Главнейшие моменты монастырской колонизации русского Севера XIV–XVII вв. // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском ун-те. Вып. III. Пермь, 1929. С. 64–65, 68–70.

⁶ Посохов А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 49.

⁷ Савич. Указ. соч. С. 73–75, 98.

⁸ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 55–56.

⁹ Мильчик М. И. 1) Строительная биография Ивангорода и русско-ливонские отношения конца XV — начала XVI веков // *Russia Mediaevalis*. Т. VI, 1. München, 1987. S. 184–220; 2) Ивангород или город «конской шкуры» // Наука и жизнь. 1992. № 8. С. 76–81.

¹⁰ Хорошквич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI вв. М., 1980. С. 61–62, 151, 158.

¹¹ *Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmatta vootinen sota vuosien 1570 ja 1590 vrlinen aika.* Helsinki, 1918–1920.

S. 268; *Tham W. Den svenska utrikespolitikens historia.* Bd. I, delen 2. Stockholm, 1960. S. 54–55; *Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством.* М.–Л., 1964. С. 23–24.

¹² Накашидзе Н. Т. Русско-английские отношения во второй половине XVI века. Тбилиси, 1955. С. 116, 154.

¹³ Кард В. А. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год. // Сборник Русского исторического общества. Т. 116. СПб., 1902. С. 55.

¹⁴ Мильчик М. И., Коляда М. И. Новая датировка каменной крепости в Старой Ладоге // *Russia Mediaevalis*. Т. VII, 1. München, 1992. S. 149–150.

¹⁵ Фрунковой Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Архангельск, 1975. С. 20–21; *Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы // МИА № 77. Метательная артиллерия и оборонительные сооружения древней Руси.* М., 1958. С. 204–205.

¹⁶ Кирпичников А. Н. Древний Орешек: Ист.-археол. очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., 1908. С. 72.

¹⁷ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2. // РИБ. Т. XIV. СПб., 1894. С. 87.

¹⁸ Цит. по ин.: *Куратов А. А. Ранняя история Архангельска в свете археологии и палеографии.* Архангельск, 1984. С. 14–15.

¹⁹ *Богуславский Г. А. Когда был основан Архангельск? // Изв. ВГО. Т. 120. Вып. 5. 1988. С. 459–464.*

1. ОЧЕРК
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ
АРХАНГЕЛЬСКА

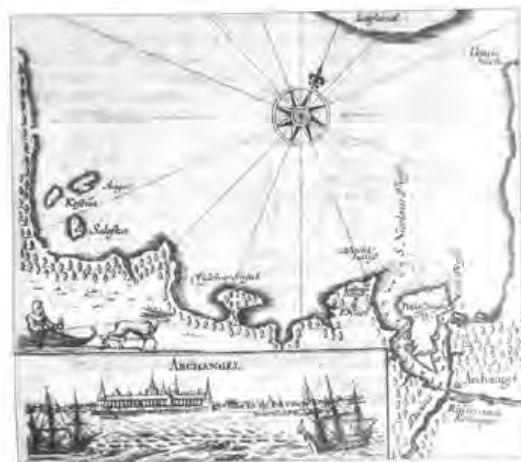
ARCHANGEL

Место, на котором в 1583 году была срублена крепость, ставшая ядром будущего Архангельска, представляло собой возвышенный мыс при слиянии Северной Двины с пятью ее рукавами: Никольским, Мурманским, Корабельным, Маймаксанским и Кузнецовским. Мыс, называвшийся Пур-Наволоком (в угрофинском языке означает «снежный мыс»), весь был покрыт густым сосновым лесом, а в версте от него начиналась непроходимая болотистая тундра. Это давало ряд преимуществ: необходимость обороны лишь с одной стороны — с реки, поскольку с другой защита обеспечивалась естественной преградой. Кроме того, и строительный материал был рядом. До Белого моря отсюда было 34 версты (ил. 1). Таким образом, место, выбранное для города, обеспечивало контроль над Северной Двиной — главной магистралью края. Выше по течению стояли Холмогоры — центр тогдашнего Поморья, и следовательно, с помощью новой крепости можно было обезопасить столицу края. К сказанному надо добавить, что морские суда могли подняться по мелководью до Холмогор лишь с большим риском. Приходилось перегружать товары на плоскодонные речные суда у стен Николо-Корельского монастыря¹, что было очень неудобно. Так, выбор места для города на Пур-Наволоке обуславливался географическими, военно-оборонительными и экономическими причинами.

1. Белое море.
Дельта Северной Двины
и вид Архангельска.
Карта Герарда (Герритса).
Гесселя, 1613

РРМ. Гр. 14374

Здесь, среди дикого и глухого бора, издавна находился деревянный Михайло-Архангельский монастырь — тогда почти единственное место религиозно-нравственного просвещения населения всего Поморья. Когда и кем он был построен — точно не известно: по одним источникам — в XII веке², а по другим — в XIV³. Первое летописное известие о монастыре относится к 1419 году, когда он вместе с приречными селениями был сожжен мурманами-норвежцами⁴. С большим трудом отстроилась обитель после такого бедствия. Из этих же документов следует, что она была восстановлена на прежнем месте и оставалась деревянной.

Михайло-Архангельский монастырь, давший впоследствии имя городу, занимал самый край мыса Пур-Наволока (теперь здесь сквер с могилой жертв интервенции во время Гражданской войны). В конце XVI века в монастыре было две церкви: Архангельская с приделом мученика Мины и Покровская, а также келья игумена и 13 братских келий⁵. Другого жилья на этом берегу не было. Только в северо-восточном углу Соломбальского острова жили крестьяне, арендовавшие монастырские сенокосные угодья, которые простирались до нынешней Кузнечихи, расположенной относительно монастыря ниже по течению реки. Ближайшим островом к монастырскому берегу был Кегостров — в 250 саженях (примерно в 500 метрах). Еще в начале XIX века старожилы вспоминали, как между городом и Кегостровом разговаривали «с голосу на голос»⁶.

Мыс Пур-Наволока привлек внимание московских воевод — знатока инженерно-фортификационного дела Петра Афанасьевича Нашекина⁷ и Алексея Никифоровича Залешанина-Волохова, прибывших в устье Северной Двины в сентябре 1582 года по указу Ивана Грозного⁸. Царь не случайно обратил внимание на Север. Как уже говорилось, в ходе Ливонской войны были потеряны Нарва и Ивангород, а это означало потерю торгового пути через Балтику (Черное море с Азовским оставались под властью турок и крымских татар), и Северный торговый путь становился единственным «окном в Европу», приобретая, таким образом, общегосударственное значение. Задолго до этого, еще в 1553 году, английский корабль дошел до Никольского русла Северной Двины, и его капитан Ричард Ченслер был принят в Москве Иваном IV. На следующий год Ченслер создал «Московскую компанию» и заключил договор с русским правительством о праве беспошлинной торговли в русских городах. В 1557 году в устье Северной Двины пришло и первое голландское торговое судно...

Теперь же, после неудач в Ливонской войне, особое значение приобрел вопрос о серьезной за-

шите северной границы — создании целой системы оборонительных сооружений. В результате, за короткое время были построены деревянные крепости в Суме (1582–1583), в Коле (1583–1584), началось возведение каменного кремля Соловецкого монастыря (1582–1594), а незадолго до того — в 1578 году — на Соловках был срублен деревянный острог⁹.

Укрепление обороноспособности Подвинья и строительство удобной гавани для морских судов оказались своевременными, тем более, что место, на котором был основан новый город, имело чрезвычайно выгодное географическое положение: по Двине шла важная торговая дорога из Западной Европы через Холмогоры, Вологду — к Москве, и обратно. Естественно, что торговля и оборона способствовали развитию будущего Архангельска и являлись основными градообразующими факторами, река же выступала в качестве основного градоформирующего элемента.

Не случайно еще задолго до строительства крепости монахи выбрали для монастыря именно Пур-Наволоок. Эта территория отвечала градостроительным требованиям: близость моря, широкая река, удобство обороны мыса, твердые грунты, возможность размещения слобод вдоль берега. Расположение города при разветвленной дельте с многочисленными островами должно было сделать его неприступным для осады. Жители слобод могли быть защитниками города, дать необходимые припасы, а в случае опасности — укрыться за его стенами. Река в этом месте хорошо просматривалась, поэтому крепость заняла ключевую позицию.

Воеводы тщательно изучили местоположение, составили «чертеж» с «росписью», смету¹⁰ и отправили царю на утверждение. Посланные в Москву материалы были рассмотрены Иваном Грозным, который издал указ от 4 марта 1583 года, разрешающий строительство города: «Писали есте к нам о Двинском городовом деле и роспись и чертеж тому городу к нам прислали; и мы тою росписью вычли и чертежу смотрели, и указали поставити город на том месте и по той мере, как в вашей росписи и чертежу написано... И как к вам ся наша грамота придет, и вы б часа того велели город делати на том месте и по той мере, по росписи и по чертежу, какую есте роспись и чертеж к нам прислали, наспех теми посошными людьми, которую посоху к тому к городовому делу есмь указали... Писан на Москве, лета 7091 [1583] марта в 4 день»¹¹. При этом монастырь должен был остаться на территории крепости («...А Архангилскому монастырю, церкве и кельем... быти в городе... из города бы есте носить не велели»), службы же его, наоборот, выносились за его пределы («...служба и дворам и всяким монастырским обиходам... быти за городом»).

И уже тогда же, в марте, начинается заготовка и вывозка леса для строительства города¹². В мае нанимаются плотники, которые рубят стены и башни вплоть до глубокой осени — до 19 ноября, когда, как сообщает хронограф, обнаруженный Г. А. Богуславским, был «поставлен на Двине Архангельской город»¹³. Одновременно построена и «морская пристань»¹⁴. Итак, «...воеводы... Архангельской город деревянный поставили одним годом на Пуранаво локе... за трицать верст от устья тоя Двинь реки. А поставили круг Архангельского монастыря и съехали к Москве»¹⁵. Из сказанного следует, что крепость, положившая начало Архангельску, была возведена примерно за семь месяцев 1583 года — за один строительный сезон, что для Руси тогда было делом обычным¹⁶.

Первым, в конце июня 1584 года, уехал воевода Алексей Никифорович Залешанин-Волохов, завешав свой двор «на низу у Нового города над Двиною рекою» Архангельскому монастырю: «...Во дворе хороших; горница стоит с подклетом да повалыща с подклетом, да между горницею и повалыщею, сени с подсением, да у ворот изба, а перед избой сени да мыльно с сенцами; да на дворе ж две клетки, да ледник с напосребицею да мшаник, а на нем клеть, да поварня естовая и пивоварная, на две тшаны пивные... да замет кругом двора новой...»¹⁷. Рядом стоял двор второго воеводы Петра Афанасьевича Нашокина, который задержался здесь до декабря 1584 года, уехал он только после передачи дел новому воеводе¹⁸.

Как выглядела только что построенная крепость, которую стали называть поначалу Новый городок или Новохоломгоры? Ответить на этот вопрос в какой-то мере можно, используя писцовую книгу 1622–1624 годов¹⁹.

Крепость представляла собой прямоугольное в плане сооружение с башнями по углам и воротными башнями посередине каждой стены. С внешней стороны город имел оборонительную стену — острог, окруженную в свою очередь рвом глубиной в 2 сажени. «Во рву ставлен тын, а около рва надолбы». Эта стена охватывала крепость с трех сторон (острожная стена отсутствовала с речной стороны). В ней были две воротные башни — Архангельская на южной стороне, на северной — Воскресенская и четыре наугольные — Вознесенская, Северская (Северная), Рождественская и Спасская. Их наименования происходили от находившихся неподалеку церквей.

За острожным тыном всего в 2–3-х саженьях (4,3–6,5 м) находилась собственно крепость²⁰, рубленые стены которой состояли из 204 клетей-городней, с внешней стороны обмазанных глиной. По углам

высились только что названные боевые башни, а по периметру — въездные. На западной стене — Покровские ворота, «водяные, к реке к Двине». Около них в 1598 г. был прокопан тайник — подземный ход из крепости²¹. Архангельские (юго-восточные) ворота были шире, чем другие: это был главный парадный въезд в город, отсюда открывалась перспектива Большой Проезжей дороги.

Ясный по замыслу план крепости удачно был воплощен на местности, естественные очертания мыса внесли небольшую поправку в ее регулярный план: крепость скорее имела вид трапеции, ибо речная — западная — ее сторона была чуть длиннее восточной. Надо заметить, что Архангельский «город» был сравнительно небольшим: длина его по периметру стены составляла лишь 417 саженей (около 900 м), а стена острога имела длину 312 саженей «с полусаженью» (около 675 м). Как оборонительное сооружение крепость никогда не использовалась; за все время ее существования на Архангельск не было ни одного нападения.

Город был хорошо оснащен артиллерией. Этим обстоятельством были удивлены первые иностранные купцы, прибывшие сюда по торговым делам. Французский купец Жан Сован, принимавший участие в первом плавании к «новоустроенному городу» в 1586 году, записал: «Архангельск составляет крепкий замок, где более 20 медных пушек, который имеет хорошие бастионы и хорошо стреляет, мы сами видели пальбу их... Замок, сооруженный из бревен, заостренных и перекрестных: постройка его превосходна, нет ни гвоздей, ни крючьев, но так хорошо все отделано, что нечего похвалить; хоть у строителей русских все орудия состоят в одних топорах, но никакой архитектор не сделает лучше того, как они делают»²². Архитектурное описание дополняется первым изображением Архангельска на западноевропейской карте России, составленной в 1613 году (ил. 2) по русским источникам²³.

Город представлен со стороны Двины. Угловые башни далеко выступали за линию стены, что обеспечивало им широкое поле обзора и возможность фланкированной стрельбы. Многогранные башни, кроме того, давали возможность соединять стены не только под прямыми углами (напомним, что крепость в плане не имела правильной геометрической формы). Башни крыты высокими шатрами. Здесь, вероятно, перед нами первое изображение деревянных шатровых завершений в русской архитектуре. Речные ворота — Покровские — также выступали из плоскости стены, но крыты двускатной кровлей.

Конструкция самой стены крепости, как уже говорилось, срубная. Боевой ход, расположенный над городными, крыт на два ската. Сопоставление с други-

ми северными крепостями показывает, что высота стен в большинстве случаев составляла 2,5–3 сажени (5,4–6,5 м)²⁴. У самой воды на гравюре показана подпорная стенка из вертикально вкопанных бревен — пристань, около которой стоят несколько парусников.

Крепость, как обычно в Русском государстве, являлась и общественно-административным центром. Потому одновременно здесь возводятся воеводский двор, хоромы воевод, съезжая изба — воеводская канцелярия, зеленый (пороховой) двор, таможня, тюрьма, гостиный двор, амбары «чиновников, торговцев и всяких людей» для осадного времени, дворы Николо-Корельского и Сийского монастырей и амбар Соловецкого монастыря²⁵.

Так, по царскому указу на берегу Северной Двины была построена деревянная крепость, занимавшая территорию, ограниченную набережной — ул. Воскресенской — Троицким пр. — ул. К. Либкнехта²⁶.

Вокруг крепости, ставшей функциональным и композиционным центром города, быстро формируется посад с торгово-ремесленным населением. И чтобы оживить заморскую торговлю, уже в 1587 году иностранные торги переведены из Холмогор к стенам только что построенного города. Не случайно поэтому вторым важным мероприятием, проведенным новым воеводой П. В. Чердовым, было строительство двух Гостиных дворов, а рядом с ними многочисленных лавок и амбаров. Через год после завершения строительства крепости в отписи сотника Федора Харламова от 13 июня 1585 года упоминаются 12 плотников, «что у города гостиные дворы и ам-

2. Архангельск — деревянный «город». Врезка карты Герарда (Gerardus) Тесселуса 1613

КРА. Topografiska.
Plan@het Ryssland.
Archangelsk, 1

бары ставят...»²⁹. Иными словами, почти рядом с крепостью, чуть ниже по течению Двины, их рубила артель, состоявшая из 12-ти человек. Новопостроенные дворы упоминавшийся купец Жан Соваж описал так: «Замок, который представляет собой ограду, сделанную из бревен, имеет внутри восемьдесят или до сотни домов, в которых иностранные купцы хранят товары, и все запирается ключом, как и другой замок для местных купцов, стоящий отдельно, хотя и вместе с первым»³⁰. Деревянные Гостиные дворы «на приезд русским и немецким купцам» занимали территорию позднейших каменных дворов. Расположенный на берегу реки у пристаней в непосредственной близости от крепости, этот комплекс стал вторым крупным градоформирующим фактором.

Уже в навигацию 1585 года «пришли к Архангельскому городу галанские корабли Барабанские земли, а на них торговые иноземцы»³¹. Прибыли и русские купцы с салом, кожами, льном, пенькой, воском.

12 февраля 1587 года по царской грамоте учрежден Новохоломгорский посад (по первоначальному названию города). К этому времени уже были построены Гостиные дворы, и потому все торги с берегов Белого и Баренцова морей (кроме Колы) переносились сюда: новый порт становился важным торговым центром и городом в современном значении этого слова. Для охраны морской пристани, Гостиных дворов от «иноземного находу» привлекаются стрельцы из Холмогор. Их поселили за крепостью, вверх по Двине, где образовалась Стрелецкая слобода (территория нынешних кварталов между улицами К. Либкнех-

та, Поморской и Троицким проспектом). Во главе стрельцов поставлены стрелецкий голова Федор Осипович, стрелецкий атаман Богдан Копылов. Они се лились в Архангельске надолго, занимаясь не только военным делом, но ремеслом, строительством и торговлей, получив освобождение на пять лет от всех по датей³². Не случайно внутренняя торговля закрепи лась на их территории. Здесь вскоре у самой реки воз никла и своя пристань, называвшаяся Юрьев ввоз – тут начинался подъем на высокий берег к дому Юри Буянова. От имени этого стрелецкого десятника воз никло название одной из первых улиц в слободе – Буяновская (ныне Поморская). Рядом с ней улица Смир ная (ныне Театральная переулок), по имени сотник Смирного Чертовского.

Граница Стрелецкой слободы с юга определяется благодаря Стрелецкому кладбищу, находящемуся ны не под застройкой по линии современной Поморской улицы: кладбища в древнерусских городах обычно находились в конце города. Северная граница слобо ды — «сразу за валом крепости», т. е. за современ ной улицей К. Либкнехта. Впоследствии эту часть го рода займут подворья северных монастырей, но сво торговое назначение она сохраняет вплоть до наших времён.

По данным писцовой книги 1622–1624 годов и фрагментарному чертежу Юрьевого ввоза 1712 года здесь вместе со стрелецкими дворами находились ам бары и лавки таких крупных монастырей, как Соло вецкий, Николо-Корельский, Сийский, Кирилло Белозерский и Троице-Сергиев³³. Три последних мо настыря стояли на торговом пути из Москвы и

Архангельск, что облегчало им ведение своих торговых дел на Севере.

На чертеже (ил. 3) показаны и улицы: Проезжая начиналась от «большой проезжей дороги» и вела по деревянным мостам через ров в крепость; большая проезжая дорога положила начало одному из самых оживленных мест — торговой площади, протянувшейся в южную сторону, у самой воды — уже упоминавшаяся пристань — Юрьев взвоз. Названные улицы (кроме Большой Проезжей) показаны на плане короткими, всего в один квартал. Кварталы же имели правильную планировку, сохранившуюся в основных чертах до сих пор.

По мере удаления от центра регулярность планировки ослабевала. От главных улиц отходились криволинейные, образуя сложную сеть улиц, переулков и тупиков (эта часть на чертеже не показана).

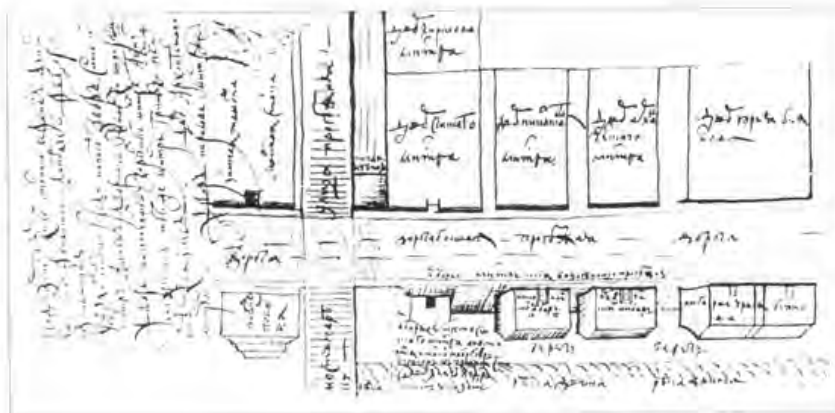
Быстрое появление монастырских подворий в новом городе не случайно. Объясняется это промысловой деятельностью монастырей, которые получали большой доход от рыбной ловли, солеварения, сплавляя соль в Архангельск на продажу. Для этого в городе им нужны были склады, причем там, где проходила бойкая торговля — рядом с деревянным городом, на Юрьевом взвозе. Но многие купцы приезжали сюда только в навигацию. Торговые ряды, лавки, амбары, лотки, Гостиные дворы разместились вдоль всей прибрежной полосы и, по сравнению с Жилецкой слободой, заняли большую часть посада. Наряду с русскими товарами в Архангельске в изобилии продавали иностранные сукна, шелковые ткани, цветные металлы, драгоценности, предметы роскоши, стеклянные изделия, бумагу. Развивались и промыслы, особенно кузнечный. Кроме того, здесь занимались рыбной ловлей, бортничеством, охотой и т. д.

Почти одновременно с крепостью были возведены храмы — тогда все деревянные. Напомним, что за оборонительными стенами находился монастырь, в центре которого высилась девятишатровая соборная церковь с двумя приделами. Это было, по всей вероятности, величественное сооружение, рассчитанное на восприятие с далеких речных точек.

Вторая монастырская церковь — Покровская — с трапезной³². На посаде самой первой была построена шатровая Преображенская церковь с трапезной и Никольским приделом (в документах — соборная)³³. Она стояла по течению выше крепости, за рвом, примерно в районе тамонии.

На посаде по нижнюю сторону крепости, у Гостиных дворов, возвели еще две церкви — Воскресенскую «древяну вверх» и клетскую Параскевы Пятницы³⁴. В 1608 году стрельцы в своей приделе Рождества Богородицы³⁵, располагавшуюся примерно на углу нынешних Троицкого проспекта и Театрального переулка. В 1626 году «на Сальнем берегу» строят Успенскую церковь. Эта местность называлась так потому, что здесь торговали салом морских зверей. Далее от нее шел густой сосновый бор, давший этой церкви еще одно название — Боровская. Тут в конце XVI — начале XVII веков и заканчивался город. Потому-то документы уточняют, что церковь построена «по конец Посада»³⁶. Ее, как и некоторые другие храмы, окружали принадлежавшие ей пашни. Они переходили в пахотные и выгонные земли посадского населения, которые, по существу, кормили весь город.

Так, уже в начальный период (конец XVI — третья четверть XVII века) своей истории сформировался Архангельск, который на основании царской грамоты от 1 августа 1613 года стал считаться городом.

3. План части Архангелгородского посада: часть Стрелецкой слободы в районе Юрьева взвоза. 1712

ГАО, Ф. 53, Оп. 2, Д. 198

Он возник в 1583–1587 годы как крепость, как порт и центр торговли всего Поморья. Эти три основные функции и стали его градообразующими факторами. Им соответствовала и структура города, который состоял из посада с Гостиными дворами, где шла государственная торговля, крепости, соединявшей административные и военные функции, а также Стрелецкой слободы. В свою очередь, эти три главных ядра закрепили за собой наиболее важные участки ландшафта и надолго определили дальнейшее развитие города. Главной планировочной осью, фасадом города была (да в известной степени остается и теперь), Северная Двина. Именно к ней были обращены и церкви, каждая из которых являлась локальным центром — Воскресенская для торговых людей, Успенская для посадских, Рождественская для стрельцов, между ними располагался общегородской Преображенский храм, а в крепости — Михайло-Архангельский монастырь. Так, с самого начала сложилась иерархическая система соподчиненных доминант, игравших огромную роль в панораме города.

В середине XVII века в градостроительной структуре Архангельска произошли значительные изменения, вызванные пожарами 1636, 1667 и 1669 годов. Пожар 1636 года уничтожил половину города, монастырь «и всякое монастырское строение... да Николы Корельского подворье», с которого пожар и начался. После этого монастырь решили вынести не только за пределы крепости, но и за городскую черту, поскольку обитель «обрастала» постройками, «и оттого было в... городе великое утеснение»³⁹, что и привело к беде. Посадские люди просили у царя разрешения «монастырь устроить на новом пустом месте пониже Архангельского города и ниже церкви Успения пресвятой Богородицы на дальнем бору... на горе Кузнечихе». Предполагаемое место отвечало всем условиям, необходимым для устройства монастыря: оно было возвышенным, там под монастырь могла быть отведена площадка размером вдоль и поперек по 100 саженей; расположено недалеко от города — «за пол третьи версты», у реки, что удобно для рыбной ловли. Кроме того, недалеко протекала речка Верхняя Чернокурья, на которой «можно мельница устроить, да против тое ж горы на Двине речке островок Архангельского ж монастыря... да от тое ж горы с полверсты за Двиною рекою Архангельского ж монастыря вотчинная деревня Нижняя Соломбала». Наконец, здесь же можно было бы построить пристань «и на уплой воде можно от берег пристать и то место добре»⁴⁰. Но тем не менее, место, отведенное по грамоте Михаила Федоровича, оказалось «и оброчное, и под монастырь негодное и городовых посадских людей

[там] скотинная паства»⁴¹. После этого начали искать новое место для монастыря. Его нашли за стугой Стрелецкой слободы повыше города — в Нарах (ныне это район ул. Смольный Буян).

В литературе существуют разночтения в датировке постройки монастыря на новом месте: 1636–1642 год? Есть сведения, что в 1638 году монастырь в Нячерах был уже построен и обнесен деревянной оградой со святыми воротами и трехчасовыми веревками⁴². Сторонники более поздней даты основываются на том, что монастырь начали строить с того момента, когда царем Михаилом Федоровичем было пушено обители, «по случаю скудности», 7000 пудов соли с правом продажи соли этой не только в Архангельске, но и по городам вверх по Двине до самой Логды. На вырученные деньги и началось строительство монастыря⁴³. Возможно, так и было на самом деле, ибо тогда же от царя прислали для трапезы разсыпных припасов на сумму до 240 рублей и 140 200 четвертей. К тому же, в 1642 году монастырь занимал в оброк санные покосы и рыбные тони в Бельском устье и на Летней стороне Поморского берега. Лишь накопив средства, монастырь мог начать строительство.

Новый ансамбль обогатил пространственную структуру Архангельска, составив еще одно его градостроительное звено. В середине XVII века монастырь располагаясь за городом, как бы обозначал его границу. Территория между ними еще не была застроена, и просторы распаханных пашен, с одной стороны, и речные дали, с другой, составляли его естественное окружение. Он представлял собой замкнутое пространство, словно повторяя в миниатюре крепость Пур-Наволоке. Первой в монастыре возвели церковь Покрова Богородицы с трапезной и келарской, а спустя два года — в 1644 году — был освящен и трехкупольный собор во имя архистратига Михаила с северным приделом свв. Бориса и Глеба.

Итак, монастырь был воссоздан через шесть лет после городского пожара. А в крепости, на месте монастыря, построен деревянный храм Происхождения Честного и Живоворящего Креста с приделом архистратига Михаила⁴⁴.

От пожара 1636 года пострадала и сама крепость. В ней выгорело 150 сажен (около 325 м) городской стены, 80 саженей (около 175 м) острожной стены «да две башни». Сгорели воеводский двор с зеленым амбаром и все, что стояло в крепости с речной стороны. Крепость была быстро восстановлена. Вместо речной стены в сгоревших местах временно поставили «стоячая», как и у острога. «Все башни и на городе и на остроге» построены такими же, как и прежде вместе с «нарядом», т. е. вооружением

Строительство, как обычно, легло на плечи посадских людей и двинских волостных крестьян.

Отстроившись после пожара, Архангельск становится крупным русским торговым центром Севера. Через него налаживались тесные торговые связи европейской части России с Сибирью. Кроме того, сюда во внутренние области государства везли рыбу, соль, сало, кожу морских зверей, пушнину. Введение в России в 1667 году Новоторгового устава открыло широкий простор для торговой деятельности, жизнь в Архангельске забила ключом. Этому способствовал и давнишний запрет для заморских купцов торговать всякими товарами где-либо в ином месте России, который не распространялся только на англичан. Но и они лишились своих привилегий по именному указу царя Алексея Михайловича еще от 9 июня 1649 года: «О высылке английских купцов из России и о приезде им токмо к Архангельску, за многие несправедливые и вредные их для торговли Российской поступки, особенно ж за учиненное в Англии убийство короля Карла I»⁴⁴.

В ту пору, по словам А. Олеария, в некоторые годы Архангельск давал торговой пошлины более 300 000 рублей. Иностранцы гости приезжали сюда торговать и жили лишь в период навигации. Затем, записавшись в архангельское купечество или мешанство, стали оставаться на постоянное жительство. Они селились около Гостиных дворов (ныне район, ограниченный набережной и ул. Свободы).

Тогда расширилась торговая территория около Гостиного двора и вокруг крепости. Здесь расположились мясные, кожевенные ряды, лавки, деревянные лотки с самыми разнообразными товарами.

Торговая в этот период стала столь значительной, что торговые постройки стали занимать всю прибрежную территорию, пространство вокруг крепости и около Гостиных дворов. Непрерывно увеличивается число приходящих в Архангельск иностранных кораблей: в 1600 году их было 25, в 1621 году — 67, в 1658 — 80. Взаграничной торговле участвовало более 70 русских городов. А. Мейерберг, путешествовавший по России в 1661 году, так писал об этом: «Северная Двина совсем завалена торговыми грузами, везут то выделанные воловьих кожи, то следующие еще к выделке досины, то коноплю и смолу, то льняное семя и сало, то воск, то пригововленную на Волге белужью, осетровую и других рыб икру, то липовую, ясеневою, вязовую и ивовую очищенную золу для суконного и мыловаренного дела, то медвежьи, волчьи, лисьи, рысьи, хорьковые, куньи, собольи и другие меха; все для англичан и голландцев...»⁴⁵.

Посадские люди жили к северо-востоку от крепости. О внешнем облике и размерах их домов еще труд-

но судить. Из скудных архивных сведений все же ясно, что это были срубные постройки, трехчастные в плане. Первое каменное строение в Архангельске — пороховой амбар — появилось в 1647 году. Каменную «полатку», так называли тогда этот амбар, начали строить стрельцы, построили московские каменщики Михаил Иевлев и Дмитрий Костоусов⁴⁶. Судя по «Росписи полате», она представляла собой небольшое двухэтажное здание (10,6х14,7 м) высотой до верхних шипов почти 6 м. От подошвы до сводов оно было выложено из белого камня, а своды и шипы — из кирпича. Позднее, в 1800 году, пороховой амбар будет вынесен из города и построен на окраине по присланному из столицы чертежу.

Обороняемость Архангельска являлась особой царской заботой. Беспокойство вызывали не только казенные постройки, часто горевшие, но, прежде всего, безопасность единственного российского порта. Так, когда Алексей Михайлович узнал, что «немецкие карабли учали вновь тайно приходить к Архангельскому городу», он в 1646 году дает воеводе Безобразову «наказ... о построении близ Двины реки или где пристойно двух каменных башен... и поперек чепи железные зделать... чтоб можно теми чепми на Двине реке большие корабли удержать»⁴⁷.

Идея запретить цепями судоходный рукав реки не была осуществлена, но и не была оставлена полностью: в 1674 году в трех местах Березовского устья построили деревянные раскаты, на которых должны были быть установлены пушки «для корабельного приходу»⁴⁸. Однако полностью защищены подходы к Архангельску со стороны моря были лишь при Петре I, когда были поставлены не две башни, а возведена целая Новодвинская крепость, о которой речь пойдет дальше.

Тогда же (в 1674 году) «для спасения от датских немцев» ограничились лишь увеличением числа стрельцов. Вскоре дополнительно к местным прибавили 600 московских, 200 нижегородских, 1000 двинских стрельцов⁴⁹. Военные люди заняли территорию сразу за Стрелецкой слободой (от современных ул. Серафимовича до ул. Р. Люксембург). Прежние стрельбы здесь настолько прижились, что многие из них стали ремесленниками и платили вместе с посадскими тягло. Судя по росписи 1649 года, в Архангельске насчитывалось 42 стрелецких, 8 пушкарских, 3 затинщиковых, 6 воротниковых тягловых дворов⁵⁰.

В середине XVII века пожары случались довольно часто, опустошая то верхний, то нижний конец города. Особенно сильным был пожар 1667 года: «...мал в шестой день у Архангельского города в вечеру учинился пожар и мясном ряду загорелся

пустой анбар козлогорца Савки Даскина и гостиные русской и немецкие дворы, и таможня и важи, и торговая баня, и анбары, и по берегу обруб вверх реки до города, а вниз до двора англичанина Томаса Бреана», «...и лавки все погорели без остатка»⁵¹. Этот пожар стал последним толчком к началу больших строительных работ по возведению на месте сгоревших Гостиных дворов нового каменного «города» (1668–1684), который должен был взять на себя и военно-оборонительную, и торговую функции.

В пожаре 1667 года сгорели и церкви, стоявшие рядом: Воскресенская, Нерукотворного Образа, Параскевы Пятницы, все колокольни. Чуть раньше, в пожаре 1663 года, сгорели соборная Преображенская церковь с колокольней и два Рождественских храма со всей Стрелецкой слободой⁵². На месте погоревшего собора в 1664 году построена церковь Богоявления Господня, а рядом, на месте старой колокольни, построена церковь во имя Преображения Господня. Колокольня же поставлена к востоку от церквей на новом месте.

Деревянный «город», который в 1667 году «отстояли с великим трудом» от огня, полностью сгорел в новом пожаре, который случился в 1669 году: «Сентября к 15-му числу в ночь загорелось возле города в немецком анбаре, которые анбары построены были на время после пожару возле острожную и городовую стену. И от того пожару Архангельской город, и острог, и съезжая изба, и воеводский двор, и государеви житницы с хлебом, и анбары, и лавки, которые построены были в городе и в остроге после пожару на время, все погорело без остатка. И многие пушки медные и железные,

которые были по городу, и по острогу, в том пожаре растопились. И после того пожару воевод приехал жить в Немецкую слободу»⁵³.

Построенная заново в 1671–1672 годах деревянная крепость от старой отличалась тем, что она уже не имела двойной линии стен. Рубленые стены и башни собственно города раньше стояли совсем близко от острожной стены: «...промеж городом и острогом порожнего места всего сажени по две и по три»⁵⁴. К 1672 году «на старом городском месте» были поставлены острожные стены с воеводским двором и съезжей избой внутри⁵⁵. Планировка нового острога осталась прежней — четырехугольной с угловыми башнями и двумя, вместо трех, проезжими. На рисованном плане 1694 года (ил. 4) видны восемь угловых рубленых башен со смотровыми вышками. Башни разделены на три яруса, на каждом находились пищали и скорострельные пушки. Верхний бой как обычно в русских крепостях XVII века, — навесной⁵⁶. Стены острога ставлены тыном, т. е. вертикально вкопанными бревнами. Тын имел два яруса — без верхний, под двускатной кровлей, и подовенный (на рисунке видны круглые бойницы). По деревянным мосткам, переброшенным через ров, остатки которого еще видны на планах XIX века, в острог к Архангельской проезжей башне вела дорога. Она положила начало одной из самых оживленных улиц города — Торговой набережной, протянувшейся в южную сторону, где существовал уже упоминавшийся торг, называвшийся Юрьевым звоном. Частично он сохранился до нашего времени.

Город, отстроенный почти целиком заново после пожаров, производил на иностранных путешественников сильное впечатление. Так, голландский посо

4. Рисованный полипланорама Архангельская. Вид со стороны Северной Двины. 1694

Сборник Архива истинного института
СПб., 1880. Кн. 1. С. 117–118

Конрад ван Кленк, побывавший в Архангельске в 1675 году, обратил внимание на улицу, начинавшуюся от Сального берега. Она, образованная двумя рядами домов, вела к немецкому Гостиному двору. Затем следует великолепный Гостинный двор, который тянется до крепости. За крепостью начинается обывательская застройка вдоль Въезжей дороги, идущая до самого монастыря. Посол с удивлением заметил, что все улицы имели деревянные мостовые. Однако город вытянулся вдоль реки лишь узкой береговой полосой и «нигде не имеет значительной ширины»⁵⁷, а в версте за крепостью вообще начинается болотистая местность. В верхней части «город шире»: территория здесь была более пригодной для строительства. Не случайно монастырь перенесли не в Кузнецкую, а именно в этот район.

5. Вид Архангельска со стороны Северной Двины. 1675

Гравюра: «Отплытие его превосходительства Конрада ван Кленки из Архангельска». Из книги: [Coyet B.] *Historisch Verhaal of Beschryving van de Voyagie, gedaen inder de State van den Noord Konraad van Klenk*. Amsterdam, 1677 (вкладыш между с. 20 и 21)

Экспликация: «1. Лодка с навесом, в которой находились его превосходительство Кленк. 2. Второй, или вице-адмиралская лодка. 3. Лодки, которые были загружены съестными припасами. 4. Сопровождающие лодки. 5. Торговые суда»

На гравюре с видом Архангельска из книги голландского посла (ил. 5) показана гавань, в которой теснятся парусные корабли и лодки. Архангельск на ней почти неузнаваем, несмотря на название. Художник Роймен де Хоог нарисовал город только по описаниям соотечественников, никогда не видя его собственными глазами. Так, на фоне многочисленных домов, поставленных, как в западноевропейских городах, тесно друг к другу, возвышается огромное здание, напоминающее барочный дворец, очевидно, означающий Гостинные дворы. Справа художник попытался изобразить деревянную крепость с рублеными башнями, крытыми шатрами и с тыновыми стенами. Однако градостроительная ситуация все же в общих чертах передана реально. Впрочем, голландца куда больше интересовали суда, нежели город: не случайно экспликация касается тех кораблей, на которых прибыло посольство.

К середине XVII века в Архангельске сложилась развитая пространственная структура с тремя основными градообразующими акцентами — деревянной крепостью, Стрелецкой слободой и монастырем на периферии, стоявшим теперь по основному направлению — на Московской дороге.

Во второй половине XVII века продолжалось развитие и обогащение этой структуры. Появилась Немецкая слобода, где жили иностранцы. Она находилась на посаде в пределах территории, ограниченной, с одной стороны, Северной Двиной, с другой — Проезжей дорогой (ныне пр. Ломоносова). Начинаясь от стен Немецкого гостининого двора, слобода протянулась почти до Успенской церкви. Иноземцы имели и свои храмы: лютеранский и реформатский, находившиеся в центре слободы, поблизости от берега. Между кирхами — кладбища, «где хоронят по обычаям наших стран», — писал голландец Корнелиус де Брей⁹⁸.

Интенсивное же строительство в этой слободе новых жилых домов постепенно вытесняло русские строения. В 1672 году из слободы была вынесена православная церковь Воздвижения Честного Креста: в течение 10 лет существования она до такой степени была «обставлена немецкими дворами», что лишилась большинства прихожан и ее пришлось продать. По грамоте 1672 года патриарха московского Иосафа, этой церкви было отведено место рядом с Успенской на Бору: «Церковь Воздвижения разобрать... и перевести, и подрубить сверху и снизу, и поставить... тот же престол Воздвижения...». А на месте, где прежде стояла церковь, срубили деревянный обруб и крест на нем поставили, чтоб к тому месту «никакая скверность не прикасалась». Потом вместо креста была построена часовня. Через некоторое время на этом месте возвели деревянную лютеранскую кирху⁹⁹. Судя по преданию, Воздвиженская церковь, как и Спасская, была построена после приезда в Архангельск патриарха Никона, который был здесь дважды¹⁰⁰.

Немецкая слобода напоминала небольшой городок с чистыми и уютными улочками. Впрочем, дома первое время не отличались от посадских, ибо были куплены у горожан. Каждый дом имел двор с огородом, окруженный тыном. Размеры дворовых мест колебались от 30х100 саженей (65х216 м) до 39х36 (84х78 м).

Из прошений иноземцев о покупке дворов мы узнаем и о составе дворовых строений. Например, двор иноземца Н. Ромсвинкеля имел: «...хорошного строения восемь горниц, две пивоваренные избы, две приворотные избы для работников людей, баня, шесть анбаров». У иноземца А. Бутената было «хорошного строения: три горницы, в том числе две на жилых подклетах, пивоваренная изба, приворотная изба, пивоварня, три анбара, погреб»¹⁰¹. Сходный состав в конце XVII — начале XVIII века имели и другие дворы Немецкой слободы.

С ее появлением Архангельск стал отличаться от большинства русских городов. Со времени Ивана Грозного иноземцы были в более выгодном положе-

нии по сравнению с посадскими, ибо не платили торговых пошлин. Тем не менее, между ними и посадскими взаимоотношения, как правило, были дружными. Светские и духовные власти к ним так же относились миролюбиво, что не понравилось москвичам, прибывшим в Архангельск в конце XVII в. вместе с архиепископом Афанасием. В этом они у дели опасность для православия и сумели получить царя указ, запрещающий местным жителям служить иностранцам, что, в свою очередь, удивило и одело последних. Совместно с посадскими они добились отмены такого запрещения. О мирном сосуществовании разных конфессий в Архангельске говорит и факт освящения в конце XIX века православным епископом места под постройку англиканской церкви. При ее закладке присутствовали сам губернатор и горожане разных христианских вероисповеданий. Не случайно город изначально имел Немецкий гостининый двор, который к середине XVII века уже не вмещал всех приезжих купцов.

После пожара в 1668–1684-х годах в Архангельске развернулось грандиозное каменное строительство: старом месте возводился Гостининый двор, который представлял собой обширный комплекс из русского и немецкого дворов, а также крепости между ними. (Таким образом, в городе сосуществовали две крепости: одна деревянная, на Пур-Наволоке, другая каменная, вошедшая в комплекс Гостининых дворов.) В каждом дворе имелись важные. В каменном же городе-крепости разместились административные учреждения: приемная палата, таможня. С внешней стороны Гостининые дворы были защищены земляным валом.

Таким образом, новый двор — строение доселе в России невиданное (история его строительства будет рассмотрена особо) — выполнял не только торговые, но и оборонительные функции. Видимо, такое совмещение оправдывало себя, потому что вскоре в 1697–1699 годах, по этому образцу был возведен Гостининый двор в Новгороде. Каменная крепость заняла Архангельское место между Русским и Немецким дворами, как бы беря их под свою защиту.

Забота о безопасности торгового порта — единственная морская востор Росийского государства заставила заново построить в 1671–1672 годах и деревянную крепость на Пур-Наволоке, и острог «на лах». Однако значение этих укреплений уменьшилось: огромный военно-торговый комплекс Гостининых дворов стал в структуре города тем центром, роль которого в других русских городах выполнял детиница или кремль. Достаточно сказать, что, вытянувшись вдоль Северной Двины более чем на 400 м, Гостининые дворы как бы противостояли широко открытым водам пространством (ил. 6).

В 1687 году по грамоте царей Ивана и Петра в крепости отведено место для строительства архиерейского дома: «...в углу за архангельскою церковью порозжие земли, а к дворовому ево строению та земля прилична и никому никакие тесноты на том месте от подворья ево не будет». Земли под строительство отведено «сорок сажень длиннику двадцать пять сажень поперешнику в трех аршинную сажень»⁶³. Однако архиерейское подворье со всем дворовым строением построили на берегу Двины, выше крепости, с юго-западной ее стороны, около рва⁶⁴. В этом доме гостил Петр I, приезжая в Архангельск в 1693 и 1694 годах. Здесь пекли хлеба для царского стола и относили ему в светлицы, которые стояли на Моисеевом острове⁶⁵.

К концу XVII века в Архангельске сформировались основные градостроительные структуры: прежде всего, комплекс каменных Гостиных дворов и деревянной крепости, стоящей рядом с соборной церковью, две слободы: Стрелецкая и Немечская с деревянными церквями, Михайло-Архангельский монастырь. Чертежник конца XVII века, совмещая план и панораму Архангельска со стороны Северной Двины, по существу, только их и показал (см. ил. 4), представляя таким образом весь город (отсутствует лишь Немечская слобода, так как она оказывается за пределами чертежа).

Все строения, за исключением Гостиных дворов, по-прежнему оставались деревянными. По свидетельству Корнелиуса де Брейна, «лучшие из них принадлежат заморским купцам, стены ровные, хорошо облицованные тонкими досками, плоская сторона которых всегда обращена во внутрь, а выпуклая — во вне». Дома эти «содержатся в большом порядке и чистоте»⁶⁶. Это, скорее всего, означает, что дома были обшиты, ибо издревле на Руси гладкие

стены были признаком богатства. В этот период появляются проходы между домами — первые улицы. Они тщательно мостились, но, видно, не всегда были в исправности. Сохранилось о них нелестное замечание: «Улицы повсюду мощены бревнами, которые, однако, по большей части, поломаны, ходить по ним опасно, нужно внимательно смотреть, чтобы не упасть и не повредить ноги»⁶⁷.

Территория города в этот период быстро росла как и югу, так и к северу вдоль Северной Двины. Начинают осваиваться острова дельты, среди которых особое значение в истории города приобретает группа Соломбальских островов, позднее именуемых Соломбалой. Географически они расположены к северу от города в дельте Двины между Корабельным рукавом и протокой Кузнечихи. И хотя эта группа находится поблизости от города, благоприятные же условия для строительства имел лишь правый берег Северной Двины. Остальная часть, пересеченная небольшими речками Курьей и Соломбалкой, образовывала, в свою очередь, отдельные острова: Малый, Средний и Большой. Все они были низменными, в значительной степени заболоченными, а в отдельные годы затоплялись весенним паводком (ил. 7). Такое положение отразилось и на самом названии — «Соломбала», что в угро-финских языках означает «топкий, болотистый остров».

Летом 1693 года в Архангельск прибыл Петр I. В течение двух месяцев он занимался организацией корабельного строительства, выбрав для строительства судовой верфи Средний Соломбальский остров. Выбор был удачным: со всех сторон к будущему адмиралтейству можно было подойти по воде. В 1693 году на его мысу была заложена корабельная верфь, а уже в мае 1694 года построен первый корабль.

6. Вид Архангельска со стороны Северной Двины, 1701

Гравюра на ке. Cornelis de Witte. Reizen over Moskou, door Petrus en Jullie Amsterdam, 1714 (вклейка между с. 14 и 15)

Экспликация: «1. Русская церковь Успения Богородицы. 2. Люттеранская церковь. 3. Реформатская церковь. 4. Немецкий двор. 5. Сушебная палата и арсенал железного канализ. 6. Русский двор. 7. Дома для купцов и приставов. 8. Сибирский храм. 9. Залок»

Архангельск не случайно стал местом строительства корабельной верфи. Поморы, жившие по берегам Белого моря, издавна имели опыт строительства судов. В самом Архангельске, а также в близлежащих селах жили плотники, смолокуры, канатчики, хорошо знавшие свое дело, поскольку одним из важных промыслов северян был корабельный. Поморы строили быстрые и легкие парусные лодки — палубные суда в три мачты, и кочи — плоскодонные суда в две мачты. Они, имея незначительную осадку, с давних пор использовались при погрузке и разгрузке иностранных судов, применялись и в рыбных промыслах.

На Соломбальскую верфь Петр I послал из Москвы иностранцев — Никласа да Яна и Елизарья Избранта — для того чтобы они научили северян стро-

ить крупные морские корабли⁶⁸. Так, на острове образованном двумя речками — Курьей и Соломбалкой, которые использовались для ввоза по ним лесов, возникло первое российское адмиралтейство. В здешних кузницах стали ковать якоря, цепи, болты, необходимые для кораблей. Наряду с кораблями строились ветряные лесопилки. Появился казенный промышленный комплекс. Первое время на острове находились лишь промышленные здания. Офицеры и адмиралтейские служители квартировали в городе даже «Контора над портом» была в городе.

В 1694 году Петр I снова прибыл в Архангельск. Он присутствовал при спуске со ступеней верфи первого корабля, который с казенными товарами отплыл за границу. Открыв в Архангельске «царские торги», царь впервые отправил отсюда русские товары в далекое плавание на русских кораблях. Раньше же вся отечественная продукция перевозилась только иностранными судами. Царские торги проходили ежегодно вплоть до 1719 года. До этого времени в Соломбале продолжали успешно строить торговые корабли, а в 1708–1713 годах — и военные, пополняя Балтийский флот.

7. Дельта Северной Двины («Карта реки Двины с показанием островов и [...] форватера»). Фрагмент, 1780

«Атлас крепостей Санкт-Петербургского департамента» 1780

РГАВМФ. Ф. 3/з. Оп. 23. Д. 853. Л. 39.

В кружках — Гостинный двор Архангельский, Соломбала и Новоаннинская крепость

В конце XVII — начале XVIII века строений на Большом острове было немного: две казармы, в которых жили корабельный мастер и морские служители, сарай для обработки корабельных деталей, кузницы, дом кузнечного мастера, амбары для поклажи корабельных деталей. На Малом острове — канатный двор с баней для сушки канатов, сарай для их смоления и сам канатный завод, располагавшийся по течению р. Соломбалки. На Среднем острове вдоль берега Северной Двины стояли несколько эллингов. В 1705 году канатный завод перенесли на городской берег — против Моисеева острова.

Этот остров во время посещения Архангельска Петр I выбрал себе для жительства. Здесь были постав-

лены «великого государя хоромы»⁶⁹; деревянный дом с сенями «в десять красных окон», со стеклянными окончинами, горницей со слюдяными окошками⁷⁰. Рядом стояли рубленый погреб и поварня. Для его приезда была построена царская яхта, которую при отъезде из Архангельска Петр подарил архиепископу Афанасию. На церковную службу царь отправлялся на Кегостров, что против города, в Ильинскую церковь.

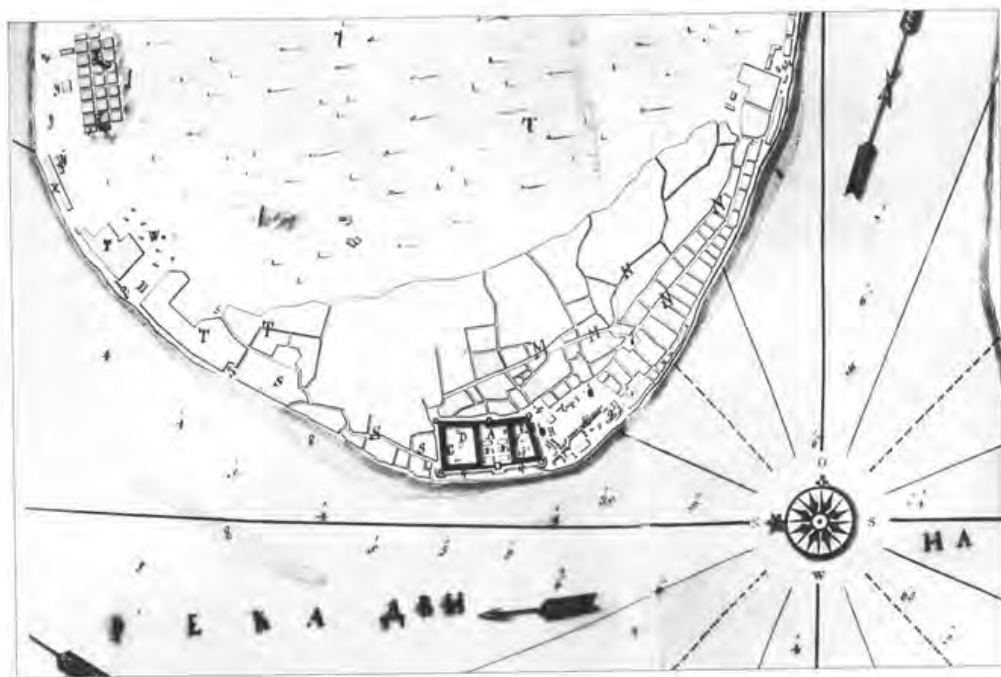
Начало XVIII века — перелом в истории России и в градостроительном развитии Архангельска. Начавшаяся Северная война со шведами (1700–1721) вызвала необходимость укрепления подступов к Архангельску со стороны моря. По указу Петра I на острове Линский прилук начинается строительство крепости, позднее названной Новодвинской. Близ нее была одержана первая морская победа над шведами. В самом Архангельске увеличивается число военных. Здесь разместились холмогорский гарнизон, состоявший из русского и гайдуцкого полков. Они поселились в разных частях города: в верхнем его конце заняли территорию Стрелецкой слободы, которую после ликвидации стрелецкого войска в 1700 году начали называть Солдатской, а на севере — район Кузнечихи. Впоследствии в городе сохранились лишь одна Солдатская слобода, территория которой стала застраиваться обывательскими, попов-

8. План Архангельска («Архангельск с ситуациею»). Фрагмент. 1730-е годы

Атлас «Сила Российской Империи». 1764

РГВМФ. Ф. 3/1. Оп. 23. Д. 958. Л. 198

Экспликация («Показание литерой»): А. Город. В. Губернаторский двор. С. Немецкой гостиной двор. [...] Г. Русский гостиной двор. [...] Г. Обрубанной. Н. Ров, где старой деревинной горда был. [...] Церквей каменные. К. Лавки. Л. Казенные дома. М. Слободы российских купеческих людей. Н. Слободы солдатские, в том числе и пославские. [...] Р. Монастырь Архангельской. [...] Р. Дорога Московская. С. Слободы немецкие. Т. Слободы на Бору разных чинов. У. Церкви деревинные. [...] W. Полая слобода. [...] Губернаторский двор. [...] 7. Болотистые места. 8. Мези пешаные, которые прибылые воды покрывают. [...] 8

скими, подъяческими дворами и монастырскими подворьями. Улицы этой слободы — Смирная, Головина, Солозерская, Горбунова, Боровикова, Горошнева, Перешнева, Стойнова, Ошинская, Устиновская, Ларионовская и Соткова — сохраняются в плане города⁷¹.

Вторая Солдатская слобода появилась на берегу реки Кузнечи, напротив Соломбалы, от улицы Пермской (ныне ул. Суворова) до Госпитальной (ныне ул. Гагарина), где вместе с солдатами поселились и их семьи. На планах города 1730-х годов⁷² вблизи слободы показаны огороды, маленькая деревня с пашнями в восточном конце. На самом берегу стоит «полковой» двор и деревянная церковь Богоявления Господня, возведенная в 1705 году на месте, отведенном еще в 1637 году Архангельскому монастырю. Через 40 лет храмы пришли в ветхое состояние, и полковой штаб в 1745 году начал строить здесь каменную двухэтажную церковь Святой Троицы. Вместе с церковью в 1761 году на средства местного войска построена каменная трехъярусная колокольня⁷³, ставшая локальной доминантой Солдатской слободы.

Планы 1730-х годов фиксируют новые границы города (ил. 8, 9). Теперь он начинается с монастыря, простирается узкой лентой вдоль берега до первой Солдатской слободы, от которой расширяется в сторону болот за Гостиными дворами и бывшей крепостью и идет до Немецкой слободы. Это первая (верхняя) часть города. От Немецкой слободы до второй Солдатской оставалось незастроенное место, лишь на Бору появились островки посадских слобод, от которых шла дорога в Кузнечику.

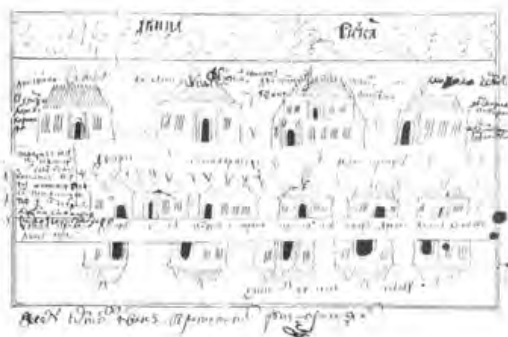
9. План Архангельска.
Конструктор Федор Невлов.
Фрагмент. 1739

«План города Архангельского с форштатом сгичинае
приказу фортификационной канторы.
Послан июня 29 дня 1739 году»

РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1680

Экспликация: «А. Город. В. Канцелярия. С. Голубца
Д. Артиллерийской шейкгауз. Е. Поташные анбары. [...] Г. Немецкой гостиной двор и в нем анбары и караулы
изба. Н. Руской гостиной двор. [...] I. Церковь Воскрсе
ния Христова. К. Церковь соборная Богоявления Гос
ня [инжия] церковь будущего собора св. Троицы. [...] L. Церковь соборная Преображения Господня.
М. Ров около бывшего старого деревянного города.
N. Лавка купчихих амадей. О. Обрубы по берегу реки
Двинны. [...] Т. Губернаторской дом. У. Архиепископской.
W. Церковь Рождества Христова. X. Разных чинивх дк
погорелые места. [...] 8. Дворы российских купцов.
9. Слободы иностранных купцов. 10. Кирья кавалинека
II. Кирья лютеранска. [...] 29. Огороды. 30. Пустые
места. [...] 33. Улицы [...]»

Архив СПб. ФНПН. Ф. 10. Оп. 4. Д. 61. Л. 3

Архив ЦПБ, ФНРМ, Ф. 10. Оп. 2. Л. 247. Л. 4 об.

При размещении в Архангельске солдатских полков для них разбивались кварталы, в которых дома ставились по линии, образуя первые прямые улицы, «с *людшею выгодою и порядком, так что каждый солдат и свой обзордик имеет*»¹⁴. Если слобода имела одинаковую разбивку кварталов, то их застройка велась по специальным «образцовым» проектам. Солдатские дворы, вероятно, были стандартными, как, например, дома столяров, поселившихся в 1713 году рядом с ними. Сохранился интереснейший чертеж 1713 года (ил. 10), представляющий дома горожан. Он приложен к челобитной столяра Ивана Борисова, в которой говорится, что для строительства верфи из гайдуцкого и русского полков, прибывших из Холмогор в Архангельск, была сформирована артель столяров. Им отвели место «*под хоромное строение каждому длинника 9, а поперешиника 6 сажен...*»¹⁵. Дома «столярных мастеров» одноэтажные, прямоугольные в плане, отличные от посадских лишь размерами.

На другом чертеже того же года (ил. 11) запечатлен фрагмент именно той территории, которую документы называют «*болотинным топким местом*»²⁶. Часть относительно богатых домов с чердачными (мансардными) этажами, крытые вальмовыми кровлями с высокими трубами, стояла непосредственно по красной линии Большой улицы, названной здесь мостовой («*мостовойей*»). Другие дома, находившиеся в переулке, преимущественно одноэтажные, на два окна, наоборот, располагались в глубине достаточно больших участков. И лишь один двор показан с заплотной оградой и воротами в ней.

хранившийся ров, в прямоугольном очертании которого стояли торговые лавки. Губернаторский двор дал начало торговой площади (ил. 12). В центре новой площади складывается соборный ансамбль, изменивший архитектурно-планировочную структуру Архангельска. На ней, как бы в углу бывшей крепости, в 1709–1765 годах построен кафедральный Троицкий собор, ставший второй после Гостиных дворов общегородской доминантой. С севера от него в 1708–1715 годах возвели Воскресенскую церковь — первый каменный храм Архангельска (см. ил. 92, разобранный в 1936 году), если не считать монастырского собора, а на берегу реки в 1743 году — Михайло-Архангельскую церковь. Последняя стояла на месте древнего монастыря и потому получила то же посвящение, что и его собор. Так сохранялась память места, и не случайно, что оба этих храма формировали выразительный силуэт центра города со стороны реки.

Однако главное место в этом обширном комплексе занимал кафедральный собор. Крупное кубическое здание с пятью куполами закрепляло ось своеобразного архитектурного треугольника. По свидетельству летописей, место для каменного собора было указано Петром I во время его посещения города в 1693 и 1694 годах, но заложен он был только в 1709 году⁷⁶. Строился медленно: к 1715 году построили нижнюю теплую церковь во имя Богоявления Господня. Затем из-за правительственного распоряжения отправить всех мастеров в Петербург работы и вовсе прекратились: во всем Российском государстве было запрещено «всякое каменное строение, какого бы имени ни было». Только в 1721 году сенат разрешил достроить начатые и неоконченные каменные церкви. Но архиепископ Варнава добился разрешения на продолжение работ раньше, еще в 1718 году. Сразу же закончили нижний этаж, а в алтаре Богоявленской церкви появился новый придел в честь Казанской иконы Богородицы, освященный 5 июля 1720 года⁷⁷. Второй этаж собора построили только в 1743 году. Внутренняя же отделка продолжалась 22 года. Лишь после освящения во имя св. Троицы верхней церкви 17 сентября 1765 года собор стал кафедральным.

На самом берегу, в 80-ти метрах от собора, стояла Михайло-Архангельская церковь (см. ил. 90). Она была возведена по благословенной грамоте архимандрита Иосифа в 1742–1743 годах на месте сгоревшей деревянной церкви Происхождения Честного Креста. Воскресенская церковь, стоявшая в глубине, около Гостиных дворов (современная территория на Воскресенской ул. перед домом № 3), перекликалась с вертикалью Архангельской церкви. Из названного ансамбля она самая ранняя. Обе эти церкви, расположенные в непосредственной близости от собора, но уступавшие ему

своими объемами, как бы усиливали звучание сакрального центра города.

Роль группы каменных храмов в городе была велика. Возведенные на местах деревянных церквей, они тем самым закрепили древнюю топографию и во многом обусловили дальнейшее планировочное развитие Архангельска.

Вид обращенный к реке фасада города в середине — второй половине XVIII века мы можем представить себе по двум иконам Архангела Михаила 174 года⁷⁹ и середины XVIII века⁸⁰ (ил. 13, 14, 15, 16), голландской гравюре начала 1780-х годов (ил. 17), «Видам» в Атласе Архангельской губернии 1797 год (ил. 18, 26, 29) и фотографии со stenописки начал XIX века уже давно не существующей Михайло-Архангельской церкви (ил. 20, 21).

Остановимся на этих изображениях подробнее. Иконописец Григорий Попов на первой иконе (ил. 15) изобразил Гостиные дворы узнаваемо — точно, но, так сказать, в «сокращенном варианте». Ясно видна трехчастная структура комплекса (ей соответствуют трое ворот). По углам дворы фланкируют многогранные башни, а ось симметрии подчеркивают «городовые ворота» — Раскатная башня (позднее она называлась Орловской), завершающаяся флюгером в виде непропорционально большого двуглавого орла. С южной стороны показана одноглавая Воскресенская церковь под четырехскатной кровлей. Перед ней — невысокая колокольня. Далее, у края плаща Архангела, — ряд лавок на месте «деревянного города», который был разобран в 1729–1730 годах: он упомянут как существовавший в описи 1729 года Архангельской таможни⁸¹, а в экспликации плана 1730 года под литерой I значится «ров, где старой деревянный город был». Однако две его угловые башни еще стояли некоторое время и даже показаны на иконе: одна непривычной ярусной формы, завершающаяся шпилем, другая, по крышам Архангела, — шатровая с флюгером. Судя по чертежу «башням деревянным у города Архангельского» 1728 года (ил. 19)⁸², обе они были восьмиугольными, прясла стены между ними к этому времени уже не было. Башни стояли у самого берега, и первую (н. чертеже под литерой В) «подмыло», а потому ее предполагалось «перенести от реки... и, подрубя, поставить по-прежнему» (на чертеже под литерой С).

Рядом с башней на иконе — деревянная церковь Михаила Архангела — предшественница той, что была построена в 1742–1743 годах. Частые горизонтальные линии на ее стенах, скорее всего, означают обшивку. Любопытно отметить, что на самом деле церковь и башня сгорели в 1738 году — за три года до написания иконы: вероятно, иконописец использовал в качестве образца какие-то не дошедшие до нас изображения.

12. План места
деревянной крепости
в Архангельске.
Около 1730 года

Фрагмент плана
Архангельска (Archangel)

KrA. Stads — och
festningsplaner.
Archangelsk. I

Экспликация:
«Н. Каменная церковь
Воскресения Христова.
I. Собор Богоявления
Господия. К. Купеческие
лавки. L. Старый крепост-
ной ров. M. Амбары. [...] Q.
Деревянная церковь
Архангела Михаила.
R. Губернаторской дом.
S. Деревянная башня.
T. Дворы российских
купцов [...]»

13. Икона «Архангел Михаил с видом Архангельска».
Иконописец Григорий Попов. 1741

Гос. музей-заповедник «Коломенское». Инв. № Ж-724

14. Икона «Архангел Михаил с видом Архангельска».
Иконописец Григорий Попов. Середина XVIII века

Ильинская церковь г. Архангельска

16. Кафедральный
Троицкий собор.
Фрагмент иконы
«Архангел Михаил
с видом Архангельска».
Иконописец
Григорий Попов.
Середина XVIII века

Ильинская церковь в Архангельске

15. Фрагмент панорамы
Архангельска на иконе
«Архангел Михаил с
видом Архангельска»
(с Гостиним двором,
Троицким собором и
губернаторским домом)

Гос. музей-заповедник
«Колымское»
Инв. № Ж-724

Между башнями на иконе — большое двухэтажное строение с галереей, соединяющей основной объем на три окна с башенкой (возможно, это повалуша). Над кровлей возвышается «чердак», из которого был выход на крышу основного объема (видо даже ограждение вокруг «чердака»). Это губернаторский дом. (Он также показан на чертеже 1728 года, см. ил. 19). Со стороны двора в него вели два двувсходных крыльца. На дворе — конюшня, другие хозяйственные постройки, двор обнесен оградой с двумя воротами. Ограда хорошо видна за домом на иконе. Перед нами — значительный комплекс, сохранивший черты древнерусских дворовых хором. Вторая городская башня вплотную примыкала к одноэтажным губернаторским службам. Она, крытая шатром, показана и на иконе, и на чертеже (под литерой А). Перед ними на иконе хорошо виден «обруб от Двины-реки».

За губернаторским двором на всхолмлении возвышается Троицкий собор, строительство которого в год написания иконы было близко к завершению. Благодаря вытянутым пропорциям и пяти пучинистым главам на высоких барабанах он заметно выделяется среди остальных храмов. У его южной стены — низкая деревянная звонница.

На следующем развороте ►
17. Панорама Архангельска.
Гравюра начала 1780-х годов

«Вид города Архангела вдоль берега реки Двины, начиная от моря на север, следуя
назад к югу, с обозначением различных зданий»
«Проконне Гаскоя» нарисовал. Болт Фридрих Лейцель выгравировал»

РГАДА. Ф. 192, Архангельская губ. Д. 17

Экспликация: «1. Батарея адмиралтейства. [...] 3. Кирпичный завод. 4. Дом обер-коменанта. 5. Гарнизонная церковь св. Троицы [1745]. [...] 8. Церковь на кладбище. 9. Адмиралтейский госпиталь. 10. Госпитальная церковь [1744] и мост на переправе. [...] 22. Церковь Успения Богородицы [1742–1744]. [...] 27. Старая лютеранская церковь. [...] 29. Реформатская церковь. [...] 31. Новая каменная лютеранская церковь [1768]. [...] 39. Крепость и башни города [1667–1684]. 40. Таможня. [...] 42. Русский гостинный двор. 43. Церковь Воскресения Христова [1699–1708]. [...] 45. Кафедральный собор св. Троицы [1709–1765]. 46. Его колокольня [1779]. 47. Церковь св. Михаила [1742–1743]. 48. Дом господина губернатора. 49. Дом господина епископа. [...] 51. Рыночная площадь. 52. Гауптвахта. 53. Церковь Рождества Христова [1692–1729]. [...] 56. Церковь Благовещения [1759–1764]. [...] 58. Монастырь св. Михаила Архангела [XVII–XVIII века]»

Ergebnis der Nacht. Erfahrung: Lange hat man nicht
 das Gefühl

—Vier der Hauptkrypten

ist die Anzahl der Personen, die zu dem Zeitpunkt, zu dem die Untersuchung durchgeführt wurde, in der Gruppe waren, die die Untersuchung durchführte.

— 38 —

• *YPM the Vietnam Home Support Fund*

32 *Leichtschaff. Minn. der Saccarformiciden*

XI r. *Thuis van de 1st Boek*

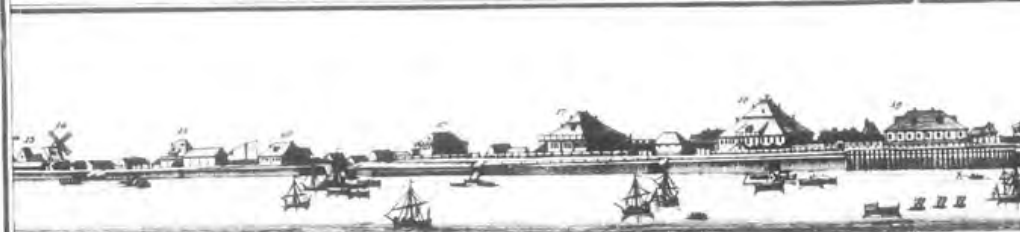
30 e Maio 2000 de 27 de Maio

A. N. e. *Fluc* van de *H. Kastrum*N° 1. *Uut* van de *H^e Brecken*

№ 1, Хаус ван де. В. У. У. У.

So het Gans. Hoff naar de Kuy Luuden

12

Wiss. v. Flur van de M. Kasanayoff

10. den Herrn Hoff N. P. Compt. w.

17. *Er. Hume van de H^{er}. Neveloff*

48 et 2^e Maxime de St Larcen.

• Δ_{200}^{\oplus} the Abundance Spectroscopy

2e C. Luv. van de H. Dierckx

21 *r*, *Munir* Jan de, *M^r*, *Beil*

22. die Karte der Himmelskugel. H.

2. 17th Dec. *She = Identity of: Batterie*

1re Land, Thow ter Divergenzement:

3. *See Facet, Brander*

Ja. r. Houwman de Meer (Her-Comman)

die circumscripte Kugel, D. Tangente

37. $\frac{1}{2} \ln 3 + \frac{1}{2} \ln 5 - \ln 2$ See Exercise 36.

Видъ Гора Архангельска изъ пункта А

1. Спасской домъ 2. Монастырская ограда съ колокольни 3. Церковь 4. Братская школа 5. Кладбищенская церковь 6. Монастырская ограда 7. Братская школа 8. Кладбищенская ограда 9. Кладбищенская ограда 10. Роты и дома 11. Церковь 12. Церковь 13. Церковь 14. Церковь 15. Церковь 16. Церковь 17. Церковь 18. Церковь 19. Церковь 20. Церковь

Видъ Гора Архангельска изъ пункта В, отъ моста

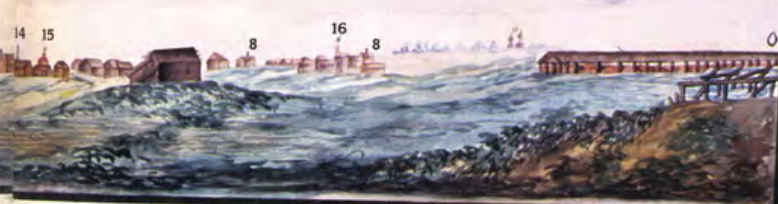
26. Монастырская ограда съ колокольни 27. Монастырская ограда 28. Монастырская ограда 29. Монастырская ограда 30. Монастырская ограда 31. Монастырская ограда 32. Монастырская ограда 33. Монастырская ограда 34. Монастырская ограда 35. Монастырская ограда 36. Монастырская ограда 37. Монастырская ограда 38. Монастырская ограда 39. Монастырская ограда 40. Монастырская ограда

Видъ Гора Архангельска изъ пункта С, отъ

41. Монастырская ограда съ колокольни 42. Монастырская ограда 43. Монастырская ограда 44. Монастырская ограда 45. Монастырская ограда 46. Монастырская ограда 47. Монастырская ограда 48. Монастырская ограда 49. Монастырская ограда 50. Монастырская ограда 51. Монастырская ограда 52. Монастырская ограда 53. Монастырская ограда 54. Монастырская ограда 55. Монастырская ограда 56. Монастырская ограда 57. Монастырская ограда 58. Монастырская ограда 59. Монастырская ограда 60. Монастырская ограда

Отъ литеры О до литеры Р.

14. Мукомольная мельница со мукомольным строением 15. Архиерейский казенный дом со службами 16. Обывательское строение. 17. Рождественская церковь вдали 18. Соборная церковь вдали 19. Ветхая гарнизонная мукомольная мельница 20. Ветхая гарнизонная мукомольная мельница

до литеры Q.

21. Каменная церковь Благовещения вдали 22. Каменная церковь Благовещения вдали 23. Каменная церковь Благовещения вдали 24. Каменная церковь Благовещения вдали 25. Каменная церковь Благовещения вдали 26. Каменная церковь Благовещения вдали 27. Каменная церковь Благовещения вдали 28. Каменная церковь Благовещения вдали 29. Каменная церковь Благовещения вдали 30. Каменная церковь Благовещения вдали

Q до литеры R.

31. Каменная церковь Благовещения вдали 32. Каменная церковь Благовещения вдали 33. Каменная церковь Благовещения вдали 34. Каменная церковь Благовещения вдали 35. Каменная церковь Благовещения вдали 36. Каменная церковь Благовещения вдали 37. Каменная церковь Благовещения вдали 38. Каменная церковь Благовещения вдали 39. Каменная церковь Благовещения вдали 40. Каменная церковь Благовещения вдали

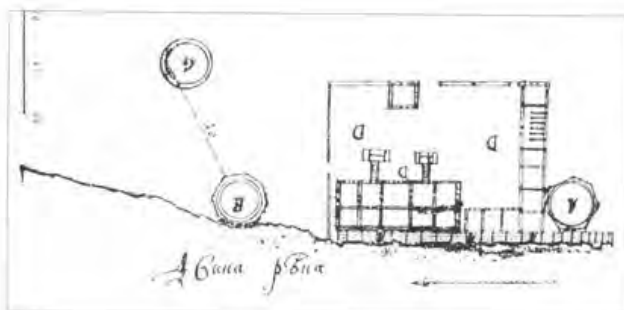
18. Три панорамы с видами Архангельска (от Михайло-Архангельского монастыря до Благовещенской церкви)

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 72-73

Экспликация.

Верхний «Вид»: «[...] 2. Монастырская ограда с башнями. 3. Церковь Архангела Михаила. 4. Кельи настоятельские и братские. [...] 6. Ветхая гарнизонная мукомольная мельница. 7. Архиерейский казенный дом со службами. 8. Обывательское строение. 9. Каменные градские ворота с караульнями. 10. Вал и ров. 11. Церковь Рождественская вдали. 12. Церковь Архангела Михаила вдали. 13. Соборная церковь с колокольней вдали. 14. Воскресенская церковь вдали. 15. Башня городского замка [Гостиного двора] вдали. 16. Церковь лютеранская вдали. [...]»
Средний «Вид»: «[...] 26. Дом приказу общественного призрения принадлежащий. [...] 28. Ветряная мукомольная мельница. [...]»
Нижний «Вид»: «[...] 34. Каменная церковь Благовещения. [...]»

19. План губернаторского дома и бани деревянного города с проектом переноса бани. 1728

(«Чертеж банишки деревянным у города Архангельского, которая близ двора генерал-поручика в котором жительство имеет генерал-лейтенант [...] архангельский губернатор господин Дахарева»)

ГАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 139. Л. 5

Экспликация: А. Баня от архиерейского двора и обруб от Двины-реки. В. Баня, которая на берегу у Двины-реки подмало, которую назовут перенести на другое место. С. Положение места, на которое перенести от реки баню и, поруб, так рубить порубному. Д. Дворовые хоромы, в котором жительство имеет господин генерал-лейтенант»

На гравюре 1780-х годов (№ 46 на ил. 17) уже показана четырехъярусная каменная колокольня (заложена в 1773 году) — самое высокое сооружение города. Выше собора — одноглавая каменная церковь с колокольней (вероятно, Рождественская). Ее строительство, начатое в 1692 году, было надолго остановлено. Лишь через 20 лет построили первый этаж, освященный в декабре 1712 года, а строительство верхнего началось в 1726 году и завершилось через три года. Возведенная на средства стрельцов, церковь называлась полковой, хотя в числе прихожан были и посадские люди⁸³. С запада к Рождественскому храму примыкает колокольня с каменным шатром, который в 1807 году, сообразно новым вкусам, был заменен шпилем. У края иконы за Архиерейским домом виден пятиглавый храм — это деревянный Преображенский собор, располагавшийся сразу за крепостным вром. До Троицкого он был общегородским собором.

По канонам древнерусской иконописи, Григорий Попов дальние строения расположил выше тех, что стояли на набережной Двины. Он не стремился передать индивидуальный облик домов, показывая лишь их характерные признаки: высокие кровли, решетчатые окна, гладкие стены. Только у некоторых видны горизонтальные линии бревенчатых срубов. А у горизонта — еще незастроенная земля. И надо всем городом распростер крылья Архангел Михаил — его небесный покровитель.

Вторая икона с видом Архангельска, написана тем же мастером, но несколько позже (ил. 14, 16), представляет панораму центральной части города без Гостиного двора, «начиная» ее (слева) с Троицкого собора и «кончая» Преображенским (справа). Троицкий храм еще венчают пять луковичных глав (они сгорели в пожаре 1793 года), заставляющих вспомнить архитектуру Михайло-Архангельского собора. Иконо-

20. Панорама Архангельска в нижней части города. Фрагмент стенописи в церкви Михаила Архангела (не сохранилась). Начало XIX века

ГНИМА. № 1-725

Слева направо: Троицкая церковь в Кузнецких (1742–1745). Успенская Боринская церковь (1742–1744) и колокольня (1752–1757), лютеранская кирха (1767–1768)

21. Панорама Архангельска в верхней части города. Фрагмент стенописи в церкви Михаила Архангела (не сохранилась). Начало XIX века

ГНИМА. № 1-726

Слева направо: народное училище, Рождественская церковь (1692–1729), Банковская контора (1726). Почтовая контора (Банковская контора) (1726), Солонцовское подворье (конца XVIII века), торговые лавки и общинные дома, Благовещенская церковь (1759–1764), Архангельский монастырь (XVII–XVIII века).

22. Троицкая церковь. Вид со стороны Северной Двины.
Слева — службы дома бывших генерал-губернаторов

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. Л. 78–79

писец изобразил широкие окна верхней церкви, показал ограду с каменными воротами (над ними позднее возведена колокольня). Непосредственно под плащом Архангела — плотная застройка набережной и деревянный обруб берегового склона. В правой части панорамы виден пятиглавый Преображенский собор, располагавшийся за Крепостным рвом (им же завершалась панорама на первой иконе).

За пределами иконных панорам города с юга осталась Благовещенская церковь, ставшая каменной во второй половине XVIII века. Она являлась как бы предпоследним звеном в цепочке храмов, тянувшейся от собора вверх и вниз по течению. Далее располагался лишь Михайло-Архангельский монастырь, замыкавший городскую панораму (ил. 18). С севера эту функцию выполняла Троицкая церковь (1742–1745), стоявшая на большой площади у берега Северной Двины и являвшаяся композиционным центром де-

24. Боровско-Успенская церковь.
Вид со стороны Северной Двины.
Почтовая открытка начала XX века

23. Лютеранская кирха («церковь лютеранская»)
Вид со стороны Северной Двины.

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. Л. 74–75

ревной застройки Солдатской слободы (ил. 2). В 1742–1744 годах неподалеку на месте двух деревянных, была построена Успенская церковь. Поставленная на возвышенном Сальном берегу, она виднелась далеко с реки и являлась градостроительной доминантой. Эта роль усилилась по завершении строительства в 1752–1757 годах высокой колокольни.

Успенская церковь всегда принадлежала городу, когда у 32-метровой колокольни появился крен, губернское правление позаботилось о ее выпрямлении. Эти работы в 1912 году были выполнены архитектором-реставратором П. П. Покрышкиным⁸⁴. Да после строительства в начале XIX века рядом с храмом двух больших зданий (Мореходного училища и Сахного завода) она не потеряла своей доминирующей роли в речной панораме города (ил. 24, 25).

25. Боровско-Успенская церковь с колокольней.
Вид со стороны Северной Двины.

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА. Ф. 1350. Д. 2. Л. 74–75

Р. до литеры S.

Вид с реки, в котором видны каменные строения, 7. Обывательские деревянные строения, в Ряду домов.

S до литеры T.

Вид с реки, в котором видны каменные строения, 10. Дом, в котором находится присутственное место, 11. Флаг при рынке, 12. Флаг при рынке, 13. Николаевское

T. до литеры H.

Дом для присутствия (Финский и Соловецкий), 20. Соловецкий монастырь, 21. Архангельская церковь, 22. Архангельская церковь, 23. Архангельская церковь, 24. Архангельская церковь, 25. Архангельская церковь, 26. Архангельская церковь, 27. Архангельская церковь, 28. Архангельская церковь, 29. Архангельская церковь, 30. Архангельская церковь, 31. Архангельская церковь, 32. Архангельская церковь, 33. Архангельская церковь, 34. Архангельская церковь, 35. Архангельская церковь, 36. Архангельская церковь, 37. Архангельская церковь.

26. Три панорамы с видами Архангельска (от церкви Благовещения до Гостиного двора)

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 76-77

Экспликация.

Верхний «Вид»: «1. Корпус для театра недоконченной. 2. Мельницы мукомольные и солодовенные обывательские. [...]

4. Мосты через каналы. [...] 6. Обывательские каменные строения. 7. Обывательские деревянные строения. [...]

Средний «Вид»: «[...] 9. Дом училищный с флигелями. 10. Дом, в коем присутственное место, как-то губернского правление. [...]

13. Временные деревянные для съестных припасов лавки. [...] 15. Общественная пристань при рынке. [...] 17. Флаг при рынке

18. Николаевское Корельское монастырское поворье. 19. Церковь Рождества Христова с колокольной. 20. Обывательские каменные дома с лавками. 21. Обывательские деревянные дома. [...]

Нижний «Вид»: «22. Церковь Рождества Христова с колокольной. 23. Соловецкого монастыря поворье. 24. Дом для губернского почтамта. 25. Банковая контора.

26. Двухэтажный корпус приказа общественного призрения. [...] 29. Соборная церковь с колокольною. 30. Архангельская церковь. [...] 34. Городские присутственные места. 35. Воскресенская церковь.

36. Южный фас Таможенного замка Гостиного двора с башнями. 37. Биржа. [...]

В Немецкой слободе выделялась деревянная реформатская кирха 1674 года постройки⁸⁵. Недалеко от нее и лютеране поставили свою церковь. К 1710 году евангелическо-лютеранская кирха обветшала и встал вопрос о строительстве новой. Однако каменный храм был построен только в 1767–1768 годах на средства немецкого купечества (ил. 23)⁸⁶.

Все названные сооружения, имевшие многоярусные колокольни, вносили особую торжественность и живописность в панораму северного города. Они были рассчитаны на восприятие с большого расстояния, образуя систему ансамблей и вводя четкий ритм в протяженный речной фасад города. Храмы отстояли друг от друга примерно на 800–900 м, что обеспечивало их господство среди малозатяжной, по преимуществу деревянной застройки. К тому же каждая из церквей замыкала улицу, выходящую к реке.

Именно эта панорама и запечатлена на голландской гравюре начала 1780-х годов (см. ил. 17) — первом подробном и достаточно точном изображении всего города⁸⁷. На ней в центре, как главное сооружение в городе, выделяется мощный архитектурный комплекс Гостиных дворов с крепостью. Его протяженный фасад с трехъярусными башнями занимает ведущее положение в композиции речной панорамы. Торжественная и строгая архитектура Гостиных дворов во многом определяла образ «северной столицы» России того времени.

От них как в южную, так и в северную стороны тянулись ряды самых разнообразных деревянных построек: вдоль Северной Двины стояли богатые город-

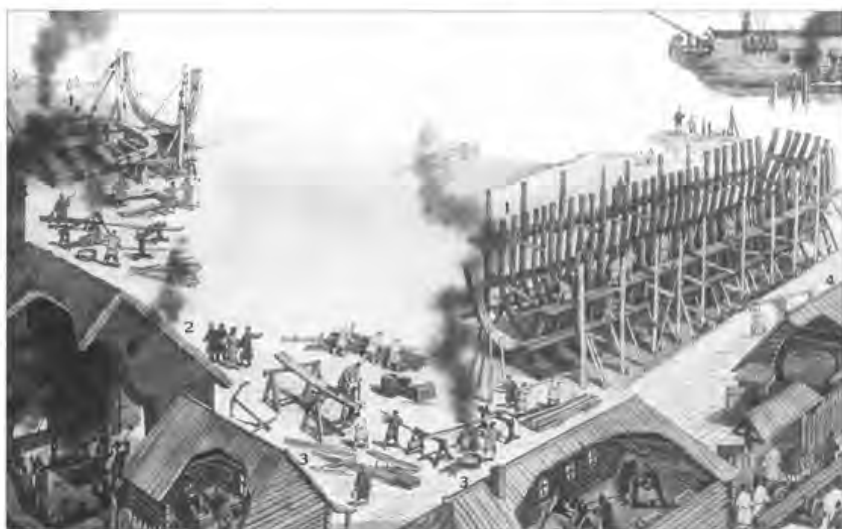
ские усадьбы, увенчанные вальмовыми кровлями в Немецкой слободе и тесовыми двускатными в русской части. Городские дома отличались друг от друга и стилистически, и объемами.

Обшитые тесом, покрытые высокими черепичными кровлями, нередко со шпичами, немецкие дома были мало похожи на остальную городскую застройку. Фасадами они обращены к набережной и, как правило, располагаясь друг за другом, образовывали почти сплошную линию улицы. В промежутках между ними видны зеленые сады. В архитектуре этих домов доминировали черты западноевропейского барокко, господствовавшего тогда во многих европейских странах. Позднее, под влиянием сурового климата, жилища иностранцев, сохраняя некоторую свою самобытность, все более стали походить на русские хоромы. Последние же обычно состояли из нескольких строений. Так, например, у посадского человека было «две избы, в них покоев теплых 3, хлев 1, анбар 1, солодовая изба 1, баня 1». Солдатский дом — «одни покои черной теплою, одни холодными на анбаре». В крестьянском доме, находившемся в городе, было «покоев двою теплых черных под покаями два анбара, хлев с сенишком, на сенях»⁸⁸.

Улицы посада оставались весьма тесными и узкими. Между деревянными домами стояли копильни, канатные заводы, артиллерийские кузницы, сараи, мастерские, мясные бойни и тому подобное, без разбору, построенные с домами «лучшими в соединении, а в улицах мосты деревянные», что было очень опасно в случае пожара.

27. Соломбальская верфь в начале XVIII века. Реконструкция М. И. Мильчика. Художник Н. И. Андреев

Экспликация:
1. Стапель. 2. Кузница.
3. Товарные мастерские.
4. Канатный двор

В связи с введением деления России на губернии, Архангельск в 1708 году становится одним из восьми губернских городов — центром огромного края, в который вошли четыре провинции: Галицкая, Вологодская, Устюжская, Архангелогородская. Еще раньше воеводское правление уступило место Земской избе, открытие которой состоялось в 1700 году. Все это привело к появлению ряда казенных строений, обогативших облик тогда еще деревянного города на Соломбальской верфи.

Появление новых предприятий (по производству канатов, парусины, сукна) было вызвано нуждами широко развернувшегося строительства кораблей. Возникли кожевенные, лесопильные заводы. Эти предприятия, в частности, канатный завод и пильные мельницы, заняли территорию на берегу реки против Моисеева острова (ныне не существует) между Солдатской и Немецкой слободами. Промышленные сооружения окружали многочисленные подсобные строения, неподалеку же размещались и жилые дома рабочих людей.

Однако строительство казенных зданий в Соломбале вскоре приостановилось, ибо дальнейшего развития государственного флота в Архангельске не получил: главным портом России становится Петербург. Указом от 4 апреля 1722 года вся внешняя торговля с Северной Двиной переносится на Неву. Значение Архангельского порта снижается: с 1722 года прекращается военное судостроение, но, впрочем, начинает развиваться частное, коммерческое. Были основаны судоверфи на Быку Н. С. Крыловым, в Маймаксе П. Ф. Пругавиным, в районе Варавино — англичанином Генрихом Фразером. Он купил эту верфь у английского купца Виллиа Гома со всеми строениями: с пильной ветряной мельницей, мастерскими, сараями, магазинами и кузницами. Со стапелей этой верфи спускали по три корабля в год, с Крыловской же — только один. Наемный люд (от 50 до 200 человек — плотники, кузнецы, пильщики) жили в деревне Варавино. В 1780-е годы верфь Фразера перешла в ведение купца А. Н. Свешникова. Корабли, построенные в это время искусным мастером ластовых судов С. М. Негодяевым-Кочневым, благодаря своей красоте, быстроходности и легкости управления, высоко ценились специалистами. Их охотно покупали англичане.

Под руководством мастера В. Баскакова на Крыловской верфи строились крупные транспортные суда, им же был построен первый отечественный портовый килектор. Чуть позднее на этой же верфи строились по чертежам корабельного мастера А. К. Портного флейты, гукомы, галиоты. Никита Саввович Крылов, по замечанию В. В. Крестинина, «*муж остроумный, искусный и твердый купец в делах внутренней и внешней торговли...*»⁶⁹, одним из первых построил себе каменный особняк на набережной.

28. План Соломбальской верфи. 1780. Фрагмент «Плана городу Архангельску с показанием ситуации...»

«Атлас, крепостей Санкт-Петербургской губернии» 1780

Экспликация:

-Г. Кантора над портом
-е. Адмиралтейской ма-
стерской
-з. Мастерской
-и. Кантора
-к. Поташни-
аноды
-л. в. Матроски
-м. в. в.

РГАВМФ. Ф. 31. № Оп. 28. Д. 863. Л. 37

В 1730 году на Соломбальском острове, кроме адмиралтейских построек, при впадении реки Соломбалки в Кузнечиху находилась деревня Новинки. Она положила начало Первой Соломбальской деревне. В среднем же острове, где находилась верфь, зародилась Адмиралтейская слобода⁷⁰.

По указу Адмиралтейской коллегии в 1733 году возобновлено Архангельское адмиралтейство. В Среднем и Малом островах началось строительство новых и поправка старых строений. В 1734 году были укреплены берега обеих рек. По чертежам корабельного мастера Козенца построены сухой док, корабельный кран, здание адмиралтейской чертёжной, фонарной, кузница, казармы для рабочих и другие здания. В 1738 году на Большом острове появились три большие казармы для матросов⁷¹. К началу 1740-х годов Соломбальская верфь была уже полностью застроена⁷² (ил. 27, 28, 30).

Видъ Горы Архангельски изъ пункта Г

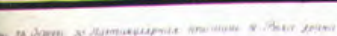
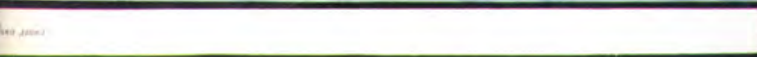
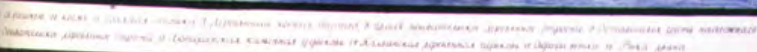
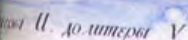
Видъ Горы Архангельски изъ пункта II.

Видъ Города Архангельски изъ пункта I. о

21. Дамы-актрисы со сценами. 22. Вузовская Холмская гирьками с колокольчиком. 23. Девотские деревянные дома и прочие строения. 24. Овчарские хитрые строения. 25. Монахи.

29. Три панорамы с видом Архангельска (от Гостиного двора до Успенской церкви)

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 80-81

Экспликация.

Верхний «Вид»: 1. Набережный фас Таможенного замка Гостинного двора с башней. 2. Биржа с башней. [...] 5. Церковь осокресенская с колокольней. 6. Набережный фас соляных и винных магазинов с башней. [...] 9. Оставшая часть набережного фаса Немецкого гостинного двора поправленная для монетного двора. 10. Того ж Гостинного двора недоделанная часть. [...] 11. Старой земляной вал и в нем ворота разнопланной башни, называемой Ордовой. [...] 13. Лютеранская каменная церковь. 14. Кальвинская деревянная церковь. 15. Обрубы ветхие. [...] 1.

Средний «Вид»: [...]
18. Обывательские
деревянные дома и разные строения.
19. Губернаторской и вице-губернаторской
дом. 20. Церковь лютеранская. 21. Часть
дома аптеки. 22. Обрубы. [...]

Нижний «Вид»: «[...]» 24. Дом аптеки со службами. 25. Боровская Успенская церковь с колокольней. [...] 30. Партикулярная пристань. [...]»

В средней части на берегу Северной Двины были сосредоточены эллинги с караулками для корабельных инструментов, сухой док, такелажная с магазином и контора над портом. Вдоль реки Соломбалки располагались разные провиантские магазины. Вдоль реки Курьи — кран, фонарная. Замыкали эту сугубо хозяйственную часть верфи длинные лесные сараи с мастерскими и конторками наверху. За ними стояли военные казармы. За казармами начинались жилые кварталы Адмиралтейской слободы, которая стала застраиваться вдоль реки Курьи на Большом острове, куда были вынесены и офицерские дома. Часть же жилья еще оставалась на Малом острове. На последнем стояли канатные заводы, сооруженные в 1737 году, прядильни, мачтовые и шлюпочные сараи, смольни, а ближе к городу — морской госпиталь, который вскоре сгорел и был построен заново в 1743–1744 годах уже в Кузнечихе, рядом с сухопутным госпиталем.

В середине XVIII века судовой верфь выглядит более компактно застроенной на Среднем и Малом островах. Рядом с провиантскими магазинами появились караульни, экипажные мастерские. На Большом острове увеличилось количество угольных сараев⁹³.

Кроме адмиралтейских строений в Соломбале располагались и обывательские дома. В 1744 году на Среднем острове выстроили деревянную Никольскую церковь. Около нее образовалось первое Соломбальское кладбище. До того же умерших хоронили по старинному обычаю около своих домов. Однако в 1773 году церковь и кладбище со Среднего острова будут перенесены на окраину Большого острова.

Командором И. Г. Черевиним была разработана целая система по развитию каналов на территории адмиралтейства, к сожалению, оставшаяся лишь в про-

екте (на планах показан канал, вырытый от речки Соломбалки).

Соломбала стала важным центром русского судостроения. Так рядом с Архангельском появился обособленный производственный район.

С 1756 года стала укрепляться, благоустраиваться набережная Северной Двины. Ее предписывалось держать чистой, зеленой, чтобы служила соломбальцам «гульбищем, а равно украшением слободы»⁹⁴. Затем формируются набережные вдоль рек Курьи и Соломбалки. Не случайно власти уделяли такое внимание набережной: это в портовом городе, по существу, самая главная улица, здесь сосредоточивается его основная жизнь. В навигацию около набережной швартуются суда.

Первые дома соломбальских жителей — моряков или судовых мастеров — мало отличались от деревенских: они были деревянными, с поветями для сена и хлевами внизу. Офицерские дома, построенные по образцовым проектам, более напоминали городские. Они, как правило, имели кухню и четыре комнаты.

В 1760–1776 годах в центре Среднего острова был построен каменный Преображенский собор с колокольней (№ 33 на ил. 37, см. также ил. 93), зрительно «собравший» низкие деревянные строения, широко разбросанные по соломбальским островам. Он, благодаря тому, что стоял на пересечении улиц Никольской и Церковной (ныне Прокашева), стал играть роль зримого центра Соломбалы. К тому же, собор был хорошо виден как со стороны реки Кузнечихи — рукава Двины, разделяющего Соломбалу и город, так и в перспективе двух «внутренних» рек — Курьи и Соломбалки. Собор и Никольскую церковь соединяла Никольская улица, которая затем станет продольной осью всей планировки Соломбалы. Вдоль нее, по

30. План Соломбальской верфи (Адмиралтейства). Фрагмент. Середина XVIII века

РГАВМФ. Ф. 326. Ол. 1. Д. 103

речной стороне построил свой дом секретарь портовой канторы, благодаря чему появившаяся здесь впоследствии улица получила название Секретарской. С противоположной стороны Никольской улицы стали селиться соломбальские жители. В 1776 году здесь было 15 дворов. Они образовали небольшое селение, называвшееся (по имени главного командира — Вакселя) Вакселевой слободой. За двором секретаря, вниз по Двине, построили штаб главного командира. Вскоре эта местность получила название Штабской слободы.

К 1788 году, кроме названных, появились улицы, называвшиеся по имени первых жителей: Маслухина (плотника), Соколова и Бардукова (по имени подмастерья Петра Соколова и Никиты Бардукова), Хапова и Захаева (по имени мастеров, имевших здесь свои дворы), Розмыслова (кузнеца Розмыслова, построившего дом в 1760 году). Здесь наметились первые регулярные кварталы (ил. 31).

Соломбала еще долго оставалась самостоятельным селением при Архангельском адмиралтействе, что наложило существенный отпечаток на его быт и состав жителей. Обособленность Соломбалы выразилась прежде всего в ее островном положении, в тесной связи с водным пространством благодаря протяженным набережным вдоль Северной Двины и внутренним речкам-протокам, в существовании своего собора, кладбища, базара⁹², наконец, по сравнению с городской застройкой — в укрупненном масштабе верфей и портовых сооружений (ил. 37).

Анализируя градостроительное развитие Архангельска первой половины и середины XVIII века, отметим, что в городе появились новые функциональные части, раздвинувшие его границы на север и восток. Для подплывавших к Архангельску со стороны моря город начинался верфями Соломбалы, а кончался Архангельским монастырем. В этот период исчезла Стрелешая слобода с деревянной крепостью, но центр по-прежнему являл собой каменный город с Гостинными дворами. Однако Соломбала, Кузнечиха и Бор все еще сохраняли свою обособленность, оставаясь городскими предместьями.

Во второй половине XVIII века в градостроительной практике всей страны происходят большие перемены. В результате побед в войнах с Пруссией и Турцией Россия приобрела выход к Черному морю и присоединила Крым к своей территории. Это заставило правительство особое внимание обратить на укрепление границ и застройку новоприобретенных городов. В 1775 году Россия была разделена на 50 губерний. Все они получили единообразное устройство при строгом разделении административных, финансовых и судебных учреждений⁹⁶. В отдельных слу-

чаях несколько губерний объединялись в наместничества. Так, Архангельск с 1780 по 1784 годы и подчинение Главному управлению Вологодского Ярославского генерал-губернатора. Городское население было разделено на привилегированное гильдейское купечество и мещанство.

Рост населения в целом по стране, и в частности в Архангельске влиял на темпы и качество градостроительства. На 1782 год в Архангельске имел построек: казенных — 10, воинских — 476, церковных — 62, штатских — 51, посадских — 387, и странных купцов — 62, крестьянских — 38. Всего 1087 строений. Кроме того, в Архангельске было 12 торговых лавок⁹⁷.

Изменилась структура города. В Архангельске, и в центральных городах России, в застройке выделились жилые кварталы для чиновных дворян появилась Дворянская ул. (со стороны Соломбалы до ул. Менсендековской — половина нынешнего Троицкого проспекта); для купцов улица называлась, соответственно, Купеческой (в продолжение Дворянской — от нынешней ул. К. Либкнехта вверх по Двине)⁹⁸. Была определена улица, где селились мещане Мещанская (в наше время — пр. Чумбарова-Лучинского).

Несколько ранее в Российской империи начали грандиозные работы по перепланировке городов регулярной основе. В 1768 году Екатерина II издала специальный указ «О сделании всем городам, строения и улицам специальных планов...» в соответствии с которым для всех российских городов вводился единый планировочный принцип.

Первая попытка создания регулярного плана Архангельска относится к 1768 году. Она была осуществлена инженером-квартирмейстером Александром Вахтиным⁹⁹. Этой работе предшествовал ситуационный план того же года, сделанный, по-видимому, во исполнение царского указа (ил. 34). Последний документ дает возможность представить градостроительную ситуацию до перепланировки, ситуацию, во многом сохранившую черты, присущие городу еще в конце XVII — начале XVIII веков.

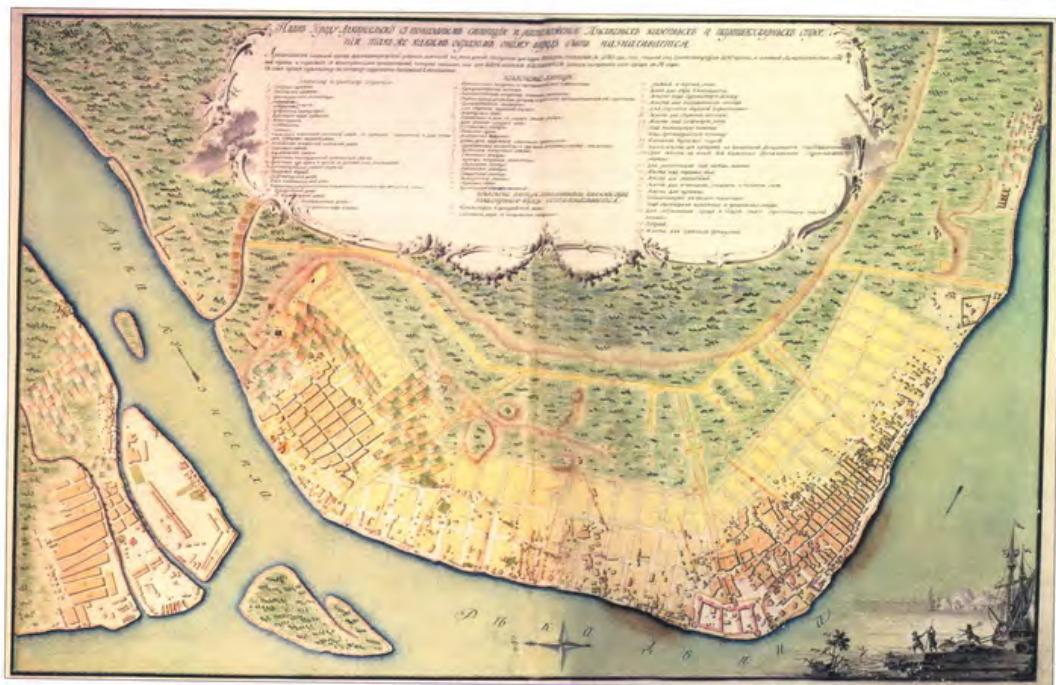
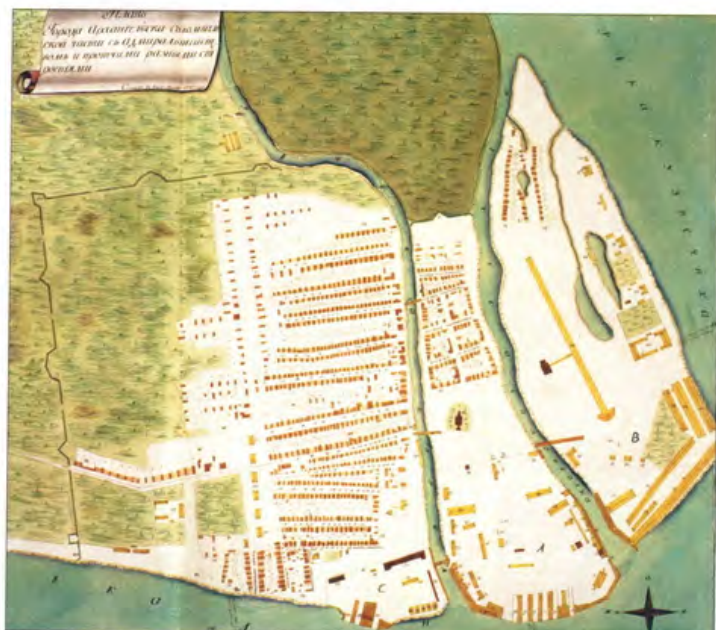
Полная подчиненность плана Архангельска регулярной застройке выразилась в том, что вся застройка тяготела к вою город стоял по течению Двины на «шесть и шестую от реки в город в самом широком месте одну версту»¹⁰⁰. И так, он был вытянут по берегу более, чем на 6 км и в самой широкой своей части имел еще две улицы, приблизительно параллельные набережной. Всего же в городе тогда было 50 улиц. 22 переулка, шедших, как правило, перпендикулярно к реке и, несомненно, что задвинские дали можно было увидеть чуть ли не в любом месте города.

31. Генеральный план Соломбалы
 «[...] с Адмиралтейством и прочими
 разными строениями»

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА, Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 92–93

Экспликация: «А. Средний остров (между
 р. Курей и Соломбалкой). В. Малый остров
 (между р. Соломбалкой и Кузичеихой).
 С. Большой остров»

33. План центральной части Архангельска с совмещением дорегулярной планировки и проекта нового генерального плана. 1780

«План городу Архангельску с показанием ситуации...». Фрагмент. 1780

РГА ВМФ. Ф. 3/а. Оп. 23. Д. 853. Л. XXXVII

Экспликация («Изъяснение литер»): **А.** Соборная церковь. **В.** Приходские церкви. [...] **Д.** Реформатская кирка. **Е.** Лютеранская кирка. **Г.** Губернская канцелярия. [...] **К.** Полиция. **Л.** Немецкой каменной гостиной двор с портового таможеню и для поклажи товаров магазинями. **М.** Российской каменной гостиной двор. **Н.** Торговые лавки. [...] **Р.** Пристань иностранных купеческих судов. **Q.** Пристань, где барки и прочие с грузом пристают суда. [...] **S.** Пороховой погреб. **Т.** Губернаторской дом. **У.** Оберкомендатской дом. [...] **W.** Архиерейской дом. **Х.** Инженерной дом. **У.** Батальонные дворы. **З.** Гарнизонная школа.

Изъяснение литер, показывающих, каким образом строению впредь быть назначается: **у.** Консистория и архиерейской дом. **z.** Гостиной двор с клавишными анбарами. **aa.** Рыбные и мясные ряды. **bb.** Дом для обер коменданта. **cc.** Место под гарнизонную школу. **dd.** Места для батальонных слобод. **ee.** Для строения морской гофпитали. **Н.** Место для строения абаки. [...] **kk.** Каменной пороховой погреб. **И.** Низкие места, где купцам на каменном фундаменте строить назначается. **mm.** Сухие места, на коих без каменного фундамента строить возможно будет. **nn.** Для разночинцев под слободы места. **oo.** Места под торговые бани. [...] **qq.** Места для коптилен, солодовен и топления сала. [...] **uu.** Для обсушивания города и подле оного окрестных мест на каналы. **vv.** Острог. **ww.** Место для соляных промыслов»

◀ На левой странице

32. План Архангельска с совмещением дорегулярной планировки и проекта нового генерального плана (первый вариант). 1780

«План городу Архангельску с показанием ситуации и расположения публичных казенных и партикулярных строений, так же каким образом оному впредь быть назначается».

Архангельск — главный город Архангелогородской губернии, лежащей по реке Двине, построен при царе Федоре Иоанновиче 1585 года, а отстоит от Санкт-Петербурга 1145 верст и имеет адмиралтейство, знатный порт и торговлю с иностранным купечеством, которая началась еще при царе Иоанне Васильевиче прежде построения сего города за 32 года [...]»

«Атлас крепостей Санкт-Петербургского департамента». 1780

РГА ВМФ. Ф. 3/а. Оп. 23. Д. 853. Л. XXXVII

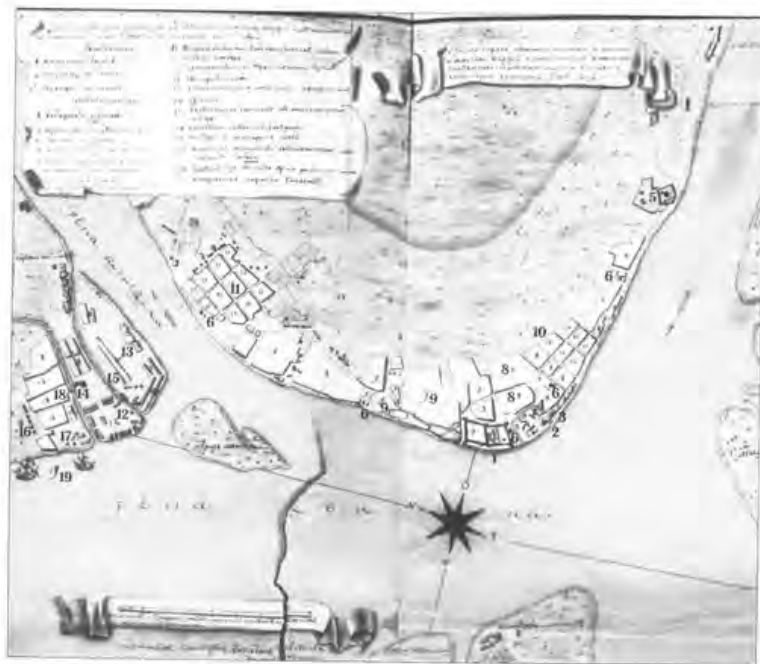
Плотность застройки была довольно значительной на юго-востоке от Гостиных дворов, т. е. выше по течению и в районе Солдатской слободы. В прочих местах она оставалась редкой, были и незастроенные участки. Регулярную планировку имели лишь Солдатские слободы, разросшиеся к середине XVIII века, и отчасти Соломбалы.

План 1787 года стал подосновой для проектируемого регулярного, воспроизведенного в «Атласе крепостей Санкт-Петербургского департамента» (ил. 32, 33). На нем намечена граница города, обозначенная рвом. Посмотрим фрагмент этого плана (см. ил. 33). Здесь изображены Гостиные дворы с каменным городом, «при том каменном городе с набережной стороны земляной вал, который в некоторых местах... вышиною одна шириною две сажени, построен в 1682 году». Среди деревянной застройки — кузницы, поташные сараи, канатные заводы и т. д. Их строительство определялось вне города. Эти идеи найдут воплощение в окончательном плане-проекте. Первый вариант предусматривал значительное укрупнение кварталов: вглубь территории их «помещалось» всего три ряда. Предполагалось прорыть канал (см ил. 33, ил.), который должен был пройти перпендикулярно к Гостиному двору и соединиться с окружающим его каналом.

Второй вариант плана был составлен губернским землемером Капустинным в 1784 году (ил. 35). На нем город предстает с выпрямленными улицами и с прямоугольной системой кварталов, которые, оставаясь в прежних городских границах, должны будут расти вглубь, занимая заболоченные участки. Геометрически правильные кварталы концентрируются вокруг Торговой площади. Для нее должна была быть уничтожена вся застройка на пересечении Троицкого и Въезжего проспектов, а по краям кварталов, ориентированных на площадь, рекомендовалось строительство казенных зданий «с лавками под домами», а со стороны реки — строительство Морской гавани¹⁰¹. Учитывая заболоченность территории города и Соломбалы, второй план-проект предлагал сделать ров и вал по городской границе. За черту города выносились промышленные предприятия: смоловарни, кузницы, мельницы, сальные промыслы, а также кладбища.

В центре города была проектирована трехлучевая основа с улицами, расходящимися от точки в районе Обводного канала к берегу Северной Двины. Однако, в предыдущем варианте плана и в осуществленной на практике застройке Архангельска эта идея так четко, как, например, в Твери, не выявилась.

Проект 1784 года предусматривал коренную перестройку: снос плотно поставленных домов в цен-

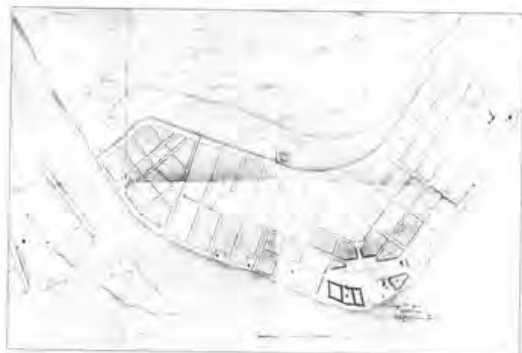
34. План Архангельска и Соломбалской верфи. 1768

«План городу Архангельскому и Соломбалской верфи с показанием во оном казенного и обывательского строения. С натуры поперен 1768 года». Кош. 1776 года «С надписаным шматром капитан Алексей Докудан»

РГВМФ. Ф. 37. л. Оп. 33. Д. 1029

Экспликация:

«Описание в городе Архангельском и в Соломбалской верфи казенному и обывательскому строению значат под № казенному: 1. Каменный город. 2. Губернаторской дом. 3. Архирейский дом. Обывательскому: 4. Соборная церковь. 5. Архангельской монастырь. 6. Приходские церкви. 7. Росейских купцов торговые лавки. 8. Горная Архангельского купечества и обывательские слободы. 9. Немецкая слобода. 10. Первого батальона салдатская слобода. 11. Второго батальона, что на Кузнецкой, салдатская слобода. При Соломбалской верфи каменному строению: 12. Адмиралтейство. 13. Генералитетские штаб и офицерские дома. 14. Церковь. 15. Принадлежащие и канатные для поклажи лесов амбары. 16. Салдатские и матросские казармы. 17. Мастерские и слесарные избы. 18. Морских служителей собственного их строения слобода. 19. Гавань, где в летнее время росейские и иностранные корабли стоят»

35. План Архангельска с совмещением дорегулярной планировки и проекта нового генерального плана (второй вариант). Фрагмент. 1784

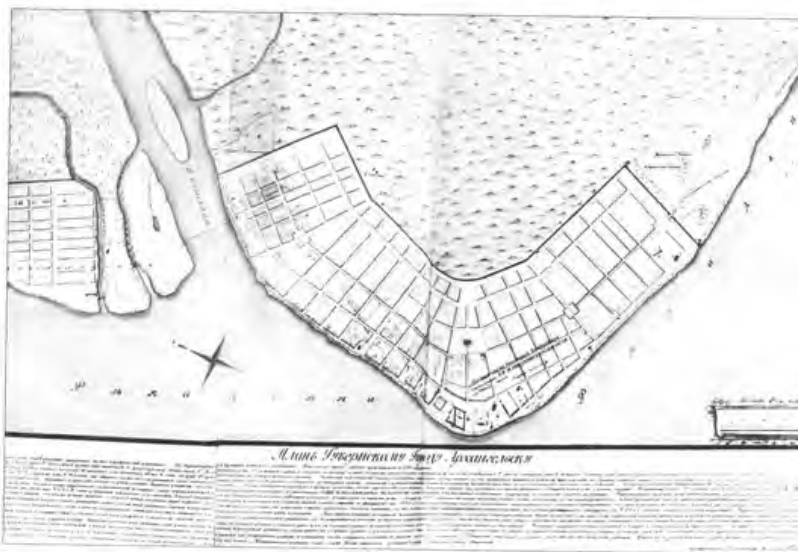
РГАВМФ. Ф. 3 / 4, Оп. 23. Д. 1030

тре города для устройства главной площади, что потребовало бы немалых затрат. Даже «городской замок» (каменная крепость между Гостиными дворами) предполагался «по ветхости к разобранью»¹⁰². Такой радикализм вызвал опасения у архангелогородцев, да и подход к перестройке города был весьма догматическим. Достаточно сказать, что он предусматривал повторение «трезубца» в центре по тверскому образцу. Впрочем, на это нацеливал губернатора Е. Головцына глава Комиссии о строении И. Бешкой: план предлагалось решать «на основании прочих высочайше опробованных городских планов»¹⁰³.

В Архангельск из Петербурга был направлен граф Р. Воронцов, который в донесении от 8 марта 1786 года писал о том, что план «сделан кажется без сооб-

ражения настоящего строения города... в только было прямые улицы и площади дела. Мне кажется не излишне было бы... вновь план сего города... пересмотреть или сделать... Поэтому именным указом Екатерины II от 4 ап 1786 года предписывалось «план города Архангелска по неудобности к произведению его в дейс вновъ пересмотреть и, соображая с настояи строениями и местною выгодою, особливо ж блюдая сохранение, колико возможно, собственности каждого и чтобы многю ломкою домов не нести жителям убытков и разорений»¹⁰⁵.

Новый генеральный план — его третий, окончательный вариант (ил. 36) — был составлен тепер наблюдением генерал-губернатора Т. И. Тютюли

36. Генеральный план Архангельска 1787 года, конфирмованный Екатериной II в 1794 году

«Атлас Архангельской губернии» 1797

РГИА. Ф. 1350, Оп. 312. Д. 1. С. 100-101

A color illustration of a coastal town. In the foreground, a blue body of water with small whitecaps is visible. Several sailing ships with masts are in the water. On the shore, there is a prominent red building with a dark roof, a church with a tall steeple, and other smaller buildings. The sky is light blue with some white clouds. The illustration is framed by a thin black border.

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. С. 90-91

Верхний «Вид»: [...] 6. Конатный завод. 7. Въездные ворота с караульнями. 8. Дом главного командира. 9. Колокольня Преображенского собора. 10. Дом карабельного мастера со службами. [...] 19. Река Кузнецична. Средний «Вид»: [...] 32. Мастерские: блокная, столлярная и резная. 33. Каменная церковь Преображения Господня с колокольнею. 34. Елени с кораблями и фрегатами. 35. Чертежная. [...] Нижний «Вид»: [...] 49. Питейные дома. [...]»

План основывался на данных инструментальной съемки и в 1787 году был препровожден в «Комиссию о строении столичных и других городов», где находился вплоть до 1794 года¹⁰⁶. По этому плану существующие улицы сохранялись, но должны были быть «понескольку расширены», а «вновь назначенные» прокладывались «чрез огороды и пустыри... таким образом, что обывателем городским по обещаниям... их строения остается одним выдвинуты несколько вперед, другим же подавшись назад, строится вновь на собственных своих местах...»¹⁰⁷.

Большой пожар, случившийся в Архангельске в июне 1793 года, помог скорейшему утверждению этого плана. От улицы Воскресенской до улицы Театральной (ныне ул. Серафимовича) и вглубь до болот не осталось ни одного дома. Сгорел даже деревянный обруб, выстроенный в 1786 году от архиерейского дома до Гостиных дворов (ранее берег реки был укреплен «прочными деревянными обрубками» лишь против казенных домов). Сильно пострадал Троицкий кафедральный собор: сгорели деревянные главы, растопились колокола на колокольне¹⁰⁸, но уже в 1794 году все главы собора были восстановлены и покрыты железом, стены в нижнем этаже оштукатурены и расписаны петербургскими живописцами С. С. Новоселовым и С. С. Курляндцевым, был поставлен новый иконостас по проекту архитектора Е. А. Либеровского. И 5 июня 1799 года собор был заново освящен.

В пожаре 1793 года сгорели даже каменные церкви — Архангельская и Рождественская. Обгорела Воскресенская церковь: в ней огонь уничтожил ризницу, всю церковную утварь и архив. Сгорели 18 казенных зданий и 180 деревянных торговых лавок.

Генплан 1794 года стал основой дальнейшего градостроительного развития Архангельска. При его составлении, как уже отмечалось, была учтена исторически сложившаяся свободная живописная планировка города, которая во многих других городах была полностью переделана. Регулирование заключалось в выпрямлении улиц, образовании прямоугольных кварталов. На местах пересечения основных улиц предполагалось образовывать площади: парадную на месте бывшей крепости, въездную — около городских караулов, Сенную на бывшем полковом дворе и площадь в районе Кузнечихи.

Таким образом, площадь на месте бывшей крепости превращалась в новый административный центр, состоявший из Присутственных мест, домов губернатора, инженерной команды, народного училища и банковской конторы. Благодаря одной высоте, единому классическому стилю, они создали вместе с Гостиными дворами, с Архангельской и Воскресенской

церквами замкнутое пространство, доминантами которого являлись Гостиные дворы и собор. Так формировался новый центр, сохраняя при этом ряд прежних черт. Преемственности способствовало включение в новую структуру прежних церквей и Архангельского монастыря на периферии города.

Перепланировка почти не коснулась торговой части Архангельска, где размещались две пристани, складские помещения, торговые дома и ряды. Произошло лишь незначительное смещение застройки к востоку, в результате чего получилось расширение старой Въезжей дороги, которая превратилась в Торговую улицу.

Изменения в связи с новой планировкой претерпела древняя улица Немецкой слободы — Немецкая, часть которой стала главным проспектом — Троицким. Многие посадские улицы вошли в новую планировку без всяких изменений, как например, Мещанская (ныне ул. Чумбарова-Лучинского), Соборная (ныне ул. К. Либкнехта). Полностью сохранились такие улицы, как Буяновская (ныне Поморская), Садковская (ныне Серафимовича), Гориховостовская (ныне Володарская) — в районе от набережной до Въезжей улицы (ныне пр. Ломоносова). Историческую основу сохранили даже два переулка — Банковский (первоначально ул. Вагановская) и Театральный (в прошлом ул. Смирная).

Почти не изменились и кварталы Солдатских слобод, ибо они и ранее были подчинены жесткому строительному регламенту военных поселений. Слободы состояли из одинаковых кварталов, с одинаковыми по размеру участками и типовыми домами в три или пять окон.

Контора главного командира нашла, что кварталы для Соломбалы спроектированы слишком большими, а значит, неудобным к исполнению. В Адмиралтейскую коллегию из Архангельска были посланы свои предложения по застройке острова. Отдельным пунктом там было сказано о кварталах: они «не равны по величине и улицы в них кривы, то от переноса строений для жителей, которые почти все бедны, произойдет большое разорение, а потому строения оставить следует на прежних местах до износа; только бани и сараи перенести на другие места». Строения, стоявшие на самом берегу Северной Двины, также предлагалось не трогать, пока они сами не разрушатся, «чрез что это место со временем очистится»¹⁰⁹. Эти предложения были приняты, и Соломбала стала постепенно застраиваться по регулярному плану, в основном сохранявшему прежнюю планировку. Прямоугольная сеть улиц покрывала Большой остров, а Средний с Малым оставались в зоне Адмиралтейства. В центре последнего

освободили от застройки территорию для площади около Преображенского собора. Он как бы зримо связывал жилую и промышленную зоны Соломбалы.

С перенесением в 1762 году из Холмогор в Архангельск епископской кафедры стала формироваться Архиерейская слобода. К тому времени деревянный архиерейский дом пришел в крайнюю ветхость, да и место, на котором он стоял, было вплотную окружено торговыми лавками. Решено было возвести новый каменный архиерейский дом, который строили с 1779 по 1784 годы (К., 4) ¹¹⁰. Он занял место на краю обывательских слобод, перед Архангельским монастырем, и составил с ним один из значительных комплексов города.

Центральные улицы — Набережная и Дворянская с Купеческой — отводились для каменной застройки, в остальных разрешалось деревянное строительство. Так были выделены главные и второстепенные улицы, подчеркнутые разной по характеру застройкой. На торговой территории строились дома с аркадами. В их нижних этажах располагались лавки. Административный центр застраивался каменными казенными домами. Однако строить лишь каменные дома, пусть даже только на центральных улицах, в Архангельске было трудно. Поэтому губернатор, учитывая сложности, вызванные нехваткой кирпича, разрешил строить дома деревянные «из бруса, а буде из целого лесу, то снаружи обивать тесом и красить черненью или росписывать в кирпич», а в центре строить хотя бы на каменных фундаментах ¹¹¹.

Регулярная застройка Архангельска в конце XVIII века начала осуществляться по классическим «образцовым» проектам, составленным в Комиссии для устройства городов Петербурга и Москвы и при-

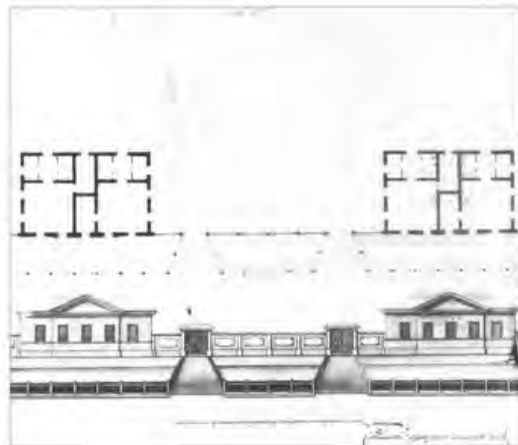

38. Проект типовой караульни у въезда в город «по новопроложенной [sic] с Санкт-Петербургской стороны [sic] дороге». Губернский архитектор Березин. Фрагмент. 1800

Альбом «Планы и фасады каменных строений в Архангельске». 1800.
РГИА Ф. 1309. Оп. 1. Д. 243. Л. 3

сланным в Архангельск вместе с генпланом 1794 года. Эти проекты предусматривали «партикулярные каменные дома строить против прочих вновь строящихся городов по представляемым при се примерным фасадам..., какие в которых кварталах в должности генерал-губернатора по составлению граждан назначить» ¹¹². В 1796 году в Архангельске получили чертежи образцовых фасадов «для построения в здешнем городе каменных и деревянных домов, также каменных лавок» ¹¹³, подписанные архитектором Леймом. Архангельские землемеры скопировали их (в том числе военные здания, полицейские и шлагбаумные будки). У въездов в город должны были быть поставлены караульни (ил. 38).

Дома, как и было предложено этими проектами, разделялись на несколько типов: каменные двухэтажные, каменные с мезонинами, каменные и деревянные на каменных погребках, деревянные на каменных фундаментах, деревянные без каменных фундаментах (ил. 39). Кстати сказать, в Архангельске дома строились на деревянных сваях-стульях.

39. Фасад и план образцового дворянского дома. Фрагмент. 1800

«С тесной и практикой утилит. архитектурой архитектор Березин»

Альбом «Планы и фасады каменных строений в Архангельске». 1800

РГИА Ф. 1309. Оп. 1. Д. 243. Л. 16

Город был поделен на две части, каждая из них — на кварталы, кварталы — на участки. Такое нововведение не принесло ничего хорошего и привело лишь к полицейскому произволу, ибо полицейстеру было поручено следить за строительством домов, архитектор же был лишен права что-либо изменять в образцовом проекте.

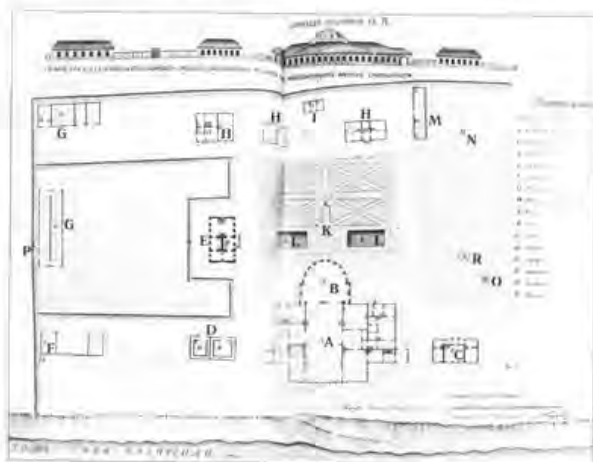
Как видим, здания установленного типа своими фасадами формировали облик определенных улиц и площадей. В результате при застройке города однородными зданиями создавались единые по замыслу и масштабу жилые и общественные образования. Например, в 1786 году на Торговой улице был выстроен «типовой» дом за казенный счет, послуживший образцом для строительства домов по Торговой набережной. Он представлял собой двухэтажный дом под вальмовой кровлей, с ризалитом на три окна, увенчанным фронтоном. Междуэтажная тяга заставляет воспринимать первый этаж как цокольный. Иными словами, перед нами распространенная в конце XVIII — начале XIX века и достаточно простая схема классицистического дома. Так, впоследствии, «сплошную фасадою» из подобных домов была застроена вся торговая территория города⁸¹⁴. Встречаются они среди частично сохранившейся купеческой застройки торговой территории. Это Губернский почтампт (К., 36), подворья Соловецкого (К., 37) и Николо-Корельского монастырей (К., 39), дома купцов Ваганова (К., 38) и Шингарева (К., 40) на набережной. К сожалению, все они утратили свой первоначальный вид в результате позднейших перестроек, но сохранили основу первоначальной композиции — сводчатые первые этажи, анфиладное размещение комнат во вторых этажах. Различие типов используемых образ-

цовых проектов, различие строительных материалов, местоположение улиц относительно наиболее значимых построек общегородского характера отражали социальную структуру населения и одновременно семантически маркировали городскую среду. Так, каменные постройки соответствовали, как правило, административно-военным, торгово-промышленным и религиозным функциям города. Состоятельные горожане, осуществлявшие в своей деятельности первые две функции, стремились это показать, придавая своим деревянным домам вид каменных: их обшивали, а затем, как уже говорилось, красили «под кирпич».

Весьма полное представление о регулярном Архангельске, о его объемно-планировочной структуре, дает серия ценнейших акварельных рисунков и панорам, выполненных в 1797 году для Атласа Архангельской губернии с помощью камеры-обскуры, которая обеспечивала почти фотографическую точность изображений (см. Приложение б)⁸¹⁵.

Большая роль в панораме отводится водному пространству Северной Двины, Кузнечихи. Вдоль их берегов располагаются наиболее парадные здания, церкви. В целом перед нами предстает классический город, градостроительным центром которого по-прежнему был Гостиный двор. Однако к этому времени от огромного комплекса XVII века остался лишь Русский двор, и то в перестроенном виде. Немецкий двор и часть города-крепости стояли в полуразрушенном виде: после строительства Петербурга торговое значение Архангельска резко уменьшилось, и Гостиные дворы таких размеров оказались ненужными.

Ось симметрии оставшейся части Гостиного двора выявляет одноэтажная биржа, построенная в 1789 году. В этом отношении она выполняет ту роль, которую

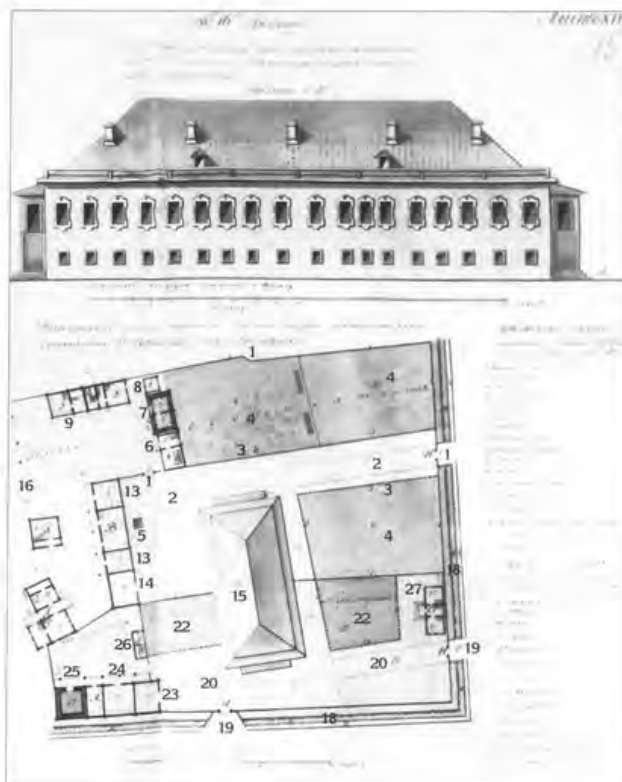

40. Фасад и план дома генерал-губернатора на берегу реки Кузнечихи. Архангельский землемер Николай Бендикс. Губернский землемер Федор Киселев

«Атлас. Архитектурный губернии». 1797

ИРГА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 56–57

Экспликация: А. Главной корпус. В. Каменная коптильня пристройка. С. Канцелярия с сараиной. D. Потребы. Е. Каменная кухня. F. Каретный. G. Конюшни. H. Надворные людские службы. I. Бани. K. Сал. L. Пруды. M. Парники. N. Огород. R. Светлица. O. Колодезь. P. Кладовы.

41. Фасад и план деревянного дома гражданского губернатора и вице-губернатора. Фрагмент, 1800. Губернской архитектор Березин

Альбом «Планы и фасады каменных строений в Архангельске». 1800

РГА, Ф. 1399. Оп. 1. Д. 243. Л. 15

Экспликация: «Изъяснение плана надворному строению губернской волынны: 1. Ворота и заборы. 2. Мостовая. 3. Полисады. 4. Сады и парники. 5. Колодезь. 6. Кухня. 7. Ледник. 8. Птичий хлев. 9. Надворные службы. [...] 13. Конюшня. 14. Каретник. 15. Крыльцо главному корпусу дома. 16. Место, где не были заборы [...] Изъяснение плана надворному строению вице-губернаторской волынны: [...] 18. Каналы. 19. Ворота. 20. Мостовая [...] 22. Сады. 23. Каретник. 24. Конюшня. 25. Ледник. 26. Бани. 27. Надворные службы»

Панорамы «Атласа» показывают очень нарядную набережную. На ней находились наиболее парадные здания. Среди них усадьба военного губернатора с садом в Кузнецких — одноэтажное здание выделенное шестиколонным портиком и куполом (ил. 40), губернаторский дом (ил. 41), стоявший неподалеку от лютеранской кирхи (на ил. 29, № 19, видны лишь его высокая вальмовая кровля). Это был дом обер-коменданта, построенный в 1772 году, а в 1784 году купец И. Юринский перестроил его для губернатора. В 1787 году им же были здесь построены кухня и каменная пристройка в саду¹¹⁶.

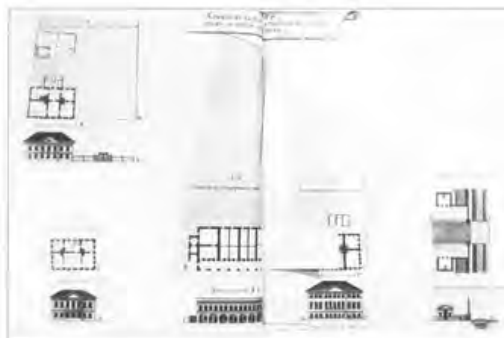
прежде играла Раскатная (Орловская) башня. Северо-западный угол Гостиного двора закреплен массивной многогранной башней, построенной также в 1780-е годы и повторяющей формы юго-западной башни, сохранившейся от XVII века. И все же Таможенный замок — так именовали Гостиный двор в конце XVIII века, сократившийся и потерявший свою оборонительную функцию, выглядит по-прежнему величественным крепостным сооружением.

Располагаясь на повороте Двины, замок сам является центром уравновешенного речного фасада города: вертикали собора соответствуют с севера Воскресенская церковь и Боровская Успенская церковь, а с юга — Рождественская и Благовещенская церкви с их колокольнями. Наконец, границы с юга выявляет Михайло-Архангельский собор, с севера — Троицкая церковь. Насколько продуманной была эта величественная композиция? У нас нет однозначного ответа.

42. Планы и фасад присутственных мест, губернского почтамта и банковской конторы. Фрагмент, 1795

«Атлас Архангельской губернии». 1799

РГА, Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 48-4

43. Ломоносовская площадь.
Губернские Присутственные места и дом губернатора.
Почтовая открытка начала XX века

На втором плане —
Гостиный двор.
Перед Присутственными
местами — памятник
М. В. Ломоносову

Возведенные в 1780-е годы Почтовая контора, Соловецкое и Николо-Корельское подворья с домовыми церквями (ил. 49) активно формировали пространственную среду Торговой улицы и ее площади. Первоначально, судя по «Атласу», эти дома были построены по «образцовому» проекту, который представлял собой каменные дома с торговыми лавками внизу и жилыми помещениями сверху. Со временем они несколько утратили свой изначальный вид, получив сначала классицистический облик, а в начале XX века — эклектический, но все же сохранили анфиладность по главному фасаду, четкое разделение парадных и собственно жилых помещений, аркадную галерею, позднее заложенную по первому этажу. Кстати сказать, исторически сложившаяся структура этого квартала — редкий случай для Архангельска — почти не изменилась и теперь.

Среди каменных домов наиболее распространены были двухэтажные. Двухэтажными, по «образцовым» проектам строились как жилые дома, так и казенные. Последние чаще имели ордерную структуру фасадов, как например, архиерейский комплекс. В нем ясно выделен цоколь, пилястры объединяют два этажа, подчинив себе горизонтальные мотивы, выраженные лишь филёнками между верхними и нижними окнами. В Архангельске подобные здания были редкостью, ибо здесь отдавали предпочтение образцовым проектам, отличавшимся простотой фасадов. Примером является каменный двухэтажный дом 1786 года, построенный для Банковой конторы. Каким он был в начальный период, трудно сказать. Во время

пожара 1793 года здание сильно пострадало, но ремонт его в 1794 году вновь был выполнен на основе «образцового» проекта, который и представлен в «Атласе» (ил. 42). По этому чертежу здание, в отличие от предыдущих, не имеет ни пилястр, ни затейливых наличников, главный фасад лишь выделен незначительным ризалитом, завершённым фронтоном, выполнена рустовка первого этажа.

На перекрестке Набережной и Оперной улиц (ныне ул. Правды) предполагалась Театральная площадь, на которой и началось строительство каменного здания оперного театра, позднее превращенного в хлебный магазин.

44. Ломоносовская площадь. Вид на симпозио и памятник Ломоносову. Вдали — Троицкий собор и соборная колокольня. Фото начала XX века

АСИРП. № 77

Вся набережная Северной Двины, отданная архангельскому порту, разделялась на несколько пристаней в черте города. Среди них выделялись адмиралтейская и купеческая гавани: «...мы плыли по купеческой гавани как по улице между кораблями, судами и барками всякого рода, различной конструкции, с разными продуктами», — вспоминал в 1820-х годах петербургский историк и писатель П. Свиньин¹¹⁷. Значительная часть берега была укреплена обрубом. Он кое-где показан и на Видях «Атласа», и на панораме, представленной на стене Михайло-Архангельской церкви.

Наряду со строительством парадных зданий в городе велась работа по урегулированию массовой жилой застройки. Для разных слоев населения были разработаны серии домов для «подлых», «зажиточных» и «именитых» со строгим регулированием высоты зданий и непременным вынесением главного фасада на красную линию улицы. Это тайло опасность однообразия. Однако кустарные методы производства работ позволяли вносить изменения в отделку зданий, в расположение хозяйственных строений. Неизменными оставались лишь конфигурация, основные членения зданий и их высота¹¹⁸.

Архитектура конца XVIII века развивалась уже в русле классицизма, когда прямизна улиц, правильность плана считались обязательными для города. В то же время сохранение построек начала столетия с признанием барокко, а также и крестьянских изб придавало некоторую живописность геометрически правильным городским кварталам.

В основу градостроительства Архангельска последней четверти XVIII века были положены идеи регулярности, характерные для большинства городов России. В то же время здесь сохранялись и признаки планировки XVII века. Главное — это подчиненность реке и особая роль набережных, которые во время навигации объединяли «город на суше» с «городом на воде»¹¹⁹. К тому же и иерархическая система доминант в городской панораме сложилась в предшествующую эпоху. К концу XVIII столетия формирование главного, речного, фасада Архангельска в основных чертах завершилось.

В первой половине XIX века город переживает новый экономический подъем. Начало века, особенно 1809–1812 годы, было «золотым» для Архангельского порта. В 1808 году в Архангельск прибыло 88 кораблей, в 1810 году — 147, в 1811 году — 452. Импорт в эти годы возрастает вдвое, а экспорт в полтора раза. Для русского же судоходства в целом в этот период возникли осложнения. В результате Тильзитского мира Россия, включенная Наполеоном в систе-

му континентальной блокады, прекратила торговлю с Англией и тем самым ослабила свою экономику. Однако Архангельск в то время был портом, негласно нарушавшим условия договора и по этой причине процветавшим.

На городских верфях теперь строились по преимуществу коммерческие корабли. Возросла экономическая сила архангельского купечества. Этому способствовало и увеличение промышленных предприятий. Было возведено пять сахарных заводов: Василия Попова, А. Амосова, Хр. Гома, А. Долгошеина, В. Бранта. Последний — самый крупный, сооружен в 1826 году¹²⁰. Четырехэтажное здание с дорическим портиком в то время представлялось грандиозным. На набережной Северной Двины оно заняло пространство в 360 квадратных саженей¹²¹.

На заводах стал широко использоваться вольнонаемный труд. Росло население города. Увеличилось число казенных и гражданских домов. Торгующее купечество ходатайствовало об учреждении в Архангельске Коммерческого банка, открытие которого состоялось в 1820 году.

Продолжалось строительство храмов. На всех городских кладбищах теперь появились каменные церкви: в 1806 году на Соломбальском, в 1809 году на городском и в 1840 году на Кузнеческом. Кладбища в структуре Архангельска появились в самом начале XIX века, хотя указом 1793 года губернатором Измайловым запрещалось погребение в черте города¹²². Городскому кладбищу было отведено место в одной версте от нынешней ул. Смольный Буян по Московскому тракту. Около кладбища появилось небольшое селение. В конце его был поставлен крест под навесом, на месте которого в 1880 году построена часовня в честь Креста Господня. В противоположном конце города находились еще три кладбища: немецкое, православное и военное.

В первой половине XIX века город продолжал застраиваться по генплану 1794 года. Тогда по типовому проекту А. Д. Захарова были построены Архангельский госпиталь, канатный завод¹²³, новое здание Присутственных мест и дом губернатора.

Дошедшие до нас старые фотографии дают некоторое представление об этих сооружениях (ил. 43). Здание Присутственных мест (1817–1825) имело характерный для классицизма П-образный план. Предназначенное быть главным на будущей административной площади, оно имело протяженный фасад, как бы соревнующийся с Гостиним двором. Близким по решению был дом губернатора (1806–1819). Эти здания — Присутственные места и дом губернатора — составляли единую завершенную пространственную композицию (ил. 46).

45. Ломоносовская площадь с памятником М. В. Ломоносову. На втором плане — Городская дума и полицейское управление с каланчой. Почтовая открытка начала XX века

Напротив них, в доме Штутеира, открылось женское училище, в 1864 году переименованное в Мариинское и позднее преобразованное в гимназию (ил. 44). С постройкой здесь в 1850-е годы Городской думы и полицейского управления (ил. 45), площадь приобрела вид почти правильного прямоугольника. В 1867 году на нее с Соборной площади перенесли памятник М. В. Ломоносову (скульптор Иван Мартос, 1828 г.)¹²⁴, после чего площадь стала называться Ломоносовской (ил. 47). Знаменательно, что перенос был осуществлен по сугубо градостроительным причинам: «...памятник Ломоносову, стоящий на Соборной площади, остается слишком удаленным от населенного центра города и при огромном пространстве площади [...] совершенно теряется на ней [...]. Архангелогородский губернатор [...] испрашивает разрешение на перенесение памятника на более удобное место», каковым «представляется вымощенная площадь между зданиями губернских присутственных мест, городской думы, Мариинского женского училища и губернской гимназии...»¹²⁵

Памятник здесь, в административном центре города, приобрел новое звучание: великий ученый, представленный в образе античного мыслителя и поэта, цилиндрический пьедестал с мощным цокольным камнем и сильно выступающим карнизом (архитектор А. И. Мельников), решенный в ордерных пропорциях, вполне отвечал классицистической архитектуре Присутственных мест и дома губернатора. Так в Архангельске возник ансамбль, в котором неожиданно «встретились» три выдающихся мастера русского классицизма первой половины XIX века — зодчие Андриян Захаров, Авраам Мельников и скульптор Иван Мартос.

46. Главная площадь (позднее Ломоносовская) и Троицкий проспект. Вид со стороны собора на «часть Гостиного двора, дом губернатора и здание Присутственных мест». Акварель В. Е. Галамина, 1826

Атрибуция Е. И. Ружницкой

АМНН. № 2917-з

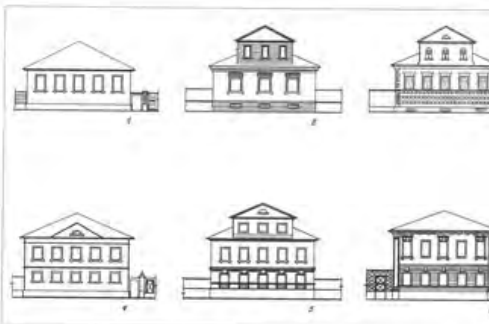

47. Памятник М. В. Ломоносову
(скульптор Иван Мартос)
перед губернскими Присутственными местами.
Фото П. П. Покотило. 1902

ГААО, № 2-757

Расположение памятника по оси портика Присутственных мест усилило композиционную симметричность ансамбля и его парадность. Площадь была несколько вытянута по продольной линии Троицкого проспекта и застроена с трех сторон, четвертая же, обращенная к собору, оставалась открытой. С третьей стороны перспективу площади в конце 1850-х годов замкнули высокие башни Думы и полиции, позднее — пожарной каланчи. Решение фасадов всех зданий в духе классицизма усиливало ансамблевый характер площади и вполне отвечало ее административной функции. Впервые столь крупное градостроительное образование в Архангельске оказалось отодвинутым от берега Двины и не имело непосредственной связи с водным пространством.

Формирование Ломоносовской площади, таким образом, положило начало активному развитию города вглубь прибрежной территории. В 1868 году площадь была выстлана булыжником, на ней был устроен сквер.

48. Образцовые фасады первой половины XIX века для застройки Архангельска

Прорисы.

1. Одноэтажный дом
ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 429. Л. 1
2. Одноэтажный дом на три окна с мезонином.
ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 391. Л. 1
3. Одноэтажный дом на пять окон с мезонином.
ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 406. Л. 1
4. Двухэтажный дом под двухскатной крышей
ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 360. Л. 1
5. Двухэтажный дом с мезонином.
ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 431. Л. 1
6. Двухэтажный дом под четырехскатной крышей.
ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 2176. Л. 1

49. Вид на Торговую улицу (набережную) со стороны Северной Двины.
Слева направо: Троицкий собор,
Банковая контора (таможня),
Соловецкое подворье с церковью преп. Зосимы, Савватия и Германа
Фото М. Д. Терентьева. 1910-е годы

Собрание Б. Н. Зайцева (Москва)

В первой половине XIX века большинство строений по-прежнему возводилось по типовым проектам, ими руководствовались Архангельское губернское правление при выдаче разрешения на строительство домов. С целью регулирования строительства еще в 1828 году была составлена Квартальная книга Архангельска с 96 планами кварталов¹²⁸. В ней содержались указания, в каких кварталах какие «образцовые» проекты использовать, как соблюдать пожарные разрывы между строящимися домами. Особо образцовое проектирование осуществлялось в Солдатской слободе, в Кузнечихе. Здесь даже улицы назывались по арифметическому счету: Первая, Вторая, Третья, Четвертая, Пятая, Шестая, Седьмая и Восьмая. На ее территории строились необходимые для военного поселения здания.

Хотя расположение «образцовых» домов было регламентировано Квартальной книгой, сами здания на деле оказывались разнообразными (ил. 48). Так, по Дворянской улице строились деревянные дома в пять окон на главном фасаде, каменные здания с портиками, здания двух- или трехэтажные, с ризалитами. На Купеческой улице строились дома деревянные с пяти окнами с мезонинами в центре. От регламентированных образцов они отличались тем, что, по северной традиции, имели подклеты — полуподвальные этажи. Были разработаны типовые фасады крестьянских домов для губернских городов, солдатских домов, ворот и заборов, типовые фасады церквей. Причем дома «старого образца» переделывались на новые. Допускалось сочетание предлагаемых проектов, как например, «*купец Иван Козмин сын Ершов... желает выстроить каменный дом фасаду № 24, ворота № 75*». Строительство домов в Архангельске по фасадам Квартальной книги строго регламентировалось сверху, и указом правительствующего Сената губернскому правлению предписывалось «*ни под каким видом не дозволить производить строения не по плану*»¹²⁹.

Торговая часть города также строилась по типовым проектам, но ее застройка резко отличалась от других районов города — она была куда как более плотной. На Торговой улице сплошным фасадом были выстроены здания с лавками на первых этажах и с жилыми помещениями на вторых. Открытые некогда аркады галерей теперь перестроены: они закрыты застекленными рамами. Вдоль речной стороны шли бесконечные ряды: мясной, шубный, хлебный, рыбный, кожевенный, веревочный, медный, железный. На облик Торговой улицы влияли комплексы подворий, которые, в свою очередь, невольно подчинялись общему композиционному замыслу. Храмы Соловешского и Николо-Корельского подворий, построенные позднее с использованием форм русской архитектуры XVII века, оживили строгий классицистический облик улицы, внося в нее разнообразие (ил. 49). Композиционным акцентом этой части города являлась Рождественская церковь, создававшая второй план панорамы, очень важный в формировании системы доминант Архангельска.

Для проведения в жизнь всей градостроительной политики в 1839 году был учрежден Строительный комитет во главе с гражданским губернатором и составлен строительный устав или «Положение об устройстве губернского города Архангельска» (см. Приложение 8). В обязанности Комитета, без ведома которого в городе запрещалось всякое строительство, входило наблюдение, «*чтобы здания... возводились были прочно и правильно... и служили к украшению города*», чтобы мосты, колодцы, парадные места содержались в исправности, а «*фасады... были сообразны Высочайше утвержденным планам... и украшения их немогосложны*» и, наконец, чтобы «*не нарушался план города*»¹³⁰. Кроме того, Комитет организовывал торги на размещение подрядов по возведению или ремонтам общественных зданий, выдавал пособия и ссуды на строительство, контролировал работу магазина строительных материалов.

С помощью «Положения» Строительный комитет сумел привести застройку города в единую систему: высота кровли до конька была ограничена 20 м, разрывы между домами не могли быть менее 8,5 м, на основных улицах здания должны были возводиться на каменных фундаментах. Была упорядочена и покраска всех строений: дозволялось красить дома только в белый, палевый, бледно-желтый, бледно-серый и бледно-розовый цвета¹³¹.

50. Проектный prospect. Соборный дом в г. Вологде.
Фото начала XX века.

51. Дом Мерзлютиных на углу набережной Северной Двины и Архирейской улицы. Вид с колокольни Михаило-Архангельского монастыря. Вдали — Благовещенская церковь. Почтовая открытка начала XX века

52. Псковский проспект (Средний, ныне ул. Чумбарова-Лупинского). Фото начала XX века

ЛОКМ. № 11070/1

Особое внимание при оформлении городского пространства уделялось организации перекрестков. Выходившие на них дома часто имели скругленные углы, акцентированные балконами. На Троишском проспекте это были купеческие дома — Костогорова (не сохранился) на перекрестке улицы Воскресенской, соборный дом (К., 31) и особняк Карпова (К., 30), на углу Соборной ул. (ныне ул. К. Либкнехта) с чугунными балконами (ил. 50), дом Мерзлютиных на Архирейской ул. (ныне ул. Урицкого; не сохранился), выделявшийся полуротондой (ил. 51; см. также ил. 109), и т. д. В городе таких зданий было немного, но, благодаря отмеченным особенностям и насыщенности декором, они активно выделялись среди рядовой застройки и во многом определяли лицо Архангельска в XIX веке.

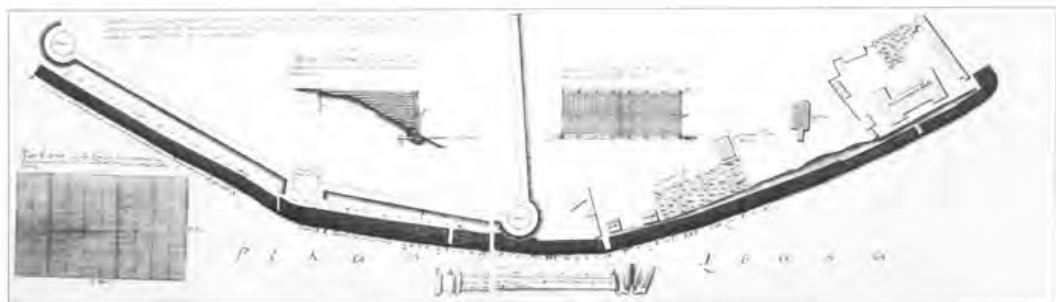
Ориентированные главными фасадами на улицу, дома стояли вдоль красных линий. Причем, как сами дома, так и флигели и ограды с воротами, часто занимали весь фронт участка по улице, представляя, таким образом, почти цельный фасад владельческого комплекса (ил. 52).

В глубине участков располагались самые разнообразные служебные и хозяйственные постройки, огороды и сады. Вместе они и составляли обычную городскую усадьбу. Размеры их в значительной различались для разных сословий. У купцов они были большими, нежели у мещан и крестьян. Самые большие занимали от 500 до 1000 квадратных саженей (примерно 2270–4535 кв. м), но чаще встречались усадьбы площадью около 300 квадратных саженей (примерно 1310 кв. м). В плане усадьбы, как правило, имели вид прямоугольника, выходившего на улицу одной из своих узких сторон¹³⁰.

Флигели использовались для жилья прислуги, нередко их сдавали внаем, иногда в них устраивали мастерские. Непременной принадлежностью усадеб были каретники, которым придавали большое значение, а потому даже их строили по образцовым проектам. Они включали в себя конюшню, сеновал, иногда — амбар и жилье конюха. В усадебных комплексах входили также ледники, бани, прачечные, дровяники. Последние имели односкатную кровлю, дощатые или решетчатые стены.

В первой половине XIX века было много сделано для благоустройства города. Изменился вид улиц и площадей. Центральные улицы получили булыжное мощение, для чего использовали камни старого немецкого двора. Кроме того, судам, прибывавшим в Архангельск, вменялось в обязанность в качестве балласта привозить булыжный камень¹³¹. То же обязаны были делать и крестьянские подводы, приезжавшие в город с товарами. Мощением мостовой перед своим домом должны были заниматься домовладельцы.

К 1870 году булыжное покрытие получила вся набережная на протяжении более 6 км при ширине около 15 м¹³². По всей длине были замощены Троицкий проспект, Псковский между Шенкурской и Псковской улицами, Петербургский — от заставы до Пинежской улицы, Семинарская улица — при самом въезде в город — между Петербургским проспектом и набережной. В Кузнечихе была замощена только улица, начинавшаяся от Пермской и продолжавшаяся до Сухопутного госпиталя, другие же оставались незамощенными. Зато большинство улиц имели деревянную мостовую, существовавшую в Архангельске с давнего времени. Но эти мостовые были недолговечными, их приходилось часто ремонтировать.

53. План, разрез («профиль») и фасад проектируемому обруббу вдоль берега Северной Двины, 1767

(«Часть в городе Архангельском старому каменному городу и пред ним над рекою Двиною вновь проектируемому деревянному обруббу, каким образом оной место обединяющего старого вывот, постройка надлежит, значит в том плане, в профиле и фасаде. Подан декабря 20 дня 1767 году»).
«С натурою сверял и сочинил инженер-квартирмейстер Александр Вихтин».

РГАДА. Ф. 248. Граф. материалы, Д. 702

В Архангельске не только мостовые, но и мосты, причалы, дренажи, а также и водостоки зачастую выполнялись из дерева. Предметом особой заботы властей были деревянные обрубы, укреплявшие берег реки (ил. 53). Издревле обрубы «строены были противу казенных мест от казны». В 1789 году, когда обрубы в очередной раз обветшали, губернское правление стало настойчиво просить Министерство финансов о разрешении использовать часть налоговых сборов для построения новых обрубов и ремонта старых, объясняя это тем, что «постройка обрубов против всего города не терпит ни малейшего промедления времени»¹³³. Ремонт обрубов был произведен, но значительно позже — в начале XIX века. Первоначально они представляли собой деревянные подпорные стенки в виде срубов вдоль берега. Сверх

ху — имели настил, на который нередко ставили отдельные постройки. Позднее обрубы устраивали в виде забитых в берег свай. Вверху их крепили горизонтальными бревнами.

В 1870-е годы старые фонарные столбы заменили новыми, выполненными по утвержденным образцам. До 1857 года город освещался сальными свечами, поставленными по две в каждом фонаре¹³⁴. Зажигали их, когда темно, с 20-х чисел августа. В лунные вечера город обходился и вовсе без освещения. В 1840-е годы в Архангельске начали использовать новый способ освещения, уже применявшийся в других городах, — с помощью смеси крепкого винного спирта и скипидара. Это средство оказалось весьма удобным как в техническом, так и в хозяйственном отношениях, а потому в 1854 году вышел указ об освещении спирто-скипидарной жидкостью¹³⁵. Столбы с такими фонарями ставили друг от друга в 30 саженьях. Всего же в Архангельске тогда было 814 фонарей, из которых 200 — на Троицком проспекте¹³⁶. Фонари имели шестиугольную призматическую форму и стояли на деревянных столбах, в местах, требующих особенного освещения: на площадях, перед главными зданиями и т. д. Широко распространены были фонари, поставленные перед воротами дома или подвешенные на кронштейнах.

54. Бульвар на набережной. Фото начала XX века

Частное собрание

Заметно изменило облик города появление бульваров. В начале 1860-х годов они украсили Успенскую улицу (ныне ул. Логинова), Набережную (ил. 54) на отрезке от Полицейской улицы (ныне ул. Свободы) до Успенской¹³⁷. Здесь над спускающимися к берегу поперечными улицами были перекинuty шесть деревянных мостиков (теперь этот бульвар стал короче, его современный облик сложился в основном к 1930-м годам). В центральной части Немецкой слободы еще в 1820 году был разбит Александровский сад, занявший целый квартал по Троицкому проспекту (ныне это территория стадиона «Динамо»).

В целом город производил благоприятное впечатление: «Архангельск имеет прекрасный вид, — писал в 1834 году один путешественник. — Улицы... вымощены камнем, с тротуарами, хорошей архитектуры дома военных и гражданских губернаторов, присутственные места, военные госпитали...»¹³⁸.

В 1847 году в Архангельске был пожар, который уничтожил все дома, находившиеся по Въезжему (ныне пр. Ломоносова) и Среднему (ныне пр. Чумбарова-Лучинского) проспектам между улицами Оперной (ныне ул. Правды) и Кирочной (ныне ул. Карла Маркса). Всего сгорело более 400 домов¹³⁹. Для нового строительства и приведения «города в лучшее устройство» по высочайшему указу составлен новый генеральный план (ил. 55), который после множества исправлений был утвержден Николаем I 14 октября 1854 года¹⁴⁰. По этому плану было завершено выравнивание кварталов, улиц, устройство площадей, за проектированных еще в первом генеральном плане.

Это четыре площади: Въезжая, Сенная, Конная, Военная. К существовавшим кварталам добавлен еще 31 квартал. По существу, этот план не предполагал значительных изменений, ибо основывался на идеях плана 1794 года. Город должен был по-прежнему развиваться вдоль реки, сохраняя исторически сложившиеся территории — Немецкую, Солдатскую, Морскую и Архирейскую слободы. Храмы XVIII века включались в новую объемно-планировочную структуру наряду с новыми зданиями как равноправные. Более того — они по-прежнему формировали пространственную среду главных улиц и площадей Архангельска.

Несмотря на градостроительные мероприятия, многие улицы все же оставались мало благоустроенными. Приблизительно две трети территории города были заболочены. Поэтому вдоль поперечных улиц прокладывались дренажные трубы, по сторонам улиц устраивались канавы, закрытые сверху деревянными мостками. При строительстве домов, даже небольших, требовалась забивка свай. Но и этого в борьбе с переувлажнением почвы оказывалось недостаточно. В соответствии с генеральным планом в 1856 году для осушения городской территории был прорыт обводный канал, глубина которого достигала 3,2 м, а местами и более 4 м. С одной стороны он имел уклон к Кузнечихе, с другой — к Быку. Со стороны монастыря и заставы, кроме канала, был земляной вал, означавший городскую черту, от которой начиналась «Большая столбовая дорога в город Холмогоры, Петербург и Москву»¹⁴¹. Сегодня канал засыпан, и по нему проходит проспект, названный Обводным.

55. Генеральный план-проект Архангельска. 1854

РГИА Ф. 1293. Оп. 166. Д. 7

56. Здание флотского полуэкипажа. Фото начала XX века

АСИРПМ. № 111

57. План Соломбалы. 1823

«План Архангельскому Адмиралтейству казенным и обывательским зданиям, расположенным на трех столбовых островах» (Большой, Малый и Новый).

РГАВМФ. Ф. 37. л. Он. 23. Ц. 1032

Экспликация. «Виды Архангельского Адмиралтейства»: 1. Прямые магазины; 2. Пристань и кропи; 3. Мачтовый сарай и чертежная; 4. Стенги; 5. Разные магазины; [...] 7. Кузнечный мост (через р. Петкукурова); 8. Пильные галереи; 9. Разные мастерские; 10. Кузница; [...] 14. Голубовоха; 15. Адмиралтейские ворота с палисадами; 16. Смоляница; 17. Сахарный завод; 18. Парусная; 19. Шапочный сарай; 20. Сарай с лесами; 21. Присутственные места и магазин; [...] 25. Бастион с флигелем. **Вне Адмиралтейства:** 26. Церковь Преображения Господня; 27. Казенный огород; 28. Канатный завод; 29. Смоляны; 30. Казенные дома со саунами; 31. Восемь офицерских корпусов; 32. Магазины; 33. Церковь св. Мартина; 34. Бисоделня; 35. Конюшенное строение; [...] 41. Служительские казармы; 42. Присутственные места; 43. Торговые лавки; 44. Торговые баки»

Большие изменения претерпели Солдатская и Архирейская слободы. Первая, находившаяся в Кузнечихе, состояла в основном из деревянных воинских домов. Новая планировка внесла лишь некоторые перемены. С 1855 по 1861 годы здесь строится трехэтажное кирпичное здание казармы Архангельского Гарнизонного батальона (К., 69). Занимая значительное пространство по Пермской улице (ныне ул. Суворова), за Въезжим проспектом (ныне пр. Ломоносова), оно стало локальной доминантой Солдатской слободы. Продолжилась застройка Архирейской слободы, расположенной между Благовещенской улицей (ныне ул. Розы Люксембург) и духовной семинарией. С открытия навигации в Архангельск приезжало на заработки много людей из Владимира, Вятки, Ярославля, Нижнего Новгорода, и они, как правило, жили в этой слободе. Квартирами здесь нередко служили чердаки домов, сени, амбары и сараи.

В Архирейской слободе рядом с монастырем (К., 3) и архирейским комплексом (К., 4) в 1809–1812 годах построили духовную семинарию. (Первая же семинария была открыта еще в 1729 году в Холмогорах, а в Архангельск была переведена в 1771 году. Тогда она размещалась в деревянном корпусе около архирейского дома.)

В 1910–1911 годах вместо обветшавшего здания семинарии было построено новое с домовою церковью св. Иоанна Богослова¹⁴² (К., 5). Ныне в этом здании располагается Поморский университет.

Изменения произошли и в Соломбале. Ее планы первой половины XIX века показывают, что наиболее быстро застраивался тогда Большой остров (ил. 57).

В этот период со стапелей верфи один за другим сходят корабли, построенные корабельным мастером А. М. Курочкиным. В 1804 году за постройку корабля «Сильный» он получил бриллиантовый перстень. В 1806 году А. Курочкин был назначен главным инспектором Архангельского порта. С этого времени он, по существу, возглавил все кораблестроение в Архангельске. Адмиралтейство, занимая по-прежнему все три острова, теперь разделилось на три части. К началу XIX века

Большом острове имелось 6 эллингов, на Среднем — более 40 казенных построек, на Малом — их было более 20 построек.

Обывательские дома, в которых жили матросы, плотники, резчики и столяры верфи, находились преимущественно на Большом острове. Там же размещались и офицерские дома. Дом «главного командира порта» стоял на Малом острове, а дом «капитана над портом» — на Большом. Через речки устроили четыре плавучих моста. Эти мосты были низкими, заливались во время весеннего паводка и потому каждое лето возобновлялись. Лишь при губернаторе де Траверсе в 1840-е годы их начали строить на сваях. Однако мосты нередко угрожали падением.

Почти все строения Соломбалы были деревянными. Каменных зданий существовало тогда только три — кузня, смоловарня и казначейство. Ощущался недостаток жилья. На месте старых деревянных казарм были запроектированы два каменных двухэтажных здания с колоннами по главному фасаду. Однако построенные они были по проекту, исправленному архитектором Рошиным, без портика, но с небольшим бельведером на крыше средней части здания. Первый корпус, ближайший к реке Курье, был возведен в 1823 году, в 1824 году — второй, аналогичный (ил. 56). До наших дней сохранился только южный корпус (К., 79), надстроенный в 1951 году до пяти этажей.

Перед казармами создавалась плацпарадная площадь, показанная уже на плане 1827 года¹⁴³ (ил. 58). Со стороны городского моста к ней предполагалось провести новый проспект — Никольский,

отделивший Адмиралтейство от жилья на Среднем и Большом островах. Проспект должен был выходить на торговую площадь, где проектировались лавки и обывательские кварталы. Но построены они были лишь к середине XIX века.

В это время Соломбала уже стала достаточно благоустроенной: на плацпарадной площади разбит сквер, Торговая площадь получила прямоугольные очертания, новые четыре квартала по берегу Северной Двины и Первая Соломбальская деревня имели свои приходские храмы (не считая кладбищенской церкви и Преображенского собора), берега Куры и Соломбалки были укреплены деревянными обрубками. Соломбальская гавань к 1861 году протянулась вдоль Северной Двины на 5 км (ил. 59).

58. План Соломбалы. Архитектор Уткин. 1827

(«Генеральный план Адмиралтейским
Архангельского порта...»)

РГАВМФ. Ф. 326. Оп. 1. Д. 80

59. Генеральный план Соломбалы. 1859.

(«Генеральный план г. Архангельска, составленный
в строительном департаменте Морского
министерства». Фрагмент)

РГАВМФ. Ф. 326. Оп. 1. Д. 293

В середине XIX века во всем мире стали заменять парусные суда паровыми. Однако к такой перестройке всего кораблестроительного дела Архангельское адмиралтейство оказалось не готово. К тому же Северная Двина быстро мелела, что вызвало трудности при проводке морских судов, да и Архангельск из-за отсутствия железной дороги был удален от лесных районов Севера. Все это привело к тому, что военный порт и Соломбальскую судостроительную верфь в 1862 году пришлось упразднить¹⁴⁴.

Жизнь в Соломбале замирает, хотя там сохраняются гидрографическая часть, а также Управление маяками и лоциями, созданное еще в 1705 году по указу Петра I, когда была составлена команда для проводки судов по фарватеру Северной Двины. Число жителей сократилось, дома опустели, а к моменту закрытия верфи их насчитывалось 1100 с населением 12 тысяч человек. Малый остров был продан Соловецкому монастырю, который построил здесь свое подворье и пристань.

После упразднения адмиралтейства Соломбалу причислили к городу. Однако, во второй половине XIX века в ее истории открывается новый этап. Она становится центром лесопиления. В 1875 году архангельский купец Я. Макаров, владелец нескольких домов и литейно-механической мастерской на Малом острове, рядом построил паровой лесозавод. Малый остров или, как еще его называли, Банный, стал промышленной зоной Соломбалы, где в начале XX века располагалось 13 лесозаводов. Остров начал оживать. Появились Английская, Французская, Бременская, Гамбургская улицы. И все же этот район города оставался неблагоустроенным. *«Несколько красивых каменных строений казенного характера, плохая набережная, целая куча деревянных домиков, наподобие картонных, сбитых в кривые улочки, иногда без мостков — вот и Соломбала, — так описывал ее В. И. Немирович-Данченко в начале 1870-х годов. — Нужда бьет из каждой щели: даже новенькие строения между ними кажутся яркими заплатками на лохмотье нищего»*¹⁴⁵.

Торговая площадь Соломбалы, подобно той, что расположена в центре города, имела выход к реке. Ее центральное положение обуславливалось пересечением здесь трех основных магистралей острова — Никольского проспекта (ныне ул. Левачева), Преображенской (ныне ул. Терехина) и Базарной (ныне ул. Георгия Иванова) улиц. До наших дней здесь сохраняются три каменные здания, являющихся градостроительными акцентами площади. Это торговый дом купца Макарова (К., 80), главный фасад которого выходит на площадь, а западный — на Никольский проспект. Затем Константиновский приют (К., 82) с ба-

шенкой на углу. Он стоит на перекрестке Базарной и Преображенской улиц. Третье здание — торговый дом братьев Макаровых (К., 81). Сама же площадь была заполнена деревянными рядами, лавками, различными лотками. Кроме того, здесь находились важня и даже деревянный электро-театр¹⁴⁶.

К 1911 году Соломбала была застроена до Обводного канала. Средний остров слился с Малым, ибо речку Соломбалку засыпали. От нее осталась лишь зимняя гавань между заводом Ульсена и Соловецким подворьем. Завод и подворье со своей пристанью заняли территорию бывшего Адмиралтейства. Главной улицей Соломбалы стал Никольский проспект, проходивший через весь остров параллельно Северной Двине. Он был застроен двухэтажными домами купцов, казенными домами. Роль градостроительной доминанты острова по-прежнему принадлежит Преображенскому собору (см. ил. 93).

Одним из самых заметных зданий на проспекте являлся «Народный дом императора Петра I», построенный в 1911 году на местные средства (см. ил. 121). Он должен был не только украсить Никольский проспект, но и *«улучшить быт многочисленного... в Соломбале рабочего населения и содействовать его духовному развитию»*¹⁴⁷. В нем размещались столовая с чайной, библиотека с читальней и театральный зал на 750 мест.

Соломбальскую гавань формировали, по преимуществу, казенные здания: таможня, английское консульство, лошманская контора и англиканская церковь (ил. 60–63). Основным композиционным центром в ней по-прежнему являлась церковь св. Иоанна Рыльского.

Изменился характер рядовой застройки Соломбалы: во второй половине XIX века исчезли хозяйственные дворы с поветями, вместо них было устроено дополнительное жилье, которое нередко сдавали внаем. В Соломбальских деревнях и теперь еще можно увидеть застройку XIX — начала XX века с характерной пестротой стилей, объединенных узнаваемым соломбальским колоритом.

С появлением в 1898 году железной дороги Вологда — Архангельск и проведением работ по углублению судоходных фарватеров вновь возрождается порт, который во время Первой мировой войны приобрел исключительное значение, ибо был единственным портом, через который поддерживались связи с союзниками. В этот период Архангельск становится перевалочным пунктом для сибирского хлеба, шедшего на экспорт, крупным по тому времени лесопромышленным районом, производящим на экспорт лесные материалы. Все это вызвало рост финансового капитала, промышленности, торговли и, как следствие, оживление строительства в городе.

60. Соломбала. Таможня и англиканская церковь.
Почтовая открытка начала XX века

61. Соломбала. Англиканская церковь и вдали
церковь св. Иоанна Рыльского на набережной.
Почтовая открытка начала XX века

В Архангельск, к левому берегу Северной Двины, стали приходить пассажирские поезда. На правом берегу, в городе, была пристань, с которой перевозили пассажиров на железнодорожную станцию и обратно.

В ряду градообразующих факторов важную роль стала играть промышленность, развивающаяся в загородном районе, получившем название Быка. Главной улицей этого района был Почтовый Тракт — продолжение Петербургского проспекта (Въезжей улицы). На шестой версте от города построили лесопильные заводы «Суркова и Шергольда». Недалеко от них, но ближе к городу — кожевенный завод, который перерабатывал не только кожи скота, но и шкуры морского зверя. Еще ближе к городу от кожевенного завода стояли кирпичный и алебастровый заводы. Так, включая Смоляной и Льяной буяны с пристанями, эта промышленная часть продолжила

развитие города на юг. На севере продолжением города явились небольшие селения, расположенные за Соломбалой, вдоль реки Маймаксы. Здесь среди мощного лесного района строятся лесопромышленные предприятия Стюарта, Бранта, Классена. Маймаксанский район становится основным ядром лесной промышленности Архангельска. Лесозаводы строили и на других островах. На Моисеевом острове появился завод Стюарта, на Кегострове — торгового дома «Головин и Гест», в Цигломени — лесозавод «Чудинов и Костогоров». Возникшие вокруг города многочисленные заводы в советский период вошли в городскую черту.

Промышленные предприятия проникли и в центральную часть Архангельска: на Петербургском проспекте (ныне пр. Ломоносова) между улицами Печорской (ныне ул. Выуческого) и Благовещенской (ныне ул. Розы Люксембург) была построена канатная

62. Соломбала.
Застройка заставы.
Почтовая открытка
начала XX века

63. Соломбала. Застройка окраины.
Фото начала XX века

АСНРПМ, № 72

фабрика, занявшая территорию нескольких кварталов. Пивоваренный завод купца Суркова (К., 59) занял полквартала на Финляндской улице (ныне ул. Попова), почти выйдя на набережную. Однако самыми крупными были казенные винные склады, занявшие целый квартал (К., 73). Их торжественная закладка произошла 22 июля 1899 года¹⁴⁸, а в 1901 году уже был построен главный корпус, выходящий на набережную Двины. К 1905 году там появилось еще 10 зданий. Так, в городе возник новый планировочный элемент: промышленный район, около которого стали формироваться новые кварталы, заселявшие рабочих.

В этот период Архангельск в какой-то мере восстановил свою прежнюю роль крупного торгового города. И не удивительно, что для торговли с иностранными государствами теперь использовался весь порт с его складами и причалами.

Участки порта были расположены в пяти местах города: Смольный и Пеньковый буяны, Соломбальская гавань, Маймакса и на левом берегу Двины. Порттовые склады располагались преимущественно в южной части города, занимая набережную в районе Смольного буяна. Здесь же находилась станция железной дороги.

Неподалеку проходил Петербургский тракт — главная грунтовая дорога, связывавшая Архангельск со всей страной.

Кроме того, у Льяногого буяна была построена хлебная пристань: сюда везли зерно и муку для всей Архангельской губернии.

Основным средоточием внутригородской торговли стали Троицкий проспект (ил. 64–66), особенно на участке от Соборной улицы (ныне ул. К. Либкнехта) до Тетраальной (ныне ул. Володарского), а также Поморская улица, выходящая на Торговую площадь. Тут были и торговые дома, и магазины, а рядом, на самом берегу, находился городской базар. «На базаре главным образом лавчонки с берестяными бураками, кусками холста ручной работы и пряжи для рыболовных сетей; свежих овощей... не видно никаких. Овощи здесь очень поздно вызревают. Парники только при богатых домах. Зато рыбы много!» — писал известный петербургский журналист и издатель Н. А. Лейкин¹⁴⁹.

Здесь же находилась и Рыбная пристань (ныне пристань пригородного пароходства), к которой в летнее время приставали поморские карбасы, привозившие рыбу, дрова, сыры из Холмогор, картофель...

Торговля шла и в других местах города. Сенот торговали на Сенной площади — на углу Петербургского проспекта (ныне пр. Ломоносова) и Печорской улицы (ныне ул. Выучейского). Тут размещались скотопригонная площадь и важня. Сено привозили чаще всего из Холмогор, но бывали возы даже с Печоры.

Ныне этот перекресток отмечен домом, имеющим на углу эркер с башенкой. Такие башенки, являясь главным композиционным акцентом фасада, как правило, фиксировали углы домов, обращенные на перекрестки. Подобные башенки по Петербургскому проспекту встречались почти через каждый квартал, в настоящее же время сохранились лишь три из них (пр. Ломоносова, 25, 86 и 126).

64. Троицкий проспект. Вид с пожарной каланчи. Фото Я. И. Лейцингера. Конец XIX века

АСНРПМ. № 72

На втором плане: аптекарская кортца, Борюская Успенская церковь и каменоломня я был. Сахарный завод (Теплические улицы)

Торговля в Кузнецких сосредоточивалась на площади, расположенной на перекрестке Петербургского проспекта и Пермской улицы (ныне ул. Суворова). Застройка здесь и в начале нашего века оставалась деревянной и одноэтажной. Каменные дома появляются лишь на Пермской улице. Это комплекс каменных зданий больницы Приказа Общественного Призрения (К., 71). Одно из них было построено еще в середине XIX века.

На перекрестке Пермской улицы и Обводного канала в 1905–1906 годах была выстроена Булычевская богадельня с домовою церковью (К., 68) — крупное, богато декорированное здание¹⁵⁰ (см. ил. 118).

Начало XX века ознаменовалось для Архангельска появлением общественного транспорта: к 1917 году три Соломбальских острова вместе с Маймаксою окончательно превратились в новый городской район. Стали развиваться Загородный и Левобережный районы, в которых появляются промышленные и складские строения, пристани для речных и железнодорожных путей. На левом берегу были построены паровозное депо и железнодорожная станция.

В 1916 году Соломбала была соединена с городом трамвайным движением: трамвай стал ходить по Троицкому проспекту. Автобусное движение в Архангельске открылось раньше, чем в Петербурге и Москве, — в 1907 году. Первый автобус немецкой фирмы «НАГ» перевозил только 16–25 пассажиров. Он также ходил по Троицкому проспекту, заменив собою дорогостоящих извозчиков.

Произошли изменения и в благоустройстве города. В 1903 году был сооружен городской водопровод с водокачкой (в Соломбале свою водокачку построили только в 1919 году).

Появилось и электрическое освещение. В 1909 году провели первую линию по городскому рынку до банка, что стоит на углу набережной и Банковского переулка, от Гагаринского сквера (ныне сквер около театра) до Присутственных мест, от Сурского подвоя до Архиерейской улицы. Частично освещался и Троицкий проспект. Для подвески проводов вдоль улиц были поставлены десятиметровые столбы¹⁵¹. В 1916 году на перекрестках главных улиц появились круглые рекламные тумбы.

65. Троицкий проспект.
Вид с башни Городской думы.
Фото П. П. Покотило, 1902

ГААО. № 2-768

Слева — матерчатая юбка, Борзовская Успенская церковь с колокольней и башня Сахарный завод (Техническое училище), вдали на горизонте — Кузнецкий Троицкий шорный с колокольней

66. Рождественская церковь с колокольней и Солотечное подворье.
Вид с крыши Троицкого собора.
Фото П. П. Покотило, 1902

ГААО. № 2-773

Вдали прямо — Михайло-Архангельский монастырь, на горизонте слева — Ильинская церковь и колокольня на тираской кладбище. Слева от Рождественской церкви — Троицкий проспект

67. Памятник Петру I на берегу Северной Двины. Скульптура работы М. М. Антокольского, постамент инженера С. А. Печа. На нем — даты посещения императором Архангельска. Фото М. И. Милыкина. 1992

68. Памятник Петру I и защитный павильон над петровским домиком, перенесенным из Новодвинской крепости. Фото М. Д. Терентьева. 1910-е годы

Собрание Б. И. Зайцева (Милки)

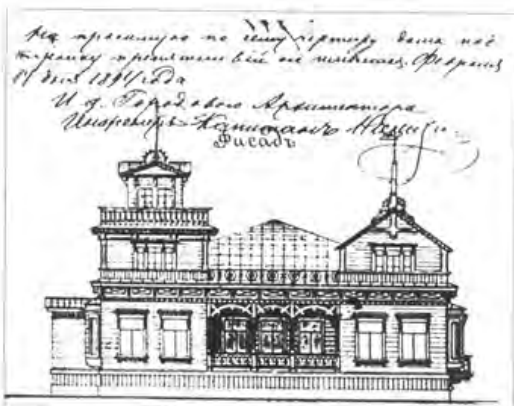
В 1914 году на Пур-Наволоке, там, где в XVI веке был основан город, неподалеку от Михайло-Архангельской церкви был поставлен памятник Петру I работы выдающегося скульптора М. М. Антокольского. Бронзовая статуя была отлита в его мастерской¹⁵² и установлена так, что фигура царя была обращена к водным просторам (ил. 67). Однако на их фоне памятник получился недостаточно монументальным.

Вопрос о его установке поднимался в Городской думе давно. В 1910 году был объявлен местный конкурс на проект постамента. Лучшим признали проект инженера С. А. Печа, на котором высечено: «Петру Великому», а на четырех гранях четыре даты — 1693, 1694, 1702, 1911. Первые три означали годы посещений царем Архангельска, последняя — год проведения конкурса на лучший проект постамента.

Рядом с памятником, на этом же бульваре, стоял петровский домик, сооруженный в 1702 году на острове Марков, где царь жил во время строительства Новодвинской крепости. В 1710 году домик был перенесен на форштадт крепости, а оттуда в 1877 году — в Архангельск, где над ним был сооружен деревянный футляр¹⁵³. В 1908 году Городская дума постановила «домик перенести на береговую площадь против собора...». В 1911 году его поставили на новом месте, теперь уже в кирпичном павильоне, в котором одновременно разместился и петровский музей¹⁵⁴. Это усилило репрезентативный характер набережной и подчеркнуло историческое значение Архангельска (ил. 68).

Таким образом, к началу XX века город продолжал сохранять традиционное деление на социально-функциональные зоны. По-прежнему они различались между собой этажностью и плотностью застройки, архитектурно-планировочными приемами, выраженностью стилевых признаков.

Административно-деловой центр оставался в прежних границах современной улицы Свободы — Троицкого проспекта — Воскресенской улицы. Но в 1911 году произошло расширение Ломоносовской площади против здания Присутственных мест, «для чего снесена ограда, отделяющая площадь от сада против дома губернатора и срублены... мелкие деревья»¹⁵⁵.

69. Проект дома купца А. Меиснера в Немецкой слободе. Фасад. 1894

ГААО. Ф. 60. Оп. 97. Л. 203

70. Часть набережной с Успенской церковью и заводом Бранта. Акварель В. Е. Галямина.

АМПП. № 2898-г

Торговый центр, находившийся в границах современных улиц К. Либкнехта — ул. Правды — Троицкого пр. — набережной, имел базар на Торговой площади и Рыбную пристань. Здесь было много купеческих домов, среди которых были здания Почтовой (К., 36) и Банковой контор (К., 35), подворья Соловецкого (К., 37) и Николо-Корельского (К., 39) монастырей. Появились и два новых подворья — Пертоминского и Красногорского монастырей.

Немецкая слобода была ограничена современными ул. Свободы — Набережной — Троицким проспектом — ул. Шубина. Теперь ее облик определяли здания сахарного (К., 64) и пивоваренного (К., 59) заводов, дома-особняки. Некоторые из них даже имели оранжереи. Здесь особенно часто можно было встретить дома с башенками, террасами, балконами с застекленными эркерами (ил. 69). Несмотря на произошедшие изменения, здание сахарного завода Бранта наряду с Успенской церковью продолжало господствовать в застройке набережной так же, как это показано на акварели В. Е. Галямина 1826 года (ил. 70). Хотя в Архангельске в годы Первой мировой войны открылось шесть иностранных консульств, архитектура рядовых построек Немецкой слободы ничем не напоминала западноевропейскую.

На рубеже веков в Архангельске появилось несколько новых храмов, среди которых наиболее значительным было возведенное в 1907 году Сурское подворье (К., 14), на третьем этаже которого располагалась церковь¹⁵⁶. Помимо основного здания подворья входили двухэтажный дом, каретник с гребями, дровяной сарай. Восточный фасад подворья обращен к Оперной площади (ил. 71), северный выходит на Троицкий проспект, а южный — на режную. Таким образом, этот комплекс формировал площадь, а также начинал собою проспект и на режную. Не удивительно, что подворье и ныне, утратив три главы, продолжает играть важную роль в градостроительной структуре центра.

71. Сурское подворье. Вид со стороны Оперной площади. Фото 1910-х годов

ГНИМА № V-31092

На набережной Кузнечихи, в начале Госпитальной улицы (ныне ул. Гагарина) в 1912 году построена каменная церковь Всех Скорбящих Божьей Матери с высокой шатровой колокольной. Несмотря на мастерски выполненный декор, эта церковь внесла некоторый диссонанс в малоэтажную застройку Солдатской слободы. Введенская церковь на Костромском проспекте (ныне пр. Советских Космонавтов) в 1905 году заняла довольно значительное пространство между улицами Поморской и Театральной (ныне ул. Володарского).

В Немецкой слободе были построены иноверческие храмы: мечеть, костел, англиканская церковь. В конце Лютеранской улицы (ныне ул. К. Маркса) в 1905 году срубили деревянную мечеть¹⁵⁷. Во главе исламской конфессиональной группы стоял имам, подчиненный Оренбургскому духовному собранию магометан. Мусульман, как и католиков, особенно много было среди военных. Не случайно, что до построения костела богослужение проводилось в Кузнечевских казармах (католическая община возникла еще в 1845 году). Первый костел находился в Монетном дворе — части старого Немецкого гостиного двора. В 1896 году для него было возведено специальное здание на углу Троицкого проспекта и Олонейской улицы (ныне ул. Гайдара)¹⁵⁸. Место на стыке двух улиц придало костелу доминирующую роль среди одно-, двухэтажной застройки.

На набережной Северной Двины, чуть в глубине квартала между улицами Полицейской (ныне ул. Свободы) и Лютеранской (ул. К. Маркса) построили англиканскую церковь во имя св. Георга. Деревянная сгорела в 1851 году. В 1852 году англиканская община арендовала здание английского общества, перестроив его для церкви. Поскольку здание первоначально было каменным, в нем не было ни высокой башни, ни ажурных стрельчатых окон, но на набережной оно выделялось своим нарядным фасадом. Новые храмы не только обогатили композицию исторического центра и силуэт города, но и дополнили собою систему локальных доминант.

72. Папорама Пур-Наволока со стороны Северной Двины. Фото Я. И. Лейцингера. 1902

Собрание Н. В. Антимова (Москва)

Слева направо: впади Гостиный двор, Михайло-Архангельская церковь, Троицкий собор с колокольной, Банковский и Почтовая конторы

Итак, Архангельск, включивший в себя постройки допетровской и послепетровской эпох, к началу XX века имел хорошо скомпонованный регулярный генеральный план, подчиненный Северной Двине, с центром в месте ее поворота — на мысе Пур-Наволоок. Основные элементы объемно-планировочной структуры центральной части города сохраняли свое местоположение и функции на протяжении, по крайней мере, двух веков. Осталась неизменной и доминантная роль храмов среди по-прежнему относительно низкой рядовой застройки. В результате Архангельск сохранил выразительный силуэт, особенно величественный со стороны Северной Двины (ил. 72). Вскоре после Октябрьской революции фасад города — главная его достопримечательность — был разрушен почти полностью. Это невосполнимая потеря для города с 400-летней историей.

Примечания

¹ Куратов А. А. Ранняя история Архангельска в свете археографии и палеографии. Архангельск, 1984. С. 7, 8.

² Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 2. Автор утверждает, что «монастырь Архангельский, древностию все Московские монастыри превосходящая обитель, построенная во втором на десять столетии».

³ Ряд исследователей, начиная с митрополита Макария, связывают начало монастыря с последним новгородским епископом Иоанном (1387–1414), датируя Архангельский монастырь XIV веком. Современный исследователь В. Ф. Андреев, анализируя материалы А. А. Шахматова о двинских грамотах XV века, выводит дату основания монастыря — 1389 год. См.: Андреев В. Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 67–69.

⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. Л., 1925. С. 426.

⁵ Аверосий. История Российской иерархии. Ч. 3. М., 1811. С. 301.

⁶ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 годах. М., 1948. С. 94–95.

⁷ Петр Афанасьевич Нащокин — двинский воевода в 1582–1584 годах. После окончания строительства города выехал в Москву (28 июня 1584 года). См.: ПСРЛ. Т. 33 (Холмогорская летопись). Л., 1977. С. 71, 119; Кольков Н., Устюжский В. Основатели Архангельска // Православный Север. 1970. 31 июля.

⁸ Алексей Никифорович Залещанин-Волохов (1541–1590-е годы), второй двинский воевода в 1582–1584 годах. См.: ПСРЛ. Т. 33. С. 150, 169; Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 71, 119.

⁹ Косточкин В. В. Новые данные о стенах и башнях Соловецкого монастыря // Архитектурное наследство. М., 1972. Вып. 20. С. 34; Буров В. А., Скопин В. В. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее задан монхе Трифоне // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985. С. 58–63.

¹⁰ «Чертеж» и «роспись» содержали описание предполагаемого в строительстве города с его основными размерами («мерами») и особенностями географической ситуации. Об организации проектирования новых городов в средневековой России см. подробнее: Алферова Г. В. Русские города XVI–XVII веков. М., 1989. С. 86–102.

¹¹ ААЭ. Т. I. СПб., 1836. С. 380; То же см.: Куратов. Указ. соч. С. 14–16.

¹² Акты Лоденской церкви Архангельской епархии. СПб., 1908. С. 91–93 (далее — Акты...).

¹³ В хронографе эта запись дана под 7092-м годом, который для ноября месяца означает 1583-й. См. подробнее: Богуславский Г. А. Когда был основан Архангельск? // Известия ВГО. Т. 120. 1988. Вып. 5. С. 464.

¹⁴ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. // РИБ. Т. 25. СПб., 1908. С. 103.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 33 (Двинская летопись). С. 150, 169.

¹⁶ Алферова Г. В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI–XVII веках // Вопросы истории. 1977. № 7. С. 66. 1583 года как даты основания Архангельска придерживаются несколько современных исследователей. См.: Накашидзе Н. Т. Русско-английские отношения во второй половине XVI века. Тбилиси, 1977. С. 21; Гелл А. Г. К вопросу о дате основания г. Архангельска. Архангельск, 1968. С. 3 (на правах рукописи хранится в библиотеке им. Н. А. Добролюбова). Осенинников О. В. Оборонительные сооружения северо-русских городов (Архангельск, Каргополь, Холмогоры, Сольвычегодск) //

Летопись Севера. М., 1972. Вып. VI. С. 212–213; Богуславский. Указ. соч.

Однако большинство авторов датируют основание города лишь 1584 годом. См.: Крестинин. Указ. соч. С. 156–162; Огородников С. Ф. 1) История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 5–11; 2) Очерки истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 48; Новожилов Ю. К. 1) К вопросу об основании города Архангельска: Сб. ист.-краевед. ст. // Ученые записки. Вып. 16. 1964. С. 176–203; 2) Первый морской порт России // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1983. С. 23–28; Фруменков Г. Г. Архангельск в истории нашей Родины // Роль Архангельска в освоении Севера: Тез. докл. Всесоюз. конф. Географ. о-ва СССР. Архангельск, 1984. С. 5–8; Колпаев А. И. Основание города Архангельска // Роль Архангельска в освоении Севера... С. 21–22; Шаскольский И. П. Историко-географические предпосылки возникновения и развития Архангельска // Роль Архангельска в освоении Севера... С. 43–45; Куратов. Указ. соч. С. 5–6.

¹⁷ ГААО. Ф. 1408. Оп. 2. Д. 18 (1584 г.). Л. 1. Опубли.: Куратов. Указ. соч. С. 19.

¹⁸ Акты... С. 102.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9 — книга письма Мирона Вельянинова. О нем см.: ПСРЛ. Т. 33 (Двинская летопись). С. 153. Упомянутая в литературе аналогичная книга А. Звенигородского 1587 года остается неизвестной.

²⁰ Когда в июле 1636 года значительная часть «города» сгорела, впоследствии просили разрешения у царя стойкий острог не восстанавливать, «а выгорелую городовую стену... ставить на острожном месте близко самого речу». Царь с этим не согласился и указал «город и острог и башни... делать по-прежнему». [РГАДА. Ф. 141 (1636 г.). Д. 26. Ст. 25–26, 30].

²¹ Одновременно с устройством тайника берег реки был укреплен обрубом. См. подробнее: Дмитриева З. В., Мильчик М. И., Чистиков А. Н. Два документа из ранней истории Архангельска // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1998. С. 133.

²² Записка о путешествии в Россию Яна Савана в 1586 году // Русский вестник. 1841. Т. I. Ч. I. С. 228.

²³ Карта побережья Белого моря с видом Архангельска из книги Адама Олеария (*Olearius A. Ausf hrlliche Beschreibung nach Moscov und Persien...*, Schtesswig. 1663). Олеарий, совершивший путешествие по России в 1634–1635 и 1643 годах, сам не был на Севере и воспользовался изображением Архангельска, уже имевшимся на западноевропейских картах России. Скорее всего, оно заимствовано с карты Московии Гесселя Герритца 1613 г. (воспроизведение см.: Кордт В. В. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1910. Вып. II. Табл. XV). Издатель указал в заголовке, что он, используя подлинник карты царевича Федора Годунова, «расширил его до рек Двины и Сухоны» (подробнее см.: Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974. С. 57, 58 и сл. 12). Таким образом, это наиболее раннее изображение Архангельска, выполненное кем-то из западноевропейских путешественников до 1613 года, т. е. в первые десятилетия существования города.

²⁴ Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера: Страницы истории. Л., 1981. С. 111–112.

²⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9. Л. 11 об. — 13.

²⁶ При рытье котлована по ул. К. Либинехта в 1960 г. были открыты подземные дренажные трубы и старинные захоронения в дольбых гробовидных, относящиеся к начальному периоду существования города [ГААО. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 1232 (1966–1968). Л. 1–3]. К сожалению, при строительных работах эти ценные находки были уничтожены.

1* Акты... С. 110-111.

2* Записка о путешествии в Россию Жана Сомая Диепена в 1586 году // Русские вестники. 1841. Т. I. Ч. I. С. 228.

3* ПСРЛ. Т. 33 (Холмогорская летопись), С. 146. Бранит — герцогство, а затем провинция Нидерландов.

4* Крестинин. Указ. соч. С. 162-146.

5* Кириллов А. К топографии Архангельска в первом столетии его существования // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Сб. 13. 1910. С. 43-73. Чертеж 1712 года см.: ГААО. Ф. 53, Оп. 2, Д. 108. Описание Юрьева звоза 1711 года опубликовано: Овсянников О. В. К топографии и топографии старинного Архангельска // Вопросы топонимии Подвигия и Поморья: Сб. ст. Архангельск. 1991. С. 71-73.

6* РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 9. Л. 2-3. Монастырские церкви сгорели в пожаре 1636 года [РГАДА. Ф. 141 (1636 г.). Д. 26. Ст. 2, 5]. Нам известно еще об одном девятишатровом храме, который в начале XVII века стоял на Шуньинской погосте, в вотчине Тихвинского монастыря (Карелия в XVII в.: Сб. док. Петрозаводск, 1948. С. 202-205). Об облике подобных храмов мы имеем лишь общее представление, ибо они никогда не были зафиксированы и не сохранились до нашего времени. Известна лишь пятишатровая Троицкая церковь 1727 года, стоящая и теперь в Неноксе (Забелло С., Иванова В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 134-135).

7* Крестинин. Указ. соч. С. 3.

8* Воскресенский приход возник почти сразу же после основания города (Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1. С. 42). Первая Воскресенская церковь, по всей вероятности, сгорела в пожаре 1636 года и вскоре была отстроена заново, но теперь она стала клетской с шатровым приделом (Дмитриева, Мильчик, Чистиков. Указ. соч. С. 134).

9* Сибирцев И. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII века. Архангельск, 1894. С. 9.

10* Там же. С. 6.

11* РГАДА. Ф. 141. Оп. 1 (1636 г.). Д. 26. Ст. 2, 6.

12* Там же. Д. 54. Ст. 2, 4, 9.

13* БРАН ОР. Д. 619. Л. 111 об.

14* Кистерил. К истории Михайло-Архангельского монастыря в городе Архангельске. Опись монастыря 1683 года // АЕВ. 1895. № 4. С. 117.

15* Челищев П. Н. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886. С. 82.

16* Амарсий. История Российской иерархии. Ч. III. М., 1811. С. 303.

17* РГАДА. Ф. 141 (1636 г.). Д. 54. Ст. 2 об., 5-5 об., 10.

18* ПСЗ. Т. V. 1830. С. 167.

19* Мейерберг А. Описание путешествия в Московию // ЧОИДР. 1879. Кн. 3-4.

20* ДАН. Т. III. СПб., 1848. С. 111, 113. См. также: Овсянников О. В. О каменных палатах XVII века в северорусских городах // КСИА. М., 1977. Вып. 148. С. 105-106.

21* РГАДА. Ф. 141. Оп. 2 (1646 г.). Д. 116. Ст. 1-3.

22* Овсянников О. В. Архангельск как военный форпост России на Севере // Роль Архангельска в освоении Севера... Архангельск, 1984. С. 29.

23* Крестинин. Указ. соч. С. 10.

24* Архив СПб. ФИРИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 84. Л. 1-23. Затинишки — служивые люди, отвечавшие за «затинную», т. е. стоявшую за крепостной стеной артиллерию.

25* РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 243. Ст. 1, 17; ПСРЛ. Т. 33 (Двинской летописец). С. 156.

26* РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 243. Ст. 20; ПСРЛ. Т. 33 (Двинской летописец). С. 155; Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 27-28.

27* ПСРЛ. Т. 33. С. 157-158.

28* РГАДА. Ф. 141. Оп. 2 (1636 г.). Д. 54. Ст. 25.

29* РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 292. Ст. 1.

30* Ср. со второй Олонешской крепостью (1670-1672 гг.). См.: Мильчик, Ушаков. Указ. соч. С. 111-113.

31* Посольство Конрада фон Кленки и царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу / Пер. А. М. Ловягина. СПб., 1900. С. 265.

32* Bruins, Cornelis de. Reizen over Moskovie, door Persie en Indie. Amsterdam, 1714. S. 17.

33* Сибирцев. Указ. соч. С. 33.

34* ПСРЛ. Т. 33 (Двинской летописец). С. 149.

35* Архив СПб. ФИРИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 14 (1697-1711). Л. 1-1 об.

36* Огородников С. Эпизод из жизни Архангельска // АГВ. 1893. № 77.

37* ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 158 (1687 г.). Л. 1.

38* Там же. Оп. 2. Д. 27. Ч. XII. Л. 12.

39* О высочайших пришествиях Великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича из царствующего града Москвы на Двину, к Архангельскому городу. М., 1783. С. 23-26.

40* Bruins, Cornelis de. Op. cit. S. 15.

41* Там же.

42* Письма и бумаги императора Петра Великого, Т. I. С. 18-19.

43* РГАДА. Ф. 137. Архангельск. Д. 44а (1702 г.). Л. 22.

44* Панятная книжка Архангельской губернии на 1913 год. Архангельск, 1913. С. 79.

45* Архив СПб. ФИРИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 26 (1710 г.). Л. 2-12.

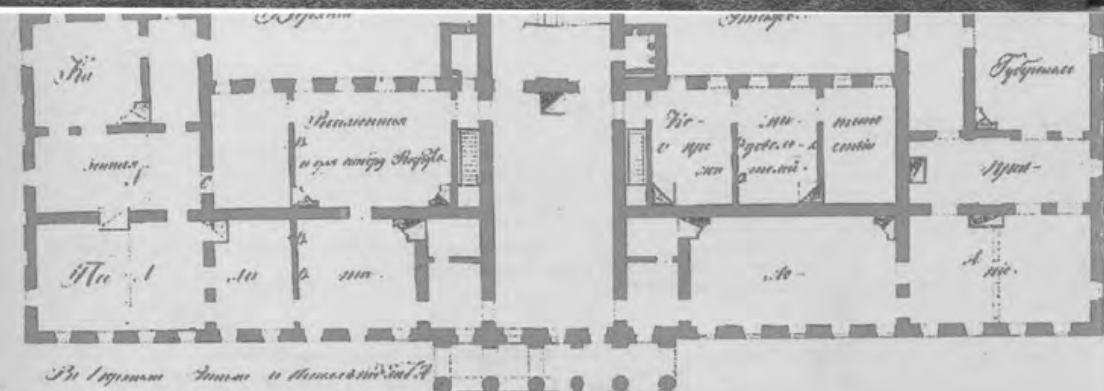
46* РГА ВМФ. Ф. 3/а. Оп. 23. Д. 958 (атлас «Сила Российской империи»). Л. 198. Атлас датируется 1764 годом, однако сравнение помещенного в нем плана Архангельска с крупномасштабными планами города 1730 (РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1676) и 1739 годов (РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1680) говорит о том, что план атласа полностью повторяет ситуацию, зафиксированную планами 1730-х годов.

47* ГААО. Ф. 29. Оп. 36. Д. 174 (1881 г.). Л. 6.

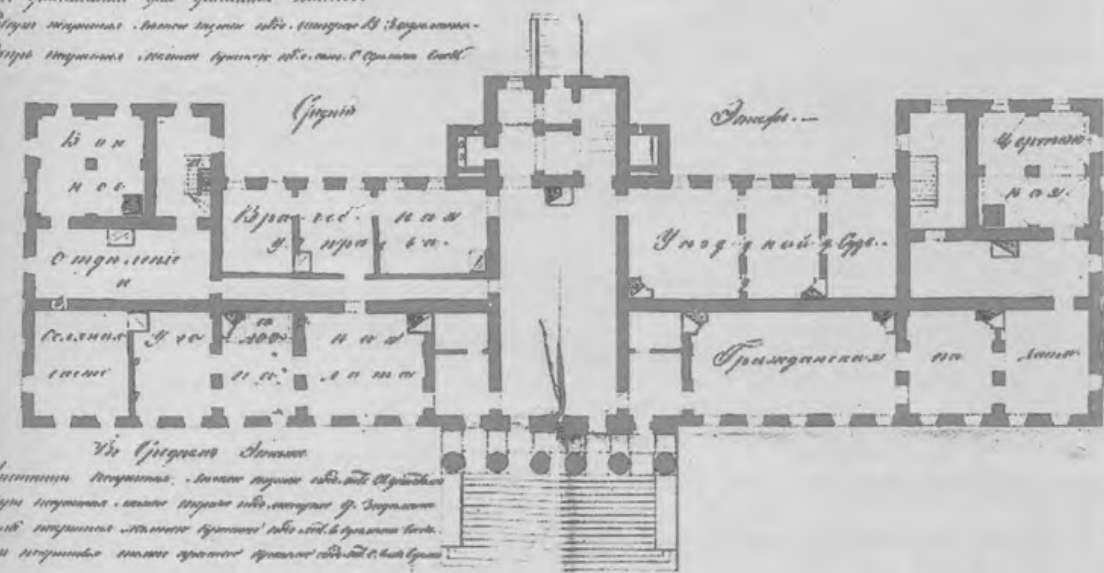
48* ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 55 (1794 г.). Л. 1-5.

- ¹⁵ СПб. ФИРИ. Ф. 10, Д. 61 (1713 г.). Л. 4.
- ¹⁶ Чертеж приложен к прошению «колмогорца Никиты Коровкина об отводе ему под дворовое строение пустого болатного места», относящегося к 1713 г. Текст прошения см.: Овсепников, К. Топономические и топографические... С. 76–77.
- ¹⁷ ГААО. Ф. 4, Оп. 1, Д. 160. Л. 39.
- ¹⁸ ГААО. Ф. 31, Оп. 3, Д. 245. Л. 1–3.
- ¹⁹ Икона «Архангел Михаил с видом Архангельска». 1741 года. Иконописец — некролеп Григорий Попов. Гос. муз.-заповедник Коломенского, инв. № Ж 724, размер 91х74 см. Об иконе и изображенной на ней панораме Архангельска см.: Полякова О. А. Иконы с изображением памятников в собрании музея «Коломенское» // ПКНО. 1986. Л., 1987. С. 503–507; Мильчик М. Фотографии... из XVIII века // Летописец Севера: Ист.-краевед. сб. Архангельск, 1990. С. 27–80.
- ²⁰ Икона «Архангел Михаил с видом Архангельска». Середина XVIII века. Иконописец — Григорий Попов. Ильинский собор г. Архангельск, 120х89. Благодарим Н. М. Колюшова за предоставление слайдов, снятых с этой иконы после завершения ее реставрации.
- ²¹ Архив СПб. ФИРИ. Ф. 1, Д. 644. Л. 17.
- ²² ГААО. Ф. 1, Оп. 1, Д. 159. Л. 1–15. «Чертеж башням деревянным у города Архангельского, которые близ двора его Императорского величества, в котором жителю имеет генерал-лейтенант... Архангелогородской субергатор-господин Лукарев». Чертеж опубликован: Овсепников О. В. Архангельский деревянный «город» XVI–XVII вв. // КСИА. М., 1989. Вып. 195. С. 92–97.
- ²³ ГААО. Ф. 29, Оп. 36, Д. 27 (1823 г.). Л. 5.
- ²⁴ Известия Имп. Археологической комиссии. СПб., 1911, Вып. 41, С. 28. См. также в гл. II, сноску 15.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1350, Оп. 312, Д. 2 (1797 г.). Л. 32.
- ²⁶ ГААО. Ф. 6, Оп. 17, Д. 66 (1830 г.). Л. 30.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 192, Архангельская губ. Д. 17. До сих пор местонахождение самой гравюры было неизвестно (Барашков Ю. А. Архангельск: Архитектурная биография. Архангельск, 1984. С. 32). Фрагменты ее копии, хранящиеся в Областном краеведческом музее, воспроизведены Б. В. Педовским и Э. Д. Добровольской с датой 1775 год (Педовский Б. В., Добровольская Э. Д. Вокруг Архангельска. М., 1978. С. 84–93), источник которой не указан. На самой гравюре, опубликованной здесь впервые, дата отсутствует. Рисунок для гравюры Прокоп Тасхов (его имя указано в левом нижнем углу листа) выполнил, вероятно, не ранее 1779 года, ибо на ней уже изображена построенная к этому году соборная колокольня, но не позднее 1784 года, ибо на гравюре еще отсутствует каменный архиерейский дом, строительство которого было начато в 1779-м, а закончено в 1784 году (К., 4).
- ²⁸ ГААО. Ф. 1, Оп. 1, Т. 5, Д. 9868 (1772 г.). Л. 12.
- ²⁹ Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 349, Оп. 3, Д. 1676. Л. 1.
- ³¹ Огородников С. История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 121.
- ³² РГА ВМФ. Ф. 326, Оп. 2, Д. 29. Судя по плану 1740 года, на верфи, кроме доков, мастерских и складов («магазинов»), амбаров, сараев уже были «афицерские дома» и «гошпиталь».
- ³³ РГА ВМФ. Ф. 326, Оп. 1, Д. 103. Л. 1.
- ³⁴ Огородников С. Соломбальское селение // Труды Архангельского статистического Комитета за 1865 год. Кн. 2. Архангельск, 1866. С. 15–64.
- ³⁵ Данилов А. Н. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта // Кудытура Русского Севера. Л., 1988. С. 93.
- ³⁶ Шкварников В. А. Очерки истории планировки и застройки русских городов. М., 1954. С. 78–80.
- ³⁷ ГААО. Ф. 4, Оп. 7, Д. 1 (1782 г.). Л. 16.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1147, Оп. 1, Д. 288 (1802 г.). Л. 1.
- ³⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 26644; Ф. 349, Оп. 3, Д. 1718.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1399, Оп. 1, Д. 242 (1768 г.). Л. 1.
- ⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 3/л. Оп. 23, Д. 1030 (1784 г.). Л. 1.
- ⁴² ГААО. Ф. 1, Оп. 2, Д. 685 (1793 г.). Л. 1.
- ⁴³ Гиряев Р. М. Регулярные планы русских городов как памятники градостроительства XVIII века // Архитектурное наследие и реставрация: Сб. науч. тр. об-ния «Росреставрация». М., 1988. С. 140.
- ⁴⁴ Цит. по: Гиряев Р. М. Указ. соч. С. 142.
- ⁴⁵ ГААО. Ф. 1, Д. 685 (1793 г.). Л. 2. См. также: РГИА. Ф. 1310, Оп. 1, Д. 29 (1786 г.). Л. 1.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 1293, Оп. 166, Д. 4 (1794 г.). Л. 1.
- ⁴⁷ ГААО. Ф. 1, Оп. 2, Д. 685 (1793 г.). Л. 2–2 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 684 (1793 г.). Л. 59; РГИА. Ф. 796, Оп. 74, Д. 308. Л. 1–2: Архангельский епископ Венедикт в своем рапорте Синоду так описывал пожар: он «...продолжался не менее 35-ти часов [...]. Выгорело до осей сот домов [...], в том числе сгорели все присутственные места, собор с колокольнею и консисториею, две приходские церкви...» (РГАДА. Ф. 796, Оп. 74, Д. 308. Л. 1).
- ⁴⁹ Огородников С. История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 194.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 796, Оп. 56, Д. 495 (1775 г.). Л. 1.
- ⁵¹ ГААО. Ф. 4, Оп. 4, Д. 263 (1818 г.). Л. 24.
- ⁵² Там же. Д. 55 (1794 г.). Л. 8.
- ⁵³ ГААО. Ф. 49, Оп. 1, Д. 40 (1796 г.). Л. 21.
- ⁵⁴ ГААО. Ф. 1, Оп. 2, Д. 433 (1789 г.). Л. 1–2.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 1350, Оп. 312, Д. 1 (1797 г.). Л. 72–73, 76–77, 80–81; Д. 2, Л. 78–79, 90–91. Об истории создания Атласа и панорамы Архангельска см.: Мильчик М. И. 1) Рукописный Атлас Архангельской губернии 1797 года // Известия ВГО. 1984. Т. 116. Вып. 6. С. 533–538; 2) Фотографии... из XVIII века // Летописец Севера: Ист.-краевед. сб. Архангельск, 1990. С. 71–78, а также Приложение 6 в наст. книге.
- ⁵⁶ ГААО. Ф. 51, Оп. 16, Д. 36 (1793 г.). Л. 39.
- ⁵⁷ Садылин П. П. Первый день моего пребывания в Архангельске // Отечественные записки. 1829. Ч. 39. № 111. С. 108.
- ⁵⁸ Ожесел С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. М., 1984. С. 76.
- ⁵⁹ Давыдов. Указ. соч. С. 93.
- ⁶⁰ ГААО. Ф. 1, Оп. 3, Д. 538 (1826 г.). Л. 4.
- ⁶¹ ГААО. Ф. 4, Оп. 9, Д. 205 (1829 г.). Л. 153.

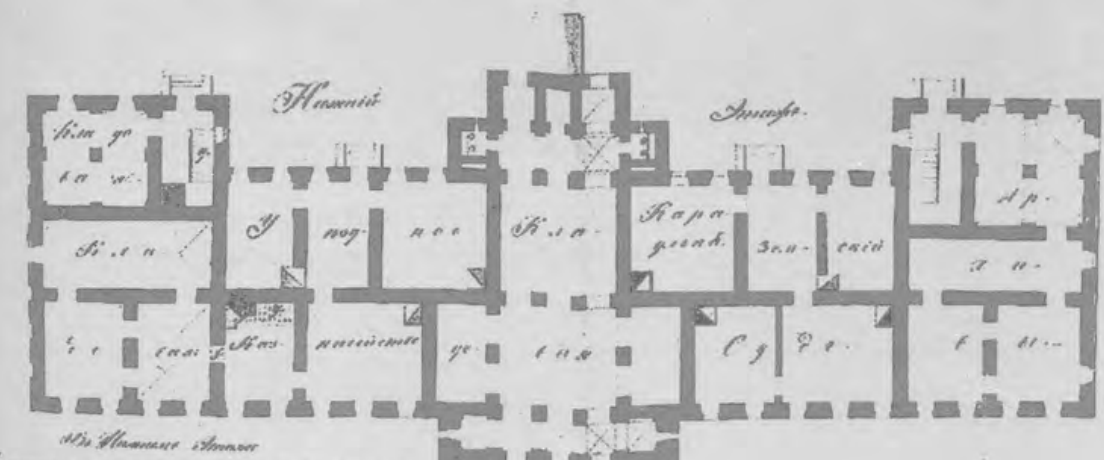
- ¹²³ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1. С. 93.
- ¹²⁴ РГАВМФ. Ф. 326. Оп. 1. Д. 574.
- ¹²⁵ Памятник М. В. Ломоносову был сооружен на пожертвования, собиравшиеся по всей России специально для Архангельска, и поставлен в 1832 году на Соборной площади вблизи кафедрального собора. В 1837 году вокруг памятника была установлена чугунная решетка по проекту А. И. Мельникова (Вольинская В. История памятника великому поморю // Правда Севера. 1988. Ноябрь); см. также: Лубли М. П. Авраам Мельников. Л., 1980. С. 68–69.
- ¹²⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 60. Л. 323–323 об.
- ¹²⁷ Квартальная книга Архангельска 1828 года (Областная библиотека им. Н. А. Добролюбова. Инв. № 860678). В ней содержится генеральный план города и квартальные планы, разделенные на владельческие участки. Их нумерация идет от верхней границы города и нижнего.
- ¹²⁸ ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 364 (1824 г.). Л. 17.
- ¹²⁹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 40. Д. 553 (1839 г.). Л. 1.
- ¹³⁰ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 889. Л. 26.
- ¹³¹ Давыдов А. Н., Лопатыко В. М., Шалькевич А. А. Деревянное зодчество Архангельска во второй половине XIX — начале XX века // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 198.
- ¹³² ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 335 (1802 г.). Л. 1.
- ¹³³ ГААО. Ф. 114. Оп. 7. Д. 68 (середина XIX в.). Л. 1–3.
- ¹³⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 335. Л. 5.
- ¹³⁵ ГААО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 105 (1857 г.). Л. 4.
- ¹³⁶ Там же. Д. 61 (1853 г.). Л. 27.
- ¹³⁷ Там же. Д. 258 (1870 г.). Л. 26.
- ¹³⁸ ГААО. Ф. 114. Оп. 7. Д. 68 (XIX в.). Л. 129 об.
- ¹³⁹ Голцын П. Краткое описание Архангельска. 1834 г. — РНБ ОР. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1177. Л. 2.
- ¹⁴⁰ Губернские известия // АГВ. 1847. № 29 (Архангельск, 19 июля). С. 427.
- ¹⁴¹ РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 7 (1854 г.). Л. 1.
- ¹⁴² РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 63 (1841 г.). Л. 1.
- ¹⁴³ АЕВ. 1910. № 21. Новое заведение Архангельской духовной семинарии. С. 724.
- ¹⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 326. Оп. 1. Д. 80 — Генеральный план Адмиралтейства. 1827 года (архитектор Уткин).
- ¹⁴⁵ С. Б. Историко-статистическое описание Соломбальской портовой библиотеки // АГВ. 1871. № 24. С. 3.
- ¹⁴⁶ Немирович-Данченко В. И. Беломорье. Соловки. СПб., 1877. С. 98.
- ¹⁴⁷ ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 4096 (1910 г.). Л. 1.
- ¹⁴⁸ Там же. Д. 3918. Л. 1–2.
- ¹⁴⁹ Торжественная закладка Архангельского казенного склада // АГВ. 1899. № 95. С. 3.
- ¹⁵⁰ Лейкин Н. А. По северу дикому. Из путешествия из Петербурга Архангельск и обратно. СПб., 1899. С. 138–139.
- ¹⁵¹ ГААО. Ф. 75. Оп. 2. Д. 324 (1905 г.). Л. 1–36.
- ¹⁵² ГААО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 3085 (1909 г.). Л. 20.
- ¹⁵³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 2. Д. 2164 (1914 г.). Л. 1–13.
- ¹⁵⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 270 (1877 г.). Л. 16; АГВ. 1907. № 81.
- ¹⁵⁵ В 1932 году на месте снесенного Троицкого собора стали строить театр и реконструировать площадь перед ним. В связи с этим петровский домик был разобран в третий раз и на следующий год перенесен в Московское село Коломенское, где находится и теперь. ГААО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1400 (1933 г.). Л. 4. См. также: Наумова Н. Д., Квашнина Г. Домик Петра I в Коломенском: Путеводитель. М., 1990. С. 12–16.
- ¹⁵⁶ Местная хроника // Архангельск. 1911. № 103. С. 3.
- ¹⁵⁷ Местные известия. Подворье Сурского Иоанно-Богословского монастыря в Архангельске // АГВ. 1909. № 251. С. 2.
- ¹⁵⁸ ГААО. Ф. 4. Оп. 10. Т. 4. Д. 632 (1905 г.). Л. 64.
- ¹⁵⁹ РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 66 (1891 г.). Л. 1.

Из Логикой Логик и Математик. 1818
Логикой Логикой в Логикой. Логикой Логикой.
Логикой Логикой Логикой Логикой Логикой.
Логикой Логикой Логикой Логикой Логикой.
Логикой Логикой Логикой Логикой Логикой.
Логикой Логикой Логикой Логикой Логикой.

Die Gigue des Amours.

Miss Florence Emerson

II. ОЧЕРК
АРХИТЕКТУРНОЙ ИСТОРИИ
АРХАНГЕЛЬСКА

Архитектурная история Архангельска начинается с первого его сооружения — деревянной крепости 1583–1584 годов (ил. 73), производившей сильное впечатление на иностранцев, прибывавших торговать в северный порт. Ее стены, составленные из срубов-городней, замыкались на четырех углах шатровыми башнями. Кроме того, между ними стояли три более высокие воротные башни со смотровыми вышками. Одна из них — Покровская, обращенная к реке, была самой высокой и этим как бы выявляла ось симметрии всего комплекса. С трех сторон крепость окружал более низкий острог «на углах» — вертикально вкопанных бревнах — со своими шестью башнями. Перед острогом — ров, по дну которого шел подобный острожным стенам тын. Обруб, укреплявший берег, воспринимался с реки как основание всей крепости. Два яруса шатровых башен, из которых во втором три воротные выделялись своей высотой, создавали выразительный силуэт, хорошо видимый с дальних точек водного пространства Северной Двины.

Первые церкви в Архангельске также построены в традициях русской деревянной архитектуры. Условно выбранные для них места оставались неизменными на протяжении более трехсот лет.

В конце XVI — начале XVII века все городские церкви, кроме клетских Богоявленской и Пятницкой, были шатровыми, а монастырская Михайло-Архангельская венчала собой величественную пространственную композицию, ибо была «древяна вверх о девяти верхах», т. е. имела девять шатров. К ней были прирублены два придела: великомученика Мины и свв. Бориса и Глеба. Трапезная монастырская церковь Покрова также была шатровой, как и Преображенский собор, стоявший с южной стороны крепости.

Шатровые церкви, по всей вероятности, имели в своей основе восьмериковые срубы с двумя или более прирубями. Примером храма такого типа является ныне существующая шатровая Никольская церковь в селе Ляля, построенная в 1584 году. Если эта церковь, стоявшая поодаль от берега Северной Двины, все же хорошо видна с реки, то можно представить, какой

внушительной выглядела Михайло-Архангельская церковь, девять шатров которой были окружены башенными шатрами крепости и острога. Прирубы, скорее всего, были крыты «бочками» — криволинейным двускатным покрытием. Правда, прируб Воскресенской церкви, которая после пожара 1636 года была восстановлена клетской, имел «верх шатровой»¹.

В основе клетских церквей — «клеть», крытая высокими двускатными кровлями. Примером может служить Васильевская церковь в селе Чухчерьма на Северной Двине (XVII век, перестроена в 1824 году).

В середине XVII века при патриархе Никоне строительство шатровых церквей стали запрещать. Так, митрополит Питирим в 1661 году давал благословение на строительство Владимирской церкви в Архангельске с условием, чтобы «... главы б на оной церкви и на пределах были круглые, а не шатровые, а пределы прирубить к той церкви со сторон особою статью, чтоб вход в пределы был ис паперти, а с церкви б в пределы не было, а олтари велеть делать круглые, тройные...»². Почти все шатровые церкви в Архангельске после запрещения их возведения и неоднократных пожаров к концу XVII века были перестроены. Кроме монастырской Михайло-Архангельской и шатровой Рождественской, все церкви завершались одной главой на бочках, лишь Успенская, Богоявленская и Преображенский собор были пятиглавыми с «круглыми» тройными алтарями³. Шатровая же форма сохранилась на многочисленных колокольнях.

Жилые строения города имели традиционную планировку русской избы. Из записной книги «богадельного строения» 1710 года узнаем, что казенные и жилые дома строятся из круглого леса, перекрываются тесовыми двускатными кровлями — «по курицам и потокам» (курицы еловые, а тес желобленный, с желобками для стока воды). Так, к примеру, была построена деревянная богадельня, стоявшая около Русского гостинного двора. В 1710 году было решено ее поправить. Верх раскатали вплоть до окон и заменили новым лесом, как и три нижних венца. Пол и потолок сделали заново. Для этого было «куплено на полы, мосты... 122 тесниц ломовых трехсаженных, да 108 тесниц на кровлю желобленных... 300 нош мху, десять куриц еловых, ... куплено... гвоздья двогресту для приколачивания брусей и лавок... шесть окончин больших, которые взяты... в колоды окна, ... клали печь о двух устьях...»⁴. Та же артель из девяти плотников чуть раньше рядом с богадельней строила

73. Деревянный «город». Фрагмент рисованного плана Архангельска, 1694

Сборник Архангельского института.
СРБ. Кн. 4. 1889. С. 117–118

две избы, которые также имели колодные окна со ставнями. Стены внутри вытесаны и выскоблены. В горнищах вдоль стен стояли деревянные лавки⁷.

Архангельский посад был застроен дворами, на которых находилось разное число строений: от одной избы бедной вдовы Анисьи Каргополовой⁸, избы и бани посадского человека Антона Яфанова⁹ или избы на амбаре с сенями на подсенье и клетью на подклете горожанина Якима Котлова (1711)⁶ до двора попа Дмитрия Козмина, у которого была «изба на амбаре с сенями, сени с подволокою [потолком]..., конюшня и сарай...», мыльня — баня, двор же окружен частоколом, в котором есть «ворота с кровлею», а «на воротах три чюлана тесовые». Двор другого попа — Игды Козмина — имел кроме горенки на подполье с сенями и клети на подклете, «хлевишко да стаишко скотинное»⁹. Большинство изб топились по-черному.

В XVII — начале XVIII века жилище иностранцев в Архангельске почти не отличалось от посадского, ибо приезжие иноземцы покупали дворы у местных жителей. Например: «И на том моем купленном дворе, — читаем мы в данных 1698 года, — ...хорошого строения ось горниц, две поваренные избы, две приворотные избы для работных людей, шесть амбаров...»¹⁰. Описанные хоромы принадлежали голландцу Николаю Ромсвенкелю.

Каменное строительство явилось следствием экономического и культурного подъема Архангельска во второй половине XVII века. Оно было оригинально и вместе с тем ориентировалось на общерусские традиции. Первым каменным сооружением стал грандиозный комплекс Гостиных дворов (см. гл. III). Он вытянулся

вдоль реки на 480 м, и эта протяженность его главного фасада, отвечавшая широте водного пространства (Северная Двина здесь имела ширину без малого полтора километра) и подчеркнутая повторяемостью основных элементов, стала главным выразительным моментом архитектуры Гостиных дворов. Гладь стен, лишь слегка подчеркнутых скромным декором, контрастировала с дворовыми фасадами. Главный мотив последних — двухъярусная аркада с галереей по второму ярусу, глубокие ширинки столбов. Внешний фасад выглядел неприступным и суровым, что соответствовало военному оборонительному характеру сооружения. Дворовые фасады, формируя замкнутое пространство, наоборот отличались богатством декора и тем самым отвечали второй функции этого комплекса — торговой. Такое объединение крепости и Гостиных дворов было новым словом в истории древнерусского зодчества.

На старинных гравюрах — целая вереница храмов и колоколен, выстроившихся вдоль берега Северной Двины. В облике каменных церквей, как и Гостиных дворов, ощутимо влияние московской архитектуры. Наиболее ярким воплощением традиции русского зодчества стал собор Михайло-Архангельского монастыря (ил. 74), построенный в 1689–1699 года почти одновременно с холмогорским Спасо-Преображенским собором (ил. 75; см. гл. III и IV). И хотя строили разные зодчие: первый — братья Стафурвы, а второй — Максим Лохоцкой, их заказчиком был архиепископ Афанасий, придававший большое значение следованию традиционным канонам и уклавший в качестве образца на Успенский собор Московского Кремля с его величественным пятиглавием

74. Собор Михайло-Архангельского монастыря. Вид с севера. Фото 1927 года

ГИИМ. I-17734

75. Холмогоры. Спасо-Преображенский собор и колокольня. Вид с юго-запада. Фото 1939 года

ГИИМ. V-7831

О родственности архангельского и холмогорского соборов свидетельствуют их близкие к квадрату планы, шестистолпность, членение фасадов плоскими лопатками, пересекающая их между окнами первого и второго света горизонтальная тяга, не говоря уже о пятиглавии. Здесь варьируется даже общая форма наличников с завершениями в виде кокошников с одним или тремя киллями. Скупой декор, гладь стен, простые оконные ниши напоминают монастырские храмы XVI столетия. В то же время в Михайло-Архангельском соборе закомары заменены развитым карнизом с кирпичным орнаментом. Кроме этого, наличники, состоящие из полуколонок, перехваченных бусинками, богатый декор центральных барабанов, ниши вместо окон — на угловых, заставляют вспомнить архитектурное узорочье каргопольских храмов, возведенных в ту же эпоху¹¹. Так, в этом первом каменном храме Архангельска, как и в заложенной несколько ранее Троицкой церкви на Ухтоострове (не сохранилась), переплелись черты общерусской и зарождающейся местной школы каменного зодчества последней четверти XVII века.

Еще не было закончено строительство монастырского собора, как в 1692 году стрельцы заложили своей слободе вместо двух деревянных церквей одну каменную, строительство которой растянулось на целых 30 лет: сначала из-за Северной войны, затем из-за запрета каменного строительства в связи с возведением новой столицы. Освящение этой церкви во имя Рождества Христова состоялось только в 1729 году. Ее архитектура была ориентирована на деревянные храмы. Достаточно сказать, что это была единственная каменная шатровая церковь Архангельска, имевшая к тому же с трех сторон галерею¹². В 1746 году в ней была пристроена двухъярусная колокольня, завершавшаяся шатром.

В результате позднейших перестроек храм утратил первоначальный облик. Во второй половине XIX века он представлял собой четверик, окруженный двухэтажной галереей. Завершалась двухэтажная церковь четырехскатной железной кровлей с круглым световым фонарем, покрытым куполом. Мощный междуэтажный пояс, переходящий на абсиду, многопрофильный карниз из зубчиков, наличники в виде

76. Троицкий собор. Вид с востока.
Фото около 1910 года.

ГНИМА. V-28084

77. Троицкий собор. Вид с северо-востока.
Фото В. А. Паотникова. Около 1909 года.

ИНМК. II-95051

тонких колонок свидетельствуют о том, что неизвестный архитектор во многом повторил архитектурный декор XVII столетия. Церковная колокольня еще в 1807 году была переделана в соответствии с новыми вкусами: вместо шатра она получила куполоподобное граненое завершение с высоким шпилем.

Начало XVIII века связано с утверждением барокко, несшего черты западноевропейской и, в частности, голландской архитектуры. Для Архангельска, где постоянно жило много иностранцев, существовали Немецкая слобода, лютеранский и англиканский храмы, использование форм западноевропейского зодчества было привычным. Однако мотивы барокко, ограниченные здесь, главным образом, декором, встречаются в культовой архитектуре Архангельска вплоть до второй половины XVIII века.

В этом отношении особое место занимает двухэтажный Троицкий собор (ил. 76–79), строившийся более полувека (1709–1765). В его основе — могучий трехсветный четверик на высоком подцерковье, которое, благодаря отделяющей его богато профили-

рованной тяге, воспринимается как цоколь. Преобладание глади стен, расчлененных лишь слабо выступающими каннелированными пилястрами, развитый карниз с зубчиками-сухариками и высокие пять световых барабанов, до 1793 года имевшие луковичные главы, напоминают архитектуру Михайло-Архангельского собора.

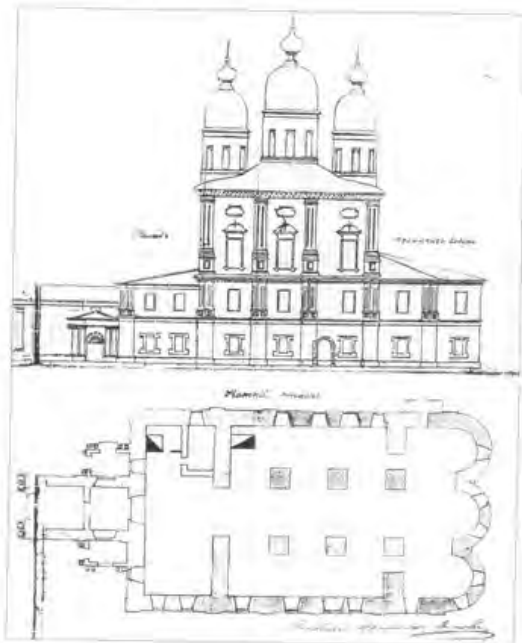
От Михайло-Архангельского и от холмогорского Троицкий собор воспринял прежде всего монументальность¹³: он должен был противостоять шири Северной Двины и «собирать» весь город (ил. 80).

В XVIII веке по масштабам ему не было равных на Севере, а его архитектура предопределила развитие архангелогородской школы церковного зодчества вплоть до конца столетия. Это относится, в частности, к многократно повторенным позднее овальным окнам второго света, к кокошникам в завершении наличников четверика. Необычность собору придавала настенная живопись — как бы две огромные картины, расположенные на восточной стене четверика, над абсидами.

78. Троицкий собор. Вид с запада.
Фото около 1910 года

79. Троицкий собор. Северный фасад
и план нижней церкви.
Обмер губернского архитектора
Малыковского, 1853

РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 2425. Л. 22

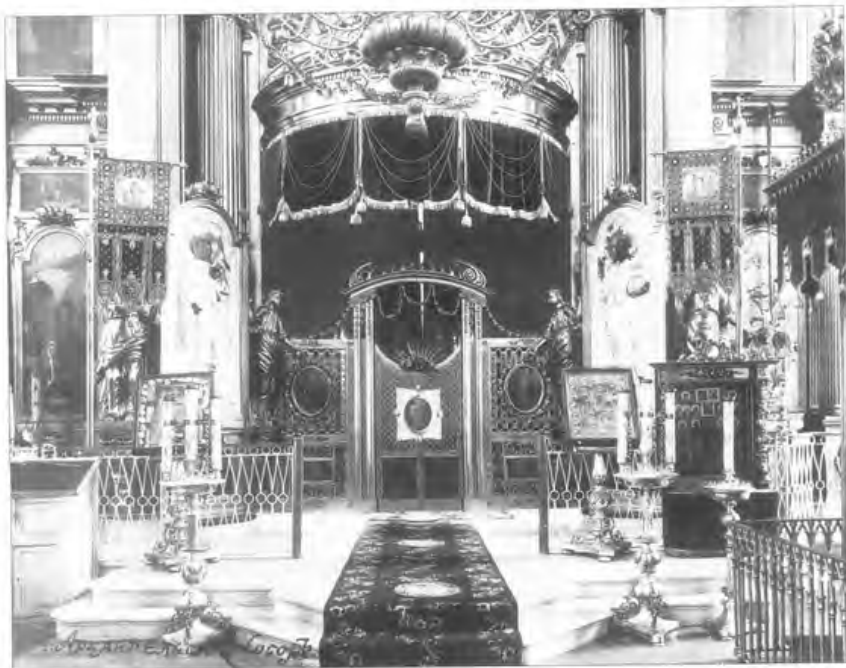
80. Троицкий собор
с колокольней.
Вид от Северной
Дюны.
Акварель
В. Е. Галкина. 1825

ГРМ, № Р 57694

81. Троицкий собор.
Алтарная часть.
Фото В. А. Паптюкова.
Около 1909 года

НИМК, II.91190

82. Троицкий собор с колокольней. Вид с запада, от набережной.
Фото В. А. Плотникова, 1909

ИММК. П-91125

83. Соборная колокольня.
Фото начала XX века

ГНИМА. 1-9583

Основной храм от алтаря отделялся сооруженным по проекту архитектора Е. А. Либеровского в конце XVIII века пятиярусным иконостасом¹⁴, который внес в интерьер ноту классицизма.

Царские врата (ил. 81), украшенные ажурным литьем, увенчанные гирляндой и с фигурами ангелов по бокам являли собой выдающееся произведение русского литейного искусства.

Сам же иконостас, основу которого составляли каннелированные колонны и пилястры, был выполнен из дерева, однако, благодаря золочению, он казался единым с царскими вратами.

По диагонали от собора, немного ближе к реке, располагалась колокольня. Она также горела при пожаре 1793 года и была восстановлена. Первоначально ее четверик имел три яруса, увенчанные восьмериком со звонами (ил. 80). В 1854 году колокольня была увеличена еще на два яруса и стала четырехъярусной (ил. 82, 83). Наличие двух рядов окон в четверике, стены которого расчленялись двухступча-

тыми пилястрами, межъярусная сложнопрофилированная тяга, колоколообразное завершение яруса звонов роднило архитектуру колокольни с собором; хотя возводилась она позднее, уже в эпоху классицизма, но, видимо, ведущим для ее строителя было чувство ансамблевости. Достаточно сказать, что две соседние колокольни — Михайло-Архангельской и Воскресенской церквей — имели сходные членения и аналогичные завершения со шпильями (ил. 84). К тому же, нельзя не учитывать стиливое отставание провинции.

На следующем развороте сверху ▶

84. Троицкий собор и соборная колокольня.
Вид с юго-востока.
Аquareль В. Е. Галямина, 1826

АМН. Инв. 2914-2

Справа от собора видны Воскресенская церковь и южный фасад Гостиного двора, слева — Михайло-Архангельская церковь. Между собором и колокольней — боковой фасад Присутственных мест на набережной

85. Троицкая церковь
в Кузнецких.
Вид с юго-востока.
Фото начала XX века

ИИМК. II-34251

86. Троицкая церковь
в Кузнецких.
Вид с юга.
Фото начала XX века

ИИМК. II-34252, II-34254

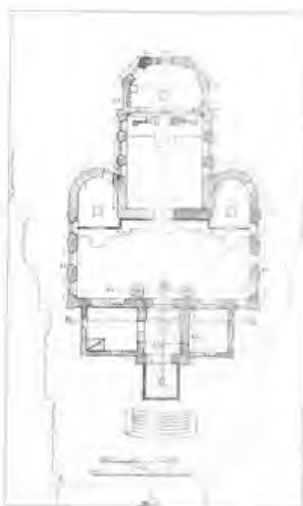

87. Успенско-Боровская церковь с трапезной и колокольней.
План нижнего этажа.
Инженер П. Г. Линейко.
1910

ИИМК. III-11507

88. Успенско-Боровская церковь и колокольня.
Вид с юга.
Фото В. А. Плотникова.
1909

ИИМК. II-91128

В облике других каменных церквей, построенных в середине XVIII века, также можно увидеть черты барокко, воспринятые, как правило, через архитектуру Троицкого собора. Примером этого являлась и Успенская церковь (1742–1744) (ил. 87–89, см. также ил. 24, 25, 70), построенная «на Борках», отчего и называлась Боровской¹⁵. Она более приземиста по сравнению с собором, и это впечатление усиливает низкая трапезная, соединявшая храм с колокольней. Церковь (и зимняя, и летняя) была бесстолпной (ил. 87). Здесь можно говорить о воздействии устюжской школы каменного зодчества — вероятно, самой значительной на европейском севере в XVIII веке: вместо пятиглавия — световой восьмерик с небольшой главой венчает четвериковый объем церкви, полукруглая абсида заменена пятигранной, окончательно закрепляется ордерный декор фасадов. Тонкие колонки наличников и их навершия с характерными «ушами» напоминают о провинциальном барокко, а широкие окна с полуциркульными завершениями как бы предвещают наступление новой эпохи в архитектуре. Семиярусная колокольня (1752–1757), у которой было два яруса звонов, наоборот, имела вытянутые пропорции и своим силуэтом слегка напоминала голландские, однако не имела шпиля. С церковью ее роднил и архитектурный декор, и колоколообразное завершение. Боровско-Успенская церковь явила собой пример барокко, использовавшего приемы древнерусской архитектуры XVII века.

Одновременно с Успенской на набережной в Кузнечихе была возведена двухэтажная Троицкая церковь (1742–1745) (ил. 85, 86, а также ил. 22), более последовательно, но как бы сокращенно повторившая объемно-планировочную структуру собора. В то же время профилированные наличники с «ушами» имели более строгие начертания, нежели в предыдущих постройках. Завершалась церковь четырехскатной кровлей, увенчанной двумя малыми восьмериками и главой с восьмиконечным прорезным крестом.

89. Успенско-Боровская церковь и колокольня. Вид с запада.
Фото В. А. Плотникова. Около 1909 года

ИИМК. II-97492

90. Михайло-Архангельская церковь.
Вид с северо-запада.
Фото В. А. Плотникова. Около 1909 года

ИНМК. II-94126

91. Михайло-Архангельская церковь
и Троицкий собор с колокольней.
Вид от Северной Двины.
Фото начала XX века

АСНРПМ. № 160

92. Гостинный двор и Воскресенская церковь.
Вид с колокольни Михайло-Архангельской церкви.
Фото около 1919 года

ГНИМА. I-1594

93. Соломбала.
Преображенский собор.
Вид с юго-запада.
Фото начала XX века

ИНМК. II-89642

94. Лютеранская кирха
св. Екатерины.
Вид с юго-запада.
Фото начала XX века

АОКМ. № 24040 / 8

95. Благовещенская церковь.
Вид с северо-запада.
Вдали — Михайло-Архангельский монастырь.
Почтовая открытка начала XX века

Внутреннее убранство кафедрального храма Архангельска значительно превосходило по качеству интерьеры других городских церквей. Стены и столбы украшала превосходная живопись, выполненная в 1794 году петербургскими живописцами С. С. Новоселовым и С. С. Курляндцевым.

Первый этаж, где находилась церковь Богоявления, был перекрыт сводом. Три проема соединяли храм с алтарем. Белокаменная лестница, устроенная в первом ярусе колокольни, вела на второй этаж паперты, с которой через арочный вход попадали в верхнюю трапезную, а тройная арка соединяла трапезную и саму церковь. Построенная над входом в верхнюю церковь, колокольня внизу имела скромное убранство. Ее четверик подчеркивали угловые пилястры. Базы второго, восьмигранного, яруса выделены ширинками. В третьем ярусе над арочными проемами звонов — многопрофилированный карниз с раскреповками по углам. Таким образом, барочные черты в этом храме выражены слабее, нежели в других, и проявлялись в возрастании роли декора на верхних ярусах и нарастании динамичности, что способствовало созданию выразительного силуэта.

В типологическом отношении Воскресенская церковь (1715) (ил. 92) и церковь Михаила Архангела (1743) (ил. 90), увенчанные малыми восьмериками, принадлежали к той же группе храмов, отличаясь, впрочем, от них более сдержанным декором фасадов, что, возможно, явилось результатом пожара 1793 года, после которого они утратили некоторые барочные детали. Располагавшиеся в непосредственной близости от собора, они во многом повторяли его черты, но уступали ему по объему и высоте (ил. 91).

Морской собор Преображения в Соломбале (1760–1776) (ил. 93) хронологически как бы замыкает собой группу храмов, непосредственно связанных с архитектурой Троицкого собора: тот же строгий четверик,

вытянутость которого подчеркнута каннелированными пилястрами, высокий малый восьмерик и овальные окна второго света. Храму вторит монументальный четвериковый ярус колокольни, у которого почти глухие стены членятся лишь пилястрами.

Архитектура Благовещенской церкви (ил. 95, 96) (1759–1764) знаменует начало новой эпохи: большой купол, покрывающий низкий восьмерик, световой фонарь, вместо малого восьмерика, а также фронтоны являются признаками классицизма, и относятся, видимо, ко времени перестройки храма после пожара 1793 года.

Влияние западноевропейской архитектуры прослеживается в лютеранской кирхе св. Екатерины (1768). Это базиликоподобный однефный храм (ил. 94), частично облицованный белым камнем. Его основной объем членится двухступчатыми пилястрами. Овальные ниши над окнами явно «заимствованы» у Троицкого собора. Однако четыре пожара, которые пережила кирха, существенно изменили ее облик.

96. Благовещенская церковь и набережная Северной Двины.
Вдали — Михайло-Архангельский монастырь.
Фото Я. И. Лейбенгер. Концов XIX века

АСНРИМ. № 133

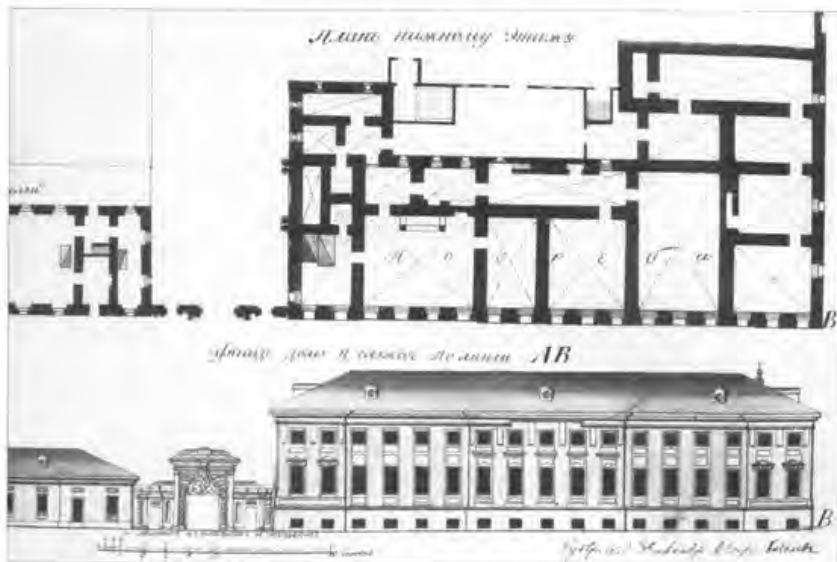
С конца XVII до середины XVIII века архитектуру города определяли, главным образом, культовые сооружения, с последней четверти XVIII века — казенные и общественные здания. Причем, если в начале XVIII века дома иностранцев не отличались от домов русских, то концу столетия положение изменилось. Дома иностранцев стали выделяться декором, в котором доминировали мотивы западноевропейского барокко. Необычным для Архангельска было широкое использование черепицы для покрытия кровель. К тому же, эти дома были по преимуществу обшитыми, имели балконы, ризалиты, изредка — разноцветные стекла в окнах.

Начинается новый этап архитектуры Архангельска, связанный с утверждением классицизма, чему способствовало и окончательное формирование системы губернского правления, требовавшее новых административных зданий. Классицистические строения появляются в восьмидесятые годы. Это были казенные и частные дома, построенные по типовым столичным образцам. Одним из первых в этом ряду стал архиерейский дом (К., 4) (1779–1784). Его фасад отличался строгой симметрией, подчеркнутой тремя ризалитами, не вполне соответствующими планировке (ил. 97).

Наиболее распространенными домами второй половины XVIII века стали двухэтажные и одноэтажные дома с мезонинами, как деревянные, так и каменные. В основном это были казенные здания, строго симметричное построение которых выявлялось с помощью центральных ризалитов,

К их числу следует отнести прежде всего Присутственные места на набережной (К., 44). Середина уличного и дворового фасадов этого здания подчеркнута ризалитами, которым соответствует двухсторонний мезонин под двускатной крышей. Окна ризалита главного фасада заключены в неглубокие арочные ниши и имеют рамочные наличники с характерными для классицизма сандриками.

Центральные ризалиты главных фасадов подобных зданий часто завершались треугольными фронтонами. Множество таких домов запечатлено на «Видах Архангельска» в «Атласе Архангельской губернии» 1797 года (см. ил. 18, 26, 30). Их полуподвальные этажи обычно имеют вид цоколя и обработаны рустом. Нередко здания имеют междуэтажный карниз в виде простой тяги, а окна заглубляются в стену, как например, у Архиерейского дома на набережной (К., 6) (ил. 98). В композиции фасадов определяющую роль играют большие окна второго, парадного этажа, а в их наличниках сосредоточено основное убранство дома. Их декор дополняют карнизные, надоконные и подоконные лепные вставки. В единственном случае — в здании Духовной консистории (К., 9) (ил. 99) — можно видеть междуэтажный пояс с меандром. Встречаются дома и с развитым фасадным декором. Обычно они в центре главного фасада подчеркнуты ризалитом слабого выноса, который на втором этаже выделен пилястрами. Стены опоясаны междуэтажной тягой и завершаются антаблементом.

97. Архиерейский дом (около Михайло-Архангельского монастыря). План подвального этажа и фасад. Фрагменты. Землемер Ф. Кассини. 1800

Албом «Планы и фасады казенных строений в Архангельске». 1800

РГИА, ф. 1309, Оп. 1, Д. 243, л. 4

98. Архирейский дом
на набережной.
Оконные ниши с лепным
орнаментом.
Фото М. И. Мальчика,
1990

99. Духовная
консистория.
Фрагмент уличного
фасада.
Фото М. И. Мальчика,
1990

100. Дом губернатора.
Слева видна северо-западная башня Гостинного двора.
Фото конца XIX века

АСНРПМ № 155

101. Губернские Присутственные места.
Вид со стороны Ломоносовской площади.
Фото конца XIX век

АСНРПМ № 2

Вдали видны дом губернатор
и Воскресенская церковь
слева — памятник М. В. Ломоносов

В XIX веке для строительства казенных домов стали особенно широко использовать типовые проекты, разработанные в соответствии с задачами регулярной планировки и застройки городов¹⁶. Архитектурный облик Архангельска первой четверти XIX в. создали новые крупные здания — дом гражданского губернатора (1806–1819)¹⁷ (ил. 100) и губернские Присутственные места (1817–1825), поставленные позади Гостинного двора (ил. 101) и перекликавшиеся с его классицистическим обликом конца XVIII века.

Главную роль в композиции фасадов двух названных зданий играли шестиколонные портики. В первом доме поднятый на высокий цокольный этаж портик дорического ордера акцентировал центр уличного фасада. Ионический портик Присутственных мест выделял парадный вход. В целом же оба здания отличались классической ясностью архитектурных форм, сдержанным декором и, находясь рядом, своим величественно-строгим видом определяли облик новой административной площади города.

Сравнение их с соответствующими типовыми проектами, разработанными в 1802–1803 годах выдающимся зодчим того времени А. Д. Захаровым и апробированными Александром I 17 февраля 1803 года, не оставляет сомнений, что именно они и были осуществлены в Архангельске, причем почти без каких-либо изменений¹⁸ (ил. 102–106).

Знаменательно, что первоначально на утверждение Строительного комитета Министерства внутренних дел в 1819 году был прислан проект, разработанный губернским архитектором Ф. М. Шилиным с некоторыми отступлениями от образцового: здание имело сильно выступающий центральный ризалит с портиком, в котором восемь колонн были расположены попарно (ил. 107). Однако петербургское начальство отклонило этот проект по той причине, что он «...не соответствует высочайше утвержденным на таковые строения планам», и направило в Архангельск образцовый «план с фасадом». Через четыре года, в марте 1821 вице-губернатор Ковалевский докладывал

102. Типовой проект дома гражданского губернатора для губернских городов. Архитектор А. Захаров, 1803

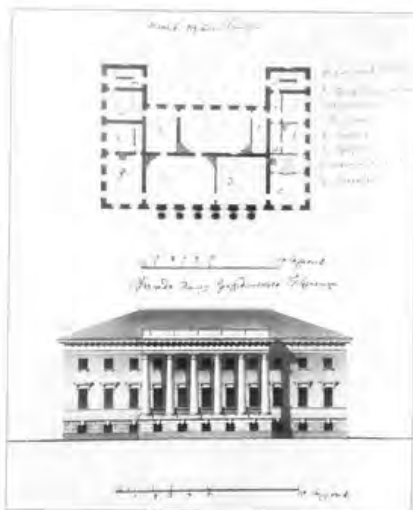
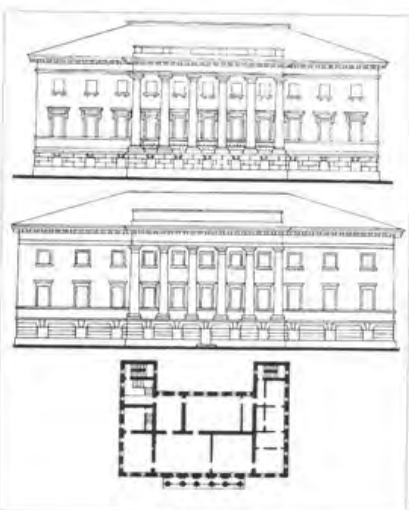
«План первого этажа» и «Фасад дому гражданскому губернатору»

Альбом «Собрание планов и фасадов»

СПб. ГИПС НТБ. Шкаф 2666. № 8827. Л. 33

103. Дом архангельского гражданского губернатора (1806-1819) в сравнении с типовым проектом дома гражданского губернатора (1803)

Ожегов С. С. Типичное и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках. М., 1984. С. 103.

104. Поэтажные планы архангельских Присутственных мест. Обмерный чертеж: 1827

«План губернского присутственных мест, построенных в Архангельске с означением некоторых перемен»

РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 1398. Л. 46

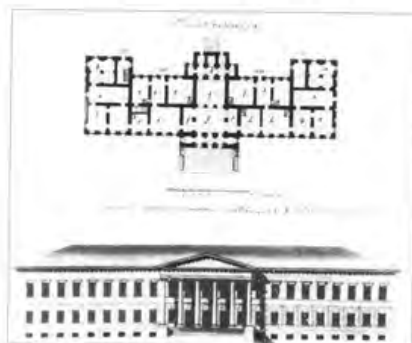
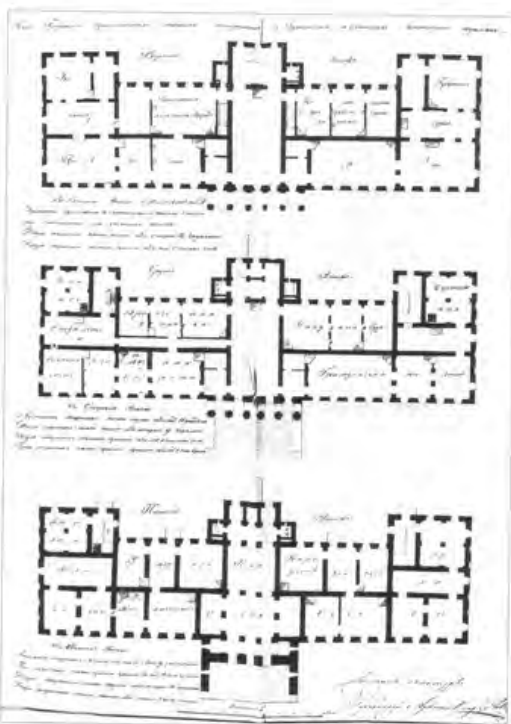
Надписи на чертеже.

«Верхний этаж: казенная палата; ревизионная и для набору рекрутов; комитет и продовольствия жителей; губернское правление. Средний этаж: винное отделение и соляная часть; врачебная управа; угольная палата; уездный суд; гражданская палата; чертежная. Нижний этаж: Кладовая; уездное казначейство; кладовые; караульная; земский суд; архивы»

105. Типовой проект Присутственных мест для губернских городов. Архитектор А. Захаров, 1803

Альбом «Собрание планов и фасадов» («План погребов» и «План присутственных мест в губернском городе»)

СПб. ГИПС НТБ. Шкаф 2666. № 8827. Л. 34

в Петербург, что «...каменный корпус, назначенный для помещения присутственных мест [...] построеною окончен и оказался с утвержденным планом и фасадом сходствен, кроме некоторых [...] поправок в полах и печах»¹⁹.

Третьим по значению и масштабу зданием Архангельска эпохи зрелого классицизма стало построенное в 1826 году купцом В. Брандтом здание Сахарного завода (К., 64) на набережной (ил. 108; см. также ил. 64, 70). Его обращенный к реке западный фасад выделен сильно выступающим портиком дорического ордера.

106. Здание Присутственных мест в Архангельске. Фасад. Обмерный чертеж. 1868

РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Архангельский губ. Л. 42

Одним из лучших частных домов Архангельска, построенных в стиле классицизма, был двухэтажный дом Мерзлютиных (ил. 109; см. также ил. 51). Он за вершал застройку набережной перед Михайло-Архангельским монастырем (ил. 110). Эта его градо-строительная функция была подчеркнута полуротондой, которая как бы замыкала собой и фасад, обращенный к набережной, и фасад, выходящий на перпендикулярную Архиерейскую улицу. Цокольный этаж был выделен с помощью крупного руста и львиных масок на замковых камнях оконных перемычек.

107. Фасад здания Присутственных мест в Архангельске. Неосуществленный проект. Архитектор Шилин. 1819

РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 1398. Л. 7

108. Сахарный завод (Техническое училище). Вид со стороны Северной Двины. Фото П. П. Покошило. 1902

АОКМ. № 3913/1

109. Дом Мерзлютиных. Вид со стороны набережной. Фото А. М. Перова. 196

ГААО. № 0-11

110. Дом Мерзлютиных и Михайло-Архангельский монастырь. Вид от Северной Двины. Фото Я. И. Лейцингера конца XIX в.

АСНРПМ. № 1

В известной мере этот особняк наряду с Присутственными местами и домом губернатора являлся эталоном классицизма, воплощенным также в уже упоминавшемся памятнике М. В. Ломоносову (ил. 111; см. также ил. 43–45, 47), который в 1827 году был установлен перед Присутственными местами. Вот как в 1826 году описывал его сам скульптор И. Мартос в записке на имя царя: великий ученый представлен «стоящим на северном полушарии... положение фигуры выражает изумление, которым поражен он, взирая на великое северное сияние. В восторге духа своего поэт желает воспеть величие Божие — и принимает лиру, подносимую гением поэзии. Вот минута, избранная для статуи Ломоносову, минута вдохновения, произведшего бессмертные стихи:

*Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах.
В свирепом как перо огне,
Так я в сей бездне уловлен,
Теряюсь, мыслями утомлен...»³⁰*

В Архангельске, как и повсюду в российской провинции, классицизм оказался на редкость живуч и прослеживается в особняках не только середины, но и второй половины XIX века, когда этот стиль уже давно сошел со столичной сцены. Эти здания довольно

111. Памятник М. В. Ломоносову.
Скульптор Иван Мартос.
Акварель архитектора Подьякова. 1837

РГИА. Ф. 1284. Оп. 18. Д. 35. Л. 70

лаконичны и почти лишены декора, если не считать междуэтажных поясов, карнизов несложного профиля, да скромных сандриков над окнами второго этажа. Иногда стены первого этажа покрывает руст, а накладные доски между окнами имитируют пилястры, как это было в недавно снесенном доме на углу Троицкого проспекта и Шенкурской улицы (ныне ул. Правды) (ил. 112).

Лишь немногие купеческие дома были нарядно декорированы. В доме И. Торопова (середина XIX века) окна во втором этаже выделены полуциркульными нишами, над которыми имеется лепной растительный орнамент (К., 30). Подоконные ниши здесь также имеют подобный орнамент. Междуэтажные карнизы представляют собой лепные фриз в виде круглых розеток, состоящих из повторяющихся растительных мотивов. Венчающий карниз, как и в доме А. Ананьина (К., 42), украшен модульонами и розетками. Вообще же, лепной декор на фасадах архангельских домов встречался нечасто, да и мотивы его скупы — маски над окнами, несколько чаще венки, гирлянды, декоративные завитки, карнизные розетки.

Большое распространение получили жилые дома с мезонинами со стороны двора. На главном же фасаде центр у них был выделен небольшими ризалитами с аттиками. Внутренняя планировка таких домов по-прежнему имела анфиладный характер, причем в основной части здания поперечные стены соответствовали ризалиту, в котором размещалась самая просторная комната — «зал», а перпендикулярные стены выделяли коридор в середине здания. Убранство интерьеров скромное: побеленные голландские печи, изредка отделанные изразцами, филенчатые с застеклением двери, тянутые карнизы, лепные розетки в центре потолков.

112. Городская усадьба на ул. Правды, д. 1.
Вид со стороны Троицкого проспекта.
Фото М. Н. Мильникова. 1980

113. Здание городских Присутственных мест и полиции с пожарной частью. Фасад. 1843

Проект губернского архитектора Шварцева с исправлениями архитектора Министерства внутренних дел Паскина

РГА, ф. 218, № 4, Д-1792, л. 194

114. Церковь Всех Скорбящих Божьей Матери. Почтовая открытка начала XX века

В церковной архитектуре первой половины XIX века черты классицизма выражены весьма слабо. Так, в Ильинской церкви 1806 года (К., 1) это арочные окна с нишами в средней части северного и южного фасадов, завершение стен крупной аркатурой, у Всехсвятской церкви (1840–1843) (К., 67) — аттиковый ярус четверика и треугольный фронтон на восточном фасаде абсиды.

Основной объем церкви св. Мартина (К., 83) имеет широкий антаблемент, опирающийся на пилястры, а западный фасад первого яруса колокольни украшен фронтоном.

Лишь к концу XIX века классицизм в архитектуре Архангельска сменяется эклектикой с ее многообразием внутристилевых направлений. Тем не менее, проект одного из первых зданий нового стиля в Архангельске, предназначенного для городских Присутственных мест и полиции с пожарной частью (архитектор Е. Паскин), «высочайше утвержденный» еще в 1843 году и осуществленный в 1850-х годах (ил. 113, см. также ил. 46), был ориентирован еще на классицизм (здание не сохранилось). Тем не менее, лучковые перемычки воротных проемов первого этажа, руст вместо замковых камней в полуциркулярных перемычках окон второго этажа, отсутствие колонн или пилястр свидетельствовали о наступлении новой эпохи в архитектуре. Вторя своей протяженностью стоявшему на той же Ломоносовской площади зданию губернского присутствия, новая постройка, в отличие от него, имела вертикальный акцент в виде каланчи «для установки... городских часов и размещения пожарного караула»²¹, который раньше находился на церковных колокольнях.

Самостоятельную группу среди построенных в начале XX века составляли здания, выполненные в

«русском стиле». К ним относятся, в основном, культовые и общественные постройки, поскольку этот стиль активно поддерживался и правительством, и Синодом. Примером тому могла бы служить церковь Всех Скорбящих Божьей Матери (1910, не сохранилась). Ее образ определяли пятиглавие, трехъярусная шатровая колокольня и обильный декор из поясов кошеников, бегунца, мастерски сложенных из красного кирпича. Здесь очевидна ориентация на ярославскую архитектуру XVII столетия (ил. 114).

К памятникам этого направления относились также Введенская церковь (1905, архитектор Г. Иванов, не сохранилась), Никольская церковь Николая Чудотворца — подворье Николо-Корельского монастыря (1904) (ил. 115), надвратная церковь преп. Зосимы, Савватия и Германа Соловецкого подворья 1900 года (ил. 116) и деревянная церковь Иоанна Рыльского с шатрообразной колокольней (ил. 117). Никольская церковь, построенная по образцу Ярославской Знаменской церкви²², благодаря своей приземистости особенно хорошо вписалась в уличную застройку.

Находим мы элементы «русского стиля» и в пятиглавой церкви Кузнечевской богадельни (1905–1906) (ил. 118). Это лопатки с ширинками, арочные окна, граненый купол, слегка напоминающий кубоватые покрытия. В фасадах же самой богадельни основным мотивом стал руст.

В русско-византийском стиле построено подворье Сурского Иоанно-Богословского монастыря (илл. 119, см. также ил. 71). В 1905 году проект этого здания, разработанный архитектором Ермолиным, был одобрен Иоанном Кронштадтским, основавшим перед тем монастырь на своей родине — в Суре на Пинеге.

115. Никольская церковь Николо-Корельского подворья. Почтовая открытка начала XX века

116. Церковь преп. Зосимы, Савватия и Германа Соловецкого подворья. Почтовая открытка начала XX века

117. Церковь св. Иоанна Рыльского. Фото Ф. Коккина. 1920

ГААО. № 2-706

118. Богоявленская Бульварная в Кузнецких. Фото начала XX века

АСРПП. № 82

119. Подворье Сурского Иоанно-Богословского монастыря. Почтовая открытка начала XX века

120. Духовная семинария. Почтовая открытка начала XX века

Сурское подворье, с архитектурной и градостроительной точек зрения, оказалось одним из лучших зданий Архангельска начала XX века. Классицистический прием выделения средней части в виде ризалита, rustованного по углам, архитектор соединил с приемами, характерными для зодчества Древней Руси: с тремя повышенными закомарами и декорированием основания глав ярусами кокошников.

В фасадах Духовной семинарии (1908–1910, архитектор А. Андросов) (ил. 120) использованы мотивы новгородско-псковской архитектуры. Домовая церковь во имя Иоанна Богослова с тремя главками и трехпролетной звонницей выявляет ось симметрии. Поясок из бегунца отделяет первый этаж, окна которого расположены в нишах, как бы указывающих на значительную толщину стен.

Среди общественных зданий той поры примечателен Народный дом в Соломбале (ил. 121), созданный по проекту инженеров Н. А. Каретникова и С. А. Пеца

(1911–1912) и прихотливо соединивший формы деревянного зодчества с модерном (не сохранился).

Фасады Ольгинской гимназии (1914, инженер Л. Шишко; К., 72) и Макаровских бань (1902, инженер Н. Никитин; К., 15) выполнены с ориентацией на средневековые прототипы. Угловые аттики гимназии увенчаны шпильчатыми завершениями, в поле шпилей — накладные круги. В парапетных аттиках бань использованы стрельчатые арки с колокольцами, спускающиеся ступенями накладки, фигурные кронштейны, башнеобразные завершения.

Таким образом, «русский стиль», получивший широкое распространение в Архангельске, в какой-то мере соответствовал древности города, отчасти восполняя отсутствие храмов ранней поры его существования.

Рационалистическое направление эклектики проявилось в так называемом «кирпичном стиле», который в Архангельске, как, впрочем, и повсюду, наиболее полно выражен в промышленной архитектуре. Этот

121. Народный дом
им. Петра I в Солдобале
Фото А. А. Попова, 1910

ГАО. № 4618

122. Здание пивоварен-
ного завода А. Суркова.
Почтовая открытка
начала XX века

стиль наглядно воплощен в старом корпусе пивоваренного завода А. Суркова (К., 59) (ил. 122). Его композицию определяют пристроенные друг к другу ступенчато повышающиеся объемы, соответствующие различным промышленным процессам. Фасад, выходящий на улицу, расчленен пилястрами, как бы поддерживающими простой ступенчатый карниз. Угловой объем выделен башней под двускатной крышей и кирпичной трубой. Особенно выразительным стал речной фасад завода, где в 1891 году по проекту А. Вахрушева пристроили корпус с ветряным двигателем. Стены каменных винных складов (К., 73), выходящих на Троицкий проспект, покрыты сплошным ковром декоративной кладки. Аналогичный прием встречается и при постройке других зданий города в «кирпичном стиле».

Однако, наиболее полно архитектура рубежа XIX–XX веков представлена в Архангельске неоклассицизмом. Примерами могут служить корпус больницы Приказа Общественного Призрения (К., 71), а также Русский банк, возведенный по проекту инженера Э. Гензеля в 1900–1904 годах (не сохранился) (ил. 123). Главный фасад последнего построен на использовании классического мотива больших полуциркульных окон, разделенных пилястрами. В формах неоклассицизма строились и деревянные дома, например, дома М. З. Ишмятова (1913; К., 49) и И. В. Прокопьева (1913; К., 51). Два дома, использовавшие формы классицизма, одновременно тяготеют к псевдобарокко. Это каменные дома Н. Буторова (К., 22) и Е. Плотниковой (К., 40).

Типичными образцами постклассицизма были Андреевская богадельня (1911; К., 8) (ил. 124) и основная масса деревянных домов. Среди них назовем дома А. Плюснина (1910; К., 11), И. Киселева (1911 К., 13) и Н. Калинина (1911; К., 25).

Встречается и прихотливое сочетание черт классицизма с явными признаками эклектики. Таким представляются двухэтажный дом на Рождественской улице (ныне Театральный пер., 7; К., 39), здание лечебницы П. Дмитриевского (1914, инженер Н. А. Каретников; К., 20). Из деревянных особняков примечательны дома А. Суркова на набережной (К., 58), Е. Двойниковой (не сохранился) (ил. 125) на углу Псковского проспекта и Соборной улицы, Я. И. Лейцингера на Псковском пр., 57 (не сохранился) (ил. 126), где вместо мансарды было фотоателье со сплошным остеклением вдоль всего фасада.

Причудливое соединение постклассицизма и эклектики, использующей некоторые мотивы барокко, выделяет бывшее Коммерческое собрание (К., 24) (ил. 127) — один из самых представительных деревянных домов в центре города (перестроен в 1910 году; ныне с существенными изменениями воссоздан на ул. Чумбарова-Лучинского). В доме Общины Красного Креста (ил. 128) на углу Троицкого проспекта и Соборной улицы такую же роль играет декор в русском стиле, а в доме Н. О. Шарвина (К., 61) в накладном декоре неожиданно возникают некоторые готические мотивы.

123. Русский банк.
Фото начала XX века

Центральное здание

124. Андреевская
богадельня.
Почтовая открытка
начала XX века

125. Дом Е. Дворниковой.
Фото Белзев. 1926

ГААО, № 4-1512

Модерн, утвердившийся в России в конце XIX века, в Архангельске появился в 1910-е годы. Это были постройки, как правило, ориентированные на строго рационалистическое направление модерна. Исключением явились всего три здания, из которых два были спроектированы инженером С. А. Пецом, а третье ему приписать можно лишь предположительно. Речь идет о декоративном направлении в модерне.

Это, прежде всего, Торговый дом Макаровых в Соломбале (1914; К., 81) (ил. 129). При общей сдержанности наружного убранства здание, благодаря трем лучковым парпетным аттикам, кажется сложным. В центре главного фасада расположен арочный проем главного входа. Некоторую асимметричность зданию придают полукруглый эркер, объединяющий второй и третий этажи на западном ризалите, и башенка над восточным ризалитом. Оригинален растительный орнамент, выложенный в штукатурном намете. Расположенный над окнами третьего этажа, он имеет характерные для модерна плавные изысканные линии.

В сходном ключе решено и здание Константиновского приюта (К., 82) (ил. 130). Его композиция также имеет черты асимметрии, благодаря угловой башенке и размещенному под ней входу. Этой башенке с другой стороны фасада отвечает ризалит, насыщенный лепным декором с рас-

126. Дом Я. И. Лейцингера на Псковском пр.
Фото Я. И. Лейцингера, 1908

АОКМ. № 19409

127. Коммерческое собрание на Троицком проспекте.
Фото М. Д. Терентьева. 1919

Собрание Б. Н. Зайцева
(Москва)

128. Община Красного Креста.
Фото начала XX века

Чистые соборы

129. Торговый дом Макаровых. Проект.
Инженер С. А. Пец.

ГААО, Ф. 50. Оп. 97
Д. 1100. Л. 1

тительным орнаментом. Во фризе междуэтажного карниза помещены рельефные кольца. Поверхности стен обработаны под «шубу».

Дом Я. Беляевского (не сохранился) (ил. 131) — редкий образец модерна в дереве: крестообразный в плане, с башенкой, фиксировавшей угол, и с крыльцом в виде

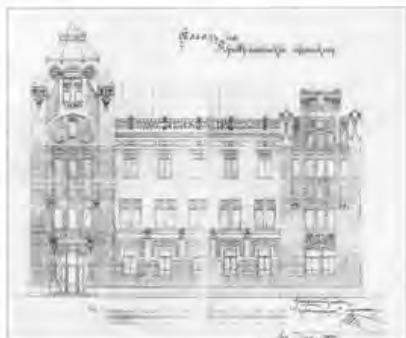
самостоятельного объема. Уличный фасад, выделенный полукруглым окном на втором этаже и навесным фронтоном, имел насыщенный декор, сочетающий резную обшивку и открытый сруб. Здесь причудливо соединялись приемы русского деревянного зодчества с формами модерна и скандинавской архитектуры.

Корпус Приказа Общественного Призрения (К., 71) (ил. 132) являет собой пример следования рационалистическому направлению модерна. Высокая мансардная кровля ассоциируется с эпохой петровского барокко. Угол акцентирован двумя большими окнами с лучковыми перемычками. Асимметрию в композицию фасадов вносит эркер с окном на всю его высоту. Удачным было и сочетание этого каменного двухэтажного корпуса с одноэтажными деревянными домами, примыкавшими к нему по Пермской улице и Троицкому проспекту соответственно.

В стиле модерн строились не только особняки, но и доходные дома: например, дом наследников Черепанова (К., 47) с мощным эркером; дом С. В. Овчинникова (К., 48) с эркером, завершающимся шпильом и башенкой, на гребне которой — кованая ажурная решетка; оштукатуренный дом И. С. Ульяновского (К., 17), главный фасад которого выделен эркером, а боковой — балконом. Большинство домов начала XX века отличаются тонкой пластикой фасадов, изящным декором, растительными орнаментами, решетками, что свидетельствует о высоком уровне мастерства как архитекторов, так и исполнителей.

Функциональный модерн представлен в Архангельске варочным цехом пивоваренного завода (К., 59). В нем использованы пилостры из железобетона с типичным для архангельского модерна рисунком капителей, поддерживающих дверную, железобетонную же, перемычку. Такими же перемычками попарно перекрыты оконные проемы полуподвального этажа. Главный фасад венчает массивная кирпичная балюстрада.

В начале XX века храмы разных конфессий повторяли архитектурные мотивы прошлого. В деревянном польском костеле (1896, не сохранился) (ил. 133) главный фасад, выходивший на Троицкий проспект, имел подобно его далеким прототипам, две башни-колокольни и высокий шпиль между ними²³. Любопытно, что англиканская церковь середины XIX века (1850-е годы, не сохранилась) (ил. 134), как и большинство зданий той поры, являла собой пример постклассицизма, а деревянная англиканская церковь в Соломбале (см. ил. 60) вызывает ассоциации с готическими постройками²⁴.

130. Константиновский прием.
Проект.
Инженер С. А. Пейс

ГДАО, Ф. 50. Оп. 97. Д. 4100. Л. 1

131. Жилой дом Я. Беляевского.
Инженер С. А. Пейс.
Фото М. Д. Терентьева. 1920

Собрание Б. И. Зайцева (Москва)

132. Здание Приказа
Общественного
Призрения.
Почтовая открытка
начала XX века

133. Польский костел.
Почтовая открытка
начала XX века

134. Англиканская церковь. Проект

РААД. Ф. 50. Вып. 37.
Л. 72-Л. 1

135. Мечеть.
Почтовый отделочный
материал XIX века

Деревянную мечеть (ил. 135) венчал уплощенный купол с полумесяцем. Над входом — минарет, в котором было больше от русских шатровых колоколен, нежели от мавританской архитектуры²⁵.

Таким образом, на протяжении большей части XIX века господствуют классицизм и постклассицизм. Лишь в последней трети столетия появляется эклектика с ориентацией на разные исторические стили, среди которых основное место занимает так называемый русский. Эклектика мирно сосуществует с модерном вплоть до 1914 года. Это вполне соответствует общерусским традициям, разве что с некоторым отставанием. В рядовой же деревянной застройке той поры, во многом определявшей лицо города, более ярко проявлялось местное своеобразие.

Еще в 1863 году из всех 2180 домов Архангельска только 11 были каменными²⁶. Деревянная архитектура испытывала влияние стилей каменного зодчества — классицизма и эклектики. Этому способствовал и указ Сената 1853 года о строительстве в Архангельске домов по высочайше утвержденным проектам в дереве «под камень»²⁷. Обшитые тесом фасады нередко имитировали руст, а использование профилированных пилястр, карнизов с сухариками, рамочных наличников, горизонтальных тяг, треугольных фронтонов с полуциркульными окнами²⁸ свидетельствовало о приверженности классицизму.

Однако на протяжении XIX века это не исключало следования и местным архитектурно-планировочным приемам. Здания из-за сурового климата и перувлаженного грунта строили на высоком подклете. Они обычно имели пристроенное к основному объему крыльцо с навесом и лестницей на второй этаж. Крыльцо устраивались или под навесами, или в виде тамбуров. Последние получили особое распространение в начале XX века²⁹. Характерными для этих домов являются волнообразная форма покрытия лестничной пристройки, карнизы в форме вала, поддерживающиеся резными консолями, эркеры над парадным входом или же на углу, если дом стоял на перекрестке улиц. К концу XIX века почти все дома уже имели железные кровли. Одновременно распро-

странились и украшения воронок водосточных труб в технике просечного железа. Некоторые дома стали штукатурить, чтобы таким образом придать им вид каменных, считавшихся более репрезентативными.

В типологическом отношении исследователи выделяют два основных типа архангельского дома: севернорусский городской (прямоугольный в плане с коридором) и «немецкий» (квадратный в плане с анфиладой комнат)³⁰. Почти все они были деревянными. Даже в конце 1920-х годов из 3311 жилых построек в центре города каменными были всего 117³¹.

Об этом качестве города прекрасно написал Борис Шергин: «На берегу и у торгового звена много каменного строения, а по улицам и по концам город весь бревенчатый... Стоят в два этажа, с вышками, в три, в пять, в семь, в девять окон по фасаду. Дома еще недавно пестро расписывали красками, зеленою, ультрамарином, белилами.

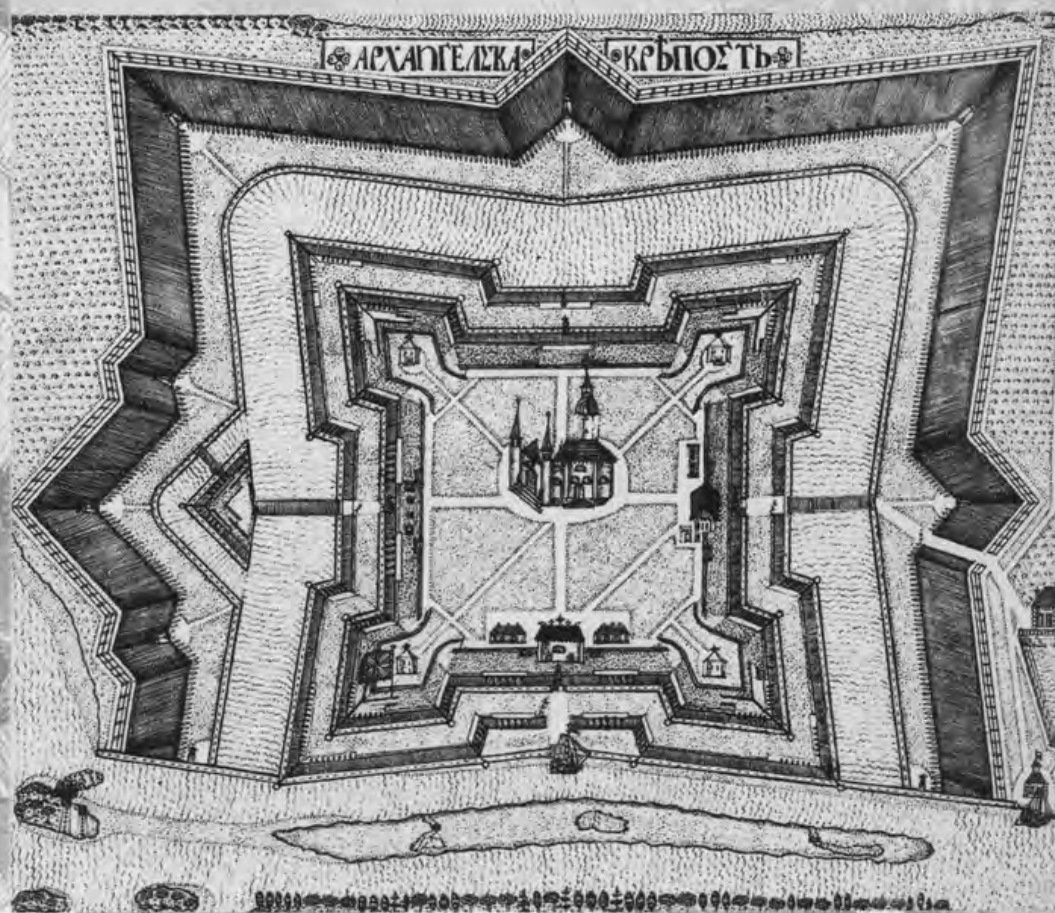
Многие улицы вымощены бревнами, а возле домов оббегают по всему городу из конца в конец тесовые широкие мостки для пешей ходьбы...»³².

Итак, архитектура Архангельска развивалась в русле общерусской, используя приемы и мотивы смеявшихся стилей. XVIII век для каменного зодчества прошел под знаком переработки приемов «московского барокко», в результате чего здесь сформировалось свое направление, в какой-то мере связанное с устюжской региональной школой и наиболее полно проявившееся в архитектуре храмов, возведенных во второй трети столетия. Тем не менее, своеобразие города заключалось в преобладании деревянных домов, в архитектуре которых сочетались классицистические приемы с формами северного народного зодчества, достаточно свободное использование «образцовых проектов». Наконец, для облика города было характерно «прозрачное» (с разрывами) расположение домов вдоль улиц, почти полное отсутствие на них деревьев и кустарников, что обеспечивало видимость даже с дальних точек внутри города многочисленных храмов. Ныне же историческая среда Архангельска разрушена почти полностью.

Примечания

- Архив СПб. ФИРН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 132/16.
- Архив СПб. ФИРН. Ф. 12. Д. 521 (1661 г.), Л. 1.
- Сибирцев И. Исторические сведения из церковно-религиозного быта Архангельска в XVII и первой половине XVIII века. Архангельск, 1894. С. 32.
- Архив СПб. ФИРН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 119 (1710 г.), Л. 13-14.
- Там же. Л. 12 об.
- Там же. Оп. 4. Д. 14 (1711 г.), Л. 67.
- Там же. Л. 67 об.
- Там же. Л. 71 об.
- Архив СПб. ФИРН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 132/16. Стр. 6.
- Архив СПб. ФИРН. Ф. 10. Оп. 4. Д. 14, Л. 4.
- Булкин О. А., Овсянников О. В. Из истории каменного строительства в конце XVII века в Нижнем Поволжье // Средневековая Русь: Сб. ст. М., 1976. С. 347, 350.
- ГААО, Ф. 29. Оп. 36. Д. 27 (1832 г.). Л. 7; Сибирцев, Указ, соч. С. 32.
- Капциков А. Ю. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки, Урала XVIII века. Свердловск, 1990. С. 146.
- ГААО, Ф. 65. Оп. 2. Д. 47 (XIX в.). Л. 3 — 3 об. Об уроне, который потерпел собор в результате пожара 1793 года, архангельский епископ Вениамин так сообщал Синоду: «...во время горения [...] утвари и вещей, в соборе хранившихся, [...] много в огне осталось [...] В нижней церкви иконостас и все образа согорели, ...» (РГИА, Ф. 796. Оп. 74. Д. 308. Л. 2).
- В связи с аварийным состоянием колокольной церковный комплекс в 1906–1910 годах был обследован (Архив ИИМК. Ф. 1, 1907 г. Д. 144; ИАК. Вып. 26. СПб., 1908. С. 54–55), а в 1912 году под руководством академика архитектуры П. П. Покрышкина проведено выпрямление колокольной (Покрышкин П. П. Ремонт и выпрямление колокольной при Боровско-Успенской церкви в г. Архангельске // ИАК. Вып. 48. СПб., 1913. С. 43–44; архив ИИМК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1616). Благодаря этим работам были сделаны подробные обмерные и иные чертежи. Церковь снесена в 1930 году.
- Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. М., 1984. С. 100.
- ГААО, Ф. 75. Оп. 1. Д. 1635 (1887 г.)
- Аналогичное сопоставление типовых проектов А. Д. Захарова с домом гражданского губернатора в Черныгове и Присутственным местами Симбирска проведено С. С. Ожеговым (См.: Ожегов, Указ, соч. Рис. 45 и 47). Типовые проекты указанных зданий выполнены А. Д. Захаровым, и их копии находятся в альбоме, хранящемся в Научно-технич-
- ческой библиотеке СПб. ИИЖТ (инв. № 2666. Л. 36, 43) и атрибутированы Г. Г. Гринном (см.: Гримм Г. Г. Архитектор Андриян Захаров. М. 1940. С. 57).
- Осуществление типовых проектов А. Д. Захарова именно в Архангельске, вероятно, не было случайным явлением, так как, работая в Адмиралтействе, архитектор специально для города на Северной Двине разработал в 1807 году проект госпиталя, а в 1809 году — проект канатного завода (об этом см.: Гримм Г. Г. Указ, соч. С. 57). Однако эта тематика затронута К. П. Темп в газетной статье (см.: Темп К. П. Тр архитектора // Правда Севера. 26 декабря 1982 г.), нуждается в специальном исследовании.
- РГИА, Ф. 1265. Оп. 8. Д. 1398. Л. 15, 15 об., 42. Из всего сказанного становится очевидным, что М. Ф. Казаков, иногда упоминаемый как возможный автор образцового проекта Присутственных мест, и построенному в Архангельске зданию не имеет никакого отношения.
- РГИА, Ф. 472. Оп. 12. Д. 668. Л. 21. Памятник Ломоносову был установлен первоначально на Соборной площади, а в 1832 году оноло не установлена чугунная решетка по проекту архитектора А. И. Медведникова (РГИА, Ф. 1284. Оп. 18. Д. 38), в связи с чем и была исполнена акварель, на которой показана проектируемая решетка (а. 70).
- Здание городских Присутственных мест в полиции было построено в месте, принадлежавшем городскому голове Фонтейнесу, которое по определению Строительного комитета «есть самое лучшее из городских мест и возведение на нем предположенного здания... будет служить украшением города» (РГИА, Ф. 218. Оп. 4. Д. 1702. Л. 145, 147 об.).
- К 50-летию священнослужения святой цери Христовой Иоаннания епископа бывшего Архангельского. Сергея Посада, 1914. С. 20.
- Давыдов А. Н., Лопатыко В. М., Шалькевич А. А. Деревянное зодство Архангельска во второй половине XIX — начале XX века // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 195.
- Там же. С. 193–194.
- Там же. С. 194–195.
- Статистический отчет по Архангельской губернии за 1863 год. Архангельск, 1863. С. 9.
- ГААО, Ф. 5. Оп. 1. Д. 57.
- «О влиянии тектониче-ской архитектуры на деревянную см.: Власюк А. И. О своеобразии архитектуры русских провинциальных городов 1840-е — 1910-е годы // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Стиль, атрибуция, датировка. М., 1983. С. 255–256.
- Давыдов, Лопатыко, Шалькевич. Указ, соч. С. 200.
- Там же. С. 197–198.
- Барашков Ю. А. Архангельске: Архитектурная Биография. Архангельск, 1984. С. 80.
- Шерин Б. Повести и рассказы. Л., 1984. С. 25–26.

III. ОСНОВНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ АРХАНГЕЛЬСКА

Гостиные дворы

Русский гостинный двор — уникальный памятник русского зодчества XVII–XVIII веков — и ныне, даже после значительных утрат, занимает центральное место в городе. Некогда же в этом грандиозном сооружении были соединены административные, военные и торговые функции. Здесь торговали как отечественные, так и заморские купцы, а потому изначально комплекс состоял из Русского и Немецкого дворов. Административные учреждения находились в каменной крепости между ними. Учитывая царский указ отдельно крепостей не строить, зодчие решили все Гостиные дворы как крепость, в результате чего этот комплекс стал надежным защитником города и северных границ русского государства, хотя никогда в военных столкновениях не участвовал.

До середины XVII века Гостиные дворы Архангельска, возведенные одновременно с деревянным «городом», оставались деревянными (см. ил. 2). Это были два огромных двора, рубленные из бревен «в которых приезжие купцы хранили товары»¹. Из актов Лодомской церкви, расположенной неподалеку от Северной Двины, следует, что первые Гостиные дворы были построены артелью плотников из 12 человек, у города, в его верхнем конце. Трудно сказать, что побудило эти только что возведенные дворы в 1587 году «переставлявати с верхнего конца на нижний конец города»². Они заняли довольно большое пространство вдоль берега Двины и вновь разделились на Русский двор в южной части и Немецкий — в северной. Рядом с ними построили важную для взвешивания товаров. Писцовые книги 1622–1624 годов фиксируют их прежнее место и дают представление о составе строений: на Русском гостином дворе «Государевых 84 анбара верхних и исподних, 32 лавки, на том же дворе московских и разных городов гостей и торговых людей 15 анбаров». На Немецком гостином дворе — «верхних и нижних 86 анбаров государевых да немецких заморских гостей 32 анбара, да подизбных 2 анбара»³. Гостиные дворы горели в 1637, 1650 и 1667 годах. В последнем же пожаре, случившемся 16 мая 1667 года, они «все погорели без остатка»⁴.

Во второй половине XVII века Архангельск становится крупным центром русской торговли и главным портом России. Это его особое значение «первых ворот Российского государства», а также необходимость обезопасить товары от огня, и побудили царя Алексея Михайловича 26 июня 1667 года издать указ о возведении каменных Гостиных дворов взамен сгоревших деревянных. Для этого московскому промышленнику Петру Гавриловичу Марселису надлежало

«ехати... к Архангельскому городу, ...лучшим образом своим чертеж, как у Архангельского города размер и основание торговых промыслов товаровую складу и немецким приезжим дворам, также городу свободам стрелецким и всех жителям людей домов, что со всяким добрым и пристойным строением как городской крепости, так и гостинным и жителям дворам от всякого противного припадку бережно и осторожно устроенным быть». Петру Марселису вменялось в обязанность приезде «осмотреть место, где у Архангельского города корабельной пристани впредь быть пристойно, на старом ли или на ином месте, где считается лучше, чтоб корабельной пристани было близко берега в пристойном месте, где корабельного приходу было бережно и с кораблей бы иноземцы товаров [бы не вывозили и] на корабли русские товаров к себе не клали. Да ему же, Петру, досмотреть по берегу, где можно устроить гостиные дворы и анбары каменные и в которых местах на каменное дело камень белой и известь ломать и кичи делать и сколь далеко от города. А для осмотра послан с ним Петром мастер немчин градоделец Вилим Шарф». С ними из Москвы на Двины прибыли пять каменщиков. Они осмотрели несколько подходящих мест для устройства крепости, пристани и Гостиных дворов и сообщили царю, что «ниже города на Соломбале и выше на устье Уймы реки илуче старое место, где ныне стоит город, ...новое мест не сыскано». Соломбальский остров заливает при весеннем половодье, а в устье Уймы недостаточное «места под селитьбу» горожан. Самым удобным для нового строительства было признано погорелое место деревянных гостиных дворов⁵.

Выбрав его, Марселис и Шарф составили чертёж «как быть на том старом месте новому зданию предлагая два варианта будущего сооружения. Петру Марселису «подал... городской и гостиных двор чертеж, а Вилим Шарф подал городовые особ свои два чертежа»⁶. Кстати, отметим, что двинский воевода Иван Иванович Чаадаев более высоко оценил два последних и особо рекомендовал их царю: «...а и в тех местах, государю, городовым изволиши свое рассмотрение учинить. А вилимовы чертежи видны прочнее и лучше». Чертеж же Петра Марселиса вызвал следующие возражения у воевод: «...достоит так быть, что русскому [двору] от города да дале и на леве [стороне], а немецкому ближе и правой стороне... да и прежде, государю, того и старые дворы так были: от города [ближе] был русский двор». Кроме того, «Петр написал по осмидесяти жень все стены и так будет тесно, строения какого впредь прибавить будет негде»⁷.

С описанием («досмотром») чертежи 31 августа были посланы к царю. При этом иноземцы отказались от составления сметы на будущие работы, так как смета им «без мастеров не за обычай, а мастеров, кому сметить, нет». Заметим, что чертежи составлялись по ходу работ, и в дальнейшем, как отмечает Иицислевские материалам и денгам, употребленным на сооружение сего здания» — «от писма городовых чертежей [заплачено] подьячим Василью Истоминову и Алексею Тесову 16 рублей 78 копеек», — деньги по тем временам немалые, ибо и составление проектных чертежей было делом тогда еще необычным. К сожалению, ни один из них до нас не дошел.

В ответ указ Алексея Михайловича был получен уже 25 сентября, и сразу же «...начаты у Архангельского города делать гостиные дворы по чертежу, каков прислал великий государь с грамотою...»¹⁰. Таким образом, началом строительства следует считать 25 сентября 1667 года. Всего четыре месяца после пожара! Срок для XVII века, особенно если учесть расстояние между Архангельском и Москвой, на удивление малый.

Возведение архангельских Гостиных дворов было возложено на девять российских городов — Вологду, Каргополь, Тотьму, Великий Устюг, Сольвычегодск, Чаронду, Вагу, Вятку, Кевролу. Они должны были дать внаем людей и собрать деньги. Работали здесь даже крымские и ногайские татары¹¹. Каменщиков приказано было выслать из Ярославля, Костромы, Солигалича, Ростова Великого. В 1669 году их прибыло сюда 67 человек. Они поступили в распоряжение присланных тогда же из Москвы иноземца инженера Матиса Анцына и подмастерьев Вавилы Савельева и Никиты Шарутина. Главным строителем комплекса был Матис Анцын, он же составил строительную смету. И. Чаадаев в грамоте к царю отмечал добросовестность Матиса Анцына: «...он, Матис, у твоего государева дела живет всегда неотступно и в деле прежних подмастерей... во всем знающее и смышленнее»¹².

Строили этот грандиозный комплекс трудно и долго — 16 лет. Сказывались суровые климатические условия, нехватка денег и материалов, постоянно недоставало не только каменщиков, но также кузнецов и даже плотников. Всего же в разные годы на строительстве было занято 1548 человек.

Возводить Гостиные дворы начали по старой схеме: Немецкий гостинный двор ниже по течению от города, а Русский — выше. Каждый двор должен был представлять в плане прямоугольник 90х80 саженей (примерно 195х173 м), а между ними располагалась крепость длиной 60 саженей (130 м), в глубину же от Двины, как и дворы, — 80 саженей (ил. 136). В ней под защитой каменных стен надлежало построить церковь, съезжую

избу, воеводский двор и зелейной (пороховой) погреб. Важни (весовые) должны были быть на каждом дворе, а таможенная изба — «за городом, у городских ворот».

В «городовой» стене со стороны реки предполагалось поставить «отводную башню с проезжими вороты, а сверху — раскат», т. е. площадка для установки пушек, а с противоположной стороны — другую башню с Тайничными воротами, «что из тех башен можно гостинные дворы из наряду очищать [т. е. защищать огнем пушек]. А у гостинных дворов сделать наугольные ж башни с выпуски [т. е. выступающими из плоскости стен], а в башнях и в нижних, и в верхних амбарах поделать бойницы. А на гостинные дворы от Двины реки сделать в стенах по проезжим воротам»¹³. Словом, верхние галереи Гостинных дворов, где размещались торговые амбары, получали бойницы с амбразурами («падинами») для обстрела неприятеля, а на ярусах угловых башен располагались пушки. В результате и сами Гостиные дворы становились крепостью.

В 1668 году «было зачато рвы в мокрых в болотных местах были выкопаны и сваями набиты». На следующий год Матис Анцын «тех рвов... в ширину прибавил большими сажени трехаршинной и бутыл в тех мокрых местах камнем сысподи...». По сравнению с прежними сметами, он увеличил количество бутылочного камня на рвы, по ходу строительства исправлял чертежи, ибо в них не все было учтено. Например, в своем доношении воевода сообщал царю, что в присланном из Москвы чертеже «написаны сделать амбары нижние и верхние, а о мелких лавках, которым доведется быть с наружную сторону у дворов от реки и от города и меж дворов указу нет...». Беспокоила руководителя стройки малочисленность каменщиков. Им нужно было тесать и резать камень в зимнее время «которому быть в поясах и в воротех... что толстою тескою и резью мешкоты в деле не чинить»¹⁴.

136. Рисованный план Гостиных дворов. 1669.
Слева — Немецкий двор, справа — Русский, в центре — крепость.
Сборник Архитектурно-строительного института. Кн. IV. СПб., 1880.

Из описной книги строительства Гостиных дворов (Приложение 4) ясно, что к 1672 году были выложены стены Немецкого двора со всеми каменными крыльцами, и тогда же началось строительство угловой башни «на нижнем конце от болота». Под нее, как и под другие башни, делали фундаментные рвы, набивали их сваями, затем стены выкладывали из белого камня и кирпича в высоту две сажени (4,3 м) до кровли. Посреди башни — каменный стол «и на тот стол положены кладки [балки] деревянные и на кладки мощен мост деревянной, а ис той башни сделано десять боев подошвенных»¹⁵. Значит, башни имели по три яруса-боя, ибо упомянуты подошвенный — нижний, «мост» — средний, а из других документов ясно, что башня имела и верхний, используемый для размещения пушек, — роскат. В 1675 году началось строительство башни Немецкого двора «на другом углу, что от Двины реки».

К 1677 году Немецкий гостиный двор с «городом» крепостью уже были сооружены, а Русский еще строился. О этом свидетельствует и Конрад Ван Кленк: «Не столь давно, дабы избежать больших изытков от частых здесь пожаров, был выстроен прекрасный четырехугольный двор, снабженный бойницами для оружия. Это здание весьма велико..., все двери и окна — из двойного железа. Название его: Немецкий двор. Не хуже его и другой двор, не столь большой, в котором хранят свои товары русские. Он еще не завершен полностью, но делает его с большим тщанием»¹⁶.

После смерти Матиса Анцына в 1671 году Русский гостиный двор достраивал московский подмастерье Дмитрий Старцев, прибывший сюда «сженою и с детьми»¹⁷. Здесь же работали каменных дел мастера Алексей Марков, будущий строитель каменной церкви Михайло-Архангельского монастыря Максим Лохотский,

который упоминается в документах как двинской каменщик, находившийся на Орлецах «для досмотру и указу над подрядчики и известного дела...»¹⁸; он руководил резкой известкового камня для строительства Гостиных дворов. Известны имена и других мастеров декоративной кладки — Михаила Мартынова, Михаила Сидорова, «ковалей»-кузнецов Семена Поздеева, холмогорцев Якова Микулина, Алексея Верешагина. Полностью строительство Гостиных дворов было завершено 20 ноября 1683 года и обошлось казне в 119 797 рублей 66 с половиною копеек¹⁹.

Представить облик Гостиных дворов и крепости помогает сопоставление его описания, сделанного во время строительства, с известным планом и видом комплекса 1694 года (см. ил. 4), с голландской гравюрой начала XVIII века, с двумя ранними русскими масштабными планами 1727–1730 годов (ил. 137) и 1726 года (ил. 138), а также развертками фасадов, сделанными в 1742 году (ил. 141) и в 1780 году (ил. 140).

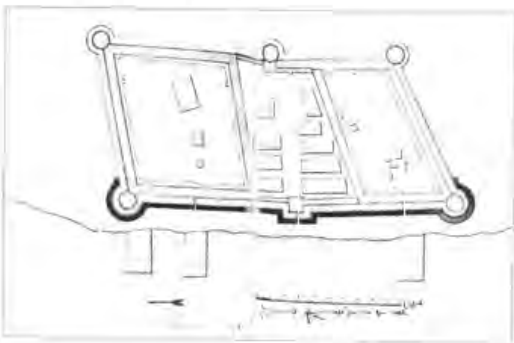
В плане комплекс дворов получил вид трапеции, разделенной на три составные части: Русский и Немецкий гостиные дворы и каменный «город» между ними. В центре западной стены последнего — четырехугольная воротная башня — Раскатная, возведенная в 1673 году «...в вышину и тесаным белым камнем две сажени с четвертью, и своды и перететивья [арки] над ворота перемкнуты, и в стене сделана караульня да четыре окна подошвенных боевых... а толщиною башенные стены... по три сажени... а ворота в проезде по две сажени в ширину»²⁰. На восточной стене этой башне соответствует круглая башня, в документах называвшаяся Отводной или Тайнишской, с роскатом наверху, «что можно гостиные дворы из наряду очищать», т. е. иметь возможность вести из пушек обстрел вдоль стен дворов.

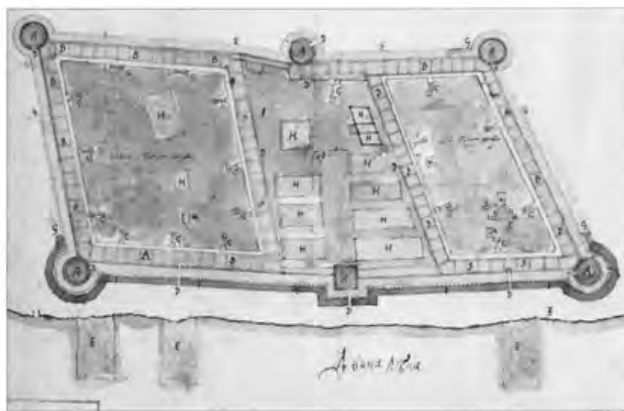
К стенам Гостиных дворов с внутренних сторон примыкали амбары в двух ярусах. Длина каждого амбара около 11 м. К верхним вели каменные крыльца, под которыми находились караульни. «[...] Ис тех амбаров на наружную сторону поделаны бойницы»: строители предполагали, что пристенные амбары можно будет использовать для стрельбы. В восточных углах, у стен «каменного города», располагались поварни, длиною около 16 м каждая, «...а среди поварни для крепости сводов сделан столп и с того столпа своды сведены... И те все нижние и верхние амбары и перила, и крыльца подмазаны и внутри, и с наружных сторон — выбелены известью... мосты в тех амбарах намощены каменными лежачими и покрыты тесом»²¹. По углам возвышались круглые башни «кругом по рву тридцать сажень... а внутри меж стенами... пять сажень» — это размеры юго-восточной башни (если верить чертежу, то и остальные были такими же).

137. План Гостиных дворов
Конструктор Василий Хамцов. 1727–1730

Атлас: «Силы Российской империи» («Шам-герон Архангельского»). 1764

РГА ВМФ. Ф. 3. Л. 10, 23, л. 935, л. 19

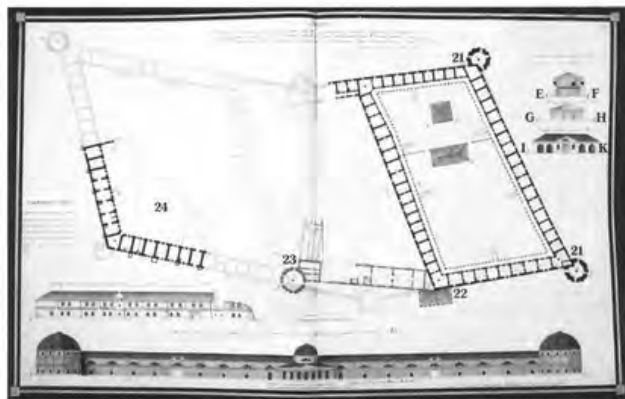
138. План Гостиных дворов.
Конструктор Николай Кривоперстов. 1726

«Чертеж города Архангельского, в по сторонам гостиные Немецкой и Руской дворы с верхними и нижними полатами»

«Кандуктор Николай Кривоперстов.
1726 году декабря 24 дня»

РГВНА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1673

Экспликация: «А. Шесть башен каменных, на трех башнях батарей и бойницы сделаны [...], все шесть башен не покрыты. В. Кругом каменные полаты верхние и нижние. С. Крыльи каменные на переходы к полатам. D. Ворота в город и на гостиные дворы и в башни. E. Двины реки деревянные мосты. F. Бруствер и полисады от Двины реки подле города и гостиных дворов, который бруствер строили в прошлом 720-м году. G. Бруствер и полисады не построено. [...] H. В городе и на гостиных дворах избы и деревянные анбары. I. От Двины реки против наугольной башни надлежит обруб новой сделать [...], чтоб от Двины реки бруствера погодой не вредило»

139. Гостиный двор («Таможенный замок»).
План с показанием разобранных и вновь построенных частей; речные фасады бывших Русского и Немецкого дворов

«Уездной землемер титулярной советник
Александр Ордин.
Губернской землемер Федор Киселев»

«Атлас Архангельской губернии», 1797

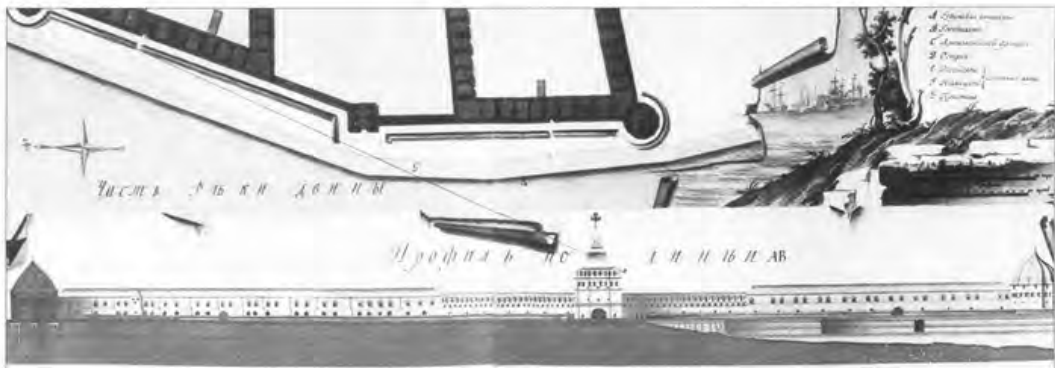
РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 52-53

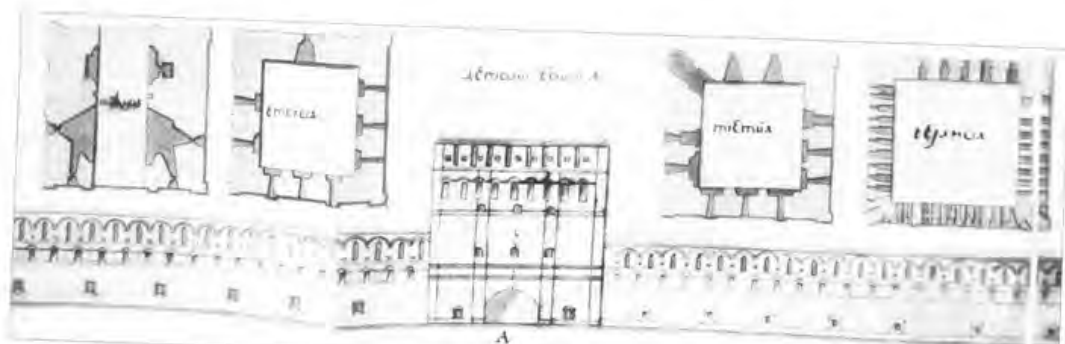
Экспликация: «I. [...] 21. Две сохранные башни быв. Русского двора. 22. Биржа с куполом, построенная у северо-западного угла быв. Русского двора. 23. Башня, построенная для винного и соляного складов («магазин») 24. Части быв. Немецкого двора. EF. Поперечный разрез Таможенного замка. GH. Фасад важин. IK. Склад шофов»

140. Речной фасад Гостиных дворов и крепости (Каменного города).
Северная башня представлена в разрезе. Фрагмент чертежа. 1780

«Атлас крепостей Санкт-Петербургского департамента», 1780

РГА ВМФ. Ф. 3/4. Оп. 23. Д. 853. Л. XXXVIII

141. Речной фасад Каменного города с Орловской башней в центре и с ее поперечными планами. Фрагмент чертежа. 1742

РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Л. 166б

Итак, архангельский Гостиный двор первоначально представлял собой, по свидетельству Корнелиуса де Брейна, посетившего Архангельск в 1701 году, «самое лучшее строение... Он сделан целиком из камня и разделен на три части, из которых первая (выходящая по левую руку к реке) служит для складирования товаров всех купцов заморских или иностранных. Здесь же — комнаты или жилища, так как некоторые ежегодно прибывающие из Москвы здесь имеют постоя; ...в упомянутый двор входят через большие ворота, где имеется большая, четырехугольная площадь. Справа и слева от ворот на уровне земли устроены пакгаузы для товаров. Поверх пакгаузов идет длинная галерея...»²². На плане-панораме 1694 года и гравюре из книги этого путешественника дворы представлены со стороны Двины. Показаны зубчатые стены «города». На фасаде можно заметить два ряда бойниц верхнего и подошвенного боя, разделенные горизонтальным валиком. На гравюре хорошо видна Раскатная баш-

ня — прямоугольная в плане. Она, завершавшаяся деревянным шатром со смотровой вышкой, — композиционный центр речного фасада дворов. После водружения двуглавого орла (он был выкован из меди мастером Иваном Титовым) башню стали называть Орловской. Она была самой высокой: до кровли — 20 м, до шпиля — 40 м. Толщина стен — более 4 м (ил. 141).

Комплекс Гостиных дворов по размерам можно сопоставить лишь с двумя регулярными крепостями — Ивангорода и Тулы, возведенными в первой четверти XVI века, однако архангельское сооружение значительно крупнее. Достаточно сказать, что Ивангород вытянулся вдоль Наровы примерно на 302 м²³, Тульский кремль вдоль Упы — на 308 м (учитывая и выступающие башни)²⁴. В Архангельске же Гостиные дворы имели в длину более полукилометра — около 550 м! При этом, благодаря ярко выраженному крепостному характеру средней части, к тому же несколько отличавшейся по высоте от боковых, ясно

142. Комплекс Гостиных дворов (1667/68–1684). Вид с юго-запада.

Реконструкция А. М. Александрова. 1970-е годы

Архив ЦИРПИ

читалась его трехчастная композиция. Высокая Орловская башня выявляла ось симметрии (см. № 39 на ил. 17, а также 141, 142, 145). Построенные позднее по его примеру Гостиные дворы в Новгороде (1693–1700)²⁵ и Тобольске (1703–1707)²⁶ по своим размерам были значительно меньше архангельских.

Выстроенные из большемерного кирпича, Гостиные дворы, как и обычно крепостные стены, имели довольно строгий и простой декор. Речной фасад Немецкого двора был разделен на всю высоту пилонами, а на уровне второго этажа дополнительно членился еще и лопатками. Кроме тяги в виде валика, по всему фасаду проходил еще и подоконный пояс (ил. 139, 143, 144). Фасады же Русского двора не имели пилонов и лопаток. Их украшали лишь заглубленные в стену квадратные амбразуры и скромные пояски — обычные для русских крепостей XVII века. Башни же выглядели более нарядно. Западная — Раскатная — башня членилась тягами по вертикали и аркатурными поясами по горизонтали. Угловые башни имели схожий декор.

Проехать на территорию Гостиных дворов можно было только через ворота с речной стороны, а пеший проход существовал и в боковых стенах — из крепости. Проезжие ворота в крепость с восточной стороны, от посада, располагались в Тайничной башне, а с речной — в Раскатной.

Как уже упоминалось, по внутреннему периметру дворы огибала просторная галерея с арками, объединявшая все торговые помещения второго этажа. Внутри дворы выглядели, пожалуй, более нарядными, нежели снаружи. Замкнутое пространство создавало ощущение уюта и защищенности. На галерею вели каменные лестницы-крыльца. Столбы аркады и парапета галереи украшали глубокие ширинки, многие из них имели полихромные изразцы и поребрик. В архивольты арок входил зубчатый поясик, обегавший аркаду и усиливавший ощущение единства всех внутренних фасадов.

143. Речной фасад Немецкого гостининого двора. Рисунок В. И. Соловьева. 1839

ГРМ. Гр. 9557

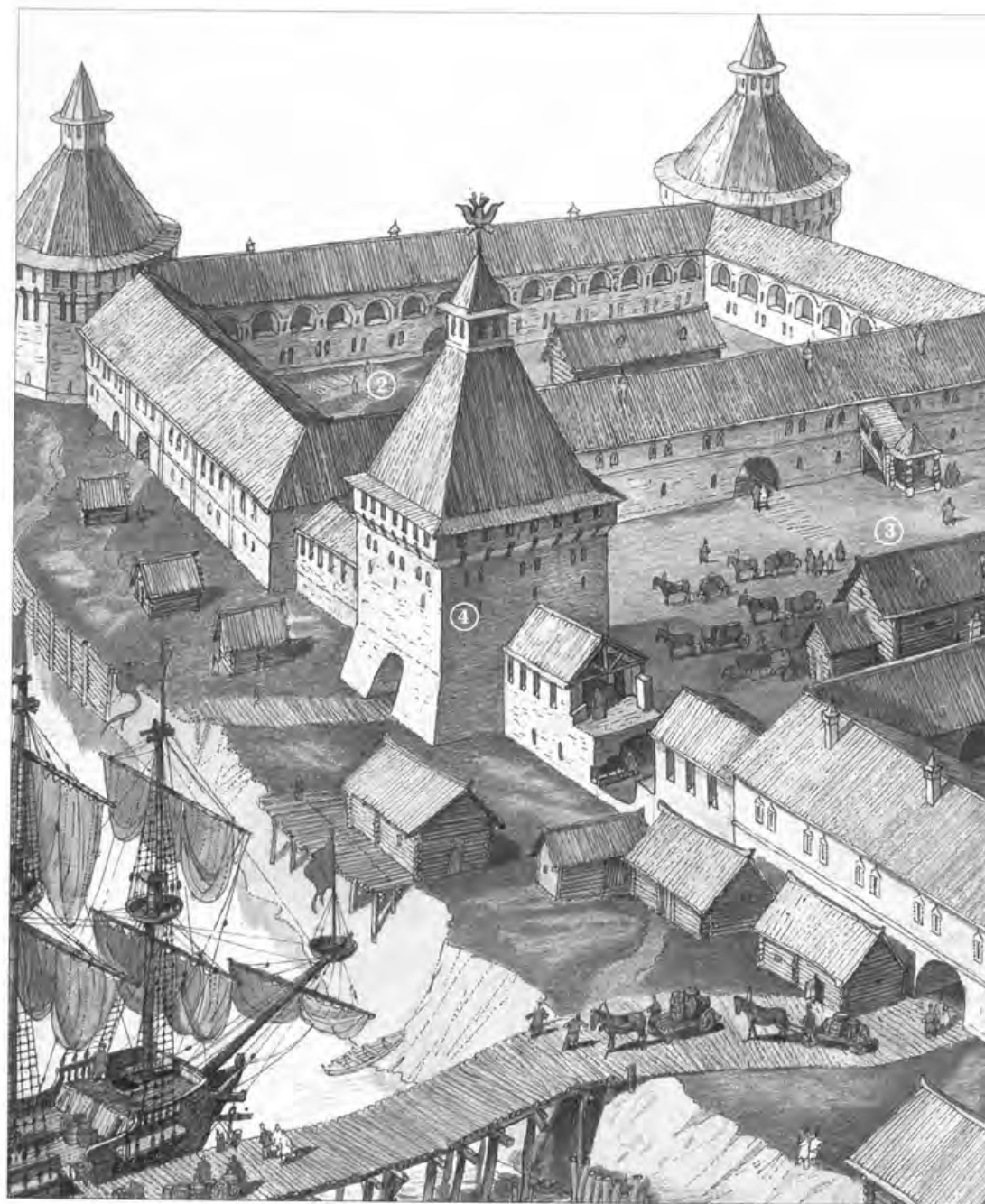

144. Немецкий гостининый двор. Вид речного фасада с северо-запада. Фото Я. И. Лейцигера. Концы XIX века

РААО. № 0-1311

По приказу Петра I, в 1713 году в каменной крепости для караула, сторожившего приводимых в канцелярию колодников, построили две избы, огражденные острогом, — тюремный двор. Тогда же возникла и необходимость первого ремонта всего комплекса, ибо к этому времени стали «кровли худы и на Русском, и Немецком гостиных дворах... кругом каменного города и гостиных дворов полисады местами пошатились...»²⁷. Чертеж и смету на ремонт составил-brandenburgский инженер Егор Розен, тот самый, который десять лет назад строил Новодвинскую крепость. В течение лета того же года башни покрыли сосновым тесом, крыльца с лестницами починил «каменного дела подмастерье» Двинского уезда Яков Корельский. Камень для ремонта привезли из Орловцов, а каменщиков брали «из цытадели», то есть из Новодвинской крепости. Так Архангельск приготовился к приему иностранных купцов, которым, по причине военного времени, в 1714 году разрешалось везти товары только к Архангельску²⁸.

145. Комплекс Гостинных дворов в конце XVII века. Вид с юго-запада. Реконструкция (без соблюдения масштаба) М. И. Мильчика. Художник Н. И. Андреев

Экспликация:

1. Русский двор.
2. Немецкий двор.
3. Крепость («город»).
4. Орловская башня.
5. Тайничная башня.

В связи с быстрым развитием петербургского порта, экономическое значение архангельского начало падать, а значит, и Гостиные дворы стали приходить в упадок. Небольшие ремонты, проводившиеся почти регулярно с 1731 по 1756 годы, уже не могли помочь разрушавшимся зданиям. В 1731 году по проекту инженера-прапорщика Якова Аленина все башни комплекса были вновь перекрыты и, очевидно, на сей раз железом. В проекте изменена их форма: из шатровых они превратились в купольные²⁹. Основная часть зданий пустовала. Некоторые использовались под склады «казенного» вина. В восточном дворе разместилась губернская канцелярия, в западном — Таможенный замок. На территории крепости по-прежнему находились гауптвахта, цейхаузы, но, тем не менее, все сооружение ветшало, и в 1786 году последовал высочайший указ о разборке Немецкого двора, а затем и остальных его частей³⁰.

Разбирать крепостные стены начали в 1787–1788 годах. К 1789 году снесли Орловскую и Тайницкую башни, приступили к Немецкому двору и его угловым башням, но и для проведения работ нужны были средства и рабочие, а их не хватало. Поэтому Немецкий двор оставался в полуразрушенном виде до конца XIX века. Русский двор и крепость сохранились, однако были перестроены для размещения там различных учреждений, в частности, Монетного двора.

План комплекса в Атласе Архангельской губернии 1797 года — итог этих переделок (ил. 139). Полностью сохранившийся Русский гостиный двор (под № 21) стали использовать как Таможенный замок. К нему с речной стороны в 1789 году была пристроена каменная биржа с башней (под № 22) по проекту архитектора Михаила Березина³¹ (ил. 146). До этого был срыт и под наблюдением губернского землемера Федора Киселева «разровнен земляной вал». Внутренняя площадь Русского двора разделена на двор привозных товаров (на западе) и двор отпускных товаров (на востоке). Здесь в 1790–1791 годы по проекту того же

146. Биржа Гостиного двора.
Фото А. В. Розанова. 1982

Березина были построены важня (ил. 147) и шофы (ил. 148) — амбары для хранения льна. В 1792 году возведены винные и соляные магазины с северной башней в торце (под № 23, ил. 139). Их строительством «ведal архитектурный помощник Матвей Кубенин». К этому времени Раскатной (Орловской) и Тайницкой башен уже не было. Приступили к сносу прилегающих к ним прясел, северной стены «города», бывшей в то же время южной стеной Немецкого гостиного двора. Губернатор Т. И. Тутолмин специально указывал, что «фасад сего здания и двух новых башен во всем... должен сходствовать с фасадом набережного и воскресенского фасада русского гостиного двора... а исправления расположить таким образом, дабы утверждённый фасад каменного русского гостиного двора несколько обезображен не был»³².

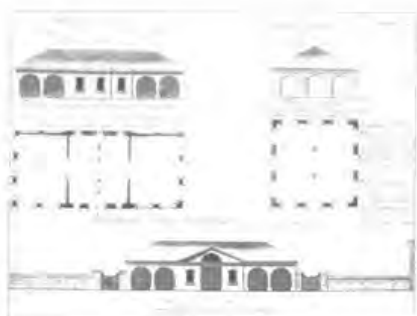
Естественно, что теперь существенно изменился и облик всего комплекса. Его речной фасад получил классицистический «наряд». По второму этажу были пробиты полукруглые окна, по первому — прямоугольные. Стену покрыл руст (ил. 149). Над прямоуголь-

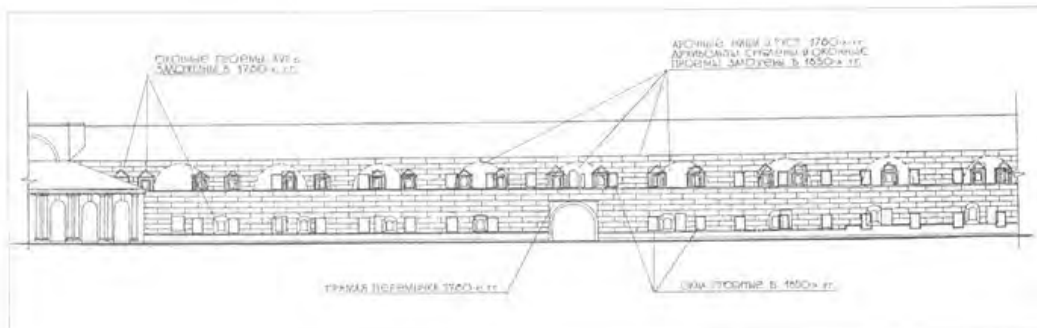
147. Гостиный двор.
Важня. Южный фасад.
Фото А. В. Розанова.
1982

148. Гостиный двор.
Планы и фасады шофов.
Архитектор
М. Березин. 1800

РГИА. Ф. 1399. Оп. 1.
Л. 243 л. 8

149. Перестройка речного фасада Русского гостиного двора в XVIII–XIX веках.
Схема А. М. Александровой. 1970-е годы

Архив ШИРИМ

ными проемами двух воротных арок (арка Русского двора всегда имела полуциркульное завершение) был устроен ступенчатый аттик (ил. 150). Композиционный центр фасада стала биржа, арочные проемы которой фланкировались спаренными полуколоннами тосканского ордера. Здесь, в биржевом зале, во время открытия навигации, ежегодно собирались купцы. Сигналом к собранию служил поднятый над куполом биржи российский флаг. За ней, в том месте, где смыкались стены Русского двора и каменного «города», возвели восьмигранный ярус башни с полуциркульным окном на ее широкой грани и с круглыми — на узких гранях.

Фасады башен карнизами расчленены на три яруса (ил. 151). Первые ярусы прорезаны арочными окнами, в более низких верхних — прямоугольными. Все три башни завершены многогранными «вспученными»

кровлями. В результате, примерно две трети протяженности прежнего комплекса получили новый строго симметричный облик, отвечавший художественным идеалам конца XVIII века (см. ил. 29). В эту композицию Немецкий двор, от которого осталась лишь часть, примыкавшая к северо-западному углу, не включался, ибо предназначался к сносу. Угловая башня была разобрана раньше (ил. 152).

Дворовый фасад бывшего Русского двора большими изменениями не претерпел. Он сохранил галерею второго этажа, первоначальный декор и прежнюю поэтажную планировку (ил. 153, 154). На первом этаже повторяющиеся секции включали большое количество помещений, обращенных окнами на улицу. С юга и севера корпус завершался одноэтажными палатами со сводчатыми перекрытиями (ил. 155).

150. Ворота Гостиного двора на речном фасаде
Фото П. Д. Барановского
1933

ГНИМА. Век. 1-9584

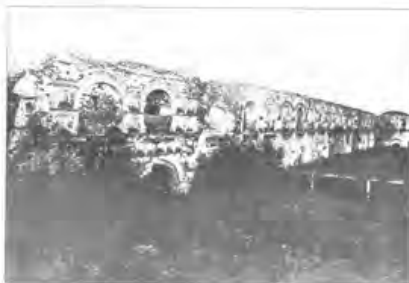
151. Северная башня
Гостиного двора.
Вид с северо-запада.
Фото А. В. Розанова.
1982

152. Немецкий гостиниый двор. Вид внутренней территории с юго-востока. Фото Я. И. Лейцилберга. Конец XIX века

ГЛАГО, № 0-73/3

153. Внутренняя часть Гостиниого двора. Вид на юго-запад. Фото П. Д. Барановского. 1933

ГНИМА. №г. 1-678

154. Верота Гостиниого двора. Вид с внутренней стороны. Справа — место примыкания крыльица. Фото П. Д. Барановского. 1933

ГНИМА. №г. 0-5860

155. Гостиниый двор. Помещение со сводами. Фото П. Д. Барановского. 1933

ГНИМА. №г. 1-3916

Винный и соляной корпуса были пристроены к северной башне со двора. Шофы и важня в композиции оставшейся части комплекса занимали скромное место. Их фасады формировали широкие арки (позднее были заложены), первые из которых по центру имели слегка выступающие ризалиты с треугольными фронтонами.

Итак, в 1787–1789 годах исчезла прежняя трехчастная структура комплекса, его речной фасад сократился примерно на треть, однако прежняя композиция величественного сооружения с выделением оси симметрии (Орловская башня — биржа) воспроизводилась в новых для того времени приемах архитектуры классицизма. Былая общность архитектурного решения речного и дворового фасадов исчезла.

В XIX веке в облике бывшего Гостиниого двора, называвшегося теперь Таможенным замком, произошли новые изменения. Как и раньше, этот комплекс неоднократно исправлялся и ремонтировался. К 1818 году губернским архитектором Шилиным засвидетельствованы большие повреждения угловой юго-западной Воскресенской башни и «найдепо положение ее весьма опасным: во многих местах оказались косые трещины, и две из них сквозные, начиная от фундамента до самого верхнего карниза... фундамент сильно осел внутрь... стены сверху угрожают падением...»³². Но и в 1822 году, когда башня по-прежнему угрожала «внезапным обрушением», работы еще

не начались. Отдается лишь распоряжение губернскому архитектору составить смету «на разобранье... башни, а как неминуемо должно будет на то место оной башни сделать каменную стену с приличным фасадом, то и на ее устроение о потребной сумме составить смету...»³⁴. Губернский архитектор А. Агеев на следующий год выполнил указание, но башня была разобрана только в 1864 году³⁵.

В середине века существенно изменился внешний облик западного фасада дворов с речной стороны. В 1855 году заключен контракт с архангельским купцом И. Е. Топоровым на перестройку Таможенного замка под Присутственные места. Сразу же начали «разломку крыши, стропил, полов, потолков, лестниц, печей, стен, сводов, проломку окон и дверей, выведение, где следует, новых фундаментов и стен»³⁶. На следующий год закончили внутреннюю отделку и приспособили северную башню для архива. И, наконец, в 1857 году здание оштукатурили и навесили водосточные трубы. Все работы производились по чертежу и сметам губернского архитектора Г. Иванова. Арочные окна второго этажа заложены и в закладке сделаны прямоугольные. Нижний этаж обработан штукатурным квадратным рустом. Окна второго этажа получили штукатурные профилированные наличники. Междустажная тяга и венчающий карниз остались без изменений, равно как и две

проездные арки, но ступенчатый аттик сохранился лишь у южной. Южный же фасад бывшего Гостиного двора сохранил арочные окна и другие детали второй половины XVIII века.

Северная башня, до ремонта имевшая в нижнем этаже четыре небольших окна — амбразуры, в верхнем — бойницы, также изменила свой облик. В ней, «как для красы общего наружного вида здания, так не менее и для необходимого освещения внутренности Архива, сделать предполагаемые по чертежу Губернского Архитектора Иванова окна, в нижнем и верхнем этажах с исправлением амбразур в одинаковый вид и заделкою бойниц»⁸¹. В результате в первом ярусе появились большие арочные окна со штукатурными наличниками, а в верхнем — квадратные. Второй ярус был опоясан декоративными машикулями с поясом поребрика над ними.

Немецкий же Гостиный двор в конце концов разобрали. В начале XIX века еще делались попытки как-то его сохранить. Велась переписка между архангельским генерал-губернатором и Департаментом путей сообщения и публичных зданий о исправлении его ветхостей в связи с тем, что там в недавнем прошлом помещался Монетный двор. Однако сохранить удастся только часть, расположенную по набережной, ибо там некогда были «покои Петра Великого»⁸², остальную же часть по улице Менсендековской (ныне ул. Свободы) в 1851 году разобрали. В бывшем же Монетном дворе, который был упразднен еще при Павле I, разместили солдатские казармы. В верхнем этаже какое-то время находились городская полиция и казенная палата с казначейством. Потом здание долгое время пустовало и продолжало разрушаться. Его фундаменты использовали для устройства каменной ограды губернаторского сада, разбитого на месте разобранного двора.

В конце XIX — начале XX века были заложены арочные проемы биржи, и в закладках устроили прямоугольные окна. Это, конечно, исказило первоначальный вид здания, но не стерло полностью его классические черты.

В 1922 году в помещении бывшей Таможни открылся «Музей старины», преобразованный из епархиального Древлехранилища, учрежденного еще в 1887 году⁸³. Вскоре же началась планомерная разборка Гостиного двора — самого древнего памятника города, чтобы освободить места для Дома связи и Дома морфлота: других мест в городе не нашлось! В результате, в 1932–1933 годах были снесены его восточный и южный корпуса⁸⁴.

До наших дней сохранилась лишь незначительная часть этого некогда величественного сооружения. И все же архангельский Гостиный двор с перестроенным набережным фасом Русского двора XVII века, с биржей и северной угловой башней XVIII века, а также с винными и соляными складами, шофами остается уникальным на территории нашей страны. Разрушен упомянутый выше Гостиный двор в Новгороде — типологически наиболее близкий к архангельскому, исчезли и более поздние дворы Смоленска, Петрозаводска, Каргополя, полностью утратил свой облик Гостиный двор в Москве. Поэтому этот памятник особенно важен как единственное древнерусское в своей основе сооружение общественного характера, соединявшее в себе торговую и оборонительную функции. В Архангельске же он играл такую же роль, как крепости и кремни в других древнерусских городах, став градоформирующим ядром самого северного порта России (ил. 156). В истории древнерусской архитектуры он остался самым большим сооружением регулярного типа.

156. Гостиный двор. Общий вид со стороны Северной Двины. Справа — Воскресенская церковь. Фото начала XX века

АНРИМ. № 86

Михайло-Архангельский монастырь

После опустошительного пожара 1636 года архангельского «города» — деревянной крепости, на территории которой располагался Михайло-Архангельский монастырь, было решено перенести его на периферию, ибо «в городе Архангельскому монастырю для утеснения [...] быть не велено». Его начали строить уже в том же году выше по течению Двины на небольшой правобережной возвышенности, носившей в XVII столетии название Нячеры (см. ил. 32 и 34).

Место для него было выбрано так удачно, что вплоть до 1930-х годов монастырский ансамбль господствовал над бескрайней ширию двинских просторов. Особенно он был красив с реки. Один из основных видов на монастырь открывался с верхнего течения Северной Двины, откуда, по мере приближения к нему, он вырастал как бы постепенно, обозначая начало города. Мимо монастыря проходила большая сухопутная дорога на Холмогоры и Москву, начинавшаяся от Гостиных дворов и деревянной крепости (эта дорога показана на плане-панораме 1694 года и имеет такую пояснительную подпись: «от города к монастырю мост», т. е. она имела деревянный настил) (ил. 157).

Первоначально монастырь был деревянным. О нем в какой-то мере можно судить по описи 1683 года⁴¹. Тогда соборная Михайло-Архангельская церковь имела два придела — свв. Бориса и Глеба и мученика Мины. К югу от собора стояла церковь пресвятой Богородицы. К ней примыкали трапезная и келарская, а между ними возвышалась колокольня на шести столбах. В ограде были две игуменские кельи, восемь братских, хлебная келья, поварня, кузница, хлебные амбары, амбары для соли, амбары для палтуса, трески и в квасной погреб. Монастырь в длину имел 117 сажень (253 м) и поперек 56 сажень (121 м). Тогда в нем жили 83 монаха. За оградой, на широком и пустынном в то время пространстве, находились хозяй-

ственные службы: ветряная мельница, служебная келья, конюшенный и коровий дворы. Монастырские дворы окружали пашины. Перед монастырем имелась пристань для судов, за ней шли рыболовные тони.

Облик монастырских храмов можно представить по их изображению на плане 1694 года (ил. 157). На просторстве, ограниченном бревенчатой оградой, за бранной в столбы, стоят три церкви, среди которых выделяется пятиглавый собор. Его высокий шатер окружают четыре главки на бочках. К югу от храма — меньших размеров трапезная церковь Покрова Богородицы, срубленная незадолго до 1684 года, так как в этом году архиепископ Афанасий разрешает «просечь вновь три окна» и вытесать стены⁴². К северо-западу от собора — по-видимому, восьмериковая колокольня на «амбарах», увенчанная тремя шатрами, — другая конструкция по сравнению с описанной десять лет назад. Эти три сооружения и составили ядро монастырского ансамбля. Чертежник, показав венцы сруба собора и колокольни, не отметил их у трапезной церкви и городских храмов. Скорее всего, последние были обшиты и их стены имели гладкую поверхность.

К концу XVII века монастырь становится крупным землевладельцем. В это время он владеет уже дворами «для скотины и пашни» в Соломбале, содержит подворья в Холмогорах, Велюком, Устюге, Вологде, Москве. Накопленные богатства позволили монастырю начать каменное строительство. В 1689–1699 годах, на месте деревянного собора, «каменных храмовых дел подмастерьем» из Антониево-Сийского монастыря Максимом Архиповичем Лохотским был сооружен величественный каменный Михайло-Архангельский собор⁴³ — самый древний среди церквей Архангельска (разрушен в 1929–1930-х годах). Это был высокий пятиглавый шестистолпный храм с пониженной трехчастной абсидой, на высоком подклете. Основной объем завершался развитым карнизом, которому вторил небольшой

157. Архангельский монастырь на плане-панораме Архангельска Фридриха, 1694

Сырнич
Архангельского
института. СПб., 1880.
Кн. 1-С. 117–118

Слева от монастыря
пашины — (с) деревянный
придел доминирующей
ограды 1000 саженей
(2160 м)

158. Микито-Архангельский монастырь. Вид с юго-запада. Почтовая открытка начала XX века

159. Монастырский собор Михаила Архангела. Вид с северо-запада. Фото 1927 года

ГИМА. № 5/17733

зубчатый пояс, проходивший под окнами. Главным же украшением собора оставались мощные главы, крытые дөмехом (ил. 158, 159, а также ил. 74).

Возводили собор на пожертвования, которые собирались не только в Архангельске, но и в Москве. Среди жертвователей были цари Петр I и Иоанн Алексеевич. Видимо, именно с подготовкой к его строительству была связана поездка архиепископа Афанасия в Москву, где он пробыл с февраля 1684 по январь 1685 года.⁴⁴ Архитектура монастырского собора, как и кафедрального в Холмогорах, восходит к Успенскому собору Московского Кремля — главному храму России, хотя и не повторяет его буквально. Их роднят монументальность, пятиглавие, структурированность фасадов, строчное расположение окон. Однако четырехскатная кровля без какого бы то ни было намека на закомары, глухие барабаны у четырех глав и характерные с кокошниками наличники «выдают» эпоху.

Собор был освящен 17 сентября 1699 года архиепископом Афанасием в честь Архангела Михаила — небесного покровителя Архангельска⁴⁵. Вместе с Троицкой церковью на Ухт-острове (1682–1690) и строившимся одновременно холмогорским собором (см. ил. 75) этот храм положил начало целому направлению в каменном зодчестве Подвinya⁴⁶.

Краткое описание 1711 года в известной степени отражает изменения, произошедшие в монастыре к этому времени: была перестроена ограда, вероятно, повторившая в плане прежнюю (см. ил. 160), «на оградной стене на вратах» поставлена деревянная церковь в честь Грузинской иконы Богородицы, которая «с трех стран паперти забрана тесом в косяк»⁴⁷. Эту церковь можно видеть на панораме из Атласа 1797 года (под № 22). На прежнем месте стоят трапезная, церковь и колокольня (ил. 160–162).

В 1712 году по благословенной грамоте Холмогорского и Важского епископа Варнавы на первом этаже собора строится церковь во имя Покрова Богородицы с приделом великомученика Мины⁴⁸. В 1744 году над западным нижним крыльцом собора была

построена каменная шатровая колокольня⁴⁹, усилившая композиционную ось ансамбля, шедшую перпендикулярно реке.

В результате перестроек собор к середине XVIII века представлял собой двухэтажный храм с четырьмя престолами и в единой связи с колокольней. Судя по виду монастыря в Атласе 1797 года (ил. 160), это был по-прежнему почти правильный куб, крытый на четыре ската и увенчанный пятью главами. За оградой севернее собора видны кельи (под № 24). Далее после небольшого разрыва (заметна лишь крыша) у самой ограды стоит корпус братских келий (под № 25).

В 1771 году сюда была переведена Холмогорская семинария, для которой построены вдоль северной стены монастыря три деревянных корпуса. В плане 1808 года (ил. 163) мы видим старую деревянную многоугольную в плане ограду, назначенную к перестройке. Там же показана и проектируемая каменная ограда, которая строилась с перерывами с 1811 по 1829 год. В 1817 году монастырская братия забила поклоном о состоянии собора, который из-за ветхости грозил падением, «ибо на высоких стенах храма, огромнейшие и каменные главы и своды сдержат в себе величайшую тяжесть, и как верные связи в стенах разорвались... учинились в стенах трещины...»⁵⁰. По рекомендациям губернского архитектора Шилина разобрана колокольня и заданы большие трещины в западной стене. К 1819 году собор был поправлен полностью.

В 1820 году по проекту Шилина над Святыми воротами построена новая, классицистическая, колокольня. Квадратный в плане нижний ярус украшен со всех сторон парными колоннами и треугольными фронтонами над ними. Остальные два яруса — восьмигранные. Покрывающая колокольню куполом, увенчанным деревянным шпилем с крестом высотой 19 м, высота же самой колокольни — более 23 м. Пристройка к колокольне 1897 году одноэтажных каменных флигелей по проекту инженера Никитина, выделила ее ярусы и завершила речной западный фасад монастыря (ил. 164, 165).

160. Вид Михайло-Архангельского монастыря с запада со стороны Северной Двины

«Атлас Архангельской губернии». Фрагмент «Виды города Архангельска из пункта В». 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. Л. 66

Экспликация: «21. Монастырская ограда с башнями. 22. Наавратная церковь. 23. Церковь Архангела Михаила. 24. Кельи настоятельские. 25. Кельи братские. [...] 30. Река Двина»

161. Вид Михайло-Архангельского монастыря с востока

«Атлас Архангельской губернии». Фрагмент «Виды города Архангельска из пункта А». 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. Л. 66

Экспликация: «[...] 2. Монастырская ограда с башнями. 3. Церковь Архангела Михаила. 4. Настоятельские кельи. 5. Братские кельи. [...] 7. Ветхая гарнизонная мукомольная мельница с караульною и сушильною. 8. Обывательское строение вдали. 9. Архирейский казенный дом со службами. 10. Каменные градские ворота с караульнями»

163. План Михайло-Архангельского монастыря. 1808

ГААО. Ф. 29. Оп. 38. Д. 13. Л. 1

Экспликация: «1. Собор. 2. Старая деревянная ограда. 3. Корпуса семинарии. 4. Пруд. 5. Кладовая. 6. Дом архимандрита. 7. Кельи»

162. План Михайло-Архангельского монастыря. Фрагмент плана Архангельска. 1768

РГВИА. В. 34. Д. 21644

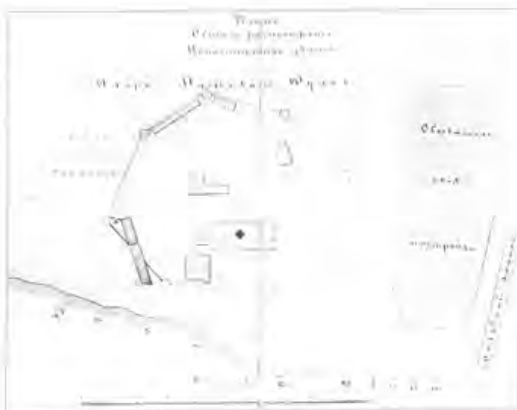
На плане, выполненном в связи с проектом постройки этих флигелей, видно, что была изменена ориентация главного фасада монастыря: ранее он был в большей степени обращен к реке (см. ил. 162, 163), теперь же его «развернули» к набережной, что свидетельствует об изменении приоритетов монастыря, для которого основными стали сухопутные — по дорогам и улицам — связи с городом.

Каменную монастырскую ограду завершили только к 1829 году. В плане она стала восьмигранной (ил. 164). Некоторые башни использовали под жилье и потому в них сложили русские печи. Четыре башни сдавали под постой, три использовали под кладовые, одну под ледник⁵¹. Первоначально все башни имели тесовое покрытие, выкрашенное в красный цвет, затем его заменили черным листовым железом. В 1841 году выслана каменная мостовая от собора до самой Въезжей дороги (ныне пр. Ломоносова), на которую выходили монастырские ворота (ил. 166).

В XIX веке собор ремонтировали неоднократно. В 1837 году по сторонам паперти, построенной вместо колокольни, внизу были устроены кельи⁵². Западный вход стал более парадным благодаря парным колоннам по сторонам, большому полуциркульному окну над входом и треугольному фронтому — новые вкусы давали о себе знать.

В 1894 году была вызолочена центральная глава, другие покрыты железом и выкрашены в синий цвет. Осталось только закрепить на них золотые звезды, как вдруг 23 июля в одной из глав вспыхнул пожар, и храм выгорел весь⁵³. Тем не менее, к осени того же года его успели заново отделать, поправить крышу, поставить новые главы.

Таким образом, формирование ансамбля Михайло-Архангельского монастыря закончилось лишь к концу XIX века, когда почти все деревянные строения были заменены каменными. Монастырь уже не имел прежнего хозяйства, не вел торговых операций, и потому все его постройки размещались на его террито-

164. План Михайло-Архангельского монастыря 1897

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 2. Л. 2

рии. За оградой находилось только монастырское кладбище, а остальная территория отошла городу.

Строительная история одного из древнейших монастырей Севера — Михайло-Архангельского — неразрывно связана как с историей Архангельска, так и с историей всего Беломорья. Наряду с другими значительными монастырями он являлся одним из главных центров духовного просвещения. Одновременно это был и культурный центр: достаточно сказать, что рядом находились Музей старины и знаменитое Древлехранилище, где были собраны многочисленные иконы, резная скульптура, древнее шитье, рукописи и грамоты. К сожалению, из этого богатого собрания до наших дней сохранилось немного. А снос монастыря нанес невосполнимый урон городу и, по существу, вычеркнул этот выдающийся ансамбль из истории отечественной архитектуры.

165. Михайло-Архангельский монастырь. Фасад колокольни с флигелями. Проект флигелей инженера подполковника Никитина. 1897

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 2. Л. 1

166. Михайло-Архангельский монастырь. Вид с северо-запада со стороны набережной Северной Двины. Почтовая открытка начала XX века

Новодвинская крепость

Новодвинская крепость — единственное на Русском Севере фортификационное сооружение бастийного типа — расположена в дельте Северной Двины на северо-западной оконечности острова Линский Прилук, между Корабельным рукавом (Малой Двинкой) и островной протокой Муткурьей (ил. 167). Ее строительство здесь, на низкой и в прошлом безлюдной местности было вызвано необходимостью установить контроль над главным фарватером, которым суда проходили от Белого моря к Архангельску. Новодвинская крепость стала передовым форпостом Архангельска, предохранявшим его от нападения неприятеля. Болотистые и безлесные земли крепостного и других близлежащих островов затрудняли незаметные подходы неприятельских войск по суше.

Основание крепости в 12-ти верстах от Архангельска непосредственно связано с событиями Северной войны. Поражение под Нарвой в ноябре 1700 года осложнило внешнеполитическое положение России и заставило Петра I начать активно укреплять те места, где можно было ожидать нападения шведов. Это прежде всего северо-западная граница, и затем — побережье Белого моря. Архангельск, напомним еще раз, имел тогда исключительное значение для страны, ибо являлся ее единственным торговым портом. Потому-то, чтобы «непри-

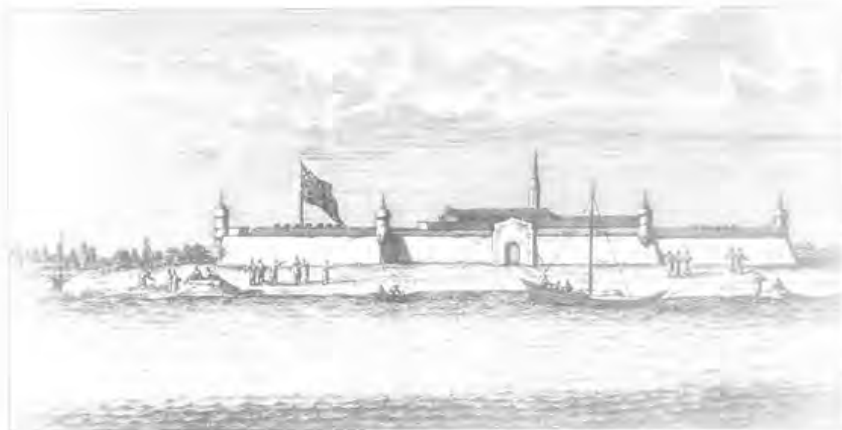
ятельских людей в Двинские устья не пропускать и города Архангельского и уезда ни до какого разорения не допускать», царь 24 декабря 1700 года указал двинскому воеводе А. П. Прозоровскому найти конкретное место для строительства крепости: «...на Малой Двинке речке построить крепость вновь сидатель [цитадель] на тысячу человек, что в ней с магазейными запасными дворами... быть было удобно»²⁴, а также «нынешнюю зиму» начать заготовку строительных материалов, собирать посадских и иных людей из Архангельска, Холмогор и монастырских вотчин.

Тогда же, ранней весной 1701 года Петр I направил на Двину «инженерного подполковника Ягана Варберта» (Адлера) «у Архангельского города делати город, да ему ж меж Архангельского города и морского устья или у морского устья приискать угоднее место...»²⁵. План, составленный Варбертом, не удовлетворил Петра («чертеж без размеру»), и в марте того же года он посылает «к Архангельскому городу иного инженера Бранденбургской земли иноземца Егора Резена...»²⁶. Это был Георг-Эрнест Резе, в свое время участвовавший в осаде Азова. Он должен был «каковой быть крепости учинить чертеж новой... а место, где той крепости быть, к строению изготовать...». В апреле Резе начал работы по расчистке территории. 1 мая состоялась закладка крепости, а к 12 мая 1701 года у инженера уже был готов ее план²⁷: квадрат с четырьмя пятиуголь-

167. Карта устья Северной Двины. 1623

РГА ВМФ. Ф. 373. Оп. 23. Л. 1032

168. Вид Новодивинской крепости со стороны Северной Двины (с запада) в начале XVIII века. Гравюра.

Conclis de Brains. Bezzen over Muskovic door Petrus on Indio. Amsterdam. 1714

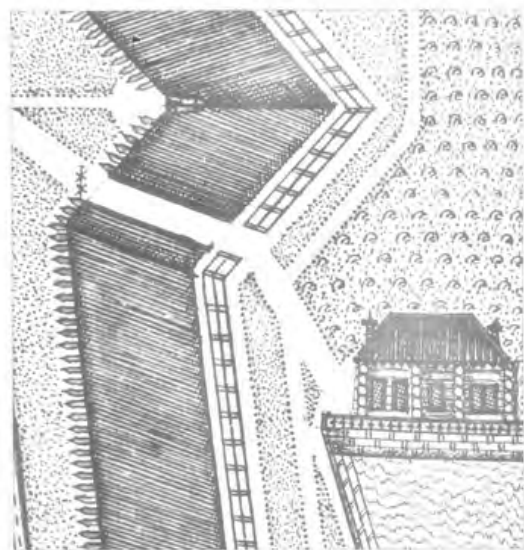
ными бастионами (на чертеже Резе они названы росткатами) по углам (ил. 170). Этот тип бастионного укрепления восходит к системе, разработанной знаменитым французским инженером-фортификатором Вобаном (1633–1707)⁹⁸, и имеет ряд аналогов, как в Западной Европе, так и в России:

28 мая Петр I, одолив чертеж Резе, торопил воеводу, «чтоб строению той крепости ни за чем ни малого молчанья и остановки ни в чем не было»⁹⁹. Строительный материал — белый известняк и бутовый камень — начали возить из каменоломен Орлеца на Двине. Летом на Линский Прилук было согнано бо-

лее тысячи работных людей. Уже «начали рвы копать и сваи бить», когда 12 июня (по ст. стилю) воевода князь А. П. Прозоровский и архиепископ Афанасий, который принимал активное участие во всех делах, касающихся крепости, прибыли «на Новую Двинку... на основание града». В тот же день на ее территории заложена и Петропавловская церковь, название которой прямо указывало на царя, как основателя крепости. Военно-стратегическая роль новой крепости на Севере в начале XVIII века может быть сопоставлена только с ролью Соловецкого монастыря после возведения там каменных стен и башен в конце XVI века.

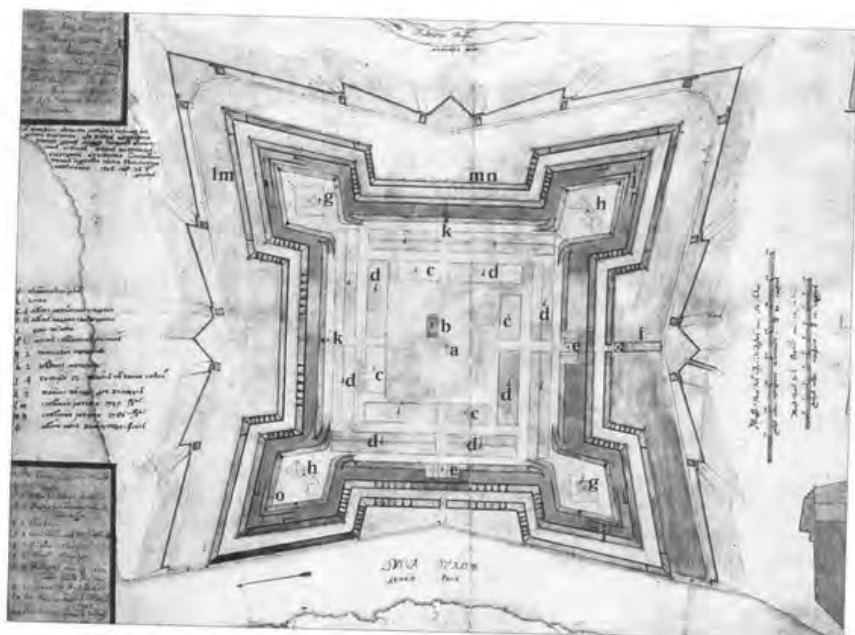
Вскоре, 24 июня, около строящейся крепости неожиданно появились три шведских судна из семи, вошедших в Березовское устье обманным путем. В результате самоотверженных действий Ивана Седукова и Дмитрия Попова шведы сели на мель и попали под огонь русских пушек, стоявших в батареях и шансах. Инженер Резе и стольник Сильвестр Иевлев наладили оборону. Неприятельские судна, попав в западню, вынуждены были повернуть назад. Однако фрегат и яхта были захвачены⁹⁰.

На следующий год, 30 мая 1702 года, в Архангельск прибыл сам Петр I и в течение двух с половиной месяцев лично руководил строительством крепости, а также и флота на Соломбальской верфи. 29 июня он присутствовал при освящении крепостной церкви, а затем участвовал в трапезе напротив крепости, в специально построенном для него доме на острове Маркове (Ч на ил. 171).

169. Первое изображение волика Петра I на плане Новодивинской крепости. Фрагмент. 1745

РГБИА ф. 349. Дв. 3. 8. 1690

170. Новодивинская крепость. План и разрез. 1706

«План и профиль крепости, которая по указу его царского величества царя Петра Алексеевича при реке Двине между городом Архангельским и Белым морем построена. Изображена и построена от королевского присяжного инженера Георга Ернста Рее. Начертано 1706 году в 7 день декабря»

РГАДА. Ф. 192. Архангельская губ. Д. 22

Экспликация:

а. Тревожное место. б. Рынок. в. Церковь. г. 4 места на публичные строения. д. 12 мест на дома дворянские. е. Днон ворота. ж. 1 мост с подъемным мостом. з. 2 пороховые магазины. и. 2 хлебные магазины. к. 4 батареи, 12 пушек через банку стрелять. л. 2 тайные выходы для вылазок. м. Стенная работа 1705 году. н. Стенная работа 1706 году. о. Место на игрище величества флага»

«Государевы хоромы» состояли из двух срубов, соединенных между собой тесовыми сенями, вход в которые сделан был в виде деревянной арки, вытесанной из двух бревен. По обе стороны от сеней находились светлица-кабинет, опочивальня, столовая и кладовая.

Судя по первому дошедшему до нас изображению на плане 1745 года (ил. 169), дом имел высокую вальмовую (четырехскатную) кровлю с тесовым покрытием на стропилах. Над крышей возвышались две изящные трубы. Дом никогда не был об-

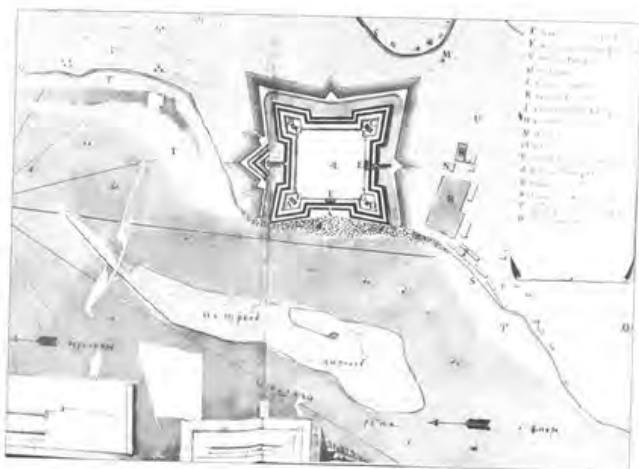
шит. Снаружи он был укреплен невысоким обрубом, верх которого представлял собой открытую площадку. В архитектуре «царских светлиц» своеобразно соединились черты русского народного зодчества и голландской архитектуры. Так, к первым следует отнести срубную конструкцию, плановую структуру, а ко вторым — шесть окон со слюдяными окончинами и необыкновенно узкими простенками.

171. Новодивинская крепость с ближайшим окружением. Около 1764 года

Атлас «Сила Российской Империи». 1764

РГА ВМФ. Ф. 3/з. Оп. 23, № 958. Л. 202

Экспликация: «А. Бастион под флагом. В. Бастион в морскую сторону. С. Бастион от часовой. Д. Бастион в летнюю сторону. Е. Полаты каменные жилища. Ф. Полаты, где лежит пороховая казна. Г. Полаты ветхие. И. Ревели. Л. Ворота летние. К. Ворота водные. М. Церковь деревянная ветхая. Н. Часовня. О. Дворец Петра II. П. Анбара каменные. Р. Казармы и протие строения. Q. Портон таможенный. S. Пруды. T. Ограда камнем от вешних льдов. U. Мели лешные, которые прибылые воды покрывают. V. Низкие места»

172. Домик Петра I (1702) из Новодвинской крепости в музее-заповеднике «Коломенское». Вид со стороны крыльца. Фото М. И. Мильчика. 1992

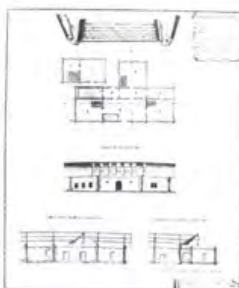
173. Домик Петра I (1702) из Новодвинской крепости в музее-заповеднике «Коломенское». Фото М. И. Мильчика. 1992

174. Новодвинская крепость. План, фасад и разрезы домика Петра I. Инженер-прапорщик Афанасей Обручев. 1786

«План состоящему при архангельской Новодвинской крепости в форштадте его величества дворцу с показанием, в каком оной ныне состоянию находится. Сочинен при Архангельской инженерной команде февраля 20 дня 1786 года»

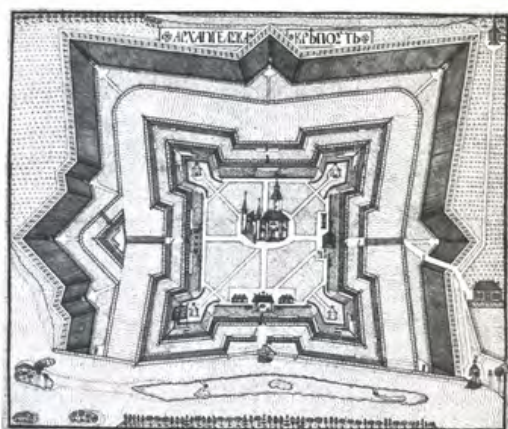
РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1730

Экспликация: «А. Чистые покои. В. Сени. С. Баня. [...]»

175. Новодвинская крепость. План с изображением церкви, домика Петра I и других построек («Архангельская крепость»). 1745

РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1690

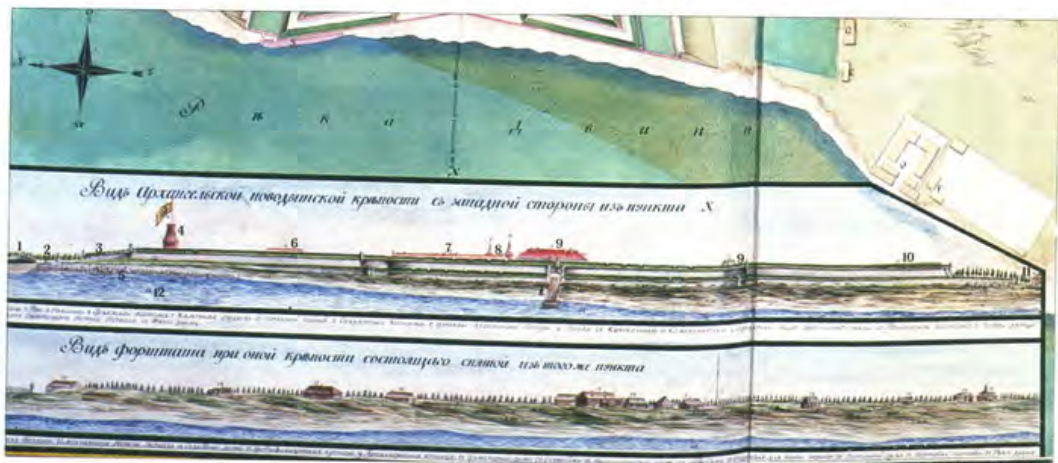

Экспликация: «1. Гласис. 2. Ров. 3. Равелин. 4. Флажный бастион. 5. Каменная отсыпь. 6. Пороховой погреб. 7. Солдатские казармы. 8. Церковь апостолов Петра и Павла с колокольнею. 9. Комендантские и офицерские над воротами покои. 10. Рогаточный бастион. 11. Часть двора государя императора Петра Первого. 12. Река Двина»

176. Вид Новодвинской крепости и ее форштадта с запада. 1797

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГНА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. С. 116–117

177. Новодвинская крепость. План и разрез вала Флавития и Морского бастиона. 1780

Атлас: «Населенные пункты Санкт-Петербургского Архангельского 1780

РГА ГИМЛ. Ф. 3. Д. 23. Л. 853, л. XXXIV

В основных чертах крепость была закончена к 1705 году, и тогда же она была оснащена 180 пушками.

В книге Корнелиуса де Брейна, посетившего Архангельск в 1701 году, помещен вид уже построенной крепости, даже с башенками на шпицах бастионов (ил. 168). Нет сомнений, что путешественник в своей книге, напечатанной в 1714 году, использовал для гравюры рисунок, сделанный кем-то с натуры не в 1701 году, а несколькими годами позже. Работы же на территории, примыкающей к крепости, продолжались и после 1705 года: Северная война была в разгаре, и нападения врага можно было ждать в любой момент.

Возведение «прикрытого пути» и насыпи передним закончилось лишь в 1711 году, рavelина — в 1714-м. После этого крепость вошла в штат Санкт-Петербургского департамента и просуществовала до 1864 года, затем ее упразднили (как и Архангельский военный порт). За все годы своего существования комплекс крепостных сооружений не подвергался сколько-нибудь значительным перестройкам. Лишь в 1854 году, в связи с Крымской войной, были проведены ремонтные работы и усилен гарнизон.

Во второй половине XIX века крепость со всеми постройками перешла в ведение Архангельской епархии. Марков остров, на котором когда-то стояли «государевы хоромы», а в 1742 году проектировались батарея и мост, соединивший бы ее с крепостью, был «окончательно льдом стерт» еще в 1814 году.

Крепость потеряла военное значение, и каменные блоки ее эскарповых стен стали разбирать для текущих строительных нужд. Быстро ветшали и внутрикрепостные постройки, но, судя по фотографиям 1913 года, состояние ее куртин и бастионов было весьма удовлетворительным. Ныне крепость и немногочисленные сохранившиеся в ней строения находятся в аварийном или предаварийном состоянии.

В 1710 году во время наводнения «светлицы» были повреждены льдом, а между 1723 и 1730 годами их перевезли на форштадт и поставили неподалеку от Летних ворот Новодвинской крепости, у пруда, и стали использовать под жилье инженерной команды (ил. 174). Постепенно постройка ветшала. Ее перестраивали, в частности, изменили конструкцию кровли. В 1800 году домик был отреставрирован известным военным инженером П. К. Сухтеленем, руководившим тогда строительством укреплений в устье Северной Двины⁶¹. В 1877 году реликвию перевезли в Архангельск, где над ней соорудили футляр (см. ил. 68), а в 1932 году — в музей-заповедник подмосковного села Коломенское (ил. 172, 173).

Вернемся, однако, к истории крепости.

В 1703 году ее строительство продолжалось: там работало 500 каменщиков и 4000 рабочих. Оставалось доделать почти всю заднюю куртину, а изнутри к уже сложенному из камней эскарпу — откоосу рва — подсыпать вал шириной 7 саженей (около 15 м), по которому сделать земляной бруствер толщиной в 3 сажени (6,4 м) «с приступами и з бойницами». На расстоянии 9 саженей (19,2 м) от вала надлежало выкопать ров шириной 14 саженей (почти 30 м) и выстлать его дно камнем⁶².

178. Новодвинская крепость. Вид на Двинские (Зимние) ворота и Рогатый бастион от реки. Фото П. П. Покрышкина. 1913

ИИМК. II-34263, II-34264, II-34266

Новодвинская крепость представляет собой в плане строгий квадрат с четырьмя пятиугольными бастиями по углам — Флажным, Рогатым, Могильным и Морским (ил. 175–177). Толщина земляных валов — куртин — более 20 м при высоте около 50 м. С наружной стороны они имеют наклонный эскарп, сложенный из тщательно тесаных крупных белокаменных блоков. Пушки располагались по всему периметру крепости на валганге — валу, защищенном бруствером. Более всего их было на западной куртине. Южная куртина отличается от остальных большей толщиной, что было сделано Георгом Резе, вероятно, специально, так как отсюда можно было скорее всего ожидать нападения. Позднее именно с этой стороны был устроен пруд, который также, наверное, должен был служить дополнительной преградой для врага. На углах бастионов возвышались караульные башенки.

В крепость вело трое ворот: западные — Двинские (или Зимние), со стороны реки (ил. 178), южные — Полуденные (или Летние) (ил. 179) и северные — Равелинные. Двое первых являлись парадными, что подчеркивалось аттиками с двумя изогнутыми волютами,

картушами между ними, а также иконами великомучеников Иоанна Воина и Георгия Стратотерпа «вонной [внешней] стороны над воротами». В Летних воротах, а, возможно, и в Двинских, арочный проход был защищен герсой — «решеткой железной запускной». Она вместе с подъемным воротом сохранялась еще в начале XX века. Сами ворота запирались «полотнами деревянными лиственничными створными на крюках железных и с полосы железными ж». Наверху их аттик украшал «орел каменной резной, да два яблота каменных же черных, в них огни железные»⁶³.

Со стороны крепостного двора к Летним воротам примыкал двухэтажный обер-офицерский дом с арсеналом в нижнем этаже (ил. 180). У Двинских ворот размещался комендантский дом. На территории крепости находились солдатские казармы, два деревянных цейхгауза, а в центре возвышались уже упоминавшаяся деревянная церковь свв. апостолов Петра и Павла и колокольня. В каждом бастióне был размещен по одному двухъярусному пороховому погребу.

179. Новодвинская крепость. Летние ворота. Фото П. П. Покрышкина. 1913

ИИМК. II-34303

180. Новодвинская крепость. Офицерский дом у Летних ворот. Фото П. П. Покрышкина. 1913

ИИМК. II-34272

181. Новодевинская крепость. Рогатый бастион. Вдали — Летние ворота и мост. Фото Я. И. Лейцингера. Начало XX века

АОКМ, № 624

182. Вид на равелин с юга. Фото П. П. Покрышкина. 1913

ИНМК, II-34284

183. Новодвинская крепость. Вид на рavelин и Флажной бастион с юго-востока. Фото П. П. Покрышкина. 1913

ИИМК. И-34286

Естественные преграды затрудняли подступы к крепости, но, тем не менее, опасность нападения, особенно в случае высадки десанта, существовала. Поэтому Г. Резе уделил особое внимание укреплению территории, примыкающей к крепости. Здесь была создана эшелонированная оборона⁶⁴. Куртины и бастионы окружал пониженный вал — фоссебрея, за ней — крепостной ров, за ним — прикрытый путь и гласис. Ров был отделен от Двинны стенками — батардами — со шлюзами. Обычное его состояние — сухое, но при необходимости он мог быть заполнен водой⁶⁵. Через ров были перекинuty два деревянных моста с подъемными устройствами — к Летним и Рavelинным воротам (ил. 181). Благодаря им возникало еще одно препятствие.

С севера подход к крепости прикрывал рavelин, также окруженный рвом (ил. 182, 183; на плане см. Н на ил. 171). Его валы были ниже по сравнению с валами самой крепости, и на каждой стороне валганга размещалось по пять пушек. Большую насыщенность артиллерией имела лишь западная куртина: на ее валганге находилось по шесть пушек с каждой стороны от Двинских ворот. Подступы к Морскому бастиону, кроме уже названных искусственных препятствий, прикрывало уже упоминавшееся (см. на плане в левом верхнем углу, ил. 177) небольшое озеро, а подходы ко всему фронту — протока Муткурья.

Чтобы суда не могли тайно пройти к Архангельску, на Марковом острове соорудили башню: с ее помощью можно было натягивать цепь, ибо другой конец цепи закреплялся в крепости, перегораживая таким образом фарватер.

Вот как это устройство описано в переписной книге 1708 года: «мост бревенчатой со сваи и кольца... шеснатцат якорей железных, а у их шеснатцат конатов длиною по сту по сороку сажен, да три коната болших... да чель железная того мосту чрез реку и со столбы деревянными... И та чель положена по берегу по обеим сторонам реки у столба...»⁶⁶.

В заключение надо еще раз подчеркнуть, что Новодвинская «сидатель» — значительный памятник отечественной истории XVIII столетия: крепость была создана не только по замыслу, но и при непосредственном участии Петра I; кроме того, с нею связан первый успех России в Северной войне.

Вместе с тем — это ранний памятник новой русской фортификации, непосредственный предшественник Петропавловской крепости, заложенной Петром на Неве всего два года спустя.

И последнее: Новодвинская крепость — единственное оборонительное сооружение бастионного типа на всем Русском Севере.

Примечания

- ¹ Записка о путешествии в России Жана Соважа Дниевского в 1586 году // Русская Вестник. 1841. Т. 1. Ч. 1. С. 223.
- ² Акты Лодомской митрии Архангельской епархии. СПб., 1908. С. 110, 123.
- ³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 9 (1622–1624). Л. 32, 33 об.
- ⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 243. Ч. 1. Л. 18. «Двинский летописец» так описывает этот пожар: «И от того пожару мясной ряд, и торговая баня, и немецкие дворы, и гостиные дворы, русские и немецкие, и палатки, и церкви, которые стояли по обою сторону города близ гостиных дворов, и русских людей анбары и лавки все погорели без остатка» (ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 156).
- ⁵ РГАДА. Ф. 141 (1667). Д. 129. Стр. 1–2; ср.: РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 243. Стр. 41–42. О Петре Марселесе см.: Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии 1670–1703 гг. Л., 1979. С. 32–34; *Amburger E. Die Familie Marselis. Hessen. 1957. S. 26–27.*
- ⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 243, стр. 88, 90–91.
К. П. Гемп и М. Ф. Кибирев в свое время высказали предположение, что П. Марселес вообще не приезжал в Архангельск, оставаясь в 1667–1668 годах на своих тульских заводах (Гемп К., Кибирев М. Архангельский гостинный двор // Архитектурное наследство. М., 1958. Вып. 10. С. 155). Однако не только Двинский летописец (ПСРЛ. Т. 33. С. 156), где П. Марселес и В. Шарф названы градоделцами, но и цифровые документы свидетельствуют, что они были в Архангельске, искали место для Гостинных дворов, осматривали каменоломни, пригодные для получения строительного камня, залежи глины, около которых можно было бы строить кирпичные заводы и печи, чтобы «известь жесть».
- ⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 243. Стр. 95, 96.
- ⁸ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Архангельск. Д. 11 а. Л. 3.
- ⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 243. Стр. 98, 99.
Приводимые документы опровергают сообщение «Двинского летописца» о том, что «с ними прислана волоцкого государя грамота и чертежи» (ПСРЛ. Т. 33. С. 156), а также утверждение О. В. Овсянникова и Л. Д. Фирсовой о том, что П. Марселес «уже составил примерный чертеж» и с ним проехал в Архангельск «для конкретизации непосредственно на месте» (Овсянников О., Фирсова Л. Архангельские гостиные дворы // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 110). На самом деле чертежи и даже с размерами будущей постройки были составлены уже в Архангельске после знакомства с местом предполагаемого строительства.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Архангельск. Д. 11 а. Л. 6.
К сожалению, неизвестно, чей чертеж — Марселеса или Шарфа — был утвержден Алексеем Михайловичем и возвращен в Архангельск, как, впрочем, неизвестны и сами чертежи. Однако, если мнение И. И. Чавдаева верно, что наиболее вероятно, то это был чертеж Шарфа.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 11 а. Л. 5; Архив СПб. ФИРН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1156. Л. 132 об.
- ¹² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 243. Стр. 111–112; Архив СПб. ФИРН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1156. Л. 131 об.
- ¹³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Архангельск. Д. 11 а. Л. 19–20.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 243. Стр. 113.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Архангельск. Д. 11 а. Л. 17 об.–18.
- ¹⁶ [Coijet B.] Historisch Verhael of Beschryving van de Voyagie, gedaen ond de Suite Van den Heere Koenraad van Klenk... Amsterdam, 1677. S. 20–2. Исторический очерк или описание поездки, проделанной г. Конрадом Ван Кленком, чрезвычайным послом, Амстердам, 1677 (пер. В. Вогрина).
- ¹⁷ ДАН. СПб., 1857. Т. VI. С. 132. Там же Дмитрий Старцев так охарактеризован Приказом каменных дел: «...он, Митка, добр, в каменных дел снуд знает и радостелен, и с такое дело его стави».
- ¹⁸ Овсянников, Фирсова. Указ. соч. С. 115.
- ¹⁹ Архив СПб. ФИРН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1156. Л. 132 об.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 11 а. Л. 20.
- ²¹ Там же. Л. 10, 14.
- ²² *Bruns, Cornelis de. Reizen over Moskovie, door Persieen Indi Amsterdam, 1714. S. 15–16; Koriellius de Breun. Путешествие в Московию, Персию и Индию: Амстердам, 1714 (пер. В. Возгрин).*
- ²³ Мильчик М. И., Хуцкова И. А. Крепость на берегу Наровы // Ленинградская панорама. 1985. № 9. С. 26–27; *Miltschik M., Guseva O. Di Gründung der Ivangoroder Festung und Proportionanalyse ihres Plans / Burgen und Schlösser. Heft 1987/1. S. 5–14.*
- ²⁴ Косточкин В. В. Оборонительные сооружения древней Тулы // Памятники культуры: Исследование и реставрация. М., 1960. Вып. 2. С. 46–47.
- ²⁵ Булкин В. А., Лебедев Г. С., Сивак С. И., Штендер Г. М. Гостинный двор в Новгороде // Новгородский край: Материалы науч. конф. «Новгород древний — Новгород социалистический». Л., 1984. С. 231–233.
- ²⁶ Коваленко В. И. Тобольск (как строился город). Тюмень, 1963. С. 61.
Кириллов В. В. Ансамбль Тобольского кремля // Русское искусство первой четверти XVIII века: Материалы и исследования. М., 1974. С. 55.
Копилова С. В. 1) К истории строительства каменного Гостинного двора в Тобольске (начало XVIII века) // История городов Сибири дореволюционного периода (XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 291–293; 2) Каменное строительство в Сибири. Конец XVII — XVIII в. Новосибирск, 1979. С. 21–36.
- ²⁷ Архив СПб. ФИРН. Ф. 10. Оп. 2. Д. 250. Л. 18 об.
- ²⁸ ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. С. 126.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1678. Л. 1.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1287. Оп. 40. Д. 171. Л. 1.
- ³¹ ГААО. Ф. 51. Оп. 16. Д. 29 (1789–1790). Л. 21.
- ³² Там же. Л. 140; Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 685 (1793–1794). Л. 9 об., 10.
- ³³ ГААО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Л. 3.
- ³⁵ Там же. Д. 33 (1864 г.). Л. 3.
- ³⁶ Там же. Д. 203 (1855 г.). Л. 1–5.
- ³⁷ Там же. Л. 13.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 218 (1828 г.). Л. 3–12.

Холмогоры — в прошлом город, а ныне село — расположены в 112 верстах от Белого моря на низком и ровном левом берегу реки Курополки, рукава Северной Двины, по существу, на острове, образованном ее другим рукавом — речкой Онегрой (ил. 184). Впервые Холмогоры упоминаются в грамоте московского князя Ивана Калиты «к двинскому посаднику на Холмогоры» о посылке на Печору ловцов чреветов для великокняжеской охоты. Вероятно, тогда здесь находился двор двинских посадников. В 1470-х годах Холмогоры вошли в состав Московского государства и стали центром Двинской земли. Здесь издавлек называлась Городищем (или Городком) насыпь (ее высота в XIX веке была около 4 сажени — 8,5 м, а длина 116 сажени — 247 м)¹. Рядом располагалась Курцевская слобода.

Выгодное географическое положение делало Холмогоры средоточием основных торговых путей европейского севера Московии: отсюда шли речные пути с волоками на Мезень и Печору, на берег Белого моря в посады Уну и Неноксу и на юг через Вологду в Москву. А с конца 1550-х годов, после разрешения Ивана IV, данного английским купцам «ходить с торгом безопасно и дворы шм... ставить и покупать»², Холмогоры начинаю вести и международную торговлю, что способствовало их быстрому росту.

184. Холмогоры на плаве Холмогорской
дольги Северной Двины.
Фрагменты плава «мест. прилежащих
к Куростровской волости» - 1790

Российские Натуральные История и 1778 году. СПб. 1805. Ч. IV

Уже в конце XVI века селение вытянулось (с небольшими разрывами) по течению Двины на 5 верст и состояло из пяти посадов: это упомянутый Курьевский, затем Иванский (Верхняя половина), Никольский (Нижняя половина), Западнорукский (Паднорукья или Падера — название рукава в нижнем течении Онегры) и Глинский. К тому же, между Курьевским и Глинским посадами стояли две деревни — Качкова и Фадеевская. Центром торговли стал Глинский посад, ибо перед ним песчаная отмель суживалась, что позволяло судам причаливать прямо к берегу. Тут теснились многочисленные лавки, склады, размещались монастырские подворья, дворы иностранных купцов.

Следующий этап градостроительной истории Холмогор начинается в 1613 году, когда между Глинским посадом и Падокрурьем «в нижней половине» был спешно возведен острог «стоящий в один тын с башнями к Двине реке...»³, чтобы с его помощью отразить нападение на холмогорские посады «литовских разбойных людей». Неприятель был отогнан, однако вскоре «тот острог льдом сломало и вешиною водою от Двины стены и башни подмыло»⁴. Новый, больший, был поставлен в 1623 году на месте деревень Качковки и Фадеевской, подальше от берега. Теперь он стал располагаться в центре Холмогор между Городком и Глинским посадом, там, где на плане 1797 года (см. ил. 188) показано незастроенное пространство, обрамленное широким контуром. Тогда это был окруженный рвом «острог в один тын» с 11-ю боевыми башнями. Две из них — Спасская и Водная — были воротными. К стенам из вкопанных вертикально бревен изнутри примыкали тарасы⁵, которые были поставлены с разрывами таким образом, чтобы между ними был подход к стене, в которой находились боевые щели нижнего боя («нижние бой меж тарасов»). По тарасам были настланы мосты для верхнего боя.

Вдоль двинской отмели берег был укреплен обрубом «в одну стену», а с других сторон «кругом острогу... ров» шириной в 4 сажени (8,6 м), сухой, ибо по его дну «ставлен тын». Общая протяженность стены — 962,5 сажени (2945,6 м), что в два с лишним раза больше Архангельского «города»⁶. Внутри острога был построен двор, куда двинский воевода переселился в 1637 году из Нижнего посада. Сюда же перенесли и съезжую избу. В 1646 году в остроге были построены дома для тысячи стрельцов⁷. Так, новый острог стал военным и административным центром Холмогор.

Крепость с воеводским двором была оторвана от культового центра и торгового: первый с деревянной церковью Спаса на Городке располагался юго-восточнее острога, второй — северо-западнее, на Глинском

посаде. Таким образом, структура Холмогор была необычной для древнерусского города¹⁸.

Городом, в старом значении этого слова, Холмогоры стали только в 1656 году, когда за одно лето двинские посадские люди, крестьяне, старцы и служки Сийского, Корельского, Моржегородского и Архангельского монастырей по царскому указу «на острожном месте» срубили новую крепость — город, стены которого теперь состояли только из тарас¹⁹. Их общая протяженность сократилась до 822 саженей (1775,5 м)¹⁰, но и после этого холмогорские укрепления оставались самыми большими на всем Севере.

Почти тридцать лет спустя, в 1684 году двинский воевода К. Ф. Нарышкин доносил в Москву о том, что «...вещною водою башни и стены, и житницы подмывает и против каравелной пристани городскую острожную стену подмыло под самую стену, а башни наугольные подмыло под самые ж стены»¹¹. После этого летом 1692 года воеводой А. А. Матвеевым «город починиван и перебран весь от подошвы и башни рублены новые»¹². В своей грамоте 28 октября 1692 года к царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу воевода сообщал, что стены «покрыты все новым тесом и лесницы, и рундуки отделаны совсем наготово и надолбы около тех городских стен поставлены и обрубы новые... построены ж»¹³.

Судя по плану начала XVIII века (ил. 185)¹⁴, «город» представлял собой многоугольник с главным фасадом по берегу Курополки. Самой высокой была средняя башня этого фасада — «Алексеевская проезжая башня от Дицы реки... на ней наверху построена вновь церковь во имя праведного Алексея человека Божия о 8 стенах, мерою в ней кругом 18 сажен, вышина 19 сажен пол 2 аршина...»¹⁵. Второй по высоте являлась другая воротная башня, расположенная со стороны собора, — Спасская, выстроенная заново несколько ранее остальных — в 1686 году. Она завершалась смотровой вышкой (чердаком), над которой находился герб — двуглавый орел¹⁶. От этой башни прямая дорога вела к Спасо-Преображенскому собору. Через нее 5 декабря 1692 года вошел в крепость архиепископ Афанасий вместе с другими священнослужителями, чтобы освятить новопостроенный город «хождением со святыми иконы»¹⁷. От этой башни к противоположным Николаевским воротам «из старобашенного леса построен... посреде улицы мост»¹⁸ — деревянный настил, показанный на плане начала XVIII века.

Внутри города несколько ранее были построены две церкви (Богоявления и Рождества Богородицы), «съезжая изба о трех житых на анбарех и двои сени с крыльцами», приказная изба, а также тюремный двор¹⁹.

Таким образом, Холмогорская крепость имела 11 шатровых башен, 5 из них стояли вдоль реки. Речной фасад, составляющий третью часть всего периметра крепости, вытянулся примерно на 770 м. В средине этого величественного ансамбля, в который включались еще два церковных шатра, находилась Алексеевская башня с надвратной церковью общей высотой около 42 м. Она как бы зрительно обозначала центр всего города, являясь его самым высоким сооружением. Не случайно Петр I 28 июля 1693 г. именно через эти ворота торжественно проследовал в Холмогоры. Крепость с ее многочисленными вышками являлась не только административным географическим, но и архитектурным центром Холмогор, ибо хорошо просматривалась с дальних ближних точек, подчиняя себе остальные городские доминанты. Именно крепость связывала весь растянувшийся на 5 верст город в единое целое. В 1723 году, когда стены и башни вместе с внутренними крепостными постройками сгорели²⁰, Холмогоры сразу же лишились целостности. Распад города как единого организма стал зримым фактом. Собор, расположенный в его южной части, плохо просматриваемый с Глинского посада, не говоря уже о Западной рокурье, не мог выполнять функции общегородской доминанты.

185. План Холмогорской крепости («город») конца XVII — начала XVIII века

По чертежу начала XVII века (РГБНА, ф. 310, Оп. 41, № 6210) и «рисунку» 1684 года (РГАДА, ф. 159, Оп. 1, № 100)

Экспликация: А. Башня. В. Стена городская. С. Церковь армянская. Д. Приказная изба. Е. Воеводичья двор. Г. Полатка каменная, в которой содержится пушка артиллерийская. Г. Магазини артиллерийские.

186. Вид с юга на соборный компл
и Архиерейский двор в конце XVII
Реконструкция Ю. С. Ушакова

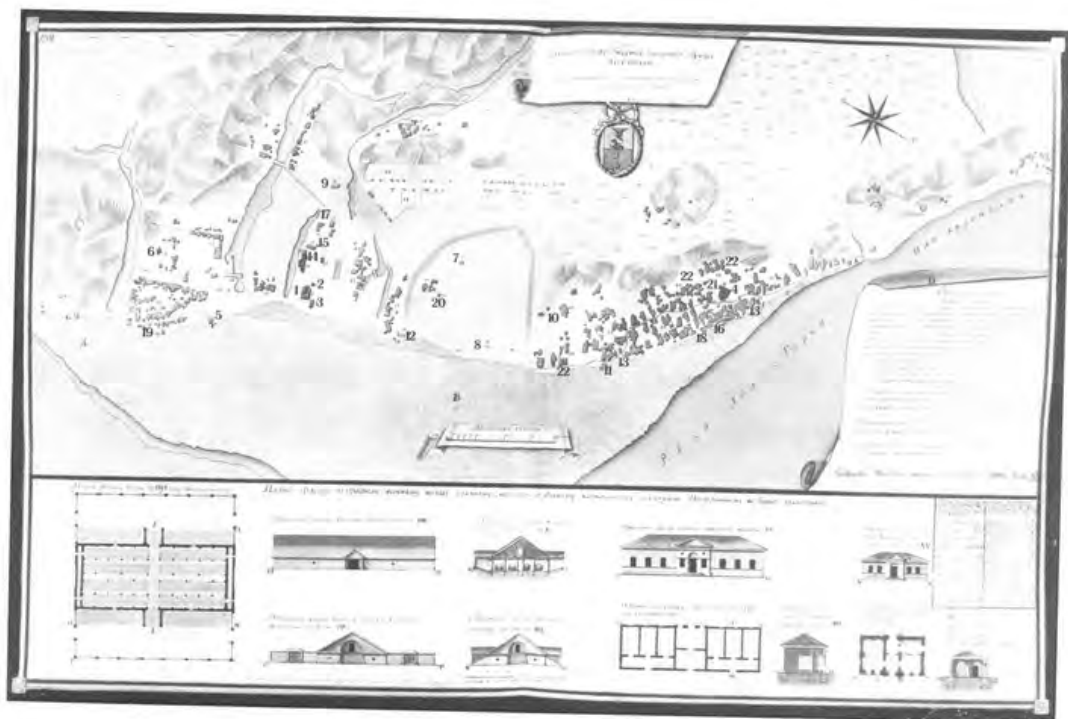

Тышинский А. Г. О чудских древностях в Архангельской губернии // Труды I Археологического съезда в Москве 1869 г. М., 1871. Т. II. Собрание карт и планов. Л. V

«Атлас Архангельской губернии», 1797

РГНА, Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. С. 132-133

Экспликация: Церкви каменные: 1. Собор Пресобор-
жения Господня. 2. Колокольня. 3. Соборная же церковь во
имя Двенадцати Апостол. 4. Гнившая Живоначальная
Троица. **Церкви деревянные:** 5. Введения пресвятые
Богородицы. 6. Штатный монастырь Успенской девицы. [...]
Каменные строения: 7. Каменной дом для денежной
кладовой и уездного казначейства. **Деревянные строения:**
8. Солной магазейн на каменном фундаменте. 9. Дом для
присутственных мест. 10. Земляной винной выход.
11. Анбар для хранения соляных весов. 12. Почтовый дом.
13. Питийные дома. [...] **Каменные строения по приказу
общественного призрения принадлежат:** 14. Каменные
сетки для купороса с бычьего в одном церковью (Архи-
ерейские палаты с надвратной церковью св. Николая).
15. Ветхие деревянные разные строения, 16. Мореходная
школа. 17. Дом для приезду в Холмогоры архангел-
городского губернатора. **Общественные строения:**
18. Торговые лавки. 19. Кузницы. 20. Мельница. 21. Бога-
дельня. 22. Обывательские дома и прочие строения [...]

План в Атласе 1797 года отмечает лишь сохранившийся к концу XVIII века земляной вал бывшей крепости, причем западный фронт у него отсутствовал, так как к этому времени уже был смыт рекой (ил. 188).

Перестройке Холмогорской крепости предшествовало каменное строительство на Городке. В октябре 1682 года архиепископ Афанасий возглавил новоучрежденную Холмогорскую и Важскую епархию²¹. Стремясь утвердить авторитет православия и искоренить раскол, архиепископ уже в 1683 году начинает заготовку материалов для строительства своей резиденции в камне и почти одновременно возведение каменных же храмов вокруг города. До того на холмогорских посадах, в Архангельске и в окрестных селениях стояли только деревянные церкви, если не считать построенной в 1674 году в крепости на воеводском дворе палаты²² — второго каменного сооружения XVII века в Нижнем Подвинье после строившихся в это время архангельских Гостиных дворов. Возведение же первой каменной церкви свв. Бориса и Глеба в Нижних Матигорах, начатое до приезда Афанасия, заканчивалось уже под его наблюдением. Будучи активным проводником политики патриарха Никона, он ревностно следил за точным соблюдением освященных канонов и по этой причине запрещал шатровые завершения храмов, допуская их лишь на колокольнях.

К июлю 1685 года была построена соборная колокольня (ил. 191, 192), а через месяц Афанасий уже измерял на земле основание будущего собора. 27 ав-

густа состоялась его закладка. По замыслу архиепископа собор должен был стать кафедральным — символом утверждения православия во всем Поморье, а также явиться образцом для будущего церковного строительства в крае. Еще в 1683 году он добился царского указа, чтобы часть железа, камня, кирпичей и других строительных материалов, оставшихся от строительства Гостиных дворов, была перевезена сюда (см. Приложение 5). Афанасий являлся не просто заказчиком, но и, по существу, автором будущего собора, на что косвенно указывает и строительная подрядная: «А делать то вышеписанное строение по указу преосвященного архиепископа и против образца добрым мастерством»²³. Через 6 лет после начала строительства, 28 июля 1691 года, собор был освящен «самим создателем преосвященным Афанасием», как записано в Двинском летописце. Собор и колокольня были главными, но не единственными сооружениями задуманного архиерейского двора.

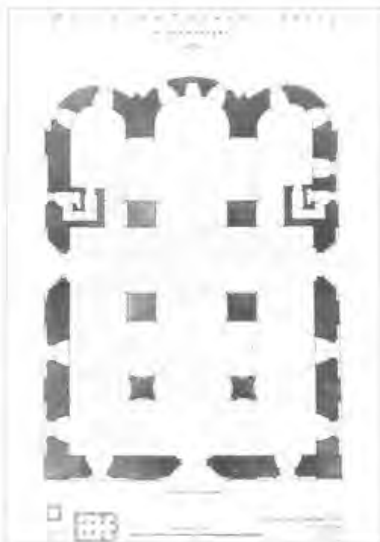
Для его строительства Афанасий создает свою артель каменщиков во главе с братьями Федором, Иваном и Дмитрием Стафуровыми. В письме к Петру I Афанасий так писал о них: «Федор и Иван и у многих дел каменного вашего великого государя строения на Москве и у города Архангельска бывали и в дому моем с начала и до совершенства каменного строения в присмотре подмастерьями были ж»²⁴. Сравнение возведенного храма с порядной записью на его строительство позволяет утверждать, что замысел архиепископа Стафуровы осуществили полностью.

189. Спасо-Преображенский собор. Северный фасад. Реконструкция Л. А. Давида. 1963

Архив ЦИРПИ

190. Спасо-Преображенский собор. План на уровне пола с проекцией сводов и глав. Обмер А. В. Столбовникова. 1943

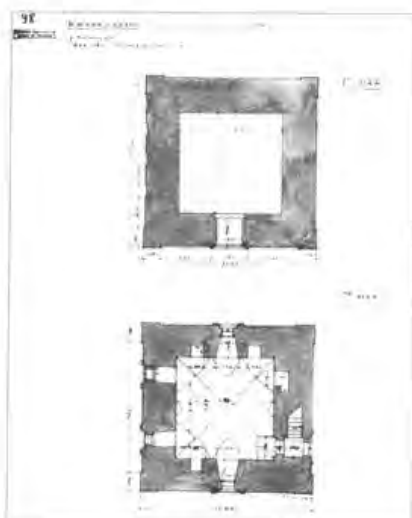
ГИИМ Р. V-2043 / 1

191. Соборная колокольня.
Проект реставрации
Л. А. Давида и
А. М. Александрова. 1962

Архив ЦНРПМ

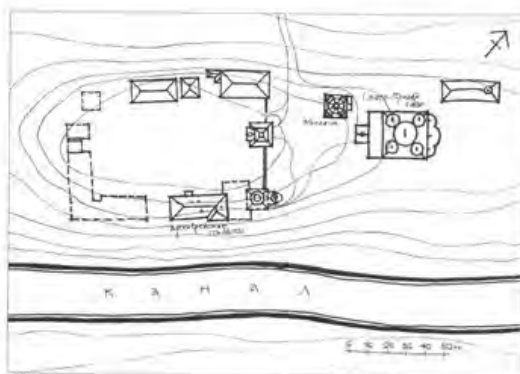
192. Соборная колокольня.
План двух нижних ярусов.
Обмер В. Позднякова и В. Мунка. 1946
ГНИИМ. 2765/2

194. Холмогоры. Вид на соборный комплекс
с юго-востока.
Фото Я. И. Лейцинера. Начало XX века

Архив ИИМК. Нег. III-9856

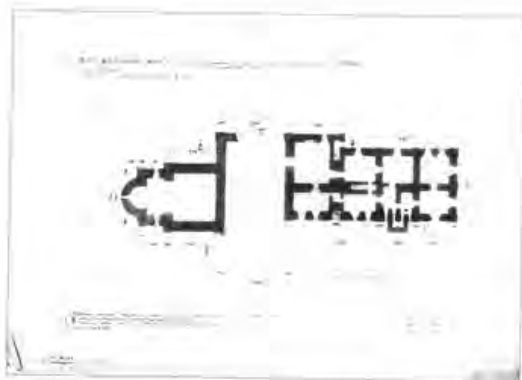
193. Архирейский двор
в конце XVII века.
Реконструкция плана
Ю. С. Ушакова

Справа налево: Спасо-Преображенский собор,
кляузный Успенского монастыря, церковь Успения
женского монастыря (быв. домовая церковь
архиепископа), монастырские кельи
(быв. Архирейские палаты)

Спасо-Преображенский собор в общих чертах повторял Успенский Московского Кремля (1475–1479): шестистолпный («...шести столбах»), пятиглавый («...сделал своды и на сводах пять шей»), трехportalный («...сделать на тое церкви три двери») с полукруглыми равновеликими закомар («...над [...] верхними окнами сделать вне церкви закомары и около закомар огибать огиби разною тескою и убожеству»), окнами в два света, перспективными порталами, имеющими полуцикульные завершения (см. ил. 75, а также ил. 189, 190). Однако другая эпоха дала себя знать. Белокаменным был лишь шпиль, закомары были скорее данью традиции, ибо храм на самом деле перекрывал четырехскатная кровля, опиравшаяся на систему балок и слегка возвышавшуюся парапетную стенку²⁵. Окна не щелевидные, как в прототипе, а широкие, с характерными для конца XVII века наличниками («...круг [...] нижних и верхних окон сделать огиби полукирпичные»). Они, также как и архивольты закомар, уступы перспективных порталов, были расписаны. Горизонтальная тяга, пересекающая и лепнотки, разделяет между собой два ряда окон. Главы венчали луковичные купола (средний в диаметре 12 м), покрытые лемхом. Особенностью собора является размещение ризничной и казначейской палат в его восточной части на уровне межярусной тяги («...над олтарем по углам сделать две полаты», — говорится о них в описании). Собор имел утраченные позднейшие паперты с широкими арочными проемами

195. Архиерейские палаты
(1688–1691).
План по первому этажу.
Обмер В. Позднюкова и В. Мунка. 1946

ГНИМА. Арх. 17661

Колокольня (реставрация 1974–1975 годов по проекту архитекторов Л. А. Давида и А. М. Александрова), с которой началось строительство всего архиерейского двора, по своей структуре близка к аналогичным деревянным строениям: восьмерик на четверике, с шатровым завершением (ил. 191, 192).

Восьмерик разделен на два яруса, во втором располагалась книгохранилищная палата. Благодаря обильному декору, колокольня как бы противостоит более суровому собору. Под ярусом звонов — пояс ширинок, на углах четверика — башенки, на гранях шатра — расположенные «вразбежку» слухи. Фасады колокольни, как и собора, были расписаны «розыми красками изорочно»: «Писал по той колокольне шатер весь до зубцов, что под звонцами города Колмогор богоявленской священник Федор, да дому архиерейского сын боярский Алексей Струнин с сыном Егором, да с братом Стефаном...»²⁶. На колокольне были устроены часы, имевшие «на осмерике с севера к югу два круга деревянные со стрелами; на южном числа латинские, на северном русские...»²⁷.

Почти одновременно с собором на запад от него начинается возведение построек архиерейского двора (ил. 193), которые в плане составили прямоугольное каре (в описании 1768 года читаем: «...каменное и деревянное строение стоит четверугольником»). Оно располагалось на наиболее возвышенной части городища. По оси собора находились Святые ворота с надвратной церковью апостола Иакова. Их строительство велось с 1692 по 1695 год²⁸. Церковь относилась к типу «иже под колоколы»: ее венчала невысокая колокольня, крытая шатром (ил. 194).

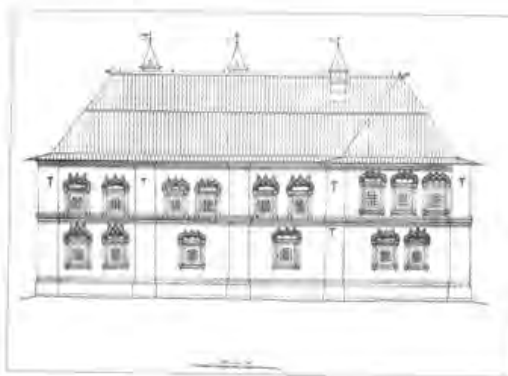
Юго-восточный угол двора заняли двухэтажные Архиерейские палаты (1688–1691) (реставрация по проекту Л. А. Давида и А. М. Александрова была начата в 1974 году) — наиболее представительная постройка всего комплекса (ил. 195, 196). С восточной стороны

палат, в линии Святых ворот, располагалась домовая церковь архиепископа (1692–1695). К ней в úrovни второго этажа примыкали крестовая и столовая палаты с изразцовыми печами и «травной» росписью сводов. Когда-то палаты выглядели еще более нарядно, нежели колокольня: высокая кровля с дымниками, пыльные оконные наличники. Каждый на свой манер увенчан кокошниками с тремя «пиками». На втором этаже со стороны двора вело парадное крыльцо. В эти палаты Афанасий в 1693 году принимал Петра I²⁹.

Первое изображение Архиерейского двора относится к 1745 году и сделано в связи с необходимостью его укрепления: здесь содержались правительница Анна Леопольдовна (умерла в 1746 году) и принц Антон Улрих с детьми. На рисованном плане (см. ил. 199) очень тщательно показаны окружавший двор ров («вода»), с ним — деревянная стена («ограда деревянная»), каменная стена, ворота, ведущие во двор (с пояснением — «зперто наглухо»), посты часовых. На плане намечены также устройство дополнительных оград: «городьба кругом церкви [собора]», «перегородку в сад». Судя по плану, каждое из четырех помещений Архиерейских палат отличалось по высоте и было крыто своей кровлей (это обстоятельство не учтено проектом реставрации, во двор со стороны собора, кроме Святых (под церковью), вели еще двое ворот... Весь комплекс с его замкнутым внутренним двором, ровом и оградой напоминал укрепленный замок. Однако доминантой этого ансамбля оставался собор (ил. 186).

196. Архиерейские палаты. Северный фасад.
Проект реставрации А. М. Александрова. 1963

Архив ГИИМ

Рассмотрим теперь первые три панорамы Холмогор из уже знакомого нам Атласа Архангельской губернии 1797 года (ил. 200).

Собор, имевший высоту в 42 м с лишним, был особенно хорошо виден со стороны реки и с противоположных Курострова и Ухтоострова, а также со многих точек внутри города. В Атласе 1797 года на «Виде из пункта А» показано, как он собой замыкает дальнюю перспективу от самого начала города у юго-восточного края Курцевского посада. На «Виде из пункта В» собор показан с севера, с близкой точки (ил. 197, ср. с ил. 198). Рядом — колокольня, на которой можно заметить и циферблат часов.

У северо-восточного угла собора, за деревьями, заметна главка крытой на четыре ската теплой церкви Двенадцати апостолов (на «Виде... из пункта В» — № 16). Она была заложена еще в конце 1750-х годов и освящена в 1761 году. Это вытянутый «кораблем» невысокий храм с двухступенчатой восьмериковой

главкой, скромным убранством в виде пилястр между окнами и со сложно профилированным карнизом. В объемно-планировочном решении проявилась подчиненность собору, а в декоре — очевидная зависимость от него.

Перед церковью, со стороны дороги, — «...ограда деревянная, рубленая в клетку, крыта в одну тесницу на два ската»³⁰, видимо, та самая, которая показана на плане 1745 года (ил. 199). Западнее собора видны кирпичные, на белокаменном цоколе, Архиерейские палаты (на «Виде... из пункта В» — № 20), к которым примыкает упомянутая выше бывшая домовая церковь (на «Виде... из пункта В» — № 19). В Атласе эта церковь запечатлена после ее перестройки в 1718 году почти такой же, какой мы видим ее на фотографии начала XX века, — с ромбовидными окнами и полуциркульными фронтончиками на северном и южном фасадах (см. ил. 194, 197).

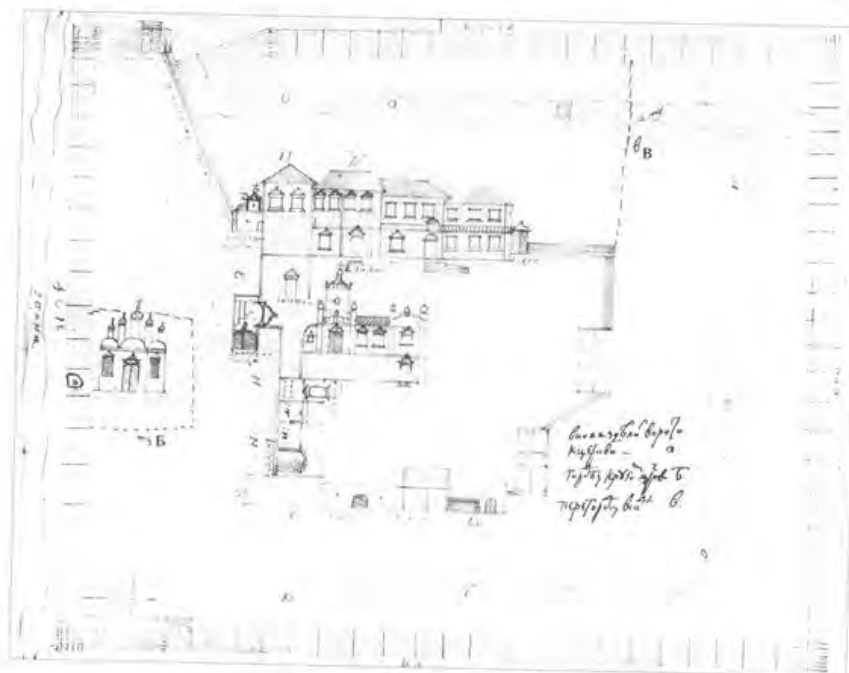
197. Вид на соборный комплекс с северо-востока. Почтовая открытка начала XX века

Слева направо: церковь Двенадцати апостолов (1761), Спасо-Преображенский собор (1685–1691), соборная колокольня (1683–1685), церковь Успения женского монастыря (быв. церковь апостола Наума, 1692–1695, перестроена в 1718 году), колокольня монастыря (1844), монастырские кельи (быв. Архиерейские палаты, 1688–1695)

198. Вид на Городок (собор и быв. Архиерейский двор) с северо-запада. Фото начала XX века

Частное собрание

Книжка о церковном и о гражданском управлении в Копенгагене

[illegible]

200. Три вида Холмогор со стороны Курополки (=из пункта А от литеры Е до литеры F; =из пункта В от литеры I до литеры G; =из пункта В от литеры G до литеры Н* — обозначение литер см. на плане Холмогор, ил. 188)

«Атлас Архангельской губернии», 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. С. 140-141

Экспликация.

«Вид [...] из пункта А от литеры Е до литеры F»;

1. Обывательское строение. 2. Церковь Успения Богоматери упрямленного девичьего монастыря. 3. Питейной дом. 4. Бывшая церковь Двенадцати Апостол [напротивная с. Иакова]. 5. Колокольня соборная.
6. Соборная церковь Преображения Господня. 7. Соборная же церковь во имя Происхождения честных древ Креста Господня [Двенадцати Апостол]. 8. Церковь Введения Богоматери.

Вид [...] из пункта В от литеры F до литеры G:

... 10. Церковь Введения Богоматери. 11. Колокольня. 12. Обывательское строение. [...] 14. Церковь Успения Богоматери упраздненного девичьего монастыря. 15. Соборная ограда. 16. Соборная церковь Присхождения честных древ Креста Господня [Двадцатые Апостол]. 17. Главная соборная церковь Преображения Господня. 18. Колокольня. 19. Бывшая церковь Двадцатые Апостол [надвратная церковь св. Иакова]. 20. Пустые каменные окожи [Архирейский дом]. 21. Питейный дом. 22. Почтовой дом по плану выстроены. 23. Ветряная обывательская укомольная мельница. 24. Каменное ездное казначейство.

Вид [...] из пункта В от литеры G
до литеры H:

5. Каменное уездное казначейство. 6. Обывательское строение. 27. Соляной агазейн. 28. Ветряная обывательская укомольная мельница вдали. 29. Вдали ерков Живоначальные Троицы. 0. Колоколья»

W

Отмеченные в таблице (см. с. 143) изменения самым непосредственным образом сказались на структуре города: к концу XVIII века он, по существу, распался на три селения — остатки прежних посадов — это Курьевский с находившимся на его территории соборным комплексом, Глинский и Нижняя Половина, отделенные друг от друга обширными пустырями или скотными выгонами, но соединенные почтовой дорогой (см. ил. 188). К середине XIX века протяженность Холмогор сократилась с пяти до двух верст.

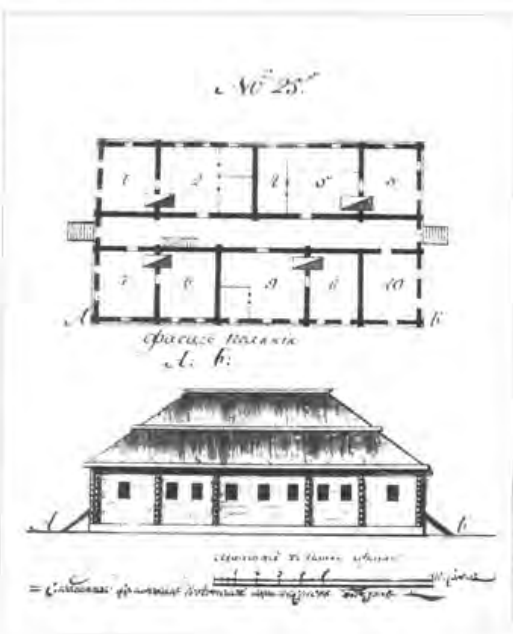
Основываясь на панорамах «Атласа» 1797 года⁴⁹, рассмотрим застройку города в последовательности с юго-востока на северо-запад, т. е. вдоль берега слева направо. Бывший Курьевский посад к этому времени не только поредел, но и разделился на три части — Большую слободку («на песках») (ил. 210), Городок (см. ил. 198; ср. с ил. 209) и территорию бывшей крепости, которую заняли пашни и покосы. Этому способствовало и то, что территория посада естественно делилась тремя озерами. До 1685 года приходским храмом здесь была деревянная Преображенская церковь, а после того, как архиепископ Афанасий начал на ее месте строительство каменного кафедрального собора, на юго-восток от него, у самой дороги — «против Большой слободки» в 1686–1687 годах была поставлена деревянная церковь Введения. Та, что показана в «Атласе» на плане (см. ил. 187 под № 5) и на Виде («из пункта В» — ил. 200, средняя панорама — под № 10), возведена уже после пожара 1701 года⁵⁰. Второй храм Курьевского посада — церковь Успения — принадлежала женскому монастырю, основанному архиепископом Афанасием за посадской околицей (в 1798 году монастырь переведен на территорию Архиерейского двора), на низких местах в 1687 году (упразднен в 1797 году). Первая монастырская церковь также сгорела, а изображенная в «Атласе» (на «Виде... из пункта В» — ил. 200, средняя панорама — под № 14) срублена в 1728 году (разобрана в 1818 году)⁵¹. Оба храма типологически близки друг к другу: они ярусные, с куполообразными завершениями, с двумя прирубами по продольным осям и в одной связи с поставленными позднее колокольнями. Таким образом, Большая слободка имела две парные доминанты, как бы обозначающие границы этой части посада, причем монастырский комплекс способствовал глубинному развитию застройки. Для тех, кто въезжал в город со стороны Матигор, обе церкви предвещали восприятие главной храмовой группы на бывшем архиерейском дворе (на «Виде... из пункта А» — ил. 200, верхняя панорама — № 4–7). Главы кафедрального собора виднелись вдали над кровлями тесно стоявших посадских домов.

Что представляла собой рядовая застройка («обыкательское строение») этой части Курьевского посада? Большинство домов — четырехстенные, на подклетах, соединенные однорядной связью с хозяйственными дворами (в одном случае показана поветь, опирающаяся на столбы); кровли — самшовой конструкции. На торцовых фасадах — по три окна: красное в центре, волоковые — по бокам, лишь у «питейного дома» (на «Виде... из пункта А» № 3) и усадебного (о нем будет сказано дальше) все окна — красные (см. ил. 200). Примерно треть домов, судя по изображенным на них трубам, топились по-белому, остальные — по-черному, однако у последних, по-видимому, дымоходов не делали⁵². Суммарно в «Атласе» так характеризуется местное домостроительство: «почти во всех уездах покрывают двory сплошь и делают снутри помост наравне с полом высоких своих изб, разделяя двор в два жила, из которых в нижнем помещается скот в теплых и мшонов хлевах, а в верхнем... сохраняют солому, сено, повоски»⁵³ и пр.

Из всей застройки выделяется усадьба, стоящая отдельно при въезде в город (ил. 211). В отличие от дру-

49. Ил. 187. План и фасад Присутственных мест. Фрагмент чертежей. 1800

50. Ил. 189. Вид с д. 248, д. 22

202. Вид с востока на центр Глинского посада.
Фото И. К. Попова. Начало XX века

Архив ИИМК. Нег. III-9857

Слева направо: Троицкая церковь (1698–1716)
с приделом св. Петра и Павла, часовня Нерукотворного образа (1860)
и колокольня (1698–1716)

203. Глинский посад. Вид на Троицкую церковь
и колокольню с севера.
Фото 1939 года

ГИИМА. I-9609

гих домов, она имеет стропильную кровлю и вышку (светелку) на чердаке. Особенно примечателен под односкатной кровлей хозяйственный двор (или хлев), примыкающий к дому с двух (или трех) сторон. Вторая усадьба, также стоящая у дороги (см. ил. 210), имеет совсем иной характер: благодаря высокой вальмовой кровле дом возвышался над соседними. Уличный фасад подчеркнут восемью красными окнами, а также четырехоконной светелкой с балконом. За домом видны службы, поставленные глаголем. Усадьба окружена оградой, частично забранной в столбы, за ней — сад (около других домов растительности и заборов нет, если не считать жердьевого ограждения дороги между двумя рассматриваемыми усадьбами). В линию ограды включен и упомянутый выше «питейный дом», возможно, принадлежавший владельцу этой усадьбы. Кузницы, стоящие чуть правее от дороги, указывают на окраинное расположение «Песков» (Большой слободки): их всегда ставили за селениями, боясь пожаров.

За соборным комплексом после небольшого разрыва (застройка видна лишь в глубине территории) у самой дороги стоит почтовая станция (ил. 212), представляющая собой характерный для классицистических композиций симметричный трехчастный комплекс: в центре — большой «почтовый дом», обращенный главным, семиоконным, фасадом к набережной. Кроме того, он выделяется высокой вальмовой кровлей и фронтоном с гербом, а также обшивкой, покрашенной в желтый цвет⁴⁰.

По бокам — флигели, стоящие торцевыми фасадами к дороге и соединенные с главным строением глухими оградями,

причем левый флигель был занят питейным домом (на «Виде... из пункта В» № 21). Это была почтовая станция, выстроенная по типовому («образцовому») проекту или, как сказано в экспликации, «почтовый дом, по плану выстроенный».

204. Троицкая церковь.
Центральное окно
абсиды.
Фото 1939 года

ГИИМА. I-9608

205. Троицкая церковь.
Божье окно абсиды.
Фото 1939 года

ГИИМА. I-9607

206. Вид на юго-восточную часть бывшего Глинского посада с колокольни Троицкой церкви.
Почтовая открытка начала XX века

Прямо вдали соборный комплекс,
слева вдали — Никольская церковь (1802)

207. Вид с юго-запада вдоль набережной
на Спасо-Преображенский собор.
Почтовая открытка начала XX века

208. Вид с северо-востока вдоль набережной
на колокольню Троицкой церкви.
Почтовая открытка начала XX века

209. Соборный комплекс на Городке. Вид с севера.
Фрагмент «Вида Холмогор из пункта В
от литеры F до литеры G»

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА, Ф. 1350, Оп. 312, Д. 2, С. 140

Экспликация: «[...] 10. Церковь Введения Богоматери.
11. Колокольня. 12. Обывательское строение.
13. Колокольня. 14. Церковь Успения Богоматери упраздненного
девичьего монастыря. 15. Соборная ограда. 16. Соборная церковь
Происхождения честных древ Креста Господня [церковь Двенадцати
апостолов]. 17. Главная соборная церковь Преображения Господня.
18. Колокольня. 19. Бывшая церковь Двенадцати Апостол.
20. Пустые каменные казенные покои».

210. Вид с юго-востока на Большую слободку бывшего Курцевского посада.
Фрагмент «Вида города Холмогор из пункта А от литеры Е до литеры F»

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА, Ф. 1350, Оп. 312, Д. 2, С. 141

Экспликация: «1. Обывательское строение. 2. Церковь
Успения Богоматери упраздненного девичья монастыря.
3. Питейный дом. 4. Бывшая церковь Двенадцати
апостол [названная св. Иакова]»

211. Усадьба при въезде в Большую слободку. Фрагмент «Вида города Холмогор из пункта А от литеры Е до литеры F»

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. С. 152

212. Вид с севера на почтовый дом. Фрагмент «Вида города Холмогоры из пункта В от литеры F до литеры G»

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. С. 140

Далее на плане и «Виде» показано обширное свободное пространство, где до 1723 года находился «деревянный город». Здесь видны всего три жилых дома (на «Виде... из пункта В» — ил. 200, средняя панорама, № 12), ветряная мельница на ряже (на «Виде... из пункта В» — № 23), вдали — уездное казначейство (на «Виде... из пункта В» — № 24) и соляной магазин (ил. 216; на «Виде... из пункта В» — ил. 200, нижняя панорама, № 27), построенный в 1790 году, вероятно, на фундаменте крепостного провиантского мага-

зина (склада). Если к последним двум строениям добавить еще деревянное здание Присутственных мест (ил. 201), находившееся за бывшим Архиерейским двором, и так называемый «винный выход» — земляной погреб для хранения казенного вина, то мы будем иметь обязательный минимум казенных строений для уездного города, каковым Холмогоры стали 4 сентября 1780 года. Характерный классицистический фасад, созданный на основе «образцового» проекта, позволял в то время каждому узнать в нем «казенное строение».

213. План Глинского посада. Фрагмент плана Холмогор (весь план см. на ил. 188)

«Атлас Архангельской губернии». 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. С. 133

Сразу же за северным валом бывшего «города» начинается наиболее многолюдная часть Холмогор — Глинский посад. В 1622 году здесь насчитывалось 146 дворов, среди которых 10 принадлежали крупнейшим монастырям, 2 — московским гостям, 3 — иноземным купцам. На берегу стояла таможня и 230 лавок. Кроме того, на посаде были 48 кузниц, 1 кабак, 9 харчевен и даже общественная баня⁴¹. Застройка посада открывается богатым домом под вальмовой кровлей (см. ил. 216; на «Виде из пункта В» — № 26), являвшимся, вероятно, шестистенком, ибо его левая часть, изба, имеет волоковые окна, правая, горница — красные, а между этими срубами — сени, с дверным проемом на уровне подклета. За названным домом — другой, с открытым двором. За его заплотной оградой виден одноэтажный крытый хозяйственный двор. Он длинный, с тремя перерубами, примыкает к торцу дома. Наибольший интерес представляет противоположный торец, выходящий на улицу. Очевидно, перед нами дом-двойня, у которой отсутствует часть одной избы, в результате чего при сохранении общей двускатной кровли на фасаде образовался запад. Оказывается, еще в 1860-х годах подобные дома были характерны для Холмогор: «...их фасады состо-

ят из двух неправильных половин: большая половина выступает на сажень от меньшей. Кровля, покрывая выдавшуюся часть во всю ширину дома, образует над [другой частью] угрюмый навес... Вход с улицы в ворота, устроенные в запавшей половине дома... Такими домами застроены все кри-вые улицы Глинки»⁴².

Полнее всего панорама Глинского посада показана на двух верхних панорамах «Вида... из пункта С» (ил. 217), который легко соотносим с его планом (ил. 213). Перед нами тесно, озадками к реке поставленные дома. Между ними — лишь незначительные проулки. Берег почти на всем протяжении вдоль песчаной отмели укреплен подпорной стенкой в виде вертикально вкопанных бревен. «Внешние наводнения, — читаем в Атласе, — бывают велики... и потому близ речного берега стоящие дома, лавки и анбары нередко опасности подвержены бываю»⁴³. Не случайно состояние берегового обруба всегда особенно беспокоило воевод: «...береги льдом отрывает и внешнею водою башни, и стены, и житницы подмывает... и буде... от Двины реки обрубов не построить и впредь те места внешню водою без остатку смое»⁴⁴.

214. Холмогоры.
Глинский посад.
Вид на Троицкую
церковь со стороны
Курополки.
Фрагмент «Вида из
пункта С», литера Н
до литеры К.

«Атлас Архангельской
сибирни» 1797

РГИА. Ф. 1360. Оп. 312.
Д. 2. С. 145

215. Глинский посад.
Фрагмент «Вида... из
пункта С», литера К
до литеры К.

«Атлас Архангельской
сибирни» 1797

РГИА. Ф. 1360. Оп. 312.
Д. 2. С. 145

В том месте, где дорога уходит от берега в глубь посада, стоит ярусная обшитая часовня. В центре Глинок — Базарная площадь с каменной Троицкой церковью и колокольней (ил. 214 на «Виде... из пункта С» — № 4 и 5; на плане, ил. 213 — № 4). Это был ярусный храм с широким двухэтажным четвериком в основании и двумя малыми восьмериками на нем, построенный в 1698–1716 годах (ил. 202, 203) и близкий по типу к Рождественской церкви Архангельска, возводившейся почти одновременно с ним. В нижнем этаже располагался престол во имя Благовещения, в верхнем — Троицкий. Подцерковье использовалось для хранения товаров, а к концу XVIII века — казенной соли. С севера к церкви примыкал придел, как бы повторявший ее в миниатюре. Подлинным украшением храма были окна с volutoобразными завершениями наличников (ил. 204, 205). При том, что архитектура храма во многом продолжала традиции допетровской Руси, именно в наличниках, с их причудливо-барочным орнаментом, проявлялись отголоски новых веяний.

Роль основной доминанты посада выполняла массивная колокольня с шатровым завершением. Ее четверик использовался как лавка для продажи соли. Устремленность вверх колокольни усиливали пучковые лопатки, расположенные на гранях восьмерика. Церковь же своим силуэтом напоминала храмы Курцевского посада, а колокольня (ее высота 27,6 м) в этом плане была близка к соборной, что способствовало созданию целостного впечатления от панорамы города, открывавшейся со стороны Двины. В прошлом, в XVII веке, эту функцию в какой-то мере выполняла деревянная клетская Троицкая церковь с приделом и шатровая Петропавловская с трапезной. Колокольня тогда не было⁴⁵.

Троицкая колокольня и соборный комплекс — две основные градостроительные доминанты Холмогор на протяжении почти 250 лет — были всегда визуально связаны друг с другом в обширном прибрежном про-

странстве (ил. 206). Кроме того, они замыкали собою примерно полутораверстный участок почтового тракта — главной магистрали, шедшей вдоль реки по каменному берегу (ил. 207, 208).

Напротив Троицкой церкви располагалась главная торговая пристань, к которой, кстати сказать, в 1683 году прибыл архиепископ Афанасий: «...пристал на Глинском посаде против таможи, ги вышед из судна в церковь живоначальная Троицы»⁴⁶, то есть еще деревянную. Пространство между церковью и берегом занимали торговые ряды (на «Виде... из пункта С» — № 3). К концу XVIII века по сути дел ряд был один, кожаненный, состоящий из 14 лавок «а против лавки деревянные, состоят не рядами, а смешено, в коих продаются хлебные и рыбные припасы, лен, конопля, деланное серебро, железные поделки, шитая обувь, говядина, колаци и разные российские а по небольшой части заморские... сукна и всякие мелкие товары»⁴⁷.

Лавки представляли собой, как правило, четырехстенные срубы под двускатными кровлями, на высоких подклетах. Судя по панораме, в задних частях лавок располагались складские помещения, не имеющие окон или же имевшие одно на чердаке. У четырех лавок показаны прирубленные к ним одноэтажные амбары. В качестве отдельных конструктивных деталей отметим на кровле одной лавки — гнет, на торце другой — галерею. В остальном они не отличаются друг от друга. К концу XIX века эта площадь почти потеряла свое торговое значение и стала напоминать обширный пустырь.

216. Вид с юго-востока на солоную магазин (№ 27) и часть застройки бывшего Глинского посада. Фрагмент «Виды города Холмогор из пункта В» из альбома Г. де Лангера Н.

«Альбом Архангельский губернии». 1797.

РГИА. Ф. 133а. Оп. 312. Л. 2, с. 141.

H

70-10

K

и Патриарха Константинопольского митрополита Александра и Константинопольской церкви; в Византийской патристике древней и новой школы Василия Великого и Григория Богослова; в Церкви Востока; в Церкви Римско-Католической и Православной; в Синодальном отделе Святейшего Синода.

ервы Н до литеры I.

145.

ервы I до литеры К.

ервы К до литеры L.

*Видъ Городскоу предлѣстїю
снятой изъ того же пункта D.*

рече Присаеніе Боспленіи въ Дѣлѣ архіерейскіи.

217. Три вида Холмогор со стороны Курополки («из пункта С от литер до литер I»; «из пункта С от литер до литер К»; «из пункта D от литер К до литер L»)

«Атлас Архангельской губернии». 179

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. С. 144–1.

Экспликация:

«Вид [...] из пункта С от литер Н до литер I:

1. Часовня. 2. Обывательское строение. 3. Торговые лавки. 4. Колокольня. 5. Церковь Живоначальной Троицы. 6. Питейный дом. 7. Река Курополка. «Вид [...] из пункта С от литер I до литер К:

8. Питейный дом. 9. Обывательское строение. 10. Река Куропока. 11. Ветрян обывательские мукомольные мельницы. «Вид [...] из пункта D от литер К до литер L:

12. Обывательское строение. 13. Бывший питейный дом. 14. Церковь Николая Чудотворца. 15. Церковь Рождества Христова. 16. Колокольня. 17. Вдали кладбищенская церковь Покрова пресвяты Богородицы. 18. Река Курополка»

На двух видах Глинского посада изображен 31 дом (отличительный признак — наличие окон), из них только 9 имеют трубы и, следовательно, должны быть отнесены к белым. Остальные топятя по-черному. Вот так выглядела, к примеру, горница белая на дворе контролера Василия Малафеева в 1744 году: «...в ней семь окон, в том числе три окна колодных, четыре малых. В тех окнах пять окончин слюдяных... В горнице пять лавок, пол тесовой, потолок тесовой... печь кирпичная белая с выводною трубою...». И изба черная на том же дворе: в ней «...пять окон малые... одно окно... колодное... окончины слюдяные, шитые. Печь кирпичная с подпечком, четыре лавки с причалины, над лавками полавошники, полати дощатые... Перед избой сени с подволокою...»⁴⁸.

Большинство из четырехстенки, многие с разноуклонными кровлями. Лишь в северо-западной, окраинной части посада стоят четыре шестистенка и два пятистенка. Двенадцать домов имеют характерное сочетание одного (или двух) красных окон с волоковыми по бокам, десять освещаются только через красные окна.

На последнем виде (ил. 215) изображены, по-видимому, четыре купеческих дома с широкими подклетами воротами, расположенными на торцевых фасадах под рядами окон, что указывает на наличие внизу торговых или складских помещений. Подобные постройки, сочетавшие в одном срубе жилые и хозяй-

ственные помещения, были распространены в Холмогорах в XVIII–XIX веках, а вполне вероятно, и ранее. В 1860-х годах подобными домами была застроена «набережная»: «...у них внизу — лавки, а верху — жилые комнаты»⁴⁹.

Большой интерес представляет несколько обособленно стоящая дом-шестистенок со светелкой на чердаке и двумя трубами (жилые помещения у него, вероятно, выходили на оба торцевых фасада). Это второй (и последний) из обшитых и покрашенных домов Холмогор. На самом берегу — три амбара, два из них имеют висячую галерею на уровне второго этажа⁵⁰.

Следующий посад, за Перелоем, — Верхняя половина Иванского конца — полностью исчез к концу XVIII в. («Вид... из пункта Д» показывает на его месте деревья). Только Нижняя половина (или Нижний посад) (ил. 218) сохранила в 1785 году сорок девять домов⁵¹. На «Виде городскому предместию, снятому из... пункта Д» их показано девять, из них пять имеют трубы.

В центре посада дома как бы расступаются, открывая вид на группу из трех шатровых церквей. Перечислим их слева направо (см. ил. 217, 218): Никольская 1629 года (на «Виде...» — № 14) (разобрана в 1819 году)⁵², примечательная своим куполообразным переходом к шатру от основного восьмерикового объема (ее высота была около 38 м); следующая — трапезная Христорожественская церковь 1771–1773 годов (на указанном «Виде...» — № 15, разобрана в 1823 году), затем — колокольня 1629 года (на указанном «Виде...» — № 16, изображена как церковь) и вдали — кладбищенская Покровская церковь (на указанном «Виде...» — № 17), находившаяся за Падрокурью, на лугу, называемом в старину Голой Кошкой. Церковь с трапезной и папертью была срублена в 1768 году (разобрана в 1861 году). В прошлом там располагался Западнокурский посад, насчитыва-

218. Вид с востока на застройку бывшего Нижнего посада и Западокурью («Вид городскому предместию, снятому из... пункта Д»)

«Атлас Архангельской губернии», 1797

РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. С. 145

Экспликация: «[...] 12. Обывательское строение. 14. Церковь Николай Чудотворца. 15. Церковь Рождества Христова. 16. Колокольня. 17. Вдали кладбищенская церковь Покрова пресвятыя Богородицы [за Падрокурью]. 18. Ряд Курколяна»

вавший 64 двора, но к концу XVIII века жилых домов в нем уже не было.

В первой четверти XVII века посад Нижней половины Иванского конца по числу дворов даже превосходил Глинский: их насчитывалось 171, считая и семь пустых, поставленных «для осадного времени», уступая лишь количеством лавок: их было 102. Однако главной достопримечательностью посада была церковь Рождества Иоанна Предтечи «о девяти верхах на каменное дело»⁵³. Скорее всего, это был девятишатровый храм, по силуэту, возможно, соперничавший со Спасским собором на Городке — предшественником каменного. Напомним, что такая же церковь стояла и в Архангельском городе, но в натуре ничего подобного уже не существовало к XIX веку.

В 1784 году был подтвержден регулярный план Холмогор (ил. 219). Он, как и первый вариант подобного плана для Архангельска, почти совсем не учитывал существовавшей планировки, а дальнейший рост города проектировался лишь в пределах двух посадов — Курьевского и Глинского, причем вглубь от берега. Из прежней планировочной ситуации сохранялось местоположение каменных церквей, а центральная площадь должна была разместиться на территории бывшей крепости, в результате чего за этой территорией сохранялись административные функции.

«Проект» предписывал строительство по «примерным фасадам», желательно на каменных фундаментах, но непременно, «что всякое деревянное [строение] одно от другого не ближе было пяти сажень, не выше шести аршин... Кровли крыть... тесом и гонтом, а дранью, хворостом и соломою не допускать... У которых обывателей нынешния строения не придут в линию, оставить до такого времени, когда сами собою обветшают, пова-

ляться»⁵⁴. Этот план почти полностью остался на бумаге, ибо процесс запустения Холмогор, отмеченный нами для конца XVIII столетия, продолжался и в следующем. Тем не менее, вплоть до начала 1930-х годов небольшое строительство велось здесь с учетом сложившейся ранее планировки. Полностью сохранялась доминирующая роль храмов, возможность видеть их с разных точек: как от воды, так и из многих мест бывшего города. По-прежнему на Курьевском посаде доминантой оставался собор, а в Глинках — Троицкая церковь.

Итак, до пожаров 1698 и 1723 годов Холмогоры состояли из пяти посадов, считая вниз по течению: Курьевского, Глинского, Верхней половины, Нижней половины и Западнорукья. Их застройка представляла собой непрерывную полосу, вытянувшуюся вдоль берега Курополки. Позднее существенно уменьшились посады (наибольшим оставался Глинский), между ними появились разрывы, посад Верхняя Половина исчез полностью, а от Западнорукья остались только церкви.

Каждый посад имел прежде свои приходские храмы, являвшиеся локальными доминантами. Они, в свою очередь, подчинялись наиболее значительному в пространственном и высотном отношениях ансамблю крепости, располагавшемуся на границе Курьевского и Глинского посадов, т. е. приближались к середине всей линейной композиции городского фасада. После гибели крепости в 1723 году образовалась лакуна, быстро приведшая к разрушению пространственного единства города. Фронтальное расположение всех городских доминант было рассчитано, прежде всего, на их восприятие с дальних точек — со стороны Курострова и Палеострова, а также с ближних: при движении вдоль реки — по воде или по берегу. Так, человек из зоны действия одного вертикального ориентира переходил к другому.

219. Генеральный план Холмогор, утвержденный в 1784 году. Проект

«Атлас Архангельской губернии» 1797

РГИА, Ф. 1350, Оп. 312, Д. 2, С. 138–149

Фронтальная архитектурно-пространственная композиция города дополнялась глубинным развитием застройки в его верхнем и нижнем концах: вертикали церкви Успенского монастыря на Курцевском посаде и кладбищенской — в Западнокурье, расположенном за Нижним посадом, как бы закрепляли глубинные границы города на его периферии.

После пожара 1723 года Спасо-Преображенский собор в некоторой степени взял на себя функцию общегородской доминанты, однако в полной мере такую роль он выполнял лишь для Курцевского посада, который уже в XVIII веке распался как бы на три самостоятельные части со своими малыми центрами: Большая слободка, Городок (Архирейский двор) и бывшая крепость.

Каменные постройки Холмогор не только принадлежали к северодвинской архитектурной школе, зародившейся здесь и в ближайших окрестностях (за исключением Никольской церкви начала XIX века), но и во многом ее определяли.

Большинство изображенных в «Атласе» 1797 года домов может быть отнесено к известному типу русского северного дома-двора с сомкнутой одной стороной связью и двускатной кровлей самцовой конструкции. С точки зрения планировочных типов жилища, преобладают четырехстенные избы; кроме того, на «Видах» показаны четыре пятистенка, пять шестистенков и две избы-двойни с характерным западом по отношению к торцовому фасаду одного из срубов. Все дома стоят на высоких подклетах, в четырех случаях в них изображены ворота, что указывает на использование подклетов как складских или торговых помещений. Вполне вероятно, что на их уровне в торцевых фасадах располагались и входы (наличие крыльца отмечено только в одном случае). Приблизительно треть их отапливались по-белому, остальные — по-черному, однако дымники на крышах не показаны.

У четырех домов жилище находится в двух торцевых частях, что указывает на расположение хозяйст-

венного двора посередине связи, а возможно, на прикрытие его глаголем или Т-образно.

Наиболее распространенное сочетание окон для четырехстенков: одно красное и по бокам два волоковых (в трех случаях — два красных); для пяти-, шестистенков: изба имеет аналогичное сочетание, а горница два-четыре красных окна.

Влияние каменной стилистической и «образцовой» архитектуры на «обывательское строение» выразилось в появлении домов с высокой вальмовой кровлей стропильной конструкции, со светелками, балконами и слуховыми оконцами (на панорамах изображены три таких дома), с большими красными окнами на уличных фасадах. Эти дома непременно обшиты тесом. В одном случае перед домом показан сад. Для названных построек характерно сочетание некоторых признаков архитектуры барокко с элементами традиционного народного жилища. Отмеченные здания, несомненно, принадлежали верхушке городского купечества и чиновничества. Разнообразие типов жилых построек свидетельствует о значительном имущественном расслоении городского населения.

Общественные здания в большинстве своем построены после 1780 года, когда Холмогоры стали уездным городом. Они основываются на «образцовых» проектах и отражают господствовавший в архитектуре стиль классицизма, хотя, как в случае с Присутственными местами, это мог быть и вариант «обывательского» деревянного дома с коридорной планировкой.

Хозяйственные постройки представлены двумя ветряными мельницами-столбовками на ряжах («Генеральная табель» «Атласа» указывает их 9), торговыми лавками и многочисленными одно- или двухэтажными амбарами (в трех случаях с открытыми галереями на уровне второго этажа). Берег реки укреплен обрубом.

Еще в первой четверти XX века Холмогоры сохраняли выдающиеся памятники северодвинской школы каменного зодчества и многие признаки градостроительной ситуации эпохи своего последнего подъема.

Примечания

¹ Чернышев В. Спасо-Преображенский собор в Холмогорах // АГВ. 1845. № 29. С. 191; Фирсов А. Холмогорский Спасо-Преображенский собор // АЕВ. 1894. № 16. С. 235; А. К. Холмогорское городище // АГВ. 1897. № 44.

² ПСРЛ. Т. 33 (Двинской летописец). Л., 1977. С. 168.

³ Там же. С. 171; Типов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 17–19.

⁴ ПСРЛ. Т. 33. С. 172.

⁵ Тарасы — рубленые келты, которые обычно засыпались землей или камнями. Об их устройстве см. подробнее: Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв.: Мат. и исслед. по археологии. М.–Л., 1961. С. 138–139. Аналогичное устройство мы находим в Олонечной крепости 1670–1671 годов с тем лишь отличием, что там собственно стены были рублеными, а не тыновыми. См. подробнее: Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера: Страницы истории. Л., 1981. С. 101–102, 112–113.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9 (1622–1624). Л. 50–54. См. также: Овсянников О. В. Оборонительные сооружения северорусских городов XVI–XVII веков // Летопись Севера. М., 1972. Т. IV. С. 219.

⁷ Крестинин В. Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790. С. 34.

⁸ Михайлова М. Б. Черты традиционности и своеобразия в развитии Холмогор // Архитектурное наследие. М., 1986. Вып. 34. С. 28; Мильчик М. И. Градостроительная биография Холмогор XVII–XVIII веков // Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера; Сб. ст. Архангельск. 1987. С. 6–17.

⁹ Крестинин. Указ. соч. С. 35; Архив СПб. ФИРИ. Ф. 47. Оп. 2. Д. 194 (1656 г.).

¹⁰ Архив СПб. ФИРИ. Ф. 5. Оп. 1. Карт. 38. Сст. 1.

¹¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2037. Сст. 1.

¹² ПСРЛ. Т. 33. С. 191.

¹³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4424 (1693 г.). Сст. 46.

¹⁴ РГВИА. Ф. 349. Оп. 41. Д. 6209 — «Чертеж города Холмогор деревянной, рублен в две стены, да 11 башен деревянных же, стоит близ Двины реки на берегу». См.: Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971. С. 38.

¹⁵ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4412 (1693 г.). Сст. 65. До перестройки башня называлась Архангельской, а затем Богоявленской.

¹⁶ РГАДА. Ф. 137. Новгород. Д. 86 (1688 г.). Л. 613.

¹⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4224 (1693 г.). Сст. 46.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 33. С. 191.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Д. 15051 (1679 г.). Л. 32; Ф. 137. Новгород. Д. 86. Л. 607, 612 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1, № 30062 (1746 г.). Л. 1 об.

²¹ ПСРЛ. Т. 33. С. 187–188; Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908. С. 46.

²² ПСРЛ. Т. 33. С. 181.

²³ Архив СПб. ФИРИ. Кол. 11. Д. 103. Л. 40–41 об. Подрядная запись на строительство собора опубликована (с некоторыми пропусками и ошибочным прочтением отдельных мест): Булкин В. А., Овсянников О. В. Из истории каменного строительства в конце XVII века в Нижнем Подвинье // Средневековая Русь. М., 1976. С. 350–351. К сожалению, текст записи дошел до нас с лакунами и потому остается неясным, какой именно «образец» для строящегося собора имелся в виду.

²⁴ Верюжский. Указ. соч. С. 548. О Стафуровых см. подробнее: Булкин В. А., Овсянников О. В. Новые данные о каменном строительстве второй половины XVII века в окрестностях Холмогор // ПКНО. 1984. Л., 1986. С. 544.

²⁵ Подъяпольский С. С. По Сухоне и Северной Двине. М., 1969. С. 113; Гедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Вокруг Архангельска. М., 1978. С. 56.

²⁶ Цит. по: Верюжский. Указ. соч. С. 344.

²⁷ ПСРЛ. Т. 33. С. 190, 192, 197.

²⁸ В 1718 году Святые ворота архиепископского двора были перестроены. Преемники Афанасия жили на архиепископском дворе до 1744 года, когда он был переведен в кзну. С 1744 по 1780 год в палатах содержалось семейство правительницы Анны Леопольдовны. Домовая церковь была несколько перестроена и переосвящена сначала во имя Зачатия св. Анны, а в 1803 году еще раз, но теперь во имя Успения Богородицы. После отсылки детей Анны Леопольдовны в Данию (в 1780 году) здесь разместили мореходную школу, которую вскоре, в 1786 году, перевели в Архангельск, а «покои» предназначили к разборке, но после долгого запустения с 1798 года в бывшем архиепископском доме разместились инокни Успенского монастыря (Архив СПб. ФИРИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 59. Л. 4–6 об.; Чернышев В. Холмогорский девичья третьеклассный монастырь // АГВ. 1846. № 3. С. 34–35; Сведения о бывшем Архирейском доме // АЕВ. 1894. С. 718).

²⁹ Архив СПб. ФИРИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 30 (1761 г.). Л. 71; Д. 59. Л. 4.

³⁰ Там же. Д. 59 (1768 г.). Л. 4 об.

³¹ «Двинской летописец» так характеризовал архиепископа Афанасия: «Бысть убо пастырь изящный, писания доволный, сказатель громогласен, по премному остроразсудителен, чина церковного опитный [прилежный, надежный] хранитель, ревнитель в вере, на разсolk разрушитель, трудолюбив, созда много зданий каменных, церковь соборную, иконостас еси... колокольню и дом архирейской, церковь населеную, и все здание изящное содела» (ПСРЛ. Т. 33. С. 201–202).

³² РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 7. Д. 30062 (1746 г.). Л. 1 об.

³³ ПСРЛ. Т. 33. С. 200.

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 806. № 44 (1746–1748). Л. 1116.

³⁵ Мильчик М. И. Холмогоры в XVIII веке (по изображениям в Атласе Архангельской губернии) // ПКНО. 1987. М., 1988. С. 434–452.

³⁶ Верюжский. Указ. соч. С. 349.

³⁷ Там же. С. 298–299. См. также: Фирсов А. Историческое описание Холмогорского Успенского женского монастыря. М., 1911. С. 8–11.

³⁸ Это предположение тем более вероятно, что на доках, изображенных на некоторых видах урочных городов в том же Атласе, двинники изображены (см. напр.: РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 4. С. 352–353, 598–599).

³⁹ РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. С. 14.

⁸⁰ Фиксационный план начала XIX века (РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 71) полностью подтверждает точность изображения почтового дома в Атласе.

⁸¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9 (1622–1624). Л. 63–102 об.

⁸² Тышинский П. Г. О чудесных древностях в Архангельской губернии // Труды I-го Археологического съезда в Москве 1869 года. Т. II. М., 1871. С. 345.

⁸³ РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. С. 135.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2037 (1684 г.). Сст. 1.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9 (1622–1624). Л. 63.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 33. С. 187.

⁸⁷ ГААО. Ф. 396. Оп. 1. Д. 89 (1785 г.). Л. 9 об.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 1080 (1744 г.). Л. 5–7.

⁸⁹ Тышинский. Указ. соч. С. 345.

⁹⁰ Так, например, в описании Архиепископского дома 1768 г. упоминается «в Глинском посаде деревянный анбар двужирной для поставки на зиму водоходных судов... длиною на восьми, шириною на шти саженьях» (17,0х12,7 м) (Архив СПб. ФИРИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 59. Л. 7).

⁹¹ ГААО. Ф. 396. Оп. 1. Д. 89 (1785 г.). Л. 8.

⁹² Фирсов. Указ. соч. С. 246.

⁹³ РГАДА. Ф. 1209. Д. 9 (1622–1624). Л. 111–140.

⁹⁴ РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2. С. 148–149.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Холмогоры и Архангельск как бы соединили две эпохи истории России: если в первом городе запечатлена древняя история края, то во втором — новая и новейшая. Так и в дворовой аркаде архангельского Гостиного двора еще живет последний век русского средневековья, речной же его фасад, в XVIII веке одетый в классицистический наряд, уже принадлежит екатерининскому и николаевскому временам. В застройке набережной вверх и вниз от Гостиного двора развивалась тема классицизма, наиболее ярко выраженная, с одной стороны, в не существующей ныне полуротонде дома Мерзлютиных, с другой — в портике Сахарного завода. В эту ведущую тему, наряду с элементарными барокко Троицкого собора, Успенской и Троицкой церквей, активно вторгались мотивы эклектики и модерна. Напоминание об узорочье московских церквей конца XVII века можно увидеть в эклектичной архитектуре церкви Соловецкого подворья. Однако в полную мощь зодчество древней Руси звучало в пятиглавых соборах — монастырском Михаила Архангела и холмогорском Спасо-Преображения, использовавших как образец главный собор Московского государства. Эти памятники во многом определили и монументальный характер архитектуры кафедрального Троицкого собора, который, в свою очередь, стал отправной точкой развития церковного зодчества Архангельска и Холмогор на протяжении всего XVIII столетия, благодаря чему древнерусская тема дожила на берегах Северной Двины чуть ли не до александровского времени.

Присутственные места, дом губернатора и здание Сахарного завода свидетельствовали о наступлении новой эпохи в архитектуре, о губернском городе,

ориентирующемся на столицу империи. При этом деревянные дворы на «мхах» сохраняли черты народного зодчества и сельского уклада жизни. Эту картину, которая была реальна еще лет семьдесят назад, мы мысленно дополняем уже давно исчезнувшими деревянными «городами» — огромным на берегу Курополки и меньшим — на Пур-Наволоке.

Петровское же время наиболее ярко воплотилось в куртинах и бастионах Новодвинской крепости — «пробе пера» для новой столицы, после появления которой Архангельск перестал быть *«Первыми воротами Российского государства»*. Но о других странах и народах, с которыми он был тесно связан, продолжали напоминать лютеранская кирха, англиканские церкви, польский костел, еврейская синагога, магометанская мечеть. Характерно редкое стилевое многообразие и переплетение различных культурных традиций. В этом отношении с самым северным древнерусским городом мог бы сравниться лишь самый южный — Астрахань.

Для Холмогор и Архангельска главным градоформирующим фактором стала Северная Двина: она определила их планировку, она была главной магистралью, на которую был обращен их главный фасад, именно она задала и огромный масштаб деревянной крепости, в первом случае, и Гостиных дворов, во втором, — самых больших сооружений этого типа в России.

На границе эпох встал Архангельский. И на границе миров — моря и суши, природной стихии и обжитого пространства: *«С полдня много дорог пришло в полуночный и светлый Архангельский город, — писал Борис Шергин. — Тем плотным дорогам у нашего города конец приходит, полагается начало морским беспредельным путям»*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ АРХАНГЕЛЬСКА

Краткий каталог

В каталоге представлены все ныне существующие памятники архитектуры Архангельска, находящиеся в пределах дореволюционных границ и построенные до 1917 года. Из утраченных на схеме (см. с. 162) обозначены лишь места тех, что являлись градостроительными доминантами. Если памятник коренным образом перестроен в советское время, то его характеристика отсутствует (за исключением данных о сохранившихся элементах).

Все описанные здесь памятники стоят на государственной охране (или предложены к постановке на таковую).

Последовательность статей каталога определяется нумерацией кварталов, идущей от верхней границы города к нижней, в пределах, ограниченных с одной стороны Северной Двиной и с другой — Обводным каналом. Планы кварталов с делением на владельческие участки содержатся в Квартальных книгах Архангельска 1828, 1865 годов. (Областная библиотека им. Н. А. Добролюбова, инв. № 860678, 96535), в рукописи А. Василевского «Первая часть города...» (там же, инв. № 96535) и обозначены на плане 1897 года. (Усков В. Архангельск. Исторические заметки о церквях и зданиях с приложением планов и видов. Архангельск, 1902).

Все сведения даны по состоянию на 1992 год.

Статьи каталога содержат ссылки на основные архивные источники и на литературу, приводимую в сокращении (полные данные см. в Библиографии).

Фотографии к каталогу выполнены в 1989–1992 годах М. И. Мильчиком, О. А. Балаловым и И. Л. Дейнеко.

1. Комплекс Свято-Ильинской церкви и колокольни (начало XIX века)

ул. Металлистов, городское кладбище

Первая церковь, деревянная Преображенская, была построена еще в 1773 году. В 1806 году вместо сгоревшей возвели две каменные церкви — Ильинскую и Преображенскую. Последняя не сохранилась. Между этими церквями тогда же выстроили отдельно стоящую колокольню. С 1866 года здесь образовался самостоятельный приход. Ныне Ильинский храм является кафедральным собором Архангельска.

Основной объем здания — двухсветный четверик, завершенный уплощенным куполом с луковичной главкой. С востока к нему примыкает низкая трапезная абсида; с запада — двухэтажный объем, крытый трехскатной крышей. Над ее коньком — звонница, поставленная в 1930-е годы.

Средние части северного и южного фасадов второго яруса с тремя арочными окнами и нишами под ними выделены креповой. Межъярусный карниз объединяет четверик с абсидой и западной пристройкой. Абсида завершена невысоким аттиковым ярусом. Завершение стен храма в виде крупной аркатуры, как и главка, относится к середине XIX века. В стилевом отношении — это скромный кладбищенский храм, сочетающий формы позднего классицизма и эклектики.

Церковь перекрыта сомкнутым сводом, алтари — трапезной конхой. В остальных помещениях потолки и перемычки плоские.

Главный иконостас выполнен во второй половине XIX века. Он одноярусный, завершен пологой обратной аркой со скульптурным навершием, декорирован витыми колоннами. Царские врата двухстворчатые, прямоугольной формы с овальной живописной вставкой в центре. Над иконостасом две деревянные скульптуры ангелов, которые поддерживают овальную раму с изображением «Воскресения». Иконостас придельного храма, посвященного иконе Богоматери Всех Скорбящих Радости, двухъярусный, с резным барочным навершием. Царские врата арочные, двухстворчатые, покрыты сквозной рельефной резьбой растительного характера с клеинами.

Кирпичная трехъярусная колокольня построена в стиле классицизма. С севера она соединена с двухэтажным объемом богадельни, с запада — одноэтажной хозяйственной пристройкой. Нижний ярус колокольни имеет форму неправильного четверика, сужающегося к северу, где к нему примыкает богадельня. Главный — южный — фасад четверика завершается треугольным фронтоном, наложенным на аттиковый полуярус. Над ним возвышаются два цилиндрических

яруса, завершенных высоким куполом со шпилем. Карниз первого яруса дополнен крупными сухариками. На южном фасаде четверика — симметричная композиция из прямоугольных ниш. Над боковыми нижними нишами — замковые камни. Второй ярус колокольни по сторонам света украшен арочными нишами (с южной стороны — окно), завершающимися архивольтами с веерными замковыми камнями. Третий ярус прорезан шестью арками звона. Их архивольты с такими же замковыми камнями объединены друг с другом полками. Первый этаж колокольни перекрыт куполом с распалубками над окнами. Это редкий для Архангельска пример отдельно стоящей колокольни начала XIX века.

ГААО. Ф. 29. Оп. 36. Д. 76 (1850 г.). Л. 2;
Краткое историческое описание... С. 93

2. Николаевская богадельня (1853)

ул. Металлистов, 8

Одноэтажное кирпичное оштукатуренное здание. Построено на средства купца П. К. Куйкина.

Г-образный план усложнен пристройками с севера и востока советского времени. Кровля вальмовая, в центре южного фасада в нее врезана крыша фронтона.

Здание построено в формах позднего классицизма. Средняя часть южного фасада, завершающаяся фронтоном, акцентирована линейным рустом. Прямоугольные оконные и дверные проемы помещены в арочные ниши. По периметру здания проходит подоконная тяга. Стены завершаются карнизом большого выноса. Перед входом в центре западного фасада устроено крыльцо, двускатный навес которого поддерживают железные столбы и ажурные кронштейны.

Планировка коридорного типа. В восточном торце, очевидно, помещалась столовая, в примыкающем к ней выступе — кухня. Убранство интерьеров не сохранилось.

ГААО. Ф. 50. Оп. 96. Д. 1915. Л. 1; АГВ. 1871. № 77

3. Место Михайло-Архангельского монастыря (XVII–XIX века)

(наб. Сев. Двины, севернее железнодорожной насыпи)

Монастырский комплекс включал следующие сооружения: каменный Михайло-Архангельский собор (1685–1699); каменная в три яруса колокольня (1744) с пристройкой (1896); каменные двухэтажные кельи (1896); деревянные двухэтажные кельи с нижним каменным этажом; каменные службы; баня и ограда с башнями.

РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 20 (1910–1916). Л. 85 об.

4. Комплекс зданий Архиерейского дома (1779–1784) и духовного училища (1901–1903)

ул. Урицкого, 8

До настоящего времени сохранились лишь один из трех флигелей и главный корпус, состоящий из двух зданий: Архиерейского дома и духовного училища. В дворе стоит одноэтажный флигель (1792).

Восточная часть Архиерейского дома представляет собой двухэтажное с повалом здание в стиле раннего классицизма. Г-образный план усложнен небольшой пристройкой с востока и одноэтажным крылом с севера, имеющим полукруглый выступ в центре. Прямоугольная в плане пристройка несколько шире Архиерейского дома и образует небольшой выступ относительно его южного фасада.

Оштукатуренные фасады дома имеют типичный для раннего классицизма плоскостной декор. Композицию фасадов определяют вертикальные акценты, создаваемые осями оконных проемов. Прямоугольные окна первого этажа и почти квадратные формы окна второго объединены с помощью накладных досок. В первом этаже окна украшены белокаменными подоконниками, а в боковых ризалитах они завершаются треугольными сандриками. Под окнами первого этажа в ризалитах проходит фриз «ложок». Окна второго этажа центральных пяти осей

южного фасада имеют белокаменные подоконники с «зубчиками», одновременно служащие сандриками над проемами первого этажа. Дополнительные вертикальные акценты в композицию фасадов вносят каннелированные пилястры, помещенные между окнами верхнего этажа. Они отмечают боковые ризалиты и центральный ризалит южного фасада. Кирпичный карниз с белокаменной нижней плитой украшен поясом сухариков.

Неоштукатуренные фасады западного крыла отличаются сдержанной декорировкой. Этажи отделены друг от друга двумя поясами междуэтажного карниза, простенки между проемами обработаны ленточным рустом. Окна без наличников имеют лучковые перемычки. Более нарядна восточная часть пристройки на северном фасаде. В ее центре расположен парадный вход, портал которого завершен треугольным фронтоном. Весь выступ увенчан купольной кровлей.

Поздняя планировка различна. Основные помещения, перекрытые коробовыми сводами, располагаются вдоль восточного и южного фасадов. Вдоль всего здания проходит широкий коридор, разделенный арками на несколько помещений.

Архирейский дом — единственный в Архангельске памятник в стиле раннего классицизма, сохранившийся без значительных переделок.

РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 20 (1910 г.); Ф. 796. Оп. 56. Д. 495 (1775 г.);

ГААО. Ф. 51. Оп. 16. Д. 10 (1778 г.); Ф. 4. Оп. 3. Д. 3 (1783 г.);

Ф. 51. Оп. 16. Д. 10 (1778 г.). Л. 1

5. Духовная семинария (1908–1911)

пр. Ломоносова, 4

Домовая церковь во имя св. Иоанна Богослова была освящена в 1911 году. Трехэтажное (четвертый этаж надстроен в советское время) кирпичное оштукатуренное здание располагается главным фасадом вдоль пр. Ломоносова и является одним из крупнейших в Архангельске, фрагментарно сохранившим черты неорусского стиля.

Оно имеет развитую объемно-пространственную композицию, включающую в себя два прямоугольных в плане корпуса, соединенных между собой парадной лестницей. Северный корпус вытянут в глубину двора.

В архитектуре семинарии были использованы мотивы средневековой новгородско-псковской архитектуры, но к настоящему времени большинство элементов декора утрачено. О них свидетельствуют теперь только окна первого, второго и частично третьего этажей. Главный фасад здания симметричен, имеет два боковых ризалита.

Главный южный корпус, разделенный продольной несущей стеной, имеет на всех этажах симметричную планировку. Парадная лестница находится в середине, две черные — по бокам. На первом этаже парадная лестница связана с вестибюлем. Восточная часть корпуса, как и прежде, занята библиотекой. На втором этаже имеется двухсветный большой зал собственно церкви (была посвящена св. Иоанну Богослову), в котором сохранились тянутые карнизы, лепная розетка с люстрой. Планировка северного корпуса — коридорная. Коридоры перекрыты сводами. В нескольких помещениях сохранились голландские печи и филенчатые двери.

РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Д. 4 (1903–1909);

Полов А. Торжественное освящение семинарского храма // АЕВ. 1911. № 21. С. 1;

Заринский М. Архангельский духовная семинария // АГВ. 1847. № 10. С. 1

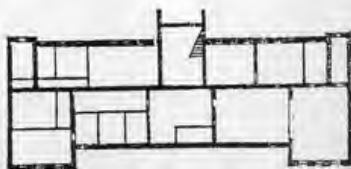
6. Архирейский дом (1819 и 1898)

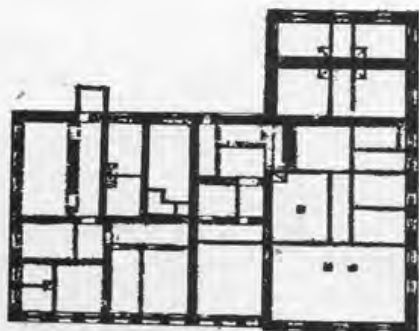
наб. Сев. Двины, 23

Дом кирпичный, двухэтажный, оштукатуренный. Построен архангельским купцом А. Плотниковым. Первоначально был жилым. В 1871 году куплен для архиепископа. В 1898 году к нему с востока пристроен объем с домовою Крестовою церковью.

Здание Г-образное в плане. Более поздняя часть, где располагалась церковь, повышена, имеет сильный выступ в сторону двора и небольшой — на улицу. Первоначальная часть, решенная в стиле классицизма, сохранила антресольный этаж.

Главный фасад старой части подчеркнут центральным ризалитом слабого выноса, на втором этаже выделенным пилястрами. Стены опоясаны междуэтажным карнизом и завершаются антаблементом. На первом этаже главного фасада боковые окна имеют замковые камни, окна ризалита помещены в арочные ниши с легкими вставками над окнами. Ниши завершены архивольтами с замковым камнем. Над окнами второго этажа ризалита — прямые сандрики.

Декор восточной части имеет черты постклассицизма. Первый этаж главного фасада рустовый, второй разделен лопатками и завершается антаблементом с выступающим карнизом. Фасад увенчан четырьмя туннами, между средними глухой парапет, по сторонам — кованые решетки. Более крупные окна второго этажа обрамлены рамочными наличниками с подоконными нишами.

Помещения на обоих этажах группируются по сторонам продольного коридора, соединенного с парадной лестницей. Она ведет в церковь и связана с ней боюлем, располагающимся в восточном корпусе. Большой зал церкви занимает среднюю часть второго этажа. Он перекрыт зеркальным (корытчатый) сводом.

Дом, один из немногих в городе сохранивший классицистический декор.

Усков В. С. 21. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 20 (1910 г.). Л. 23;
ГААО. Ф. 50. Оп. 96. Д. 85 (1880 г.). Л. 13; Ф. 75. Оп. 1. Д. 238 (1880 г.). Л. 1.

7. Место, где стояла Благовещенская церковь (1764) (на перекрестке набережной и ул. Розы Люксембург)

8. Андреевская богадельня (1911) пр. Ломоносова, 60/24

Построена купцом А. И. Костогоровым. Находится на пересечении двух улиц. Главный фасад выходит на пр. Ломоносова.

Двухэтажное кирпичное здание на белокаменном цоколе выстроено в формализме с использованием мотивов классицизма. В плане Г-образное. Составлено из двух частей: стоящего на углу основного корпуса и более низкого северного крыла. Два почти симметричных уличных фасада имеют трехчастную композицию с боковыми ризалитами, правда, на западном фасаде ризалит имитируется с помощью пилеастра. Центральная ось фиксируется венчающим аттиковым парапетом. Окна обрамлены профилированными наличниками. Выполненный из цементной штукатурки декор хорошо читается на фоне краснокирпичных стен. Большое количество горизонтальных тяг как бы подчеркивает протяженность западного фасада. На восточном торце здания устроен вход, над которым в виде эркера расположен деревянный, с металлической решеткой, балкон второго этажа.

Внутренняя планировка этажей одинаковая: вдоль основного корпуса проходит широкий коридор, в западном конце которого устроена каменная двухмаршевая лестница. По обе стороны коридора расположены различной величины помещения, причем те из них, которые занимают южную половину корпуса, объединены между собой по анфиладному принципу. От убранства интерьеров сохранились чугунные перила парадной лестницы и тянутые карнизы.

Архангельск (газета). 1911. № 257, 266.

9. Духовная консистория (начало XIX века) наб. Сев. Двины, 34

Здание обращено к набережной южным фасадом. Редкий для Архангельска образец крупного жилого дома, выстроенного по образцовому проекту 1801–1812 годов. В 1901 году дом куплен Архангельской духовной консисторией у купца А. Ф. Беляевского. Первый этаж занимали архивом. На втором расположились присутствие и канцелярия, на третьем — квартиры.

Здание трехэтажное, кирпичное, оштукатуренное. Прямоугольное в плане, оформлено женным ризалитом, завершающимся треугольным фронтоном с полукруглым окном. Между первым и вторым этажами идет карниз простого профиля, между вторым и третьим этажами — пояс с меандром. Стены венчает карниз с несколькими укрупненными сухариками. Наличники окон выполнены в барочных традициях.

В верхних этажах коридорная планировка. Этажи связаны парадной трехмаршевой лестницей. Первоначальный интерьер не сохранился.

ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 976 (1900 г.); РГИА. Ф. 801. Оп. 1. Д. 918 (1903 г.). Л. 3.

10. Жилой дом А. Беляевского (конец XIX — начало XX века)
наб. Сев. Двины, 35

Дом стоит на углу двух улиц. Его южный фасад выходит на набережную, западный — на ул. Выучейского.

Двухэтажный кирпичный неоштукатуренный дом на белокаменном цоколе выстроен в формах эклектики с использованием элементов модерна. Расположение здания на перекрестке определило конфигурацию его плана, имеющего скошенный юго-западный угол с эркером. В целом дом имеет несимметричную композицию.

Прямоугольные окна нижнего этажа на двух главных фасадах имеют рамочные наличники с трехчастными клинчатыми замками. На втором этаже окна с лучковыми перемычками. Эркер завершается высокой кровлей, увенчанной красивой ковеной решеткой. У окна в мезонине наличники, типичные для модерна.

Внутренняя планировка этажей различна. Южную часть первого этажа занимает обширный зал. Во втором этаже планировка коридорная. В центральной части дома устроена двухмаршевая парадная лестница.

Убранство на первом этаже довольно скромное: тянутые карнизы и метлахская плитка на лестничных клетках. Нарядной выглядит парадная лестница с металлической решеткой. На площадке второго этажа стоит со скошенным зеркалом белая кафельная печь с камином, украшенным литым растительным орнаментом с картушем в центре. В двух залах — различные по рисунку лепные карнизы и розетки.

11. Жилой дом А. А. Плюснина (1910)
пр. Ломоносова, 86

Стоит на углу улицы Выучейского и пр. Ломоносова. Дом деревянный, двухэтажный, оштукатурен, что редко встречается в Архангельске. В стилистическом отношении ориентирован на приемы постклассицизма. Угол уличных фасадов выделен эркером. Их оси симметрии подчеркнуты прямыми сандриками оконных проемов второго этажа и чередующимися треугольными и лучковыми сандриками первого этажа. Главный фасад имеет по углам пирамидальные башенки. Башенка над эркером была украшена резным флюгером, а гребень кровли — резной решеткой.

Внутренняя планировка этажей одинакова. Вдоль главного фасада по первому этажу располагались прихожая, столовая, зал и кабинет. Жилая часть содержала комнаты, расположенные по оси Г-образного в плане коридора. Подсобные помещения, кухня и две комнаты для прислуги находились в конце дома. В интерьере сохранились оштукатуренные тянутые карнизы, лепные розетки, одно- и двустворчатые филенчатые двери.

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 414 (1857 г.). Л. 2–24

12. Жилой дом Ф. Фазулина (1914)
ул. Правды, 19

Деревянный двухэтажный дом имеет слабовыраженные черты постклассицизма. Главный фасад выделен мощным эркером в центре и дополнен двумя меньшего объема эркерами по бокам. Оси симметрии всех четырех фасадов выявляют небольшие мансарды под двускатными кровлями. Стены завершает карниз большого выноса.

Капитальный ремонт проведен в 1960-х годах.

Планировка этажей одинаковая. Комнаты на обоих этажах группируются по сторонам коридора. С первого этажа на второй ведут деревянные лестницы. От прежних интерьеров сохранились голландские печи и филенчатые двери.

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 1838 (1914 г.). Л. 1–2

13. Жилой дом И. В. Киселева (1911)

ул. Правды, 7

Архитектурный облик двухэтажного деревянного дома несет на себе слабо-выраженные черты постклассицизма. Уличный фасад выделен эркером в центре. Окна прямоугольной формы обрамлены тонкими рамочными наличниками. Главный вход в здание устроен с западного фасада.

Планировка этажей одинаковая. Комнаты группируются по сторонам коридора. От убранства интерьеров сохранились двустворчатые филенчатые двери, голландские печи, потолочные штукатурные тиснутые карнизы, лепные розетки.

Капитальный ремонт проведен в 1960-х годах.

ГАО. Ф. 50. Оп. 4. Д. 1238 (1911 г.). Л. 3; Оп. 7. Д. 1027 (1911–1912). Л. 6.

14. Сурское подворье (1907)

наб. Сев. Двины, 47

Северный фасад выходит на пр. П. Виноградова, южный — на набережную. Несмотря на утрату глав над бывшей церковью, здание продолжает оставаться важной локальной доминантой.

Трехэтажное кирпичное нештукатуренное здание с подвалом ориентировано на русско-византийский стиль с использованием приемов постклассицизма. Оно имеет сложную композицию плана, в основе которой лежит Г-образная форма.

Уличные фасады скомпонованы симметрично с горизонтальным членением на три части. В нижнем этаже — широкие оконные проемы с арочными перемычками. Окна второго этажа прямоугольные. Арочные окна третьего этажа значительно уже проемов нижнего этажа. Центральная часть главного фасада выделена тремя полуциркульными закомарами, им соответствует ризалит. Плоскость нижнего этажа и лопатки на углах здания и ризалита обработаны квадратным рустом. Главный вход — с южного торца. Последний завершен лоджией, в ней располагалась звонница.

Внутренняя планировка переделана. Убранство интерьеров утрачено.

ГАО. Ф. 50. Оп. 96. Д. 1268 (1912 г.). Л. 1–2;

Ф. 50. Оп. 1. Д. 1079 (1904 г.). Л. 1–3; РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 20 (1910 г.).

15. Макаровские бани (1900–1904)

наб. Сев. Двины, 62

Кирпичный двухэтажный с подвалом корпус бань был построен купцом Я. Е. Макаровым. Расположен на берегу Северной Двины.

Прямоугольное в плане здание построено в формах эклектики («кирпичный стиль»). Покрыто вальмовой кровлей. В центре главного фасада — узкий ризалит. Уличный фасад выделен тремя парапетными фигурными аттиками. Поле стены членят пилястры, рустованные на первом этаже. Стены венчает карниз с сухариками разного размера.

Вход в ризалите главного фасада связан с продольным коридором. Лестница примыкает к задней стене здания. В настоящее время идет реконструкция.

ГАО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 2618 (1900 г.). Л. 3; Ф. 50. Оп. 1. Д. 1079 (1904 г.). Л. 1

16. Жилой дом (середина XIX века)

наб. Сев. Двины, 60 и 61

Два стоящих вплотную друг к другу каменных здания построены до 1865 года. Это были жилые дома И. Плотникова (№ 60) и А. Ивановой (№ 61), являющие собой пример рядовой уличной застройки торговой части города. Первый дом (№ 61) состоит из двух частей: основного объема и пристройки сзади. Второй дом (№ 60) ниже первого и меньше по размеру. Фасады домов не сохранили декора. Главный фасад дома № 60 имеет огибающие углы лопатки и тумбу над юго-восточным углом. Фасад, обращенный к набережной, завершается фигурным фронтоном, прорезанным чердачным окном. По бокам — два крупных окна мансарды, декорированные шпильями. Здание имеет два входа, лестницу на второй этаж и лестницу в антресольный этаж.

Василевский А. С. 23.

17. Жилой дом И. С. Ульяновского (1910)

Троицкий пр., 14

Двухэтажный деревянный оштукатуренный дом построен купцом И. С. Ульяновским, стоял по красной линии проспекта. В наше время передвинут вглубь квартала.

Главный фасад симметричен, выделен эркером. Здание крыто высокой мансардной кровлей. Стены опоясаны цоколем и венчающим карнизом. Фасады членят рустованные лопатки. Прямоугольные окна второго этажа выделены криволинейными сандриками. Эклектичный декор использует мотивы петровского барокко — случай в современном Архангельске единственный.

Планировка этажей одинаковая. Комнаты обоих этажей группируются по сторонам — на улицу. От убранства интерьеров почти ничего не сохранилось.

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 96 (1910 г.). Л. 1-2

18. Жилой дом Е. Ф. Вальневой (1912)

ул. Серафимовича, 35

Деревянный двухэтажный дом, прямоугольный объем которого вытянут вглубь квартала и усложнен пристройками в виде тамбура и двух выступов на продольном восточном фасаде. В стилевом отношении дом имеет слабовыраженные черты посткласицизма. Уличный фасад симметричен. В его центре — эркер в три окна, завершающийся треугольным фронтоном. Остальные фасады несимметричны. Стены венчает карниз большого выноса. Дом обшит тесом, покрашен светлой охрой. Главный вход — с южного фасада.

Планировка этажей одинаковая. Комнаты на обоих этажах группируются по сторонам коридора. С первого этажа на второй ведут деревянные лестницы. От убранства интерьеров сохранились голландские печи, филленчатые двери. Капитально отремонтирован в 1950-е годы.

ГААО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 1053 (1912 г.). Л. 1-5; Ф. 188. Оп. 2. Д. 364-397 (1920 г.). Л. 129 об., 132-134

19. Жилые дома Ф. Г. Антонова (1884-1890 и 1914)

пр. Чумбарова-Лучинского, 30 и 32

Первый дом типичен для Архангельска конца XIX века. Дом стоит на углу двух улиц. Протяженный (южный) фасад выходит на ул. Серафимовича.

Г-образное в плане здание состоит из двух объемов: первоначальный — одноэтажный и пристроенный позднее к южному крылу — двухэтажный. Оба рублены «в лапу» и обшиты. Стены завершает карниз, поддерживаемый фигурными кронштейнами. В наличниках использованы мотивы барокко. В целом же дом — пример использования эклектики в рядовой деревянной застройке. Планировка одноэтажной части — коридорная. Лестница расположена в двухэтажной части.

Второй дом стоит по красной линии проспекта, на который выходит его южный фасад. Двух- и трехэтажное кирпичное на блококаменном цоколе здание построено в стиле модерн. Оно имеет сложную объемно-пространственную композицию. Угловые юго- и северо-западные части дома трехэтажные.

Фасады дома оштукатурены и побелены. Главный фасад делится на две неравные части, одна из которых — ризалит. В третьем этаже — три проема, в двух нижних — два, но более широкие. Оживляют композицию главного фасада парадный вход в ризалите и два деревянных балкона.

Внутренняя планировка этажей различна. На продольной оси двух этажей устроен широкий коридор, по сторонам от которого размещены все комнаты. Третий этаж состоит из двух изолированных друг от друга комнат, куда ведут две лестницы (каменная и деревянная). Убранство интерьеров почти не сохранилось.

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 361 (1884 г.). Л. 1; Д. 372 (1890 г.). Л. 2

20. Лечебница П. А. Дмитриевского (1911)

пр. Чумбарова-Лучинского, 38

Здание построено по проекту гражданского инженера А. А. Каретникова для электро-светолечебницы доктора П. А. Дмитриевского. В нижнем этаже располагалась больница, в верхнем — жилые комнаты семьи доктора.

Кирпичное двухэтажное здание главным, юго-западным, фасадом выходит на красную линию улицы. Его архитектура использует приемы рационалистического модерна. Дом Г-образный в плане, усложненным выступами лестничных клеток с северо-запада.

Главный фасад имеет боковые ризалиты, завершающиеся аттиками. Стены венчает карниз сильно выноса с сухариками. Окна в центре фасада на первом этаже заключены в узкие рамочные наличники, широкие окна выделены расположенными над ними декоративными арками. На втором этаже сохранился балкон с металлическим ограждением. Вход с главного фасада прикрывает зонт на цепях.

Комнаты располагаются вдоль коридора. Первый этаж со вторым соединены двухмаршевой лестницей. В некоторых комнатах сохранились тянутые карнизы и лепные розетки.

ГААО. Ф. 50. Оп. 96. Д. 1201 (1911 г.). Л. 1-2; Оп. 97. Д. 380 (1911 г.)

21. Жилой дом П. М. Клементьева (начало XX века)

ул. Володарского, 17

Двухэтажный кирпичный на белокаменном цоколе дом обращен к улице южным фасадом. В стилевом отношении — эклектика с использованием мотивов классицизма. Двускатная крыша имеет в торцах оригинальные трапециевидные фронтоны. Такой же фронтон завершает середину главного фасада. Главный фасад выделен небольшими боковыми ризалитами. Этажи разделены развитым поясом. Первый этаж рустован. Окна без наличников имеют лучковые перемычки слабого подъема. Над бывшим входом сохранился балкон с редким для города ажурным металлическим ограждением.

Планировка этажей одинаковая. Коридор по всей длине здания. По его обеим сторонам располагаются помещения. В центре — лестничная клетка.

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 1958 (1906 г.). Л. 1-2

22. Торговый дом А. Н. Буторова (1901)

ул. Поморская, 10

Двухэтажный кирпичный дом с подвалом стоит вдоль улицы, на нее выходит его главный фасад. Выстроен в формах эклектики с мотивами классицизма.

Нештукатуренный главный фасад имеет симметричную композицию. Боковые оси подчеркнуты ризалитами, три центральные оси завершены парадным аттиком с лучковым фронтоном и волютами по сторонам. Простенки между проемами нижнего этажа обработаны рустом. Во втором этаже рустованные пилястры обрамляют боковые и три центральных окна. Окна нижнего этажа сохранили металлические ставни. Изящная металлическая решетка венчает карниз. Декор из кирпича, за исключением белокаменной плиты карниза.

Внутренняя планировка этажей почти одинаковая. Продольная капитальная стена делит пространство на две неравные части. Обе половины соединяются арочными проемами. Помещения перекрыты сводами. С нижнего этажа на верхний ведет парадная двухмаршевая лестница. От убранства интерьеров сохранились деревянные обработанный филёнками входной тамбур первого этажа и металлическая решетка парадной лестницы.

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 2042 (1896 г.). Л. 3; Оп. 2. Д. 1764 (1911-1912). Л. 3

23. Жилой дом А. С. Чудинова (1904)
пр. Чумбарова-Лучинского, 54

Двухэтажный деревянный дом построен крестьянином А. С. Чудиновым. Перенесен с набережной Северной Двины, где имел № 33. Выстроен в формах эклектики. Дом богато украшен красивыми резными наличниками, декоративной обшивкой, угловыми пилястрами, поясами между окнами. В центре главного фасада — эркер с балконом, восстановленные после переноса. Балкон на боковом фасаде с южной стороны дома служит как бы навесом для входа.

Планировка этажей — коридорная. Вдоль коридора располагаются комнаты. Убранство интерьеров не сохранилось.

ГААО. Ф. 50. Оп. 96. Д. 855 (1904 г.);

Попова Л. Проспект Чумбарова-Лучинского // Морзяк Севера. 1986. 3 декабря

24. Коммерческое собрание (середина XIX века; 1910)
пр. Чумбарова-Лучинского, 62

Деревянное двухэтажное здание перенесено с Троицкого проспекта, где имело № 98. При воссоздании был существенно искажен фасад. Изначально было построено в традициях классицизма. В 1910 году перестроено по проекту инженера В. В. Телятьева, после чего приобрело эклектический облик. Центр главного фасада выделен пилястрами, резной балюстрадой. Рустовка цоколя имитирует каменную кладку. Редкий для города пример деревянного общественного здания со столь богатым фасадным декором.

Воссоздана анфиладная планировка. На первом этаже находится зал с балконом. От старого убранства интерьеров почти ничего не сохранилось.

ГААО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 158 (1887 г.); Оп. 97. Д. 209 (1910 г.);

Барашков Ю. На заповедной улице // Правда Севера. 1989. 25 февраля;

Оглузин В. Первый дом Советов Севера // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1983. С. 69–70;

Попова Л. Окнами в историю // Северный комсомолец. 1987. 13 июня

25. Жилой дом Н. А. Калинина (1911)
ул. Поморская, 35

Дом стоит на перекрестке улиц. Он решен в духе эклектики с использованием приемов постклассицизма: рустованный цоколь, пилястры, рамочные наличники. Угол дома выделен эркером, покоящимся на массивных кронштейнах. Башенка над ним имеет железное навершие, а коньки высоких кровель на уличных фасадах украшены железными решетками.

Внутренняя планировка этажей одинакова. Ранее существовало деление на парадные и жилые помещения. В интерьере сохранились лепные розетки и тянутые карнизы потолков.

ГААО. Ф. 1936. Оп. 9. Д. 100 (1929 г.). Л. 1–3;

Барашков Ю., Семенов С. Особняк с будущим // Правда Севера. 1990. 15 февраля

26. Место, где находилась Введенская церковь (1905)
(между улицами Поморской и Володарской)

27. Жилой дом Н. В. Никольского (1913)

пр. Сов. Космонавтов, 79

Деревянный двухэтажный дом имеет прямоугольный в плане объем, перекрытый вальмовой кровлей. Над входным проемом нависает эркер, имеющий башнеобразное завершение. Стены венчает фриз из чередующихся прямоугольных филенок и консолей пропиленной резьбы. Ось симметрии выявлена тройным чердачным окном. В архитектуре дома — слабо выраженные черты эклектики с элементами модерна.

Внутренняя планировка этажей одинаковая. Из убранства интерьеров сохранились тннутые карнизы, лепные розетки, филенчатые двери.

Дом капитально отремонтирован в 1960-х годах.

ГАО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 750 (1913 г.)

28. Жилой дом Н. А. Толстиковой (1912)

пр. Сов. Космонавтов, 84

Деревянный двухэтажный дом имеет Г-образный план. Северо-западный угол дома отмечен треугольным фронтоном с круглым чердачным окном. Противоположный угол выделен эркером, нависающим над входным проемом. Эркер имеет башнеобразное завершение. Стены венчает карниз с большим выносом. Слабовыраженные черты эклектики. В результате капитального ремонта 1960-х годов утрачена часть декора.

Планировка этажей одинаковая. Комнаты на обоих этажах группируются по сторонам коридора. От убранства интерьеров сохранились голландские печи и филенчатые двери.

ГАО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 737 (1912 г.). Л. 1

29. Флигель усадьбы А. А. Амосова (1914)

ул. К. Либкнехта, 53; фл. 1

Деревянный двухэтажный дом расположен в глубине участка. Южное крыло Г-образного в плане здания ориентировано на улицу. Здание перекрыто вальмовой кровлей. Главный фасад имеет нерегулярную композицию в шесть осей, средние из них выделены во втором этаже прямоугольными эркерами, законченными треугольными фронтонами. В обшивке имитирована межэтажная тяга. В облике дома — слабо выраженные черты эклектики.

Флигель строился как доходный. Квартыры группируются около лестничных входов. Из убранства интерьеров почти ничего не сохранилось.

ГАО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 1220 (1913 г.)

30. Комплекс жилых домов (середина XIX века)

ул. К. Либкнехта, 8

Комплекс состоит из двух кирпичных трехэтажных домов. Главный, построенный в 1840-е годы, очевидно, купцом И. Тороповым, занимает угловое положение на перекрестке с Троицким проспектом.

Трехэтажное кирпичное на белокаменном цоколе здание состоит из двух частей. Первоначальная часть с оштукатуренными фасадами построена в стиле позднего

классицизма. В плане здание имеет Г-образную форму со скругленным юго-западным углом. Пристроенное с севера оштукатуренное крыло по высоте и ширине равно основному корпусу.

Уличные фасады основного корпуса обильно декорированы. Симметричные фасады разделены междуэтажными карнизами. Все окна прямоугольные. Во втором этаже они выделены полуциркульными нишами с лепным растительным орнаментом. Междуэтажные карнизы подчеркнуты лепными фризами: круглыми розетками в нижнем поясе и непрерывным, состоящим из повторяющихся растительных мотивов, в верхнем. Венчающий карниз украшен модульонами, розетками и фризом.

Внутренняя планировка почти одинакова. В первом этаже четыре помещения перекрыты лотковыми сводами с распалубками над проемами. Комнаты второго этажа также перекрыты сводами. Комнаты второго этажа, выходящие окнами во двор, соединены между собой арочными проемами.

Убранство интерьеров сохранилось частично. Парадная лестница украшена чугунными ажурными балясинами. Во втором этаже примечательна угловая печь со скошенным зеркалом, облицованная белыми кафельными изразцами с красивым лепным аттиком. Сохранилось несколько двустворчатых филанчевых дверей.

Примыкающий к северному крылу двухэтажный кирпичный дом с мезонином построен в 1858 году. Фасады его решены в стиле ампира. Прямоугольный план в центре главного фасада усложнен сильно выступающим ризалитом. Фасад симметричен. Трехчастные итальянские окна второго этажа и мезонина завершены полукруглыми архивольтами. Мезонин венчает скромный аттик.

Планировка этажей в этом доме различна. В первом этаже основные помещения перекрыты коробовыми сводами. Во втором этаже вдоль уличного фасада имеется парадная трехкомнатная анфилада.

Василевский А. С. 1; Усков В. С. 19

31. Соборный дом (1825)

Троицкий пр., 60

Здание в прошлом принадлежало приходу Троицкого собора. Первоначально оно было двухэтажным с мезонином в девять окон. В 1930 году надстроены третий и четвертый этажи. Декор фасадов почти весь утрачен, заложена арка по главному фасаду. Уничтожены центральный и угловой балконы. Тем не менее, дом сохранил основу первой половины XIX века и фрагменты декора того времени.

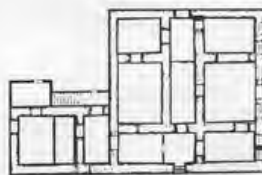
32. Жилой дом С. Д. Лемяхова (первая половина XIX века)

Троицкий пр., 62

Дом построен между 1828 и 1847-м годами. Первоначально принадлежал купцу С. Спиринову, затем перешел к С.Д. Лемяхову.

Двухэтажное оштукатуренное здание построено в стиле позднего классицизма. Его главный фасад выделен небольшим ризалитом и аттиком, первый этаж ризалита имеет руст. Фасад сохранил первоначальный классицистический декор, с выраженными горизонтальными членениями: доколь, междуэтажный и подоконный карниз простого профиля, гладкий фриз и карниз сильного выноса. В ризалите окна второго этажа украшены простыми наличниками с сандриками и замковыми камнями, а окна первого этажа имеют большие замковые камни.

Планировка анфиладная. В квадратной основной части здания поперечные стены соответствуют ризалиту, а перпендикулярные им выделяют коридор в середине здания. Имеются два входа, лестница на второй этаж и лестница в мезонин.

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 134 (1877-1879). Л. 1-2; Василевский А. С. 23; Усков В. С. 21; РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 20 (1910 г.); ГААО. Ф. 50. Оп. 96. Д. 976 (1908 г.)

33. Место Троицкого кафедрального собора (1709–1765)
(на месте фонтана перед театром)

34. Место Михайло-Архангельской церкви (1742)
(современный сквер на наб. Сев. Двины, между ул. Воскресенской и К. Либкнехта)

35. Банковая контора (1786)
наб. Сев. Двины, 79

Первоначально в этом здании размещалась Банковая контора, затем в 1801–24-х годах — Промышленная контора, в 1876 году — контора корабельного смотрителя, позднее — таможня.

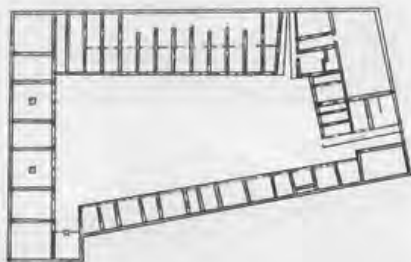
За основу этого кирпичного двухэтажного здания взят один из образцовых проектов. После трех пожаров сильно перестроено. Фасады, оштукатуренные познее, решены в строгих и лаконичных формах позднего классицизма. Фасады симметричны, главный выделен слабым ризалитом на три оси. Все окна прямоугольной формы с профилированными штукатурными наличниками. Окна второго этажа имеют профилированные подоконники и прямые наличники, выполненные штукатуркой. В ризалите венчающий карниз украшен сухариками.

Помещения неоднократно перепланировывались. В настоящее время здесь размещается филиал музейного объединения «Русский Север».

ГАО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 246 (1786 г.). Л. 1–5; Д. 890 (1793–1794); Ф. 2. Оп. 1. Д. 991 (1820 г.); Ф. 16. Оп. 2. Д. 522 (1860–1861); РГИА. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 243 (1800 г.); Попова Л. Банковская контора. К 200-летию постройки // Морск. Север. 1985. 21 декабря

36. Почтовая контора (конец XVIII века; 1980)
наб. Сев. Двины, 78

В 1980 году полностью разобрано и затем воссоздано в реконструированных формах XVIII века.

37. Комплекс Соловецкого подворья (конец XVIII — XIX век)
наб. Сев. Двины, 77/1, Банковский пер., 1

Соловецкий монастырь в Архангельске имел два подворья: в Солонбале и центре Торговой улицы, около базара. До нашего времени дошел второй комплекс зданий, построенных в XVIII и XIX веках.

Кирпичный двухэтажный корпус, расположенный на перекрестке двух улиц: набережной и Банковского переулка, построен в конце XVIII века. Первоначально состоял из одного дома, расположенного между Почтовой конторой и обывательским домом. Это здание было куплено у купца Потапова. Все три названных строения в конце XVIII века имели арочную галерею по первому этажу.

В начале XIX века в состав подворья был включен стоящий рядом обывательский дом. Со стороны двора пристраивается каменный флигель, где разместились службы и кельи. На втором этаже бывшего обывательского дома была построена церковь преп. Зосимы, Савватия и Германа, возвышающаяся над другими зданиями комплекса. С востока к ней в виде продолговатого четырехгранника пристроен алтарь, а с западной стороны — притвор, к которому примыкает крыльцо. Над последним была сооружена восьмигранная колокольня. Церковь имела три главы барабанами, окруженными кокошниками, колокольню с шатровым завершением. До нашего времени они не дошли.

Первый этаж подворья имеет большие полуциркульные окна. Все здание решено в характерных формах русского стиля, построенного на использовании приемов конца XVII века.

Здание, выходящее на Банковский переулок, декорировано более скромно. Часть его главного фасада имеет рустовку, окна второго этажа частично заглублены в ниши. Двенадцать больших окон первого этажа имеют полуциркульную форму, а часть — прямоугольную: это результат перестройки. Стены главного фасада венчает карниз с сухариками. Имеется арочный проезд во двор.

Во второй половине XIX века были построены гостиница и каменный корпус кладовых, замыкающих двор. Первоначально гостиница представляла собой

флигель «на погребах». Затем была надстроена до трех этажей. Фасады здания решены в стилистически нейтральных формах.

В прошлом Соловецкое подворье играло заметную градостроительную роль в застройке набережной Северной Двины.

ГААО. Ф. 878. Оп. 1. Д. 1 (1866 г.). Л. 339 об.;
РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 2241 (1866 г.). Л. 407;
Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1 (1797 г.). Л. 131

38. Государственный коммерческий банк (конец XVIII — XIX век) наб. Сев. Двины, 76/2

Каменное двухэтажное здание, расположенное на перекрестке набережной и Банковского переулка, построено в 1786 году купцом Я. К. Вагановым. Первый этаж был занят лавками, второй — жилыми помещениями. В начале XIX века дом купила контора Коммерческого банка.

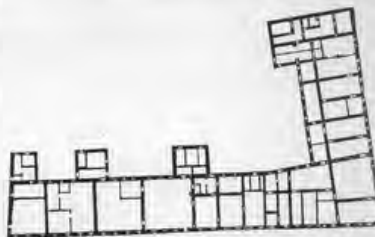
Главный, западный, фасад выходит на набережную. Угол, обращенный к перекрестку, скруглен. Сдержанные по своему декору фасады имеют единообразно классицистическое решение. Этажи разделены междуэтажным профилированным карнизом. Прямоугольные окна обоих этажей без наличников, лишь во втором этаже они украшены прямыми сандриками. Венчающий карниз, дробно профилированный и дополненный поясом сухариков, является единственным первоначальным элементом декора. Сохранились две входные двери — железные с накладными деталями.

Внутренняя планировка этажей различна. Основную часть западного крыла первого этажа занимают помещения, соединенные между собой широкими арочными проемами. Часть из них перекрыта коробовыми сводами. В здании расположены четыре лестницы, ведущие во второй этаж.

В интерьере сохранился ряд двустворчатых филенчатых дверей. На втором и антресольном этажах было несколько угловых печей со скошенным зеркалом, из них сохранилась одна.

ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 79 (1798 г.). Л. 8 об.; РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 20 (1803–1806). Л. 20; Ф. 218. Оп. 4. Д. 1990 (1849–1852);

Попова Л. Каменная книга города. Рассказы об Архангельске // Северный комсомолец. 1984. 3 июля

39. Комплекс Николо-Корельского подворья (первая половина XIX — начало XX века) наб. Сев. Двины, 75; Театральный пер., 5 и 7

Композиционный центр подворья — Никольская церковь (1904): одноэтажное кирпичное оштукатуренное здание в псевдорусском стиле. Построено в 1904 году. Главный фасад (со стороны Театрального переулка) имеет симметричную трехчастную композицию. Центр выделен ризалитом с тройным арочным окном и завершен фронтоном, который, в свою очередь, увенчан постаментом с главкой на глухом барабане. Центральная ось подчеркнута круглым окном. Узкие боковые части фасада имеют по углам лопатки и по одному окну той же арочной формы. Как центральные, так и боковые окна фланкируются трехчетвертными колонками с базами и капителями, характерными для архитектуры XVII века. Под окнами проходит прерываемый лопатками фриз из греческих крестов. Дробный венчающий карниз дополнен поясом сухариков. В центральном ризалите под карнизом расположен аркатурный пояс.

Интерьер церкви представляет собой единое молитвенное помещение, перекрытое коробовым сводом с распалубками над окнами. Пяты свода отмечены тянущим карнизом.

К церкви по набережной примыкает одноэтажное здание, построенное в 1844 году. Оно частично сохранило рустованные лопатки и развитый карниз под большими окнами. Это были каменные лавки, не потерявшие своего назначения и при подворье, которое отдавало их внаем архангельским торговцам.

Между банком и лавками в 1910 году был построен кирпичный двухэтажный корпус. Пилоны делят главный фасад на три части. В его декоре можно увидеть слабо выраженные черты модерна.

Никольская церковь

Двухэтажный дом

Двухэтажный корпус

Вдоль Театрального переулка почти вплотную к церкви в 1868 году принят двухэтажный кирпичный корпус (северо-восточный), главная особенность которого — мерно повторяющиеся широкие арочные проемы первого этажа. Первоначально это была открытая галерея, затем арки заложили и превратили в широкие окна. Над ними расположены сгруппированные по три прямоугольные окна второго этажа. Ныне идет реставрация.

Рядом по Театральному переулку в 1902 году построен двухэтажный кирпичный дом в стиле эклектики с использованием форм постклассицизма. Нижний рустованный, этаж использовали для торговых помещений, а верхний, выделенный окнами с сандриками, сдавали в аренду.

Здание кладовых, замыкающее прямоугольное в плане подворье, возведено 1881–1895 годах. Фасады его решены в стилистически нейтральных формах.

Комплекс разновременных построек играет важную градостроительную роль, занимая почти целый квартал по набережной Северной Двины.

ГЛАО. Ф. 51. Оп. 16. Д. 34 (1787 г.); Ф. 191. Оп. 4. Д. 210 (1910 г.); РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 23 (1910 г.);

Попова Л. О судьбе уникального подворья // Архангельск. 1991. 8 ноября

40. Городская усадьба Е. К. Плотниковой (конец XVIII — начало XX века) наб. Сев. Двины, 72/1, ул. Поморская, 3

Усадьба состоит из нескольких каменных зданий, построенных в разное время. Основной двухэтажный кирпичный оштукатуренный дом 1794–1812-х годов располагается вдоль набережной. Его облик, первоначально строго классицистический, к концу XIX — началу XX века претерпел значительные изменения. Протяженный объем со скругленными углами усложнен тремя дворовыми пристройками. Уличные фасады богато декорированы в духе эклектики, использовавшей мотивы классицизма.

Внутренняя планировка этажей различна. В первом этаже обособленные помещения лавок, перекрытые коробовыми сводами, имеют выходы в широкий коридор, идущий вдоль главного фасада. Планировка второго этажа сочетает анфиладный и коридорный принципы. Это одно из немногих зданий Архангельска, в интерьере которого сохранились многие элементы убранства рубежа XIX–XX веков: изразцовые печи, филантовые двери, лепные розетки и карнизы, в которых использованы мотивы барокко и классицизма.

Со стороны Театрального переулка к этому двору пристроено каменное двухэтажное здание. В дворе последнего в 1909 году возведена одноэтажная электростанция, которая в 1914 году полностью была приспособлена под кинематограф. В 1925 году здесь открылся кинотеатр «Север».

Хорошо сохранил свой эклектичный облик кирпичный неоштукатуренный дом по Поморской улице, 3. В конце XIX века он был одноэтажным корпусом лавок. Затем, очевидно, в самом начале XX века, Плотникова надстраивает второй этаж и отдает его внаем архангельским торговцам.

Симметричная композиция главного фасада, использующая классицистические приемы, состоит из пяти трехосевых секций двух типов. Две из них выделены ризалитами небольшого выноса. Нижний этаж имеет квадратный руст. Окна верхнего этажа завершаются лучковыми сандриками. Над карнизом ризалитов устроены парящие стены. Каждая секция имеет вход в виде крыльца с металлическим зонтом.

Внутренняя планировка этажей одинакова. В центре выделяется помещение, соответствующее центральной секции главного фасада. Боковые крылья отделены от него поперечными капитальными стенами. От убранства интерьеров сохранились филантовые с застеклением двери, тнжнутые карнизы.

ГЛАО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 56 (XIX века). Л. 1–7; Ф. 75. Оп. 1. Д. 3087 (1909 г.). Л. 1–3; Попова Л. Каменная книга города // Северный комсомолец. 1984. 19 июня

41. Место Рождественской церкви (1712–1729)
(на перекрестке Театрального пер. и Троицкого пр.)

42. Городская усадьба А. В. Ананьина (середина XIX — начало XX века)
Банковский пер., 3

Усадьба занимает прямоугольный, вытянутый вглубь квартала участок; южный фасад дома выходит на красную линию Банковского переулка. Все постройки располагаются по периметру участка.

Двухэтажное кирпичное оштукатуренное здание с мезонином состоит из двух частей. Первая, построенная в стиле позднегo классицизма, имеет в плане прямоугольную форму. Вторая, несколько смещенная к западу, решена в стилистически нейтральных формах.

Главный фасад первой части дома довольно наряден. Венчающий карниз с белокаменной плитой поддерживают модульоны, между ними на плите и во фризe располагаются розетки. Более широкие окна первого этажа имеют металлические ставни.

Внутренняя планировка коридорного типа, почти одинаковая на обоих этажах. Помещения нижнего этажа перекрыты коробовыми с распалубками сводами. В интерьере сохранились голландские печи и несколько филенчатых дверей.

Хозяйственный комплекс состоит из четырех примыкающих друг к другу зданий. С запада находятся двухэтажный жилой флигель и примыкающая к нему постройка хозяйственного назначения. С севера — службы, с востока — одноэтажный корпус.

Все здания кирпичные, покрыты двускатными крышами. Стены с внешней стороны глухие. Продольная ось комплекса со стороны двора подчеркнута симметричной композицией торцевой стены с фронтоном в середине. Здания построены в формах эклектики.

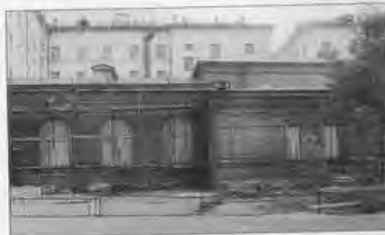
ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 2149 (1884 г.). Л. 1–8

43. Русский банк (1900–1902)
ул. К. Либкнехта, 4а

Одноэтажное кирпичное здание, построенное по проекту инженера Э. Гензеля в стиле эклектики с использованием мотивов классицизма. К нашему времени утрачена основная часть, обращенная к ул. К. Либкнехта. На ее месте построен пятиэтажный дом, в результате чего сохранившаяся часть банка кажется пристроенной к нему со стороны двора.

ГААО. Ф. 50. Оп. 96. Д. 544 (1900–1912). Л. 1; Ф. 75. Оп. 1. Д. 3443 (1900–1907). Л. 1–3

44. Комплекс Городского училища и Благородного собрания
(вторая половина XVIII века; 1906 и 1936)
наб. Сев. Двины, 82/2

Архитектурный комплекс состоит из двух зданий общественного назначения. Первое (с мезонином) датируется второй половиной XVIII века. В прошлом это здание Присутственных мест. Затем в нем находилась телеграфная станция. В 1876 году сюда переместилось Городское училище.

Соседнее здание бывшего Благородного собрания построено в 1901–1906-х годах. Первоначально оно было двухэтажным, третий этаж достроен в 1936 году.

Комплекс находится на пересечении набережной и ул. Энгельса. Главные фасады обращены к набережной, к памятнику Петру I. Расположенные на Пур-Наволоке, рядом с Гостиным двором, они являются важным элементом, формирующим облик исторического центра города.

Двухэтажный, прямоугольный в плане дом училища построен в стиле классицизма. Стены двухэтажной каменные, а мезонина — деревянные. Все здание оштукатурено. Середина уличного и дворового фасадов подчеркнута ризалитами, которым соответствует двухсторонний мезонин под двускатной крышей. Здание опоясывает подоконный карниз второго этажа и многопрофильный двухчастный венчающий карниз. Окна ризалита на главном фасаде заключены в неглубокие арочные ниши, имеют рамочные наличники с треугольными сандриками.

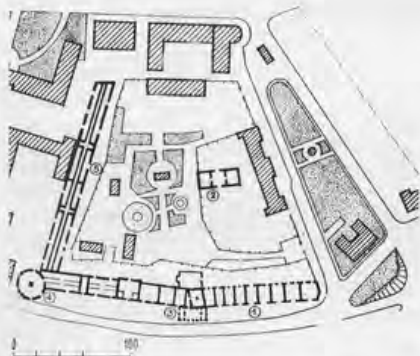
План старой части симметричен. Поперечные капитальные стены соответствуют мезонину. Продольный коридор связывает этот дом с пристройкой.

Угол ныне трехэтажного кирпичного здания, обращенный к перекрестку, скошен и завершен невысоким аттиком. Фасады здания переделаны с использованием мотивов классицизма. Первый рустованный этаж отделен от верхних междуэтажным карнизом, к которому наклонно примыкают замковые камни оконных проемов. Планировка коридорного типа. Интерьер не сохранился.

ГААО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 137 (1876 г.). Л. 1–7; Ф. 61. Оп. 2. Д. 27 (1913 г.). Л. 1;
РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 288 (1800 г.). Л. 1

45. Место Воскресенской церкви (1699–1715) (Воскресенская ул., в сквере напротив здания УВД)

46. Комплекс Русского гостиного двора (1668–1684; конец XVIII века) наб. Сев. Двины, 85 и 86; ул. Воскресенская, За

Экспликация: 1. Западный корпус Русского двора. XVIII век. 2. Шофы. 1791. 3. Башня и биржа. 1789. 4. Северо-западная башня. 5. Здание соляных и винных складов. 1792

Комплекс Гостиного двора — торгово-административный и градостроительный центр Архангельска — занимает большую территорию на набережной Северной Двины. Вдоль реки вытянулся двухэтажный кирпичный корпус собственно Гостиного двора, южное крыло которого было построено в 1668–1684 годы. В 1780–1790-х годах все здание подверглось значительной перестройке. В 1789 году к центральной части пристроена биржа. В этом же году построена северная башня. С восточной стороны пристроен корпус соляных и винных складов, а во дворе выстроена важня.

Композиционным центром речного фасада является биржа. Фасады ее решены в стиле зрелого классицизма. Арочные проемы (заложены в XIX веке) фланкируются спаренными тосканскими полуколоннами. Базы колонн и частично фусты их выполнены из белого камня. За биржей возвышается восьмигранный ярус башни с полуциркульным архивольтом на широкой грани и с круглыми окнами на узких диагональных гранях. Нижний этаж собственно Гостиного двора обработан квадратным рустом. Окна второго этажа обрамлены профилированными наличниками. Этажи на всем протяжении разделены междуэтажной тягой. Стены венчает карниз. В центре южного крыла — проездная арка с сохранившимися от XVII века лопатками из квадратных ширинков. Над аркой возвышается ступенчатый аттик. Юго-западный угол скруглен. Северное крыло имеет на углу мощную многогранную башню, фасады которой расчленены карнизами на три яруса. Первый прорезан арочными окнами с наличниками, второй опоясан ложными машикулями с поясом поребрика над ними, третий в каждой второй грани имеет прямоугольные окна. Завершается башня впусченной кровлей.

Биржа

Важня

Протяженные фасады винных и соляных складов декорированы скупо. Проемы с лучковыми и прямыми перемычками заключены в ниши прямоугольной и арочной формы. Венчающий карниз образован двухступенчатым непрофилированным кирпичным поясом.

Внутренняя планировка коридорного типа. Все помещения перекрыты коробовыми сводами. Частично сохранился кирпичный пол в елочку.

Важня — одноэтажное кирпичное, оштукатуренное здание в стиле зрелого классицизма — расположена во дворе Гостиного двора, в юго-восточной его части. Центральное ядро здания на восточном фасаде выделено небольшим ризалитом. Оно фланкируется галереями, в прошлом открытыми, украшенными массивными клинчатыми замками. Галерей после закладки превратились в ниши с прямоугольными окнами в них. Венчает стены скромный профилированный карниз. Внутренняя планировка важни состоит из поперечного коридора, сообщающегося с большим помещением в восточной части здания. Из него два проема открываются в две небольшие комнаты в западной части.

В 1930-х годах снесен корпус, шедший вдоль нынешней ул. Энгельса.

В 1980-х годах разработан проект реставрации Гостиного двора (автор — московский архитектор А. А. Александров).

ГАО. Ф. 51. Оп. 16. Д. 29 (1789–1790). Л. 21; Ф. 75. Оп. 1. Д. 3231 (1910–1912). Д. 3466 (6/8); РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1 (1797 г.);

Гемп К. П., Кибирев М. Архангельский гостиниц двор // Архитектурное наследство. 1958. № 10;

Овсянников О. В., Фирсова Л. Д. Архангельские гостиницы дворы // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 108–124

Соляной и винный склады

47. Жилой дом наследников В. Черепанова (1914) пр. Ломоносова, 167

Деревянный двухэтажный дом стоит по красной линии проспекта. Он построен В. А. Черепановой, учредившей в 1910 году товарищество «В. Черепанова и наследники». Над входным проемом нависает мощный эркер с аттиком. Юго-восточный угол отмечен крупным слуховым окном под двускатной крышей. Стены горизонтально обшиты тесом, а цоколь — вертикально. Стены венчает карниз сильного выноса. На главном фасаде боковые оси выделены широкими окнами с криволинейным обрамлением. Входные двери имеют характерный для модерна пластичный декор. В архитектуре дома использованы приемы эклектики и модерна.

Этажи изолированы друг от друга, их планировка одинакова. От убранства интерьеров сохранились голландские и русские печи, тянутые карнизы, лепные розетки, филежные двери.

ГАО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1222 (1910–1914). Л. 3–3 об.;
Ф. 188. Оп. 2. Д. 332 (1918–1920). Л. 267

48. Жилой дом С. В. Овчинникова (1911) ул. Воскресенская, 37

Деревянный двухэтажный дом построен его владельцем — инженером С. В. Овчинниковым. Главным фасадом дом выходит на красную линию улицы. Над входным проемом нависает эркер в два яруса со скошенными углами, завершенный шпилем и четырехгранной башенкой, гребень которой украшает кованая ажурная решетка. Стены обшиты горизонтальным тесом, междуэтажный пояс и цоколь — вертикальным. В решении фасада играют большую роль разной ширины окна с мелкой растровкой, а также чердачные окна в форме шпилей. Архитектура дома в стиле модернизма имеет слабо выраженные черты модерна.

Планировка этажей одинакова. Комнаты группируются вдоль коридора. Из убранства интерьеров сохранились голландские печи, тянутые карнизы, лепные розетки.

ГАО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 2248 (1911 г.). Л. 1

49. Жилой дом М. З. Ишмемятова (1913)
ул. Свободы, 55

Двухэтажный деревянный дом главным фасадом обращен на улицу. Его прямоугольный план усложнен с запада пристройкой и с восточной стороны лестничной клеткой. Дом имеет редко встречающийся аттик со слуховым окном, резные кронштейны крыльца. Фасады обшиты горизонтальным тесом. Крыльцо перекрыто волнистой кровлей. Венчающий карниз имеет сильный вынос. Планировка квартирная.

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 2404 (1914 г.). Л. 1-3; Ф. 50. Оп. 97. Д. 2406 (1913 г.)

50. Жилой дом Г. Ф. Корельского (1907)
пр. Новгородский, 136

Деревянный одноэтажный дом с поперечным мезонином. Западным фасадом обращен к проспекту. Фасады стилистически ориентированы на традиции классицизма. Композиция здания симметрична относительно продольной оси: типологически это редкий образец деревянного дома в Архангельске. Прямоугольный объем перекрыт вальмовой кровлей. Декор крайне скромный. Внутренняя планировка квартирная.

ГААО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 657 (1907 г.). Л. 2-6

51. Жилой дом И. В. Прокопьева (1912)
пр. Сов. Космонавтов, 100

Деревянный двухэтажный дом главным фасадом выходит на проспект и замыкает собой улицу Свободы. Эта его функция подчеркнута двумя сквозными мезонинами по углам дома, между которыми проходит аттик с двумя слуховыми окнами. Дом стоит на подклете, имеющем вертикальную обшивку. Прямоугольный объем с боковых сторон усложнен лестничными пристройками. В стилистическом отношении использованы приемы эклектики.

Планировка дома квартирная. Из убранства интерьеров сохранились тянутые карнизы и лепные розетки.

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 1151 (1912 г.). Л. 1-3

52. Жилой дом Ф. А. Брагина (начало XX века)
пр. Сов. Космонавтов, 109

Деревянный двухэтажный дом построен для сдачи внаем. Северо-восточный угол отмечен эркером с башенкой, а юго-восточный — треугольным фронтоном, в тимпане которого круглое окно. Стены горизонтально обшиты тесом. Эркер поддерживается резными колонками. В облике дома сочетаются некоторые приемы эклектики и модерна.

Планировка дома поквартирная. В интерьере сохранились голландские печи, тянутые карнизы, лепные розетки.

Попова Л. Проспект Чумбарова-Лучинского // Морзяк Севера. 1986. 3 декабря

53. Флигель городской усадьбы (начало XX века)

Новгородский пр., 151а

Деревянный одноэтажный дом расположен в глубине участка, восточным фасадом ориентирован на проспект. Северо-западная часть дома понижена и перекрыта пологой односкатной кровлей. Более высокая часть, Г-образная в плане, перекрыта вальмовой крышей с треугольным фронтоном на западной стороне. Стены имеют старую широкую обшивку с профилировкой. Стены венчает карниз с декоративными кронштейнами. Окна обрамлены наличниками с накладными деталями, нетипичными для северной архитектуры.

54. Жилой дом С. П. Корельского (1901)

ул. К. Маркса, 35

Одноэтажный деревянный дом главным фасадом выходит на улицу. Центральная ось пятиоконного главного фасада подчеркнута светелкой с балконом, нависающим над тротуаром, что встречается лишь в северной части города, на территории бывшей Немецкой слободы. Точеные деревянные столбики, поддерживающие скаты кровли балкона, соединены арочными перемычками. Стены обшиты тесом, углы обработаны накладными лопатками, карнизом венчающим и подоконным поясом. В стилистическом отношении дом ориентирован на традиции позднего классицизма.

Внутренняя планировка поквартирная. Короткий Г-образный коридор связывает жилые комнаты и кухню. В комнатах сохранились угловые голландские печи, филеячатые двери, в том числе с остеклением, тянутые карнизы, лепные розетки.

ГААО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 2464 (1901 г.)

55. Кирха св. Екатерины (1768)

ул. К. Маркса, 3

Однонефный каменный храм. Алтарное помещение и западное крыльцо построены в начале XX века, когда кирху восстанавливали после пожара.

Здание несколько отстоит от красной линии современной улицы, к которой оно обращено южным фасадом. Фасады кирхи неоднократно перестраивались и ныне могут быть охарактеризованы как эклектичные с использованием элементов барокко. Протяженные фасады расчленены пилястрами. В каждом ярусе высокое арочное окно, обрамленное рамочным наличником. Оси проемов подчеркнуты круглыми (в прошлом многогранными) медальонами. Центр южного фасада с порталом выделен шипцом и ступенчатым фризом (современная реконструкция). Углы ярусов колокольни раскрепованы, венчающие карнизы имеют дробную профилировку. Нижний ярус украшает окно в форме квадрифолия. Высокое арочное окно второго яруса имеет наличник с килевидным завершением и капителями боковых стоек.

Внутреннее пространство кирхи перекрыто коробовым сводом с пятью лотками в восточной части. В настоящее время проведена реставрационная реконструкция (в частности, воссоздано завершение колокольни, южный портал с шипцом), а интерьер приспособлен для концертного зала.

ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 56 (1868 г.); Ф. 50. Оп. 97. Д. 2420 (1909 г.). Л. 1-11; Ф. 75. Оп. 1. Д. 3099 (1908 г.). Л. 1-7;

Попова Л. Каменная архитектура Архангельска. Архангельск, 1985.
Попова Л. Архитектурные памятники Немецкой слободы XVIII–XX веков в Архангельске // Исторические связи Русского Севера и Норвегии. Архангельск, 1989. С. 165–166

56. Торговый дом К. Спаде (середина XIX века; 1916 и 1989)

ул. К. Маркса, 6

В 1989 году полностью разобран, а затем воссоздан в реконструированных формах начала XX века.

Жилой дом

Флигель

57. Городская усадьба Р. Вайтеда (середина XIX века)
ул. Попова, 2

Городская усадьба первоначально принадлежала английскому консулу Р. Вайтеду. В 1869 году по чертежам инженера В. Васильева было выполнено переустройство жилого дома для Почтовой канторы. После капитального ремонта 1907–1911 годов сюда вселилась канцелярия почтово-телеграфного округа, а флигель был занят телеграфной станцией.

Усадьба своим главным фасадом выходит на набережную. Сохранились два двухэтажных кирпичных дома: главный дом — на углу квартала и флигель в глубине двора. Оба здания имеют лаконичный декор, выполненный в традициях позднего классицизма.

Г-образный план жилого дома усложнен на южном фасаде выступом. Симметричность главного фасада подчеркнута небольшим ризалитом. Лаконичное убранство фасадов включает в себя окна со скромными рамочными наличниками и сандриками, тонкий карниз под окнами второго этажа и венчающий карниз сильного выноса. В центре фасада — вход, выделенный слегка выступающим порталом под плоским шпилем.

Внутренняя планировка этажей одинакова: Г-образный коридор связывает вход, расположенные в разных частях здания. От убранства интерьеров частично сохранились тннутые карнизы, голландская кафельная печь.

Квадратный в плане флигель крыт четырехскатной крышей, которая прорезана крупными слуховыми окнами. Он имеет лаконично обработанные оштукатуренные стены, опоясанные междуэтажным карнизом (на южном и восточном фасадах утрачен). Фасады, обращенные к улице, симметричны. Северный (в пять оконных осей) имеет в центре вход. Первый этаж рустован. Во втором этаже рустованы углы и центральные простенки. Под венчающим карнизом проходит пояс из чередующихся лепных розеток и филеон. Вход прикрывает металлический навес на изящных кронштейнах в стиле модерн.

Планировка этажей одинакова. Помещения располагаются по сторонам широкого коридора-вестибюля, в котором находится лестница, ведущая на второй этаж и на чердак.

ГААО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 454 (1908–1909). Л. 287–306;
РГИА. Ф. 1293. Оп. 73. Д. 128 (1869 г.). Д. 1

58. Жилой дом А. Ю. Суркова (1851; начало XX века)
ул. Попова, 1

Одноэтажный деревянный дом с подвальным этажом. Стоял на углу набережной и ул. Попова. По центру обоих фасадов располагались эркеры на гнутых кронштейнах. Карниз сильного выноса с кронштейнами, наличники из резных частей, широкое окно эркера, балкончики по его сторонам с металлическими навесами на главном фасаде выделяли этот дом из всей застройки этой части набережной. Ярво выраженный эклектичный характер декора относится к концу XIX века — времени ремонта дома. Разобран в 1991 году. Воссоздан в реконструированном виде.

59. Комплекс пивоваренного завода (конец XIX — начало XX века)
ул. Попова, 3 и 5

Пивоваренный завод, построенный в 1883–1913-х годах, является единственным промышленным комплексом бывшей Немецкой слободы, сохранившим свое первоначальное назначение. Он состоит из трех каменных зданий: двух корпусов собственно пивзавода и корпуса безалкогольного цеха, принадлежавших купцу А. Ю. Суркову. В 1899 году к главному зданию пристроены два других, один с ветряным двигателем, по проекту инженера И. Никитина. В 1908 году построен второй корпус завода, в 1913 году — безалкогольный цех.

Завод в плане образует почти замкнутый прямоугольник. На улицу выходят главные фасады пивзавода. Безалкогольный цех находится во дворе.

Первый корпус представляет собой сооружение, состоящее из нескольких пристроенных друг к другу зданий, выполненных в стиле эклектики (кирпичный

стиль»). Уличный фасад расчленен пилястрами, поддерживающими простой ступенчатый карниз. Кирпичная труба на юго-западном башнеобразном объеме решена в виде башенки с флюгером. На уровне третьего этажа это здание соединено переходом с варочным цехом. Окна имеют лучковые перемычки и наличники простой формы.

Фасады варочного цеха решены в стиле модерн. При его строительстве применялся не только кирпич, но и железобетон. Так, уличный входной проем имеет железобетонную перемычку, которую поддерживают железобетонные пилястры с типичными для модерна рисунком капителей. Главный фасад венчает массивный кирпичный аттик.

Третий корпус, расположенный во дворе, имеет черты рационального модерна. Частично сохранился декоративный пояс, идущий между первым и вторым этажами, кованые металлические детали. Первоначальные интерьеры утрачены.

Г. ААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 2506 (6/в). Л. 1; Ф. 75. Оп. 2. Д. 380 (1912 г.)

60. Место Успенской церкви (1742–1744) (на набережной, угол ул. Логинова)

61. Жилой дом Н. О. Шарвина (середина XIX века; 1911) ул. Логинова, 9/91

Одноэтажный деревянный дом построен Ч. Ренни. Убранство фасадов выполнено в 1911 году по заказу нового владельца Н. О. Шарвина.

Здание стоит на перекрестке улицы и Троицкого проспекта. Его уличные фасады выполнены в стиле модерн. Протяженный фасад выделен двумя эркерами, завершенными многогранными кровлями. В накладном декоре использованы некоторые мотивы готического орнамента. Стены венчает фриз с декоративными кронштейнами.

Помещения располагаются по сторонам широкого коридора-вестибюля. Из убранства интерьеров сохранились тянутые карнизы, лепные розетки.

Г. ААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 3 (1911 г.). Л. 1–3

62. Место Александровского сада (1820) (квартал между Троицким пр. и ул. Ванеева, пр. Ломоносова, ул. Логинова)

63. Торгово-мореходное училище (начало XIX века) наб. Сев. Двины, 109

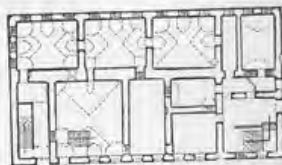
Каменный двухэтажный с полуподвальным этажом дом принадлежал купцу де Фонтейнесу. В 1899 году в нем разместилось торгово-мореходное училище.

Главный, западный, фасад обращен к реке. После приспособления здания под училище его фасады были переделаны в духе позднего классицизма. До ремонта окна верхнего этажа главного фасада имели наличники в барочных традициях, в центре находился балкон с чугунными перилами. Ныне заложены и оконные проемы подвального этажа, который весь обработан квадратным рустом. В первом этаже окна имеют штукатурные профилированные наличники и прямые сандрики на кронштейнах. Окна второго этажа заключены в прямоугольные ниши.

Сохранилась первоначальная планировка. В подвале имеется одноэтажное сводчатое помещение. По первому этажу вдоль главного фасада протянулась анфилада комнат, перекрытых лотковыми сводами. Над окнами и дверными проемами в сводах имеются распалубки со «шеками». Каменная парадная лестница украшена чугунными балясинами. В интерьерах сохранились филенчатые двери, тянутые карнизы.

Г. ААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 81 (1864 г.). Л. 1; Ф. 14. Оп. 1. Д. 43 (1835 г.). Л. 1;
РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 7 (1854 г.). Л. 1;

Попова Л. Каменная книга города // Северный комсомолец. 1984, 30 июня

64. Сахарный завод — Техническое училище (1826 и 1893)
наб. Сев. Двины, 112/1

Кирпичное оштукатуренное четырехэтажное здание построено купцом В. Брантом для сахарного завода. В 1893 году оно переоборудовано в Техническое училище. Ныне это один из лучших памятников провинциального классицизма в Архангельске.

Здание расположено на перекрестке улицы Ванеева и набережной. Построено в стиле зрелого классицизма. Имеет редкую объемно-пространственную композицию в виде замкнутого каре. Почти все пространство главного фасада занято сильно выступающим ризалитом, монолитным в первом этаже и с четырьмя колонным портиком дорического ордера, объединяющим второй и третий этажи. Центральная часть ризалита украшена колоннами. Боковые части ризалита выделены парными пилястрами. Ризалит завершен треугольным фронтоном, тимпане которого помещено круглое окно.

Планировка этажей одинакова. Угловые части здания заняты лестничными клетками. С запада они имеют вытянутую форму с полукруглым очертанием со стороны главного фасада и перекрыты сводами Монье с конхой. Пространство между западными лестницами занимает обширный зал. От него в обе стороны начинается замкнутая анфилада помещений с круговым обходом.

ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2066 (1893 г.). Л. 1; Ф. 46. Оп. 1. Д. 581 (1914 г.); Ф. 75. Оп. 1. Д. 2253 (1805–1897). Л. 2–21;
Немирович-Данченко В. И. Из путевых заметок // Нива. 1874. № 19. С. 297;
Попова Л. Каменная книга города // Северный комсомолец. 1984. 3 июля

65. Место костела (1896)
(угол ул. Гайдара и Троицкого пр.)

66. Полицейская часть (первая половина XIX века)
пр. Ломоносова, 249

Двухэтажное кирпичное здание построено в первой половине XIX века. 1851 году было приобретено для полицейской части, после чего реконструировано. Затем построена пожарная вышка по проекту архитектора Г. Иванова.

Здание прямоугольное в плане. На первом этаже сохранился руст. Декор относится к 1960-м годам. Планировка этажей одинаковая. По обе стороны коридора расположены комнаты. В центральной части коридора — лестница.

Образец городского дома, сохранившего планировочную основу первой половины XIX века.

ГААО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 859 (1861 г.). Л. 24; Ф. 50. Оп. 97. Д. 723 (XIX век)

67. Церковь Всехсвятская (1840–1843)
Кузнечевское (старое) кладбище

Кирпичный одноэтажный храм выстроен в формах позднего классицизма. Его продольная композиция складывается из прямоугольных в плане четверика — главного моленного помещения, завершенного куполом на низком барабане, чуть более узких абсиды и притвора — трапезной. К ней примыкает колокольня, почти равная по ширине храмовой части, с невысоким ярусом звона. Основной объем завершен аттиком, восточный фасад абсиды — треугольным фронтоном. Западный фасад церкви закрыт двухэтажной пристройкой советского времени, подведенной под общую двускатную крышу. Симметричную композицию нарушает поздняя пристройка под односкатной крышей. Купол церкви завершен небольшою деревянной главкой. Такой же формы, но более круглая главка колокольни увенчана шпилем.

Карниз собственно храма опирается на широкие отгибающие углы лопатки (абсиды — пилястры). Все оконные проемы — арочные с рамочными наличниками. Горизонтальные членения дополнены подоконным карнизом, а на стенах абсиды и притвора — карнизом на уровне пяти оконных арок. Аттиковый ярус основного четверика декорирован длинной нишей.

Барабан купола через паруса опирается на подлужные арки, сходящиеся углах к мощным пилястрам. Притвор перекрыт крестовым сводом. Помещение по

колокольной, имеющее лучковый свод, связано с овальными в плане подсобными боковыми помещениями.

Иконостас трехъярусный, выполнен в XX веке. В третьем ярусе иконы с трехлопастными фигурными и с килевидными завершениями. Царские врата двустворчатые (XVIII века), имеют сквозную рельефную резьбу.

ГААО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 125 (1840 г.). Л. 1;
Краткое историческое описание... С. 97

68. Кузнецовская богадельня (1905–1906)

ул. Суворова, 356

Здание богадельни с домовою церковью построено архитектором Г. К. Ивановым на средства купца А. Бульчева. Двухэтажное кирпичное, на белокаменном цоколе, оно решено в формах эклектики с использованием элементов «русского стиля». В плане Г-образное, обращено к пр. Обводный канал.

Симметричный главный фасад имеет повышенные центральные и боковые ризалиты. Первый завершен вальмовой кровлей. Двусветный объем церкви перекрыт восьмигранным куполом. Абсида низкая, пятигранная. Колокольня, возвышающаяся над крышей основного объема, имеет три яруса: четверик, а также низкий и высокий восьмерик.

Черты «русского стиля» более выражены в церкви, фасады которой перегружены декором. Они разделены широкими лопатками с ширинками в первом ярусе и во втором филёнками на три прясла. Арочные окна второго света — тройные. Широкий венчающий карниз основного объема, абсиды и четверика колокольни дополнен поребриком.

Внутренняя планировка этажей одинаковая. Длинный коридор по центру главного крыла соединен со входом в церковь и помещениями по обеим сторонам. В дворе крыле световой коридор доходит лишь до выступающего объема. В церкви сохранилась резная дверь с псевдо-готическим декором.

ГААО. Ф. 75. Оп. 2. Д. 324 (1905 г.). Л. 1–35; Ф. 50. Оп. 97. Д. 2936 (1906 г.). Л. 2; Ф. 29. Оп. 31. Д. 2376 (6/д);

Попова Л. Построил купец богадельню // Архангельск. 1992. 26 мая

69. Казармы Гарнизонного батальона (1855–1861)

ул. Суворова, 17

Трехэтажное кирпичное с подвальным помещением здание имеет сильно вытянутый прямоугольный план, усложненный со двора выступами лестничных клеток. Оштукатуренные фасады его симметричны, решены в упрощенных формах позднего классицизма. Главный фасад выделен боковыми ризалитами, завершенными аттиками, а плоскости стен разбиты ложными арочными нишами. Все фасады расчленены лопатками. Междуэтажный и венчающий карнизы здания простого профиля.

Планировка всех этажей — коридорная. Этажи соединены лестницами в центре западной и восточной частей. Подвальный и первый этажи перекрыты низкими цилиндрическими сводами. Здание сохранилось без существенных переделок.

ГААО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 821 (1856 г.). Л. 2; Ф. 14. Оп. 2. Д. 1231 (1859 г.). Л. 1;
РГИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1192 (1855–1861)

70. Трамвайная подстанция (1914)

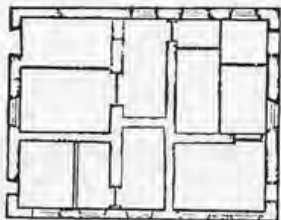
ул. Суворова, 13

Главный западный фасад здания выходит на ул. Суворова, южный — на пр. Ломоносова. Подстанция состоит из двух частей: одноэтажной — северной и двухэтажной — южной. Последняя имеет трапезиевидный план и перекрыта высокой вальмовой кровлей.

Обе части на разных уровнях опоясаны лентами. Стены завершены простым карнизом. Живописность зданию придают окна разных пропорций и размеров с лучковыми перемычками слабого подъема. Арочный дверной проем имеет характерное для модерна лепестковое остекление.

К постройке трамвая в Архангельске // Архангельск. 1914. № 132, 134

**71. Комплекс зданий больницы Приказа Общественного Призрения
(вторая половина XIX — начало XX века)**

ул. Суворова, 3 и 5

Комплекс зданий больницы состоит из двух каменных двухэтажных зданий — хирургического корпуса с одноэтажными деревянными крыльями и прачечной. Вдоль улицы Суворова вытянулся двухэтажный корпус прачечной. В стилистическом отношении — это эклектика, использующая приемы классицизма. Фасады симметричны. Главный фасад имеет вертикальные акценты в виде пилястр поддерживающих развитый междуэтажный карниз. Благодаря ленточному русту первый этаж решен как цокольный. Второй этаж декорирован значительно скромнее: простые лопатки и ряд подоконных ниш.

На первый этаж ведут два боковых входа; на второй этаж — лестница пристроенном сзади крыльце. Основу планировки составляет коридор в центре здания. Первоначальный интерьер не сохранился.

Корпус хирургического отделения расположен на углу улиц. Архитектура этого кирпичного оштукатуренного здания имеет слабо выраженные черты модерна. Крыто оно высокой кровлей с переломом. На фасадах выделен цоколь. Этажи разделены поясом и тянутым карнизом. Большие окна первого этажа, выходящие на угол улиц, создают градостроительный акцент. Эркер с большим окном над дверью усиливает асимметричность композиции уличных фасадов.

Планировка этажей одинаковая. Комнаты группируются по сторонам — на улицу, коридор — в сторону двора. С первого этажа на второй ведет каменная лестница. От прежнего убранства интерьеров сохранились голландские печи и филенчатые двери. Фасады двух деревянных корпусов равномерно разделены прямоугольными окнами. Декоративными элементами являются обшивка положенная в разных направлениях, и кронштейны.

ГААО. Ф. 530. Оп. 2. Д. 597 (6/0.). Л. 1; Ф. 75. Оп. 1. Д. 2941 (1906 г.). Л. 2

72. Ольгинская гимназия (1914)

наб. Сев. Двины, 123

План и смета на постройку были составлены в 1910 году инженером Л. Шишко. Трехэтажное кирпичное здание на низком школе обращено к набережной северо-западным фасадом. Построено в формах эклектики («кирпичный стиль»). Прямоугольное в плане здание имеет выступ со двора. На главном фасаде выступают боковые ризалиты, фланги которых увенчаны шпильчатыми завершениями с аттиками. Центральная часть фасада выделена парадным арочным входом со своим аттиком. Эти три декоративных акцента придают зданию необычный облик. Стены венчает изящный карниз с сухариками. Декоративный карниз проходит между первым и вторым этажами. Окна завершены лучковыми перемычками с замковыми камнями.

Планировка всех этажей одинакова — коридорная, с расположенными в центре вестибюлем и парадной лестницей. Симметрию нарушает боковая лестница. Потолки имеют тянутые карнизы.

ГААО. Ф. 46. Оп. 3. Д. 138 (1912 г.). Л. 15; Ф. 46. Оп. 3. Д. 163 (1916 г.). Л. 2; Архангельск (газета) 1914, № 71, 145

**73. Комплекс зданий казенных винных складов
(конец XIX — начало XX века)**

наб. Сев. Двины, 120; Троицкий пр., 135

Комплекс, занимающий территорию между Троицким проспектом и набережной, улицами Суворова и Шубина, состоит из 10 больших и малых зданий. Закладка их была произведена в 1899 году. Строительство началось с устройства пристани на берегу реки. В 1901 году был возведен главный корпус с проходными. К 1905 году закончены остальные корпуса: спиртохранилище, жилое помещение, превращенное в воскресную школу для рабочих, лаборатория склада и складские помещения. Этот значительный промышленный комплекс, стилистически близкий к Ольгинской гимназии, создал вместе с нею укрупненный масштаб застройки северной части набережной.

Все здания построены в формах эклектики («кирпичный стиль»). Основную часть комплекса составляет главный корпус ликеро-водочного завода. Его фасад,

выходящий на набережную, отличается богатством декора. С двух сторон к нему примыкают два кирпичных здания: слесарня и проходная. Во дворе располагаются склады. С южной стороны находится спиртохранилище, за ним еще два кирпичных корпуса. Два последних расположены по красной линии Троицкого проспекта. Двухэтажное кирпичное здание с подвалом, как и главный корпус, покрыто сплошным ковром декоративной кладки, характерной для эклектики.

АГВ. 1899. № 19; 95; 1902. № 76; Усков В. С. 14.

74. Жилой дом Карцева (начало XIX века)

наб. Сев. Двины, 121

В 1899 году наследники полковника Карцева продали дом для размещения в нем детского приюта.

Здание построено в стиле классицизма и отличается скромным декором. Все окна прямоугольной формы равномерно расположены друг над другом, на втором этаже обрамлены простыми наличниками. Более высокие окна второго этажа соответствовали основным жилым помещениям дома. По стенам между этажами идут два пояса; стены венчает многопрофильный карниз, что подчеркивает протяженность главного фасада вдоль набережной. Какие-либо акценты на фасаде отсутствуют.

Потажная планировка одинакова: Г-образный коридор, по обе стороны которого расположены комнаты. Сохранились голландские печи и тянутые карнизы.

75. Троицкая церковь (1745)

ул. Комсомольская, 1

Церковь расположена недалеко от берега Северной Двины. Она играет важную роль единственной теперь архитектурной доминанты в панораме северной части города и фиксирует его дорегулярную планировку.

Двухэтажное кирпичное здание выстроено с использованием приемов «московского барокко». Других подобных построек в Архангельске не сохранилось. Его продольно осевая трехчастная композиция складывается из двусветного четверика храма, трапезной, соединенной с ней папертью, и колокольни.

Наружное убранство церкви носит сравнительно сдержанный характер. Продольные фасады разделены междуэтажным карнизом на два яруса. По вертикали они членятся каннелированными пилястрами. Прямоугольные окна обрамлены богато профилированными наличниками. По осям проемов вверх размещались овалы, позднее заложённые (сохранились частично). Дробно профилированный карниз раскрепован в местах соединения с пилястрами, украшен своеобразным поребриком.

Колокольня представляет собой тип восьмерика на четверике. Последний, как и восьмерик, по углам имеет пилястры. Их базы выделены ширинками. Венчающий карниз аналогичен церковному.

Планировка этажей различна. Нижний этаж перекрыт лотковым сводом, который поддерживается двумя столбами. Три восточных проема соединяют храм с абсидой, перекрытой коробовым сводом с конхой, а в западной стене аналогичные проемы соединяют храм с одностолпной трапезной, перекрытой полулотковым сводом. Паперть перекрыта коробовым сводом. Из внутреннего убранства ничего не сохранилось.

ГААО. Ф. 29. Оп. 36. Д. 24 (1822 г.). Оп. 37. Д. 29 (1806–1807). Л. 4 об.;

Архив СПб. ФИРИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 16 (1887 г.);

РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 20 (1910 г.);

Попова Л. Пришло время собирать камни / Архангельск. 1991. 14 июня

76. Место синагоги (1899)

(между улицами Народной и Комсомольской, на пр. Ломоносова)

77. Место Госпитальной церкви (1905)

(на ул. Гагарина, недалеко от реки)

78. Место Соломбальского собора (1760)
(на углу Краснофлотской набережной и улицы Левачева)

79. Дисциплинарный флотский полуэкипаж (1820–1824)
ул. Краснофлотская, 1

Образец крупного воинского здания эпохи классицизма. В советское время почти полностью перестроено.

80. Торговый дом братьев Макаровых (1890)
Никольский пр., 56

Двухэтажное кирпичное с подвалом здание построено в формах эклектики. Прямоугольное в плане, оно имеет скругленный угол, обращенный к перекрестку улиц Левачева и Терехина.

Северный фасад слегка ассиметричен. Центр его выделен ризалитом с высоким треугольным фронтоном, в котором размещено круглое чердачное окно. Окна и входные проемы нижнего этажа украшены плоскими лучковыми сандриками. Окна второго этажа имеют лучковые перемычки с широким архивольтом, которые в ризалите дополнены рамочными наличниками. Междуетажное членение решено в виде фриза с профилировкой. Поле стены выкрашено красной краской, а декор выделен белым цветом.

Внутренняя планировка этажей образована двумя поперечными стенами и одной продольной между ними. В нижнем этаже установлены опорные столбы. Помещения перекрыты сводами.

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 4102 (1910 г.). Л. 1–3

81. Торговый дом братьев Макаровых (1914)
ул. Терехина, 3

Трехэтажное кирпичное оштукатуренное здание построено по проекту инженера А. Печа с использованием приемов модерна. Восточный фасад членится ризалитами, завершенными паряплетными аттиками. Центральный кирпичный аттикий изящный, с лучковым завершением. Нижний этаж имеет руст, имитирующий квадры. Остальная часть стен обработана под «шубу». Главный фасад симметричен, если не считать различий в характере ризалитов. Его центр выделен четверными, а ризалиты — тройными окнами. Над окнами третьего этажа проходит растительный орнамент, характерный для модерна. Оси больших окон первого этажа не соответствуют осям меньших окон второго и третьего этажей.

Планировка этажей одинакова. Продольная стена делит пространство на две половины. Северная половина делится еще на две части. В южной половине выделяется лестничная клетка. Над лестничной клеткой — лучковый свод на падагах. От убранства интерьеров сохранились тянутые карнизы.

ГААО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 4100 (1914 г.). Л. 1–7

82. Константиновский приют (начало XX века)
ул. Терехина, 19

Здание построено в стиле модерн. Г-образный план его усложнен выступом со двора. Угловая юго-западная часть дома решена в виде башни, завершенной впусченной кровлей. С другой стороны главного фасада — повышенный ризалит. В западном ризалите — башне — широкий входной проем. Восточный ризалит прорезан двумя окнами в первом этаже, тремя узкими — во втором и пятью такими же в третьем этажах. Стены ризалитов имеют продольный руст. В первом этаже проходит непрерывный пояс по верху окон. Во фризе помещены рельефные кольца, над которыми находятся легкие композиции растительного орнамента.

Внутренняя планировка образована капитальными стенами. Продольная стена делит здание на две части. В северной части здания — большой зал. Две перпендикулярные стены в северо-западной части образуют лестничную клетку с парадной лестницей, ограждение которой имеет чугунные балясины с изящными столбиками на поворотах. В некоторых помещениях сохранились тянутые карнизы.

ГЛАО. Ф. 50. Оп. 97. Д. 4102 (1910–1914)

83. Церковь св. Мартина (1806)
Соломбальское кладбище

Церковь построена на средства адмиралтейства, по проекту архитектора П. Харламова. В 1886 году пристроен придел.

Здание кирпичное, побеленное. Основной объем храма вытянут с запада на восток и объединен с абсидой. С запада к храму примыкает трехъярусная колокольня, а к ней — деревянный тамбур. Симметрию первоначальной композиции нарушают более поздние придел и подсобное помещение, примыкающее с севера к основному объему и колокольне.

Церковь построена с использованием приемов постклассицизма. Все ее первоначальные части объединены широким антаблементом, опирающимся на пилястры, охватывающие углы и членившие абсиду. Средняя часть южного фасада самой церкви выделена пилястрами и фронтоном. Такой же фронтон завершает и западный фасад первого яруса колокольни. Оконные проемы прямоугольные, имеют наличники с полуциркульным завершением, образующим нишу. Во втором ярусе с северной и южной сторон колокольни — по два круглых окна. Храм перекрыт цилиндрическим сводом с лотком и распалубками над проемами. В помещении под колокольней — цилиндрический свод с распалубками.

Главный иконостас имеет композицию, напоминающую ампирную. Царские врата охватывает арка с круглыми иконами в навершии. По сторонам от арки над первым ярусом прямоугольных икон — овалы с фигурным завершением рамы.

ГЛАО. Ф. 29. Оп. 36. Д. 73 (1850 г.); РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 20 (1910–1916). Л. 114; Краткое историческое описание... С. 99.

84. Англиканская церковь (первая половина XIX века)
наб. им. Седова, 14

Западным фасадом обращена к набережной. В плане это деревянное обшитое здание имеет слабовыраженную крестообразную форму. Речной фасад украшен высоким глухим щипцом с декоративными пирамидальными башенками по краям, поставленными на угловые колонны. В центре — входной проем с надпортальным окном стрельчатой формы. С двух сторон от него и на продольных фасадах — стрельчатые оконные проемы. Над ними — круглые окна второго света, что свидетельствует об использовании приемов псевдоготики. Крест на щипце, башенки по углам и ряд других декоративных элементов утрачены. Интерьер переделан.

85. Место церкви Иоанна Рыльского (1896)

(наб. им. Седова — на углу ул. Красных Партизан)

86. Управление работ Архангельского порта (1904)

Никольский пр., 15

Кирпичное оштукатуренное двухэтажное здание с асимметричным уличным фасадом, благодаря ризалиту, расположенному в его левой части. Этажи разделены фризом и междуэтажной тягой. Стены нижнего этажа выделены рустом. Окна второго этажа имеют рамочные наличники с замковыми камнями, а в результате с полуциркульными завершениями. В стилизовании — это пример поздней эклектики с использованием приемов постклассицизма.

ГАО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 116 (1902–1904). Л. 1, 11

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ УЛИЦ АРХАНГЕЛЬСКА

Центр города

Современные	Конец XIX – начало XX века	Конец XVIII – начало XIX века
Троицкий пр. (быв. П. Виноградова)	Троицкий пр.	Дворянская (от совр. ул. Гагарина до ул. К.Либинехта); Купеческая (от совр. ул. К. Либинехта до ул. Правды)
—	Важская	Малая Мещанская
пр.Чумбарова-Лучинского	Псковский пр.	Большая Мещанская (от Воскресенской ул. до ул. Выучейского)
—	Средний пр.	Проспективная (от совр. ул. Суворова до ул. Гагарина)
пр. Ломоносова	Петербургский пр. Петроградский пр.	Въезжая
пр. Новгородский	Новгородский пр.	Малая Проспективная (от совр. ул. Логинова до ул. Выучейского и от ул. Северодвинской до Смольного Буяна)
пр. Советских Космонавтов	Костромской пр.	Большая Проспективная
пр. Обводный Канал	—	Последняя
Парижской Коммуны	Монастырская	Первая
Красноармейская	Семинарская	Малой Слободки
Урицкого	Архиерейская	Архиерейская
Романа Куликова	Кеврольская	Солдатская
Ижемская	Ижемская	Лобановская
—	Холмогорская	Канонерская
Северодвинская	Северодвинская	Часовиковская
Розы Люксембург	Благовещенская	Благовещенская
Выучейского	Печорская	Стукачевская
Правды	Хлебный пер. (с 1854 года) Шенкурская (с 1869 года)	Оперная (XVIII век) Театральная (до 1854 года)
Серафимовича	Пинежская	Садковская
Володарского	Театральная	Горихвостовская
Поморская	Поморская	Буяновская
пер. Театральный	Рождественская	Смирная
пер. Банковский	Банновская	Вагановская
К. Либинехта	Соборная	Троицкая
Воскресенская (быв. пр.Энгельса)	Воскресенская	Воскресенская
Свободы	Полицейская	Меншендековская
К. Маркса	Кирочная	Лютеранская
Попова	Финляндская (с 1869 года) Почтамтская	Захарьинская
Логинова	Успенская	Боровская Успенская
Садовая (быв. Ванеева)	Садовая	Дорбекерская (Дорбенерская)
Гайдара	Олонечская	Крыловская
Вологодская	Приютская (с 1854 года) Вологодская (с 1869 года)	Аптекарская (Аптечная)
Шубина	Вятская	Малаховская
Суворова	Пермская	Кузнечевская
—	Первая	Первая
Корельская	Корельская	Вторая
—	Третья	Третья
Комсомольская	Лопарская	Четвертая
—	Пятая	Пятая
Народная	Зырянская	Шестая
—	Самоедская	Седьмая
Гагарина	Госпитальная	Последняя

Солombsала

Современные	Конец XIX – начало XX века	Конец XVIII – начало XIX века
наб. им. Г. Седова	наб. Северной Двины	Набережная
Широкий пер.	Бременская	Широкий пер.
Никольский пр. (быв. Левачева)	Никольский пр.	Никольский пр.
—	Никольская	Соколова
Геorgia Иванова	Базарная	Паровая
Смолокурова	Гамбургская	Назарьева
Гуляева	Саженная	Саженная
Советская	Американская	Бессмертная
Новоземельская	Любская	Новоземельская
Шилова	Шиловская	Шилова
Беломорская	Шотландская	Шаровая
Ярославская	Ирландская	Кривая яма
Валявкина	Соловецкая	—
Прокашева	Церковная	—
Краснофлотская наб.	Адмиралтейская наб.	—
Терехина	Преображенская	Первый пр.
Маяковского	Английская	Второй пр.
Челюскинцев	Французская	Третий пр.
Красных Партизан	Норвежская	Четвертый пр.
Кедрова	Прусская	Шестой пр.
Усть-Двинская	Датская	—

АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ АРХАНГЕЛЬСКА И ХОЛМОГОР

Хронология

Архангельск	Дата	Холмогоры
	1471	Центр Двинской земли
Приезд на Двину воевод П. А. Нащокина и А. Н. Залешанина-Волохова	1582, сентябрь	
Начало строительства деревянной крепости — Новохоломского города	1583, март	
Окончание строительства крепости и Гостинных дворов — основание города	1583, ноябрь	
Возвращение воевод в Москву	1584	
Строительство деревянного Преображенского собора	1584	
Строительство деревянных Русского и Немецкого дворов.	1585	
Приход в Архангельск первых иностранных кораблей		
Учреждение Новохоломского посада	1587	
Строительство Воскресенской церкви	1588	
Строительство Рождественской церкви	1608	
	1613	Нападение «литовских разбойных людей» и строительство острога
	1623	Строительство нового острога между Городком и Глинским посадом
Строительство Успенской церкви	1626	
Пожар, во время которого сгорели монастырь и часть крепости. Крепость восстановлена. Монастырь перенесен в Нячеры, а на его месте построена церковь	1636	
Происхождения Животворящего Креста с приделом		
Построен каменный пороховой погреб	1647	
	1656	
Сгорела Стрелецкая слобода, Рождественская церковь и Преображенский собор	1663	Строительство новой крепости — рубленного города
Пожары, во время которых сгорели крепость и Гостинные дворы	1667, 1669	
Восстановление крепости после пожара	1671–1672	
Строительство каменных Гостинных дворов и «города»	1667–1684	
	1682–1702	Архиепископ Афанасий возглавляет Холмогорскую епархию
	1683–1685	Строительство каменной соборной колокольни
	1685–1691	Строительство каменного кафедрального собора Спаса Преображения
	1688–1695	Строительство Архирейских палат с надвратной церковью апостола Павла
Строительство каменного собора в Михаило-Архангельском монастыре	1689–1699	
	1692	Полностью перестроена крепость — деревянный «город»
Строительство каменной Рождественской церкви	1692–1729	
Приезд Петра I	1693, июль	Приезд Петра I
Приезд Петра I	1694	
Строительство в Соломбале каменной верфи	1693–1694	
	1698–1716	Строительство каменной Троицкой церкви на Глинском посаде
Строительство каменной Воскресенской церкви (у Гостинного двора)	1699–1715	
Строительство Новодинской крепости	1701–1705	
Сражение со шведской эскадрой в Березовском устье, у строящейся Новодинской крепости	1701, июнь	
Приезд Петра I и освящение церкви в Новодинской крепости	1702, май	Приезд Петра I
Архангельск — центр Архангелогородской губернии	1702	
Строительство кафедрального Троицкого собора	1709–1743	

Строительство рavelина в Новодвинской крепости и включение ее в штат Санкт-Петербургского департамента	1714	
	1723	
Разобрана крепость (деревянный «город») на Пур-Наволоке	1729–1730	В пожаре сгорела крепость (деревянный «город»)
Строительство каменной Успенской церкви	1742–1744	
Строительство каменной церкви Св. Троицы	1742–1745	
Строительство каменной Михайло-Архангельской церкви	1742–1749	
Строительство каменной колокольни Успенской церкви	1752–1757	
Строительство каменной церкви Благовещения	1759–1764	
Строительство в Соломбале Преображенского собора	1760–1776	
	1761	
Из Холмогор перенесен центр епархии	1762	Закончено строительство каменной церкви Двенадцати Апостолов
Завершение отделки кафедрального собора и освящение его верхней церкви во имя Святой Троицы	1765	
Строительство каменной церкви св. Екатерины	1767–1768	
Разборка деревянного Преображенского собора	1765–1784	
Первая попытка разработки генерального плана	1768	
Заложена каменная соборная колокольня	1779	
Строительство каменного архиерейского дома	1779–1784	
Разработка второго варианта генерального плана	1784	
Разработка третьего — последнего варианта генерального плана	1787	Конфирмован регулярный генеральный план
Начало разбора Немецкого гостининого двора и перестройка Русского двора	1787–1792	
Строительство биржи	1789	
Строительство винных и солиных складов	1792–1796	
Крупный пожар	1793	
Конфирмован третий вариант генерального плана	1794	
Строительство кладбищенской церкви в Соломбале	1806	
	1806–1813	
Строительство каменного дома гражданского губернатора	1806–1819	Строительство каменной Никольской церкви
Строительство городской кладбищенской церкви	1809	
Строительство здания Присутственных мест	1817–1825	
Строительство сахарного завода В. Бранта	1826	
Открытие памятника М. В. Ломоносову на Соборной площади	1832	
Строительство церкви на Кузнеческом кладбище	1840	
Крупный пожар	1847	
Крупный пожар	1851	
Надстройка 3-го яруса соборной колокольни	1854	
Конфирмован новый генеральный план	1854, октябрь	
Прорыт Обводный канал вокруг города	1856	
Упразднение Архангельского адмиралтейства	1862	
Упразднение гарнизона Новодвинской крепости	1864	
Перенос памятника М. В. Ломоносову и Присутственным местам и устройство Ломоносовской площади	1867	
Устройство сквера на площади и каменного мощения	1868	
Завершение работ по бульварному мощению	1870	
Перенесение дома Петра I с форштадта Новодвинской крепости в Архангельск	1877–1878	
Строительство костела	1896	
Открытие железной дороги Вологда — Архангельск	1898	
Строительство винных складов на набережной	1899–1905	
Строительство Сурского подворья	1907	
Строительство нечеты	1907	
Строительство каменной церкви Всех Скорбящих Божьей Матери с колокольней	1912	
Открытие памятника Петру I	1914	
Открытие трамвайного движения	1916	

1677. ОПИСНАЯ КНИГА СТРОИТЕЛЬСТВА В АРХАНГЕЛЬСКЕ КАМЕННЫХ КРЕПОСТИ (ГОРОДА) И ГОСТИНЫХ ДВОРОВ В ТЕЧЕНИЕ 1667–1677 ГОДОВ¹

(л. 1) [начало утрачено]... царя и великого князя Федора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белаия России самодержица, какова [грамота] прислана на Двину к боярину и воеводе ко князю Ивану Андреевичу Хованскому, да ко двяну Кондратью Богданову из Новогороцкого приказу [утр.] городовому [...] гостиня двора строению: велено учинить чертежи и книги [...], много ли того строения сделано и что еще недоделано и во что то стало [...]

(л. 2) [утр.] В прошлом во РПС [176 = 1667] году сентября в КЕ [25] день в грамоте блаженной памяти царя и великого князя Алексея Михайловича [п. т.]², како прислана на Двину к думному дворянину и воеводе к Ивану Ивановичу Чадаеву из Новогороцкого приказу, [...] написано (л. 2 об.) [утр.], что по указу великого государя у Архангелского города корабельной пристани впредь быти пристойно и где устроить город мочно и гостиные дворы с иноземцем с Петром Марселлисом и с подполковником с Вилимом Шарфом мест старото, где ныне город стоит, и посады и новых мест ниже города на Соломбале и выше на устье Умьы реки осматривали и лучшее дел старого места, где ныне стоит город и к корабельной пристани (л. 3) [утр.] не сыскано [...]. Во что то строенье станет, велели они Петру Марселлину и мастеру Вилиму Шарфу сметить и сделать сметную роспись, и Петр, и Вилим в сметной росписи отказали, а кроме их тому строению сметы учинить некому: каменных дел мастеров на Двине нет. А кн новому городовому и гостинных дворов каменному строению на старом месте по досмотру их, иноземцев (л. 3 об.) [утр.] тому строению [Петр Марселлис] подал им городовую и гостинных дворов чертеж, а Вилим Шарф подал городовые особо свои два чертежа и они те чертежи прислали к великому государю в Москве. А зачинать то строенье делать, заводы заводить и запасы готовить волостными или наемными людьми [...], о том велели б им великого государя указ учинить (л. 4) [утр.] и по грамоте велено город делать: торговые дворы, и анбары, и корабельной пристани быти на старых местах по тому чертежу, который к ним послан. И на то городовое дело камень и бут, и глину [...] велено готовить уездными людьми с поспешением до зимнего времени.

(л. 4 об.) [утр.] Да во РПС [176 = 1667] году апреля в АИ [19] день в грамоте блаженной памяти Алексея Михайловича [п. т.] к думному (л. 5) [утр.] написано: [...] на строенье Архангелского города и гостинных каменных дворов собрать в наем работным людям денгами против сошного писма с посадов и с уездов, с тех городов, которыми наперед сего делали, с Вологды, с Каргополя, с Тотмы, с Устюга Великого, с Соли Вычегодской, с Чароиды, с Ваги, с Вятки с пригороды, с Кевролы (л. 5 об.) [утр.]. А гостинные дворы велено делать преже города Архангелского, а денги в наем каменщиком и всяким работным людям велено давать великого государя из двинских таможенных и с набавных доходов [...].

(л. 6) И во РПС [176 = 1667] году блаженные памяти Алексея Михайловича [п. т.] начаты у Архангелского города делать гостинные дворы по чертежу, каков прислан великого государя с грамотою сентября в КЕ [25] день. А сколько того каменного строения [...] сделано и что еще недоделано [...] и о том писано в сей росписи в тетрах порознь, по статьям, а каменному строению учинены чертежи³.

П Р И С Т А В

(л. 7) [утр.] стена, что от Двины реки мерою с наружную сторону от городской стены вниз и с угловыми анбары семдесят девять сажень. По той же стене внутри от стены до стены, кроме наугольных анбаров, мерою шестьдесят четыре сажени. И на той стене делано во РПС [178 = 1669] и во РПС [179 = 1670] годах нижних житей четырнадцать анбаров и с наугольными анбары, да ворота (л. 7 об.) [утр.] проезжие, а мерою те нижние [ворота] [утр.] шти и полустытых и пяти сажень с аршином и с полуаршином; а в вышину от мосту в житых до своду те анбары по две сажени, а стены длинные толщиною по сажени по четыре вершка, а поперечные стены по два аршина с четырьмя вершками; проезжие ворота, что к Двине реке, в проезде полторы сажени; а у тех анбаров к Двине реки делано по два окна, а на двор подле двери по окну; и те анбары намо[шны] (л. 8) [утр.] ворота сделаны железные ж. А с нижнего конца у тех анбаров делано два задца, в длину по две сажени, а поперег по полторы сажени, да пять задцов в длину по полторы сажени с четырьмя вершками, а поперег по пол сажени. А на тех анбарех на той же стене делано во РПС [182 = 1674] и во РПС [183 = 1675] годах верхних житей четырнадцать анбаров мерою угловой анбар, что с верху от городской стены, в длину и поперег по полсемь сажени (л. 8 об.) [утр.]. А достальные анбаров в длину по полторы и четырех сажен с аршином, в вышину от мосту до сводов в житые две сажени бес четырех вершков, а стены длинные, что от Двины реки, толщиною по К [2] аршина с четырьмя вершками, а поперечные по полтора аршина. Перильные стены⁴ толщиною в окнах по полусаженю, а перила шириною по полторы сажени, а вышину перила от мосту до сводов по четыре аршина (л. 9) [утр.] у тех анбаров, что от города к Двине реке, три окна, да в город два окна, а у достальных, у тринадцати анбаров делано к Двине реки по два окна, да на перила подле двери по окну; и все те анбары намошны тесом и во двери, и в окна сделаны затворы железные, а перила намошны каменными лешадьями.

Да к тем же верхним анбарам во РПС [182 = 1674]-м году делано из двора три крыльца каменных, а под крыльцами караулы. Первое крыльцо (л. 9 об.) [утр.] мерою в ширину промеж стены полторы сажени без четверти аршина, а стены крыльишные толщиною по аршину с четвертью. Другое крыльцо мерою полторы сажени два вершка, а крыльишные стены толщиною по полусаженю. Третье крыльцо мерою в ширину сажен с аршином, а стены толщиною по полусаженю. А в вышину те нижние и верхние анбары от земли до кровли по Е [5] сажень. (л. 10) И те все нижние и верхние анбары и перила, и крыльца подмазаны и внутри и с наружных сторон выбелены известью и покрыты тесом совсем наготово.

На том же дворе с нижнюю сторону от Немещной слободы стена мерою, кроме наугольных анбаров, семдесят три сажени. А по той стене делано во РПС [178 = 1669] и во сажен РПС [179 = 1670]-м и во РПС [180 = 1672]-м годах нижних житей пятнадцать анбаров мерою (л. 10 об.) [утр.] и по шти же сажень без аршина [...] анбар поперег по полторы и четырех с аршином, а в вышину от мостов до сводов в житых те анбары по две сажени бес четырех вершков, а стены

длинные толщиною по сажени с четырьмя вершиши, а поперечные по полсажени, а мосты в тех анбарех намошены каменными лешадами и тесом. Да у пяти анбаров сделано с наружиной стены по два окна, а у десяти анбаров с наружиною сторону по окну (л. 11) [шпр.] и к четырнадцати анбаром сделаны двери и в окна затворы железные [...].

На том же Немешком дворе стена, которая от болота, длиною и с наугольным анбаром и с повариною восемьдесят сажень. А на той стене снизу с наугольного анбара до поварины сделано во РП [180 = 1672]-м и во РП [181 = 1673] годех нижних житей пятнадцать анбаров, мерою наугольный анбар (л. 12 об.) [шпр.] От того наугольного анбара четырнадцать анбаров мерою трех сажень с аршином; а мосты в тех анбарех намошены тесом, а на болота ис тех анбаров сделаны изо всякого анбара по бойнице, а изыных анбаров и по две бойницы, а на двор подле двери сделано по одному окну и к восьми анбаром сделаны двери, да к десяти оным затворы железные, а стены (л. 13) [шпр.] поперешные по полсажени, а в вышину те анбары в житеях от мостов до сводов по две сажени. А на тех нижних анбарех сделано во Р [184 = 1676]-м году летом пятнадцать анбаров верхних житем мерою наугольный анбар в длину семь сажень бес полуаршина, поперег полдваси сажень, средь анбара сделан для крепости своду столб, а достальные от того анбара до поварины четырнадцать анбаров мерою в длину по полдваси и четырех сажень [...].

(л. 14) А к тем верхним анбаром того ж лета сделано два крыльца, мерою крыльца в ширину по сажени по два аршина, а стены крыльцные толщиною по аршину с четвертью. А в вышину те нижние и верхние анбары от земли и до кровли четырех сажень и те все анбары, и крыльца, и перила помазаны и выбелены.

(л. 14 об.) [шпр.] Да на той же стене на углу от городской стены сделана поварины мерою в длину восемь сажень бес полуаршина, поперег пяти сажень с двумя вершиши, в вышину от земли до своду пять сажень, а посреди той поварины для крепости своду сделан столб, а подле столба на сводах выведено наверх две трубы, а ис поварины сделаны три бойницы, да два окна; а дверем и в окна затворов и печей у той поварины не сделано и свод не помазан и мост не намошен и стены известны не выбелены, а покрыта та поварины тесом совсем наготово (л. 15) [шпр.].

К Двини реки до наугольного анбара, что от Двини реки, мерою четыре сажени. А на той стене во РП [179 = 1670]-м и во РП [180 = 1672]-м году сделано нижних житей четырнадцать анбаров, да ворота проезжие [...].

(л. 15 об.) А на тех нижних анбарех во РП [184 = 1676]-м году летом (л. 16) [шпр.] верхний житей сделан шесть анбаров мерою в длину пять и по полдваси сажень, а поперег по полдваси и четырех сажень бес четверти аршина. А у тех пяти анбаров в город сделано по два окна, а у шестого одно окно, а на перила подле двери у всех пяти анбаров по одному окну. И те анбары внутри не помазаны и мосты не намошены, а перила у тех анбаров вымошены каменными лешадами и к дверем и к окнам затворы не деланы [...]. (л. 16 об.) А от тех пяти анбаров по той стене верхних восьми анбаров не сделано, а против тех недоделанных верхних анбаров с двора начато в нынешнем во РП [185 = 1677]-м году осенью делать крыльцо: ямы выкопаны и сваями набиты и набучены и на бут поднято теса [...] по шти рядов [...].

(л. 17 об.) [шпр.] У того ж Немешкого гостиного двора на углу на нижнем конце, что от болота, во РП [180 = 1672]-м году начата делаться башня: рвы выкопаны и сваями набиты и набучены и на бут поднято белым камнем и кирпичи в вышину от земли кругом все стены по две сажени. А мерою та башня внутри меж стенами шесть сажень с четвертью, а стены толщиною по сажени с четвертью, а кругом та башня мерою (л. 18) [шпр.] с дватцать две сажени бес четверти, а среди той башни выкладен столб каменной в вышину две сажени и на тот столб положены кладен деревянные и на кладен намошен мост деревянный. А ис той башни сделано десять боев подшошневых.

Да на другом углу, что от Двини реки от Немешких дворов, во РП [183 = 1675]-м году начата делаться башня мерою такова ж, какова на углу, что от болота, и у той башни ров выкопан и сваями набит и набучен с землею вровень [...].

(л. 18 об.) А меж гостиными дворами по указу блаженныи памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [п. г.]

и по грамоте ис Новгородского приказа, ианова прислана в прошло во РП [180 = 1672]-м году мая а 5 [6] день к думному дворянину поводе к Афонасию Ивановичу Нестерову, [...] велено быть горо Архангельскому, а в городе построить церковь и съезжую избу и злейной погреб, (л. 19) [шпр.] воеводский двор, а от Двини реки городской стене велено сделать Отводная башня с проезжими воротами аверху роскат.

А от болота в городской стене сделать Отводная башня Тайничными вороты, а наверху роскат, чтоб на тех башен гостиные дворы из наряду очищать; а у гостиных дворов сделать наугольный башни с выпуски, а в башнях и в нижних и в верхних анбар поделять бойницы; а на гостиные дворы от Двини реки сделать стенах по проезжим воротам (л. 19 об.) [шпр.]. На Гостиные дворы для осадного времени сделать в стенах ворота ж и быть им все закрытыми, а наверху сделать анбар; а важины, где быть все сделать на гостиных дворах против московского, деревянные таможенную избу поостроить [...] для таможенного збору, городом, у городской ворот.

И по указу великого государя во РП [180 = 1672]-м году Архангельской город розмерен меж стенами Руского и Немешкого двора (л. 20) [шпр.] мерою шестьдесят сажень. А от болота построено мерою сор все сажень, а от стены, которая от Двини реки, до стены, которая от болота, мерою восемьдесят сажень. И от Немешкого гостиного двора, до наугольного анбара вверх подле Двини реки до проезжающей башни, на которой велено быть роскату, сделано. РП [181 = 1673]-м году городской стены на старом буту в длину дватцать шесть сажень (л. 20 об.) [шпр.] и семь пядей с боем окна в пядинах сделаны; а толщиною та городская стена по верху пядинами две сажени бес шти вершюш, а кроме пядин в боем окнах толщиною сажень с двумя вершиши; а рвы копаны и сваями подот стеною во РП [179 = 1671] и во РП [190 = 1672] году.

А проезжая башня на той городской стене зачата делаться угловая (л. 21) [шпр.]. И той башни во РП [181 = 1673]-м году лет на старом буту сделано в вышину тесаны белым камнем две сажени с четвертью и своды, и перететивы над вороты переимены. И стена сделана навалуя, да четыре окна подшошневых боевых. А рвы копаны и сваями набиты и набучены во РП [181 = 1673]-м году сентябре месяце; а толщиною башенные стены против перететив по три сажени, а меж перететивы по две сажени, а ворота в проезд по две сажени в ширину. А от той проезжей (л. 21 об.) [шпр.] башни до Руского гостиного двора выкопан в прибавку к старому рву до городской стены [новый ров] в длину дватцать пять сажень. И тот рвы сваями набит, а старой ров в длину и в ширину таков ж. И та городская стена по обем рвам вся забучена землею в рознь во РП [181 = 1673]-м году в августе месяце и во РП [182 = 1673]-м году в сентябре.

Да по другой стене, которая от болота, сделано городской стены во РП [181 = 1673]-м году летом в длину от Немешкого двора наугольного повариного анбара до Тайничного (л. 22) [шпр.] шириною дватцать одна сажень, а в вышину четыре аршина и пять пядей столбов переименовано. И в пядинах сделаны боевые окна. Толщиною городская стена по верху и с пядинами две сажени, а кроме пяди боевых окнах толщиною сажень [...].

Да той же стене подле ту городскую стену зачата делаться Тайничная башня (л. 22 об.) [шпр.] и под ту башню во РП [181 = 1673]-м году летом рвы выкопаны шириною в полторы сажени и сваями набиты забучены. Да после для крепости выкопано к той же башни чаты ямы под быки, мерою внутри по две сажени. И те ямы сваями набиты и забучены. Ис того буту сделано той Тайничной башни тесаны камнем в вышину и с быками с наружную сторону сажень с четверти и над вороты перететивы кирпичем переимены (л. 23) [шпр.]. Стены у той башни толщиною меж быками в сажень с четвертью внутри та башня от стены до стены пять сажени [...].

(л. 24) [шпр.] На Руском дворе сделано восемь анбаров, внут мерою по полдваси и четырех сажень с аршином, а поперег по три сажени, а в вышину в житеях от мостов до сводов по две сажени и все анбары в городе на Руском дворе подняты от земли вверх тесаны камнем и кирпичен по две сажени [...]. И с тех анбаров на наружную сторону поделяны бойницы, а на двор подле двери у всякого анбара сделано по окну и накрыты те анбары тесом для мочи. А деланы

все анбары во РПВ [181 = 1673]-м году, а рвы под те анбары копаны и сваи биты и бучены во РПЗ [187 = 1669]-м году.

А подле те анбары на Руском же гостине дворе на углу от болота с верхнего конца начата делать во РПВ [182 = 1674]-м году наугольная башня (л. 25) [утр.], кругом по рву тридцать сажень, а рвы шириною по полутрети сажени. И тот ров выкопан и сваями набит и на сваи набучен в аршин бес четверти, да в нынешнем РПВ [185 = 1676]-м году у той башни рвы добучены и на бут поднято тесаным камнем на аршин, а внутри меж стенами та башня пять сажень. Да от той угловой башни на Руском же дворе подле немецкие деревянные анбары стена к Двине реке мерою девяносто сажень, и на той стене, где быть анбаром, рвы выкопаны и сваями набиты.

(л. 25 об.) [утр.] А от той стены на Руском же дворе стена от Двины реки вниз до городской стены мерою тридцать восемь сажень и по той стене, где быть анбаром, рвы выкопаны [...].

(л. 26) Да на Руском ж дворе стена, которая от города мерою сорок сажень, да от Двины реки к болоту выкопано одного рва сорок сажень, да другого рва тридцать три сажени. (л. 26 об.) [утр.] А недокопано по той стене одного рва двадцать пять сажень, а другого сорок сажень, да и поперечных рвов не выкопано же [...].

И те все анбары на Немецком и на Руском дворах, и башни Проезжая и Тайницкая и городские стены покрыты тесом. Да на Немецком же гостине дворе в двадцати старых анбарех нынешнего же лета намощены мосты каменными лешадами. Да на том же Немецком дворе от Двины реки по чертежу в среднем анбаре разобрана стена и сделаны с наружную сторону ворота проезжие шириною в полторы сажени, а в вышину сажень с два аршины без четверти аршины» (ДАИ. Т. VI. С. 148).

(л. 37) И всего на строенье Архангельского города и гостиных каменных дворов в расход 72 303 рубля.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Архангельск. Д. 11а.

Примечания

¹ Данная книга является итоговой по уже проведенным и еще оставшимся к 1677 году строительным работам. Она во многом повторяет ежегодные отчеты, направлявшиеся из Архангельска царю. Эти отчеты (отписки) см.: ДАИ. СПб., 1857. Т. VI. С. 112–153.

² П. Т. — полный титул

³ Эти чертежи, являвшиеся формой отчета за проделанную работу, не сохранились.

Чертежи, как форма отчета за проделанную работу, по-видимому, составлялись ежегодно. Так, в Росписи 1672–1673 годов читаем: «иконнику Ондриюшке Ондрееву, что он писал каменного строения чертежи, дано за работу 24 алтына» (ДАИ. СПб., 1857. Т. VI. С. 139).

⁴ Перильные стены — стены, ограждающие проход вдоль внутренней стороны дворов

⁵ Падица — ниша

⁶ Перететивье — арка

⁷ Бык — контрфорс

1684 года, мая 29. Грамота царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича двинскому воеводе Никите Константиновичу Стрешневу и дьяку Максиму Бурцову об отпуске материалов для строительства каменного собора Спаса Преображения на Холмогорах

(Сст. 1) От царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые России самодержцев на Двину боярину нашему и воеводе к Никите Константиновичу Стрешневу, да дьяку нашему Максиму Бурцову.

В прошлом во РҮИ [191 = 1683] году марта в 6 день послана к вам наша великих государей грамота, а велено богомольцу нашему Афонасию, архиепископу Колмогорскому и Важескому от Архангелского города от городского каменного дела дать четыре стапы железа связанного, тысячу бочек извести на строение колокольной. И ныне бил челом нам, великим государем, богомолец наш преосвященный Афонасий архиепископ Колмогорский и Важеский: в прошлом во 191-м году по нашему, великих государей, указу учинена на Колмогорах архиепископия вновь и в том городе соборная церковь Преображения Господня деревянная построена из даяных лет и та церковь обещала и в дождевое время идет в ней мочь многими местами и оттого в церкви святым иконам и всяким потребам чинитца поруха великая и для нужного времени ризницы и иных церковных потреб сохранить негде, а каменные соборные церкви построить ему нечем, потому что [неразб.] во всем скудость, а у Архангелского города от городского и Гостинных дворов строения остальных припасов железа, (сст. 2) камня тесу и в Орде же известные и всяких снастей, ломов и кирок, молотков, лопаток и точилных веретен осталось и ныне де на те припасы расходу никакова нет и нам, великим государем, пожаловати б ево, велите остальные припасы отдать ему, богомольцу нашему Афонасию архиепископу, для ево скудости на строение соборных церквей на Колмогорах; а в росписи, какова прислана под памятью в Новгородской приказ из Приказу Большие казны, остальных припасов написано сёмсот дватцать бочек извести, пятнадцать тысяч воров песку, одиннадцать сот и тридцать тысяч девятсот сорок кирпичей обожженного и не обожженного, двести тридцать воров щебня кирпичного, двести пятьдесят каменной тесаной, четыре сажени камня бутовой, пять тысяч восемьсот сорок тесниц трех и с аршином трех сажени, пятьсот бревен сосновых пяти и четырех сажени, десять бревен сёмисаженных; да на Гостине Руском дворе в казенном анбаре в остатке железа налицо семдесят семь пуд тридцать восемь фунт прутного связаного, да дошатога железа три тысячи триста шесть полих весом тысяча триста дватцать семь пуд тридцать шесть фунт; шестьсот девятно сажень дров, восемь печей извести мерою четиры тысячи бочек. Да на подрядниках каменного строения припасов даять прошлых РИ [180 = 1672] и РИ [181 = 1673] и РИ [183 = 1675] годов сто одна тысяча сто девятнадцать кирпичей подрядку РИ [187 = 1679] году, девятнадцать тысяч подрядку РҮ [190 = 1682] году, шестьдесят пять тысяч четыре кирпичей подрядку РИ [189 = 1681] и РҮ [190 = 1682] годов (сст. 3) на подрядниках даять восемь тысяч четирыста дватцать тесниц.

И мы, великие государи и сестра наша великая княжна София Алексеевна пожаловали богомольца нашего преосвященного архиепископа Колмогорского и Важеского, велели ему у Архангелского города на церковное строение дать остаточные городского и Гостина двора каменные и железные припасы, которые ныне есть на Двине налицо, и отвести половину архиепископу, а другую Преображенские пустыни строителю иеромонаху Михайлу Харзееву. Песок и кирпич и щебень, то все архиепископу, также и камень белой тесаной и бутовой, ему ж; тес, которой ныне налицо, пополам архиепископу и строителю; а бревна все архиепископу, да ему ж дошатога железа тысяча полих, а достальное все дошатога железо строителю Михайлу; да кирпич подрядов РИ [180 = 1672] и РИ [181 = 1673] и РИ [183 = 1675] и РИ [187 = 1679] и РҮ [190 = 1682] годов отдать весь архиепископу, да ему ж, архиепископу, для того церковного строения дать из городских остальных всяких железных и деревянных снастей, которые остались и ныне есть налицо, треть, а две доли по нашему великих государей указу велено отдать Преображенские пустыни строителю иеромонаху Михайлу Харзееву.

И как к вам наша грамота придет, и ты б, боярин наш и воевода Никита Константинович и дьяк о даче богомольцу нашему Афонасию архиепископу Колмогорскому и Важескому выписанных припасов и снастей учинили по нашему, великих (сст. 4) государей, указу, как о том в сей нашей великих государей грамоте писано выше сего, а прочее сию нашу великих государей грамоту, велели списать список, да тот список ты, дьяк, за своею приписью оставил в съезжей избе, а подлинную сию нашу великих государей грамоту отдал и богомольца нашего Афонасия архиепископа стряпчему или кого он с сего нашей великих государей грамотою к вам пришлет. А что в сей нашей великих государей грамоте писано, о даче всяких припасов Преображенские пустыни строителю иеромонаху Михайлу Харзееву и о том наша великих государей грамота в нынешнем во РҮ [192 = 1684] году мая в 20-м числе к вам послана ж.

Писан на Москве лета 7196 [192 = 1684] мая в 29 день.
[На обороте:]

На Двину боярину нашему и воеводе к Никите Константиновичу Стрешневу да дьяку нашему Максиму Бурцову.

РҮ [192 = 1684] июля в 9 день подал списке Преображенские пустыни служебник Конатко Гаврилов.

Алтин 2 денги аято [у] архиепископа Колмогорского и Важеского.

М. И. Мильчик

Рукописный атлас Архангельской губернии 1797 года. История создания

До последнего времени рукописные атласы губерний Российской империи конца XVIII — начала XIX века не являлись предметом специального исследования и обычно рассматривались лишь как часть картографических материалов генерального межевания¹. Начало работы над созданием этих атласов относится к 1766 году, когда на основе инструкции и «наставления землемерам» были составлены губернские и уездные карты, а также планы городов. Затем, в соответствии с указом 1783 года, все они были объединены в атласы губерний и наместничеств. Атласы включили в себя также краткие топографические описания и экономические примечания². Образцом для них послужил Межевой атлас Калужской губернии, одобренный Сенатом и изданный печатно в 1782 году. Всю эту большую работу осуществляли межевые канцелярии или конторы во главе с губернскими землемерами. Ответственными за составление уездных карт были уездные землемеры, которым при необходимости в помощь придавались военные команды³.

Как справедливо отметил В. М. Кабузан в своей обзорной статье, имея в виду весь корпус губернских атласов, «Историческая наука располагает богатыми источниками, позволяющими начать глубокое и всестороннее изучение многих вопросов исторической географии XVIII — начала XIX века»⁴. И хотя это написано в 1963 году, источниковедческие исследования атласов по-прежнему остаются делом будущего. Пока только Атлас Выборгской губернии был рассмотрен как произведение русской картографии XVIII века⁵.

Остановившись на общей характеристике и истории создания Атласа Архангельской губернии 1797 года⁶, выделяющегося среди других особой тщательностью исполнения, большим объемом, а главное — наличием в нем панорам — видов Архангельска, уездных городов и наиболее значительных монастырей. Его создание — итог

длительной работы по географическому обследованию огромной губернии, обобщение уже накопленного к концу XVIII века большого картографического (описательного и статистического) материала.

Источниковедческая ценность Атласа чрезвычайно велика, ибо он состоит из историко-топографического и экономического описаний⁷, карт губернии и уездов, планов — фиксационных и проектированных — самого Архангельска, а также уездных городов — Холмогор, Шенкурска, Пинеги, Мезени, Онеги, Кемь, Колы, причем с планами, фасадами, а в отдельных случаях и разрезами находившихся в них публичных и казенных зданий. Наконец, Атлас содержит «Виды» — своеобразные развертки преимущественно речных фасадов городов и монастырей. Здесь следует подчеркнуть, что почти все эти панорамы — первые известные нам виды большинства северных городов и монастырских ансамблей. Обилие показанных там построек представляет особый интерес, ибо их изображений до XIX века сохранилось вообще крайне мало. Таким образом, Атлас позволяет представить характер рядовой застройки городов, их объемно-планировочную структуру, облик культовых сооружений, как правило, не дошедших до нашего времени. Благодаря Атласу, мы получаем редкую возможность «увидеть» северные города на сравнительно раннем этапе их существования, когда делались лишь первые шаги по внедрению регулярной планировки на основании царского указа 1763 года⁸, а потому многие из них не только сохраняли тогда свой дорегулярный облик, но и мало отличались от окружавших их деревень и погостов.

Сохранившиеся архивные материалы позволяют проследить всю историю создания Атласа, относящегося к заключительному этапу многолетней работы по генеральному межеванию всей Российской империи. Хотя межевание в Архангельской губернии не прово-

дилось, так как там не было помещичьего землевладения, по указу Павла I от 23 января 1797 года о составлении «на обмерованные губернии Генеральных планов, атласов и карт со всеми к ним принадлежностями» (текст указа не найден)⁹ относился и к ней. Об этом генерал-прокурор Сената А. Б. Куракин уже 28 января сообщил архангельскому губернатору И. И. Гревенцу: «его императорскому величеству благоугодно иметь [...] экземпляры атласов каждой губернии с [...] полным и подробным описанием, как в приложенном [...] начертании явственно значат, вследствие чего поспеваю сообщить, что б в тот же час заставить Вы [...] землемеров по вышепомянутому Начертанию повеленные планы двойным числом составить с вернейшим во всех частях наблюдением и [...] доставить оные ко мне, сколь скоро возможно»¹⁰.

Составление Архангельского атласа, как видно из этого предписания, было целиком возложено на губернатора, который, в свою очередь, руководил губернской и уездным землемерами по сбору и обобщению требуемых сведений на основе Начертания — специальной программы будущего Атласа. Он должен был включать в себя: 1-е генеральную географическую карту всей губернии с разделением на уезды [...]; 2-е план губернского города со всеми строениями и описанием каждого, какие есть публичные или казенные здания, как-то фабрики, заводы, церкви, монастыри и прочие, коим, ежели возможно, приводить и виды; 3-е буде проектирован город к перестройке по новому плану, который проектирован, то приложить и оный; 4-е пред каждым уездным планом положить план уездного города [...] с приложением, буде можно, видов [...]; 7-е к сему атласу должно быть описание каждой губернии [...], климата, свойства земли, рек судоплавателей; [...] где [...] отправляются торги [...], какие рыбы, звери, птицы, промыслы, торговля, ярманки, какие большего часть крестьяне оброчные или хлебопашенные и чем промышляют [...] , какие фабрики, заводы, есть ли леса; 8-е в городах показывать, сколько какой гильдии купцов, ремесленников, мецян, словом обо всем в подробностях» (л. 1 об.-2 об.).

Забегая вперед, скажем, что на составление этого огромного по своему объему Атласа — 449 листов in folio, разделенного «для утилитности в три части»¹¹, ушло всего полгода, в то время, как пять губерний смогли изготовить атласы только в 1801 году, а у остальных эта работа затянулась на одно или даже два десятилетия¹². Архангельскому губернскому правлению удалось справиться с такой сложной задачей столь быстро потому, что к моменту царского указа уже были «Собраны нужные ... сведения» (л. 3), непосредственно использованные при составлении текстовых частей Атласа: развернутое описание губернии конца 1780-х¹³, а также «Краткие исторические примечания к топографическое о Архангельской губернии описание...» 1785 года¹⁴. Что касается поузездных карт, то губернатор «снимать оное с натуры в рассуждении чрезвычайной обширности Архангельской губернии» отказался, использовав уже имевшиеся геометрическую карту губернии 1786 года (л. 5), план Архангельска, снятый, судя по надписи в Атласе, «апреля 1 дня 1794 года», планы уездных городов (л. 5 об.), снятые «по инспиритменту», а также «Атлас Архангельского наместничества», состоявший из 15 карт и составленный по повелению архангельского генерал-губернатора Т. И. Тугольмина¹⁵. Эти материалы надлежало скопировать, на что 19 февраля губернскому землемеру Федору Киселеву был выдан специальный ордер (л. 7). Оставалось «снять городам виды». Для этого 29 февраля И. И. Тревени направляет в западные уезды города подпоручника Афанасия Жукова, а в восточные — учителя математики народного училища Архангельска Василия Сильвестрова, одновременно предписывая горюдинцам выделять в помощь командированным «людей из военнопослужителей штабной команды», а также предоставлять «прежним казенным строением планы с фасадами» (л. 14 об.).

Получив прогонные, А. Жуков и В. Сильвестров 3 апреля выехали из Архангельска в противоположных направлениях: первый — по польскому тракту, второй — по мезенскому. С 9 по 13 апреля А. Жуков снимал вид Козы и копировал там планы (л. 20). На обратном пути, торопясь из-за наступавшей весенней распутицы, он снял виды

Кемь и Онеги. В последнем городе его жалово губернского предписание «Сверх сделанного [...] поручения [...] снять виды монастыря Крестинного» (л. 26 об.) — на Кий-острове, что и было им исполнено с 27 по 30 апреля. Утром 4 мая А. Жуков вернулся в Архангельск (л. 37) и тут же получил новое губернаторское распоряжение отправиться в Николо-Корельский монастырь, где «сверх видов сделать план внутреннему монастыря того расположению» (л. 38). Это задание А. Жуков выполнил 6 мая.

16 апреля В. Сильвестров распорядился И. И. Гревенцу, что им уже сняты виды городов Мезени и Пинеги, а также по дополнительному предписанию виды Красногогорского и Веркольского монастырей (л. 27). 20–21 апреля были сделаны панорамы Шенкурска (л. 34), откуда В. Сильвестров 21 апреля направился в Холмогоры (л. 34), где снял вид не только самого города, но и «соседнего в здешней округе Сийского монастыря. 29 апреля он вернулся в Архангельск.

15 мая И. И. Гревени докладывал А. Б. Куракину о том, что главным затруднением при составлении Атласа оказались именно «виды уездных городов, однако ж они особо отягченными... людьми сняты и последние из отдаленных городов ныне уже воззрительские...» (л. 40). В течение июня на местности уточняют отдельные планы, снимают заново, судя по надписи в Атласе, план и вид Новодинской крепости, собирают недостающие сведения о числе жителей и границах с Олонецкой губернией, завершают «отбелывание» собранного материала, наконец, снимают виды Соловецкого монастыря: «...по древности и по его обширности строений [...] не менее двенадцати» (л. 45–45 об.). Кто выполнял последнее поручение — неизвестно, однако можно предположить, что для этой цели было использовано «Сокращенное описание Соловецкого монастыря с присовокуплением внутреннего и внешнего местоположения острова», составленное в 1790-м году инженер-подпоручиком Васильевым, которое содержит близкие к Атласу по композициям и графическим приемам панорамы и планы монастыря¹⁶. В результате, к 23 августа «требуемые Архангельской губернии карты уездом и городам планы и городам же и прочим известным местам и строениям виды, фасады и описания двойным числом учинены» (л. 53), а 28 августа губернский землемер Федор Киселев, под непосредственным руководством которого и был составлен Атлас (л. 57 об.), направился с ним в Петербург и генерал-прокурору Сената (л. 60).

Итак, всего за полгода, судя по «реgistру», были подготовлены 2 губернские карты, 16 планов уездов, 12 конформированных планов городов, 8 — проектированных, 16 — существующего положения, 50 видов городов и монастырей, а также на 234 листах описаний (л. 54). Все эти материалы были сброшюрованы в два трехчастных экземпляра в кожаных переплетках, что явилось исполнением вышепротипированного предписания генерал-прокурора Сената. Оба экземпляра, совершенно идентичные по формату, составу, графике, состоящие из трех частей, несомненно, выполнялись одним и тем же лицом, а потому каждый из них можно считать оригиналом. Один, предназначавшийся для Павла I, в 1800 году был передан «в собственность депо карт»¹⁷, которое составило основу коллекции военно-ученого архива, вошедшей позднее в Российский государственный военно-исторический архив¹⁸, где ныне и находится один экземпляр Атласа. Второй, привезенный в Петербург из Архангельска Ф. Киселевым, остался в фонде Российского государственного исторического архива, где находится и по сей день.

Между тем, известен еще и третий экземпляр. В отличие от первых он состоит из двух, а не из трех частей, имеет несколько меньший формат и более скромный картонный переплет, а также одинаковую по качеству и размеру бумагу (оригинальные экземпляры составлялись, по-видимому, по мере поступления материала, а потому имеют бумагу разного формата и оттенков). Состав третьего Атласа, текст, планы и панорамы полностью совпадают с первыми. Замечено лишь одно различие: на среднем виде «города Архангельска из пункта D» (с. 70) дом под № 20 («бывальский дом с лаками»), в отличие от соответствующей панорамы первых экземпляров, показан здесь оштукатуренным и без разделения на два корпуса, а дом под № 26 (двухэтажный Приказ Общественного Призрения) на

нижнем виде «города Архангельска из пункта F» (с. 71) имеет провал. Следовательно, в последний экземпляр внесены некоторые изменения, которые, вероятно, произошли с отмеченными постройками в конце лета — начале осени, т. е. уже после того, как был снят вид, помещенный в первых экземплярах. К сказанному надо добавить, что акварели последнего Атласа имеют более интенсивный колер по сравнению с первыми. Все это наводит на мысль, что двухчастный экземпляр хотя и был исполнен в том же 1797 году, но является копией, ибо в переписке И. И. Гревенца и А. Б. Куракина несколько раз упоминают только «двойное число» экземпляров. Между тем архангелогородский губернатор в сентябре того же года писал генерал-прокурору Сената: «...во исполнение вашего сиятельства года предписания неукосни я [...] приказать два экземпляра оной карты скопировать, которые [...] в самоскорейшем времени к вам намереваюсь доставить...»¹⁰. Можно думать, что речь здесь идет об атласах, и третий, существующий поныне экземпляр, был снят около того же года, уже после отсылки двух основных экземпляров в столицу, скопирован для А. Б. Куракина с оставшихся в Архангельске черновых заготовок. Существовал ли одновременно с ним упоминавшийся в письме архангельского губернатора четвертый экземпляр — неизвестно²⁰. Никаких черновиков, к сожалению, обнаружить в архивах не удалось.

В заключение отметим, что планы и «Виды» во всех трех экземплярах Атласа отличаются безусловной обстоятельностью, ибо съемка оригиналов планов производилась инструментально (при помощи астролябии), а видов — с применением камеры-обскуры, упоминаемой в «регистре» Ф. Киселева²¹. Неслучайно на планах всех городов помечены точки съемки и границы панорам. Напомним, что камера-обскура — непосредственная предшественница фотографического аппарата, издавна использовавшаяся в Европе «для снимания перспектив». Это был цилиндр, в переднюю стенку которого вставлялось двояковыпуклое стекло (объектив), а внутри в наклонном положении располагалось зеркало. Оно проецировало изображение на верхнюю стенку со стеклом. На него рисовальщик помещал лист бумаги и, укрывшись специальной палаткой, перерисовывал вид. Поэтому легко объяснить и скорость снятия видов, и их тщательность.

Сказанное позволяет считать, что перед нами городские пейзажи конца XVIII века, исполненные в технике акварели с предварительным рисунком пером, хотя и несколько ремесленно, но зато с почти фотографической точностью. Таким образом, рукописный Атлас Архангельской губернии — выдающийся памятник достижений русской картографии XVIII века, по достоинству оценить который можно, лишь помня, что он содержит богатый материал для изучения географии, истории и архитектуры самой большой губернии России, простиравшейся от грани Финляндии и Норвегии до Уральских гор.

Примечания

¹ Рубинштейн Н. Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века — памятники географического и экономического изучения России // Вопросы географии. 1953. Сб. 31. С. 39–89; Цветков М. А. Картографические материалы генерального межевания // Вопросы географии. 1953. Сб. 31. С. 90–100; Кабузан В. М. Некоторые материалы для изучения исторической географии России XVIII–XIX веков // Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып. IX. С. 153–195; Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях к генеральному межеванию». М., 1965. С. 96–107.

² Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 57–58.

³ Милов Л. В. Указ. соч. С. 37.

⁴ Кабузан В. М. Указ. соч. С. 185.

⁵ Шаскольский И. П. Русский рукописный атлас XVIII века в Финляндском архиве // Известия ВГО. 1977. Т. 109. Вып. 1. С. 101–102.

⁶ Существуют три экземпляра Атласа Архангельской губернии: РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 2 (ч. 1), 3 (ч. 2), 5 (ч. 3). Размер 51х69 см; РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 1. 4. Размер 49х62,5 см.

⁷ «Топографическое и историческое описание губернского города Архангельска», содержащееся в Атласе Архангельской губернии 1797 года, опубликовано. См.: Овсянников О. В. К топонимике и топографии старинного Архангельска // Вопросы топонимии Подольня и Поморья. Сб. ст. Архангельск, 1991. С. 80–112.

⁸ Швариков В. Очерки истории планировки и застройки русских городов. М., 1954. С. 84.

⁹ Милов Л. В. Указ. соч. С. 96–98.

¹⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7 (Переписка архангельского гражданского губернатора о составлении губернского атласа). Л. 1. Далее ссылки на это дело даны в тексте.

¹¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 400 (Переписка генерал-прокурора Сената с губернаторами всех губерний о составлении атласов). Л. 207 об.

¹² Милов Л. В. Указ. соч. С. 101.

¹³ Архив СПб. ФИРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 497.

¹⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18561.

¹⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 20680. Об этом атласе см.: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 281 (Переписка генерал-губернатора Тютюмина о прислании плана Архангельска и атласа Олонешкой и Архангельской губерний). Л. 1, 3.

¹⁶ Гос. Российская библиотека. Ф. 178. Д. 4302. Л. IX, X. Другой вариант этой же рукописи хранится в Научно-исследовательском музее Академии Художеств. Д. 19–М–25.

¹⁷ РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2160. Л. 118.

¹⁸ Бендер М. О. Каталог Военно-ученого архива Главного штаба. Т. 1. СПб., 1905. Л. 111.

¹⁹ ГААО. Ф. 1. Д. 7. Л. 62.

²⁰ До Первой мировой войны в библиотеке Юрьевского (ныне Тартуского) университета хранилось рукописное описание Архангельской губернии 1803 года размером «в малую восьмидесятку» с картами губернии и уездов, с планами и видами городов (Зеленин Д. Архангельская губерния в начале XIX века // Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 год. Архангельск, 1907. С. 1–3; Каталог русских книг библиотеки имп. Юрьевского университета. Юрьев, 1910. С. 16). Нынешнее местонахождение этой рукописи неизвестно, однако вряд ли ее можно считать четвертой копией Атласа, учитывая малые размеры, несколько иной состав и тот факт, что она относится к 1803 году, когда уже нн А. Б. Куракин, Н. И. Гревенц не занимали своих прежних постов.

²¹ В «Шотте», составленном Федором Киселевым, «сколько канн на все сие сочинение употреблено материалов», перечислена и камера-обскура, «которая употреблена была к снятию видов с городов». О камере-обскуре и ее применении см. подробнее: Поллок П. Из истории фотографии [М., 1983]. С. 16–19; Головин И. А. С чего начиналась фотография. М., 1991. С. 18–29.

Е. И. Ружникова Виды города Архангельска на акварелях В.Е. Галаямина

Опубликованные в настоящем издании четыре акварели с видами Архангельска 1820-х годов (нл. 46, 70, 84) остаются почти неизвестными широкому кругу публики и специалистам. История сохранила нам крайне мало изображений города до появления фотографии. Поэтому большой удачей явилось приобретение в 1981 году Архангельским музеем изобразительных искусств в Москве альбома акварелей с видами Финляндии и Архангельска. Совсем недавно удалось определить их автора.

Первые рисунки этого альбома были показаны на выставке, посвященной 400-летию Архангельска, в 1984 году, как произведения неизвестного художника. Из тридцати листов альбома только шесть связывались с Архангельском, о чем сообщали надписи под рисунками на белом поле листа. Встречались тут виды Выборга и Гельсингфорса, два листа с изображением Петровских казарм, на большинстве же листов можно было видеть северные пейзажи, с порогами и водопадами, спокойной гладью озер и сценками из повседневной жизни. Подписи художника на рисунках не было, на одиннадцати из них имелась дата — 1826 год, поставленная автором черной тушью непосредственно на рисунке. Наряду с годом, иногда указывались и числа, по которым можно судить, что все акварели были выполнены с апреля по июль 1826 года. На ряде листов можно видеть изображения офицеров и рядовых в форме пехотных войск, а на некоторых и рисующего офицера. Все это давало основание предположить, что автором рисунков был офицер, побывавший вместе с полком в 1826 году в Финляндии и Архангельске.

Попытка найти какие-то материалы о пребывании пехотных войск в Архангельске в 1826 году в ГААО ничего не дали. Поэтому поиски автора следовало начать со знакомства с материалами о художниках первой трети XIX века, оставивших нам изображения русских городов. Опубликованных материалов на эту тему очень немного, пришлось обратиться к музейным специалистам.

Первое предположение о том, кто мог быть автором альбома, сделала хранитель русской гравюры Государственного Эрмитажа Галина Алексеевна Миролубова. Занимаясь в свое время материалами Общества поощрения художников, она встречалась с именами авторов, оставивших нам зарисовки городских пейзажей, и посоветовала обратить внимание на Валериана Емельяновича Галаямина (1794–1855), альбом рисунков которого хранится в Эрмитаже. Знакомство с ним, однако, мало что дало: альбом относится к 1830-м годам, времени, когда Галаямин занимал пост директора Императорского фарфорового завода. Связанные с росписью по фарфору, рисунки носили совсем иной характер, обладали сочным колоритом, были более детализированы и не убедили, что их автором мог быть художник приобитенного альбома.

В 1990 году Государственный Русский музей издает каталог выставки новых поступлений (1977–1987). В каталоге рисунка¹ значилось имя В. Е. Галаямина, причем среди его работ, указанных в каталоге, два листа связывались с Архангельском. Это:

«38. Вид собора св. Троицы в Архангельске, 1825

Бум., акв., тушь 23,2х32,8. Внизу подписи(?): Видъ собора Св. Троицы въ Г. Архангельске 3-го Юня 1825;

41. Переправа через Двину по дороге из Петербурга в Архангельск

Бум., акв., тушь 23,2х32,9. Внизу надпись: Д. Каснова гора (переправа через рѣку Двину по дороге изъ С. Петербурга въ Г. Архангельскъ)».

Среди листов архангельского альбома также есть изображение собора Св. Троицы в Архангельске. Первое впечатление от сравнения двух листов с изображением Троицкого собора — их автором мог быть один и тот же художник, хотя собор на рисунках архангельского альбома и Русского музея изображен в разных ракурсах, с разных точек зрения. Разница заключалась и в том, что на нашем

Валерян Емельянович Галаямин (1794–1855)

листе, внизу посредине, имелась дата — 1826, причем не на белом фоне листа, а на самом рисунке, а на листе из Русского музея надпись под рисунком указывала на 1825 год. В Русский музей рисунки Галаямина поступили в 1985 году как работы неизвестного художника. Авторство было установлено Е. Н. Петровой.

Поэтому предстояло выяснить, мог ли Галаямин быть в Архангельске в 1825–1826 годах, с какой целью он его посетил и как связан с полком, находящимся в Финляндии. Посещал ли Галаямин Архангельск дважды? Заметим, что все надписи с названием изображенных мест сделаны на белом поле листа, а не на самом рисунке. Они могли быть выполнены гораздо позднее времени исполнения акварели.

Однако, прежде всего, предстояло собрать сведения о художнике, весьма малочисленные и краткие. Что касается видов Архангельска, то необходимо было уточнить, какая часть города изображена на рисунках, какие здания запечатлены на них и существовали ли они в 1826 году.

Довольно обширная справка о Галаямине есть в Русском биографическом словаре². Хотя о поездке его в Архангельск в словаре не упоминается, но сообщается, что он был переведен в Петровский пехотный полк, стоявший в Финляндии (год не уточнен). О его деятельности на посту директора Императорского фарфорового завода узнаем из юбилейного издания, посвященного этому старейшему российскому предприятию³. Там же помещен портрет Галаямина.

Несколько строк имеется о нем в справочнике Кондакова⁴; в списке Почетных Вольных Общников Академии названа его фамилия с именем и отчеством и указан год присвоения этого звания — 1838-й. Это звание присваивалось как русским, так и иностранным художникам за их произведения, присуждалось оно также и лицам, имевшим вообще заслуги в области искусства.

Из всех этих сведений наиболее интересно упоминание о том, что Галаямин имел какое-то отношение к декабрьскому восстанию, поэтому показало необходимым обратиться к материалам декабристского движения.

В фундаментальном труде, посвященном восстанию декабристов⁵, нам удалось найти самые полные сведения о художнике. В восьмом томе помещен Алфавит декабристов, интереснейший

документ, составленный правителем следственной комиссии Александром Дмитриевичем Боровиковым, воздававший ее со дня ее учреждения, т. е. с 17 декабря 1825 года. Алфавит содержал записки о каждом из привлеченных к делу 189 лиц.

Приведем интересные нас сведения о художнике, Валерии Емельяновиче Галайме, был дворянином, сыном чиновника средней руки в Гродно. Образование получил в Институте корпуса инженеров путей сообщения (1811), с 1 июня 1814 года был принят на должность инженера этого корпуса. В 1816 году был зачислен в Свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Очевидно, был усерден в службе, потому что быстро продвигался, почти ежегодно получая новые чины. В 1817–1818 годах находился на съемках военного поселения в Новгородской губернии, за что получил бриллиантовый перстень. В 1822 году он уже подполковник, а в 1823-м был назначен помощником директора Корпуса военных топографов. Исполняя различные топографические работы, показав себя хорошим математиком и отличным рисовальщиком. Его удачная карьера и служба в Корпусе топографов были прерваны событиями 25 декабря 1825 года. К декабристскому движению Галайме был причастен косвенно: получил 14 декабря от декабриста А. О. Корниловича письмо для матери с просьбой отослать его по почте, он сжег его, узнав об аресте Корниловича. Все главные члены движения при допросах отрицали принадлежность Галайме и обществу. Накануне восстания он, как и многие, обсуждал вопрос о том, присягать ли государю Николаю Павловичу, но, активного участия в этих обсуждениях не принимал, будучи человеком довольно осторожным. Галайме содержался под арестом в своей квартире. По докладу комиссии, находившей его, Галайме, виновным в том, что ему не следовало жечь письма Корниловича, а должен был представить начальству, 24 февраля Высочайшее повелено освободить и перевести в архив. По Высочайшему приказу 20 марта 1826 года он был переведен в Петровский пехотный полк, базировавшийся в Финляндии¹⁰.

Несколько слов о дальнейшей деятельности Галайме, не касающейся времени создания интересующих нас акварелей. В 1828–1829 годах он участвовал в войне с Турцией. В 1830–1831 годах, будучи уже полковником и старшим адъютантом Главного штаба действующей армии, принимал участие в усмирении Польского восстания и за взятие Варшавы награжден золотой орденом с надписью «За храбрость». В 1832 году он подал в отставку и был назначен директором Императорского фарфорового завода, где служил до 1848 года и был уволен по болезни. Человек деятельный и энергичный, он был одним из лучших директоров завода. Его стараниями в 1844 году к столетию фарфорового завода при нем был создан музей, где были представлены лучшие изделия с момента основания до последнего времени, а также продукция иностранных фарфоровых фабрик.

Таким образом, быть в Финляндии, в местах, изображенных на рисунках архангельского альбома, Галайме вполне мог в 1826 году, но как объяснить его зарисовки в Архангельске? Сомнение вызывала и дата на рисунке из Русского музея — 1825 год.

Мы попытались использовать еще один источник сведений о Галайме. Показалось необходимым найти послужные списки служащих Императорского фарфорового завода и, прежде всего, самого директора. И, действительно, в формулярном списке, который Галайме заполнял собственной рукой (таковых сохранились три — за 1837, 1839 и 1842 годы), он отметил, что в 1825 году он был с особым поручением отправлен в Архангельскую губернию¹¹. Характер этого особого поручения раскрывается в документе РГБ¹². Сохранился переписка между управляющим Министерством иностранных дел графом К. В. Нессельроде и начальником Главного штаба бароном И. И. Дибичем, в которой обсуждался вопрос о демаркации границы между Финляндией и Норвегией. Для этой тонкой и дипломатичной миссии необходимы были опытные и знающие люди. Выбор пал на Галайме¹³, которому было предписано явиться для получения наставления 29 марта 1825 года. Последний попросил себе в помощники прапорщика Вейхара, с которым они вместе работали на съемках местности в Петербургской губернии. Судя по документам, их выезд из Петербурга состоялся между 14 и 25 мая. Таким

образом, дата на рисунке из Русского музея, изображающем Троицкий собор в Архангельске (3 июня 1825 года) могла быть достоверной.

Но оказалось, что Галайме направлялся в Финляндию и в 1826 году. Снова потребовалась демаркация границ между Швецией, Норвегией и Финляндией, и шведский посол высказал пожелание, чтобы для этой цели были посланы те же самые офицеры, которые работали в 1825 году, так как им хорошо известно местное положение¹⁴. В письме от 2 мая 1826 года граф Нессельроде замечает: «поручение, возлагаемое на подполковника Галайме, потребует, по моему мнению, прибытия его в С.-Петербург для получения наставления от Господина Управляющего Министерством иностранных дел»¹⁵. Есть еще один, не совсем понятный документ о местонахождении Галайме. В рапорте Финляндского генерал-губернатора барону Дибичу от 15 июня 1826 года читаем: «жалованье г. Галайме получено и отправлено в г. Торнео [?] для доставления. Уведомление же о сих деньгах послано мною и г. Галайму через город Архангельск, о чем имею честь Вашему Превосходительству доложить»¹⁶. Не значит ли это, что в июне 1826 года Галайме был в Архангельске? А ведь один из листов с изображением города датирован 6 июня 1826 года.

10 сентября 1827 года по возвращении в Петербург Галайме представил донесение об окончании сделанного ему поручения¹⁷. Работа Галайме по демаркации границы была оценена по достоинству. Шведский король наградил его орденом Меча и бриллиантовой табакеркой с королевским шифром. Граф Нессельроде ходатайствовал о нем перед императором: «Чиншник сей с отличным благодарным и неутомимым деятельностью исполнил разные поручения, которые были на него возложены в течение трех лет и, кажется мне, содеянное заслуживает быть удостоено благоволения Августейшего нашего монарха»¹⁸. 18 октября 1827 года император наградил его 2000 рублей и повелел отправить обратно в полк, с тем чтобы через полгода, если он ни в чем не будет замечен, перейти в Генеральный штаб¹⁹. Таким образом, рисунки с видами Финляндии Галайме мог выполнять в 1825–1827 годах, в Архангельске же, судя по этим документам, он был в 1825 году, хотя нельзя исключить его пребывание и в 1826.

Попытаемся сравнить рисунки архангельского альбома с подлинными работами Галайме, хранящимися в отделе рисунка Государственного Русского музея, которые мне любезно предоставили сотрудники этого отдела.

В фондах Русского музея насчитывается более двух десятков акварелей Галайме, выполненных им в разные годы в Финляндии и на Балканах (1825–1832). Некоторые из них приобретены на произведение неизвестных художников и были атрибутированы Е. Н. Петровой и Л. А. Рыбаковой. Особый интерес для нас представляет приобретенный сравнительно недавно альбом «Собрание видов старой и новой Финляндии», первый рисунок которого имеет подпись Галайме и дату — 1832 год. Кроме того, имеются акварели более крупного размера (40х60) с видами Финляндии, среди них также встречаются подписные и датированные работы.

Знакомство с подлинными работами В. Е. Галайме подтвердило обоснованность наших предположений об авторе архангельского альбома. Художественный почерк акварелей ГРМ идентичен рисункам альбома Архангельского музея. Кроме того, наблюдается одна особенность: художник по несколько раз в разные годы повторял один и тот же сюжет, внося в него какие-то изменения. Иногда он выбирал иную точку зрения, приближая или удаляя от переднего плана здания, менял стаффажные фигуры первого плана, оставляя основной объект в центре рисунка. Делал он это, очевидно, с целью совершенствования композиционного замысла. Для определения же авторства архангельских листов наличие повторяемых художником сюжетов значительно облегчило их стилистический анализ, позволив подтвердить один и тот же художественный почерк.

Сравнение двух рисунков с изображением Троицкого собора в Архангельске (ГРМ — 1825 год, архангельский альбом — 1826 год) свидетельствует о том, насколько усложнилась композиция. В рисунке из ГРМ все здания вытянуты в одну горизонтальную линию,

подчеркнутую линиями берега, ограды, силуэтом лодок. Собор тут ничем не выделяется в ряду других построек, он частично перекрыт, а его пропорции искажены. На архангельском рисунке находящийся на втором плане собор является доминирующей, пропорции его изысканы, а овальная линия ограды будто подводит нас к нему. На плоскости небольшого листа художник нашел возможность поместить и колокольню, и Михайло-Архангельскую церковь, и Гостиные дворы, острокопечные силуэты Успенской церкви и Северную Двину на заднем плане. Он сумел на одном листе запечатлеть основные архитектурные доминанты Архангельска первой половины XIX века.

В акварелях Галаямина явно ощущаются элементы профессионализма. Это проявляется в кулиском построении пейзажа, с его четко выверенными планами, с академическим использованием темных тонов на переднем и нежных на заднем плане, где в дымке тумана таяют холмы. Художник владеет перспективой и смело строит пространство в глубину. При четкой выписанности архитектурных деталей зданий они погружены в световоздушную среду. Художник умеет передать особенности местности и создать ощущение жизни. Особенностью всех листов является их насыщенность движением. Объединяет их и характер фигурок людей на переднем плане: они все чрезвычайно деятельны, жестулируют, общаются друг с другом. Особенно это заметно в листах с видами Финляндии. Из чисто индивидуальных особенностей почерка художника отметим использование им почти всегда тонкой белой полосы, отделяющей воду от берега, наличие такой же полосы под движущейся лодкой.

Все рисунки решены в голубовато-коричневой гамме. Немногословная цветовая палитра и неоднократное повторение художником одного сюжета, с изменениями в его композиции, позволяет предположить, что листы подготавливались для литографирования, а печатной графикой он занимался. В РГБИА существовало дело 1823 года «О покупке квартирмейстерской школы подполковником Галаяминым для обучения гравировальным ученикам десяти гравировальных разной величины медных досок»¹⁶. В 20-е годы XIX века в России выходило большое число гравированных и литографированных изданий. Особое место занимали тут издания, посвященные Петербургу. Гравюры украшали книгу П. П. Свинына «Достопримечательности Санкт-Петербурга и его окрестностей» (1816–1828), альбомы, изданные А. И. Плошаром и А. М. Прево. Литографии, посвященные Петербургу, издавало и Общество поощрения художников в 1821–1826 годах. Начальник Военно-топографического депо Ф. Ф. Шуберт был одним из его учредителей. По сведениям, любезно предоставленным Г. А. Миролюбовой, Галаямин обращался в Общество с просьбой издать литографии видов Финляндии и получить одобрение. Но события декабря 1825 года этому помешали. Пока не удалось выяснить, смог ли Галаямин позднее издать свой альбом литографий, но именно этим можно объяснить немногочисленность цветовой гаммы его рисунков.

Какое же место занимает В. Е. Галаямин среди художников первой трети XIX века? Потребность в достаточно точных документальных изображениях определенной местности вызвала к жизни особый вид акварельного рисунка — видопись. Этот тип рисунка характерен для всей первой половины XIX века. К нему прибегали и известные художники-живописцы М. Н. и С. Н. Воробьевы, братья Г. Г. и Н. Г. Чернецовы, С. Ф. Галактионов. У этих разных по художественному почерку художников всегда обнаруживается стремление к документальной точности изображения конкретного места, будь то городской пейзаж, архитектурное сооружение или изображение реки, водопада, дороги в лесу.

Для художников военно-топографического депо умение рисовать было необходимым. Рисование входило обязательной частью в систему военного образования России. Приведем мнение о значении рисования Александра Бестужева, отца известного дебриста Николая Бестужева, оставшегося нам зарисовкой мест ссылки декабристов в Читинской губернии. Будучи преподавателем Артиллерийско-инженерного кадетского корпуса, уделявший большое внимание системе военного образования вообще, А. Бестужев писал: «Хорошо рисовать и по правилам перспективы составляет также необходимую черту в картине военного воспитания; без сего же искусства

будет всяк пресмыкаться на пути должностей своих, невозможны сообщить знания свои другому: не чрез искусство рисовальное не только что путь его учинится не труден, но он поставит еще себя в состояние оказывать самые важнейшие услуги во многих случаях и обстоятельствах. Рисовальное искусство, доведено бы далее обыкновенного в начертаниях, в составлении планов, наружности зданий, изображения пейзажей и прочего, учинит всякого способным представлять все предметы в короткое время, чего бы он словами в несколько часов так ясно рассказать не мог»¹⁷.

Находясь на военной службе, офицеры, особенно те, что окончили кадетский корпус, часто участвовали в топографических съемках определенной местности, и умение рисовать для них было необходимым, но рисунок имел служебное, вспомогательное значение. Видовой характер трактовок пейзажа, точность и конкретность изображенных мотивов делали совершенно необязательным появление в рисунках художников-видописцев воздуха и солнечного света. Только у редких мастеров, например, у Ф. А. Алленсева, наряду с точностью рисунка, передается поэтическое ощущение жизни природы или неуловимо-прозрачный облик Петербурга.

Приусие некоторых мастеров первой трети XIX века особая поэтичность и теплота, при ювелирной тщательности рисунка, характерны и для Галаямина. Получивший военное образование в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, он рисовал отменно, о чем свидетельствует его характеристика в Альфавите дебристов. Вспомним, что за съемки военных поселений Новгородской губернии, будучи еще совсем молодым, он получил бриллиантовый перстень и денежное вознаграждение.

Листы альбома с видами Архангельска в художественном отношении являются одними из лучших. Город в изображении художника предстает удивительно поэтичным, его архитектура легкой и изящной, он выбирает красивейшие его памятники и, прежде всего, Архангельский кафедральный Свято-Троицкий собор. Освященный 17 сентября 1765 года, Троицкий собор был главной доминантой города. Другой вертикалью, создающей узнаваемый силуэт города, была Успенская церковь (1742–1744), с выстроенной несколько позже высокой колокольней.

Галаямин отобразил важный этап в истории города, когда шла его интенсивная застройка каменными общественными зданиями, появление которых на столетие определило архитектурную панораму Архангельска. Его внимание привлекли новые, только что выстроенные здания — Дом губернатора (1821), каменное трехэтажное здание губернской Присутственных мест (1821–1825) с красивой площадью перед ними. На одном из рисунков, представленных в настоящем издании, воспроизведена часть Набережной с мощным силуэтом сахарного завода купца Брандта. Архивные источники свидетельствуют о том, что строительство его завершилось только в 1826 году¹⁸ (на рисунке можно заметить, что здание еще обнесено забором). И это обстоятельство вновь заставляет задуматься, не посетил ли все-таки Галаямин Архангельск в 1826 году?

Как и большинство художников, писавших Архангельск, автор не мог пройти мимо красивы Двины, ее плавный изгиб с мысом Пур-Наволоч и панорамой возвышающихся над кудами деревьев колоколен и храмов, вертикалями корабельных мачт отразил он в одном из рисунков, выполненном со стороны Солонбача.

Значение этих рисунков трудно переоценить. Своей четкостью и документальностью в изображении конкретного места они донесли до нас достоверный образ Архангельска пушкинской поры, образ города, давно исчезнувшего и почти никому не известного.

В целом же, альбом рисунков с видами Архангельска и Финляндии по своему профессиональному мастерству, четкому построению планов, нежной голубовато-коричневой гамме, хорошо передающей световоздушную тональность северных пейзажей, прибавляет еще одно имя к небольшому числу художников первой трети XIX века, работавших в жанре видописи. Его акварели, на долгое время потерявшие имя автора, усилиями музейных исследователей вновь его приобрели. Директор Императорского фарфорового завода Валерий Емельянович Галаямин, шестидесять лет занимавший этот пост и оставивший по себе добрую память, останется в памяти потомков и как талантливый художник-видописец.

Примечания

¹ Русский рисунок XVIII — начала XX века: Кат. выст. / Под ред. Л. П. Рыбаковой и Е. Н. Селизаровой. Л., 1990. С. 36.

² РБС. М., 1914. Т. IV. С. 185–186.

³ Императорский фарфоровый завод. 1744–1904. СПб., 1906. С. 159, 401.

⁴ Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. СПб., 1914. С. 310.

⁵ Восстание декабристов: Мат. Л., 1925. Т. VIII. С. 69.

⁶ Там же. С. 302.

⁷ РГИА. Ф. 503. Оп. 4. Д. 3 — Формулярные списки чиновников Императорского фарфорового завода. Л. 5 об.

⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 62 — О командировании подполковника Галямина и прапорщика Вейхарда в Архангельскую губернию для решения споров, возникших между русскими и норвежскими лопарями о границах. 1825–1828. Приношу благодарность старшему научному сотруднику Эрмитажа И. Г. Котельниковой за указание на этот фонд.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 19 об.

¹¹ Там же. Л. 20.

¹² Там же. Л. 41.

¹³ Там же. Л. 70.

¹⁴ Там же. Л. 79.

¹⁵ РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 128 — Об уведомлении подполковника Галямина, прикомандированного к главному штабу 2-й армии, о приобретении им права за равностную службу во 2-ой армии на перевод в Генеральный штаб, из которого был исключен за свои неосторожные поступки (1828 г.)

¹⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 313 (1823 г.). Дело уничтожено.

¹⁷ Цит. по кн.: Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 36.

¹⁸ ГААО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 191. Л. 7 об.

СТРОИТЕЛЬНЫЙ УСТАВ АРХАНГЕЛЬСКА 1839 года (в извлечениях)

Положение об устройстве губернского города Архангельска

На подлинном собственною его императорского величества рукою написано: «Быть по сему».
С. Петербург, 11 марта 1839 года

§1.
Для устройства Губернского города Архангельска, учреждается в нем Строительный Комитет.

§2.
Архангельский Гражданский Губернатор, есть Председатель Комитета; а Члены: Начальник работ, Инженерный Штаб- или Обер-Офицер Корпуса Путей Сообщения, Полиций-стер, Городовой Архитектор, Градский Глава, один Депутат от Дворян, живущих в г. Архангельске и два Депутата от купцов, по избранию общества, на общих правилах.

[...]
§5.
Комитет вообще заботится:

а) Чтобы здания, наблюдению Комитета принадлежащие, возводились были прочно, правильно, и служили к украшению города; и
б) Чтобы дома, дворы, заборы, мосты, съезды к реке Двине, мостовые на улицах и площадях, каналы, колодцы, водопроводы, парадные места и городской сад, содержимы были во всегдашней исправности.

§6.
Комитет сей имеет в своем заведывании все городские общественные здания и строения, не исключая и принадлежащих Приказу Общественного Призрения и городской сад.

§7.
Для присмотра за целостию общественных строений, определяются два Комиссара, по выбору граждан, на общих правилах, без жалования. Служба их должна быть сравнена с Гласными Думы. Они состоят в распоряжении Комитета по делам устройства города.

[...]
§15.
Никакое частное, ни казенное, ни общественное строение не может быть возведено вновь или старое исправлено, без ведома Комитета.

§16.
Постройка новых деревянных обывательских строений и перемена фасадов в старых незначительных строениях, не иначе производится, как по Высочайше одобренному чертежу, с утверждения Главного Начальника Губернии.

§17.
Планы новым каменным или деревянным, но с каменным фундаментом частным строениям, а также и о перемене фасадов в старых значительных строениях, Комитет представляет Главному Начальнику Губернии, для испрошения через Департамент Военных Поселений, Высочайшего утверждения.

§18.
Предметы обязанности Комитета разделяются на четыре отделения.

ОТДЕЛЕНИЕ I.

По части строительной

1) О вновь возводимых строениях.

- 2) О старых строениях.
3) О незастроенных местах.
4) О заборах.
5) О мошении улиц, планировании площадей и исправлении мостов.
6) О устройстве каналов, колодцев и водопроводов.
7) Содержание и починка городских общественных зданий и устроений, также содержание городского сада; и
8) Распоряжения по постройкам, работам и исправлениям городских зданий.

[...]
1) О вновь возводимых строениях
§19.

Каждый из обывателей города Архангельска, желающий произвести постройку дома, или другого строения, объявляет об ином Комитету письменно, и ожидает от него разрешения.

§20.
Комитет при составлении планов на возведение вновь обывательских строений, внимательно наблюдает, дабы фасады на украшение наружных видов сих строений были сообразны общим Высочайше утвержденным планам для постройки в городах обывательских домов, и чтобы здания сии были красивы, прочны и украшения их немногосложны.

§21.
При внутреннем расположении строящихся домов Комитет, соображаясь с желаниями хозяев, наблюдает, чтобы оно было полезно для прочности самого строения; назначение печей и выведение дымовых труб безопасно и вообще сообразно с правилами Гражданской Архитектуры.

§22.
По утверждении, согласно §§16 и 17, плана и фасада вновь возводимому зданию, Комитет при вручении оных просителю, командирует с тем вместе Архитектора к отводу линии и закладке строения, дабы ни в каком случае не нарушался план города. Сие же самое наблюдается и при совершенной перестройке старых строений.

§23.
Все вновь строящиеся обывателями деревянные строения, имеющие фасады на больших улицах, для большей прочности, должны быть возводимы на каменных фундаментах.

§24.
Комитет обращает особенное внимание на способ заложения фундамента, как в каменных, так и в деревянных зданиях, соображаясь с местным положением грунта и высотой строения, дабы хозяева, постройки сии производившие, не могли в последствии времени потерпеть от разрушения строений осадкою фундамента.

§25.
Для облегчения обывателей и особенно таких, кои по усмотрению Комитета окажутся малосостоятельными, дозволяется возводить им в малых улицах и переулках дома, а во всех прочих улицах и все нежилые строения на деревянных стульях.

§26.

По Высочайше одобренному плану города Архангельска не должны быть допускаемы никакие обывательские строения противно оному на площадях и улицах; причем наблюдать, чтобы по большим открытым улицам строены были дома по фасадам 1-го номера, в улицах меньшего пространства 2-го номера, а в крытых переулках 3-го номера, сообразно с присвоенным каждому номеру образом постройки.

2) О старых строениях

§27.

По представлении от обывателей планов каменным и деревянным зданиям, требующим починки или некоторой перестройки, Комитет свидетельствует, чрез своих членов на месте, каждое таковое здание и удостоверяется, в каком состоянии оно находится.

§28.

Если строение сие в таком виде, что заслуживает быть поправлено согласно желанию хозяина, то Комитет соображает, можно ли с такою починкою строения исправить и фасад оному, дабы дать лучший вид.

§29.

Если строение здание по ветхости своей не может к починке быть допущено, в таком случае Комитет отказывает в просьбе обывателя, назначает это строение к ломке и предоставляет хозяину возвести на место его новое здание, употребляя к оному годные материалы от прежнего строения и делая ему вспоможение по сему положению.

§30.

На особенное попечение Комитета возлагается принять самые решительные меры к понуждению тех обывателей, кои без позволения Правительства построили себе жилища в самых неудобных местах, как-то: на буграх, горах и площадях, дабы они в течении пяти лет избрали другие удобные места, для возведения приличных домов, в чем каждого из таковых обязать подпискою, предварив в оной, что со стороны Комитета будет оказано им пособие, на основании сего положения. Но если по прошествии определенного срока, некоторые из таковых жилищ еще останутся на месте, в таком случае имеют быть разобраны, по распоряжению полиции [...]

§31.

Комитет, ни в каком случае не позволяет обывателям починивать ветхие строения, не по утвержденным планам построенные.

§32.

Починки и исправления в домах, построенных по утвержденным планам, Комитет сам дозволяет, но если с починкою и исправлением таковых домов, изменится прежний фасад оных, то сие не иначе дозволяется, как по получении утверждения, согласно §§16, и 17 сего положения.

§33.

Те из старых строений, которые по освидетельствовании окажутся близкими к разрушению, Комитет понуждает обывателей перестроить, или назначает оное к ломке, согласно §29, делая сие постепенно и начиная с главных улиц.

3) О незастроенных местах

§34.

Комитет, по сношению с Губернским Правлением, приводит в известность все места в городе, кои со времени отвода их под постройку каменного дома в продолжении пяти лет и деревянного в продолжении трех лет остались вовсе незастроенными, и, следовательно, принадлежат городу.

§35.

Обывателям, имеющим таковые места, Комитет объявляет с подпискою, дабы они, буде желают, застроили их, со времени объявления им о сем, не далее, как в течении одного года.

§36.

Если обыватели откажутся от застройки мест в течении сказанного срока, или давши Комитету подписку, не исполняя оной, в таком случае не застроенные места отбираются от них, хотя бы места сии были уже и огорожены, и поступают в ведение Комитета.

§37.

Отбираемые таким образом места, равно и остающиеся пустопорожними, Комитет отводит обывателям, кои обяжутся: строить оные, наблюдая вообще и в раздате те самые правила, кои до сего времени при настоящем случае исполняемы были Губернским Правлением, т. е. желающие получить подзастроенные места, являясь в Комитет и избирая оные по плану, должны подавать прошения, с означением избираемых ими мест и обязательством построить по номеру того места каменное строение в течении пяти, а деревянное трех лет, от получения данных листов.

[...]

§42.

Комитет обращает внимание на те улицы, которые мало застроены, и заботится об устройстве их.

§43.

Надворного строения прежде постройки лицевого не дозволят дабы через то улицы не имели одних только заборов.

4) О заборах

§44.

Комитет заботится, чтобы заборы около домов и огородов, особенно на главных улицах, не были в безобразном виде и пустопорожние места были обнесены заборами.

§45.

Все таковые заборы должны быть строены и переделываемы обывателями с употреблением старых годных материалов, по утвержденным фасадам, и Комитет заботится об исполнении оных обывателями, по возможности.

5) О мощении и планировке улиц, площадей и исправлении мостов

§46.

В мощении улиц и площадей руководствоваться сводом гражданских законов [...]. на основании коих Комитет обязан назначать ежегодно из городских доходов нужную сумму на мощение площадей и улиц, сначала главных, в потом постепенно и всех прочих; дальнейшее поддержание устроенных по улицам мостовых, должно уже лежать на обязанности обывателей, каждого противу своего дома; в отношении же мощения улиц противу церквей и казенных зданий, Комитет наблюдает, чтобы оныя исправляемы были от тех ведомств, до коих сия повинность относится.

§47.

Устройство съездов к реке Данне, планирование площадей, мощение на оных мостовых и исправление мостов, на обязанности города лежащих, производится по распоряжению Комитета казенными рабочими, и Комитет наблюдает, дабы съезды, площади и мосты всегда содержимы были в должной исправности.

6) Устройство каналов, колодезь и водопроводов

§48.

Поелику строение каналов и водопроводов есть единственное средство к осушке топких мест, то Комитету и надлежит употребить таковое средство повсюду, где тоному предстоять будет в том надобность, а для стока воды устраивать подземные трубы, употребляя и к сей работе казенных рабочих.

§49.

Воспрещается устраивать колодези посреди улиц; те же, кои дозволяемы будут на дворах, должны иметь возвышенный и прочный сруб, в отвращение несчастных случаев.

[...]

8) Распоряжения по постройкам, работам и исправлениям городских зданий

§56.

Главное основание, по коему расходы на построение, работы и починки производятся, заключается в планах и сметах, составляемых по обозрению представляющихся по предметам сего рода надобностей.

§57.

Надобность в постройках и исправлениях и других работах, по городским и общественным зданиям, определяется Комитетом с утверждения Гражданского Губернатора, по предварительному одобрению Главного Начальника губернии.

[...]

§60.

Производство построек, работ и исправлений, может быть двоякое: 1) подрядом и 2) хозяйственным образом.

§61.

Производство сих работ, тем или другим способом, предоставляется усмотрению Комитета, с утверждения Главного Начальника губернии.

§62.

Подряду должны предшествовать узаконенные вызовы желающих, торги с ними, и за тем уже заключение контрактов, на основании существующих правил.

§63.

Для принятия подряда на постройки важнейшие вызываются желающие, по существующим узаконениям, чрез публичные ведомости и посредством особенных сношений с Начальством ближайших губерний; на работы же и заготовление материалов, не превышающие тысячи рублей, вызовы желающих ограничиваются одною публикациею в городе и губернии.

§64.

Основанием торгов должны служить сметы и предварительно составленные и Гражданским Губернатором утвержденные кондиции, в коих определяются все обязанности подрядчика и казны.

[...]

§100.

Составленные Комитетом план, фасад и смету каждому вновь предполагаемому дому, подписывает вместе с Членами Комитета и хозяин дома, в удостоверение своего согласия. [...]

§101.

После сего план, фасад и смету Комитет представляет Главному Начальнику губернии, при особой докладной записке, объясняя, где именно назначается постройка, и если нужно пособие, то какая сумма исчислена по смете, сколько назначает Комитет дать такового пособия хозяину, на какое время и с каким обеспечением; или же постройка сия будет производиться собственным распоряжением и иждивением хозяина.

§102.

Разрешение на постройку домов и выдачу обывателям пособия, делается согласно §§16, 17, 75 и 76 [последние два в настоящую публикацию не вошли].

§103.

Комитет, получив обратно утвержденные план и фасад, приводит оные в исполнение; подлинные планы хранит у себя, а копии, за подписанием Начальника работ и Архитектора, передает хозяину.

§104.

Если бы кто из желающих строиться в Архангельске, хотел возвести для себя здание не во всем согласно с Высочайше утвержденными фасадами, о которых сказано в §20, то дозволяется ему составить на то чертежи и представить со сметою в Комитет, который обязан, по рассмотрении оных, препроводить со своим мнением в Департамент военных поселений для надлежащего разрешения.

[...]

§112.

Хозяева домов могут находиться при постройке оных; наблюдать и смотреть за прочностью работы и за употреблением материалов, обязываясь доносить Комитету, если усмотрят какие-либо недостатки или упущения в работе.

§113.

Объяснения сии хозяева домов должны делать во время самой постройки каждой части, и не позже окончания оной, например: возражения, сделанные о непрочности фундамента, тогда как уже начата постройка стен, или о непрочности стен, тогда как начата крыша дома, не должны быть уважены.

§114.

Комитет, получив письменный отзыв от хозяина дома о замеченных недостатках в работах или материалах, исправляет оные, если признаны будут основательными; в противном же случае составляет журнал о неосновательности представления хозяина, и копию с оного, за общим Председателя и Членов подписанием, выдает тому хозяину дома с роспискою, чем и оканчивается дело.

§115.

Комитет отвечает, чтобы строящиеся дома были возведены согласно Высочайше утвержденным планам и фасадам, с надлежащею прочностью.

§116.

По окончании постройки каждого дома, при приеме оного хозяином, он обязан по уважению, что сам имел право, по §112, наблюдать за прочным построением оного, засвидетельствовать на оригинальном плане и смете, что таковым домом совершенно доволен.

§117.

План сему дому и смету Комитет оставляет у себя документами, а хозяин входит на жительство в построенный ему дом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Акты археографической экспедиции. Т. 1. СПб., 1836. С. 380. № 318.
2. Акты Лодомской церкви Архангельской епархии. СПб., 1908.
3. Два чертежа, относящихся до города Архангельска в XVII веке (С приложением снимков) // Сборник Археологического института. СПб., 1880. Кн. 4. С. 117–118.
4. Двинский летописец. ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977.
5. Дмитриева З. В., Мильчик М. И., Чистиков А. Н. Документы из ранней истории Архангельска // Народное зодчество: Межвуз. сб. [Петрозаводского гос. ун-та]. Петрозаводск, 1998.
6. Дополнения к актам историческим. Т. III. СПб., 1848; Т. VI. СПб., 1857.
7. Записка о путешествии в Россию Жана Соважа Диельского в 1586 году // Русский вестник. 1841. Т. I. С. 223–230.
8. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. I.
9. Крестинин В. В. Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790.
10. Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792.
11. Куратов А. А. Ранняя история Архангельска в свете археографии и палеографии. Архангельск, 1984.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. С. 18–19.
13. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983.
14. Миллер Г. Ф. Опыт трудов Вольного российского собрания при Московском университете. М., 1774. Ч. I.
15. Таможенные книги Московского государства XVII века. М.–Л., 1951. Т. III.
16. Тревожные годы Архангельска: 1700–1721: Док. по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / Под ред. Ю. Н. Беспятых. Архангельск, 1992.
17. [Coyet B]. Historisch Verhael of Beschryving van de Voyagie, gedaen onder de Suite van den Heere Koenraad van Klenk... Amsterdam, 1677. Перевод на русский яз.: Посольство Кунрада фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.
18. Bruins, Cornelis da. Reizen over Moskovie, door Persie en Indie. Amsterdam, 1714.
19. Амвросий. История Российской иерархии. М., 1813. Ч. III.
20. Андреев В. Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 67–69.
21. Барашков Ю. А. Архангельск: Архитектурная биография. Архангельск, 1984.
22. Барашков Ю. А. Архангельский дом // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 196–204.
23. Барашков Ю. А. Ностальгия по деревянному городу: Архитектура, традиции, быт Архангельска накануне и после 1917 года. Формы и функции городского дома, М., 1992.
24. Богуславский Г. А. Когда основан Архангельск? // Известия ВГО. Т. 120. Вып. 5. 1988. С. 459–464.
25. Булкин В. А., Овсянников О. В. Из истории каменного строительства в конце XVII века в Нижнем Подвинье // Средневековая Русь. М., 1976. С. 344–351.
26. Булкин В. А., Овсянников О. В. Новые данные о каменном строительстве второй половины XVII века в окрестностях Холмогор // ПКНО 1984. М., 1986. С. 541–553.
27. Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей холмогорской епархии за первые двадцать лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908.
28. Власюк А. И. О своеобразии архитектуры русских провинциальных городов в 1840–1910-е годы // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1983. С. 222–261.
29. Гаряев Р. М. Регулярные планы русских городов как памятники градостроительства XVIII века // Архитектурное наследие и реставрация: Сб. науч. тр. М., 1988. С. 131–144.
30. Гемп К., Кибирев М. Архангельский гостиный двор // Архитектурное наследие. № 10. М., 1958. С. 139–156.
31. Гемп К. П. Гостиный двор. Архангельск, 1969 (буклет).
32. Гемп К. П. Гостиные дворы в Архангельске // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1983. С. 138–140.
33. Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Вокруг Архангельска. М., 1978.
34. Градостроительство Московского государства XVI–XVIII веков / Под ред. Н. Ф. Гуляницкого. М., 1994. С. 238–248.
35. Давыдов А. Н. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 86–99.
36. Давыдов А. Н., Лопатко В. М., Шалькевич А. А. Деревянное зодчество Архангельска во второй половине XIX — начале XX века // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 188–216.
37. Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Пг., 1919.
38. Жиромский Б. Б. Домик Петра I в музее-заповеднике «Коломенское». М., 1969.

Литература

39. Караваев В. Тайна старинного секретера // Советское фото. 1990. № 100. С. 36–38.
40. Кибирев М. Ф. Архангельск // Архангельск, 1959.
41. К истории Михайло-Архангельского монастыря // АЕВ. 1895. № 4, 7.
42. Кириллов А. К топографии города Архангельска в первом столетии его существования // Известия Архангельского общества изучения Севера. 1910. № 13.
43. Козлов Н. Архангельская губерния: Мат. для географии и статистики, собр. офицерами Ген. Штаба. СПб., 1865.
44. Коланев А. И. Основание города Архангельска // Архангельск в истории нашей Родины: Тез. докл. Всесоюз. конф. Географ. о-ва СССР. Архангельск, 1984. С. 21–22.
45. Кучепатов Ю. Архангельский морской порт. Архангельск, 1959.
46. Лепехин И. И. Дневные записки путешествий по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб., 1780.
47. Луднер Я. И. Северный юбилей 1584–1884 гг. в память исполнения 300-летия города Архангельска. Архангельск, 1885.
48. Луксин Ю. Ф. Начало // Следопыт Севера: Ист.-краевед. сб. Архангельск, 1986. С. 170–181.
49. Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1896. Ч. II.
50. Мильчик М. И. Рукописный Атлас Архангельской губернии 1797 года // Изв. ВГО. 1984. Т. 116. Вып. 6. С. 533–538.
51. Мильчик М. И. Холмогоры в XVIII веке: По изображению в Атласе Архангельской губернии // ПКНО 1987. М., 1988. С. 435–452.
52. Мильчик М. И. Градостроительная биография Холмогор XVII–XVIII веков // Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. Архангельск, 1987. С. 6–35.
53. Мильчик М. И. Фотографии... из XVIII века // Летописец Севера: Ист.-краевед. сб. Архангельск, 1990. С. 71–78.
54. Михайлов А. О церкви Воскресения Христова в Архангельске // АГВ. 1857. № 24.
55. Михайлова М. Б. Черты традиционности и своеобразие в развитии Холмогор // Архитектурное наследие. М., 1986. Вып. 34. С. 26–33.
56. Молчанов К. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813.
57. Мрин. Слобода // Архангельск. 1914. № 156.
58. Наумова Н. Д., Квашнина Г. А. Домик Петра I в Коломенском: Путеводитель. М., 1990.
59. Немирович-Данченко В. И. Беломорье. Соловки. СПб., 1877.
60. Никольский В. По русскому Северному поморью. СПб., 1912.
61. Новожилов Ю. К. К вопросу об основании города Архангельска: Сб. ист.-краевед. // Уч. зап. АГПИ. Вып. 16. Архангельск, 1964. С. 176–203.
62. Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971.
63. Овсянников О. В. Архангельский деревянный «город» XVI–XVII веков — форпост России в Беломорье // История и культура Архангельского Севера (досоветский период). Вологда, 1986. С. 37–59.
64. Овсянников О. В. Оборонительные сооружения севернорусских городов: Архангельск, Каргополь, Холмогоры, Сольвычегодск // Летопись Севера. М., 1972. Вып. 6. С. 211–223.
65. Овсянников О. В. Архангельский деревянный «город» XVI–XVII веков // КСИА. Славяно-русская археология. М., 1989. Вып. 195. С. 92–98.
66. Овсянников О. В. К топонимике и топографии старинного Архангельска // Вопросы топонимики Поморья и Поморья. Архангельск, 1991. С. 55–80.
67. Овсянников О. В., Фирсова Л. Д. Архангельские гостинные дворы // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 108–124.
68. Овсянников О. В., Фирсова Л. Д. Архангельские гостинные дворы // Строительная история комплекса в XVII–XVIII веках. ПКНО 1990, М., 1992. С. 428–458.
69. Огородников С. Ф. История Архангельского порта. СПб., 1875.
70. Огородников С. Ф. Очерк истории Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.
71. Огородников С. Ф. Соломбальское селение // Труды Архангельского статистического Комитета за 1865 год. Кн. 2. Архангельск, 1866. С. 15–64.
72. Огородников С. Ф. Петр Великий в Архангельске и плоды его пребывания на нашем Севере. Архангельск, 1872.
73. О высочайших пришествиях Великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича из царствующего града Москвы на Двину, к Архангельскому городу. М., 1783.
74. Подъяпольский С. С. По Сухоне и Северной Двине. М., 1969.
75. Попова Л. Д. Каменная архитектура Архангельска. Архангельск, 1985 (буклет).
76. Попова Л. Д. Архитектурные памятники Немецкой слободы XVIII–XIX веков в Архангельске // Исторические связи русского Севера и Норвегии. Архангельск, 1989. С. 163–169.
77. Попова Л. Д. Немецкая слобода в градостроительной структуре Архангельска // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации: Сб. Архангельск, 1991. С. 148–152.
78. Попова Л., Кравец Л. Как сохранить архитектурное наследие Архангельска? // Архитектура СССР. М., 1988. № 1. С. 106–109.
79. Свинын П. П. Первый день моего пребывания в Архангельске // Отечественные записки. 1829. Ч. 39. № 111. С. 104–128.
80. Сибирцев И. М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта города Архангельска в XVII и первой половине XVIII века. Архангельск, 1894.
81. Смирнов А. В. Новодвинская крепость // Летописец Севера: Ист.-краевед. сб. Архангельск, 1990. С. 54–70.
82. Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889.
83. Титов Ф. С. Север в далеком прошлом: Краткий ист. очерк. Архангельск, 1947.
84. Фруменков Г. Г. Архангельск в истории нашей Родины. Роль Архангельска в освоении Севера. Архангельск, 1984. С. 5–8.
85. Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886.
86. Чернышев В. Новодвинская крепость в 1847 году // Архангельский сборник. Ч. I. Архангельск, 1863. С. 265–277.
87. Шидловский А. Ф. Петр Великий на Севере. М., 1909.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты Археографической экспедиции
АГВ — Архангельские губернские ведомости
АГПИ — Архангельский государственный педагогический институт
АЕВ — Архангельские епархиальные ведомости
АМИИ — Архангельский музей изобразительных искусств
АОКМ — Архангельский областной краеведческий музей
АСНРПМ — Архангельская специальная научно-производственная реставрационная мастерская
БРАН ОР — Библиотека Российской Академии наук, отдел рукописей
ВГО — Всероссийское Географическое общество
ГАОО — Государственный архив Архангельской области
ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева
ГРМ — Государственный Русский музей
ДАИ — Дополнения к актам историческим
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук (быв. Ленинградское отделение института археологии)
KrA — Krigsarkivet (Военный архив, Стокгольм)
КСИА — Краткие сообщения института археологии Академии наук
МИА — Материалы и исследования по археологии
ПКНО — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РБС — Российский биографический словарь
РГАВМФ — Российский архив Военно-Морского флота
РГАДА — Российский государственный архив Древних актов
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГВИА. Ф. ВУА — Фонд Военно-ученого архива.
РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
РИБ — Русская историческая библиотека
РНБ ОР — Российская национальная библиотека (бывшая Публичная), отдел рукописей
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СПб. ГУПС НТБ — С.-Петербургский государственный институт путей сообщения (бывший ЛИИЖТ), научно-техническая библиотека
СПб.ФИРИ — С.-Петербургский филиал Института российской истории РАН
ЦНРПМ — Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (Москва)

The first gateway of the Russian state

Arkhangelsk and Kholmogory are the northernmost of the Russian cities, with the exception of the presently non-existent Pustozersk and Kola. From the date of its foundation in 1583 to 1703 when the construction of a new state capital began on the banks of the Neva river, Arkhangelsk was «the major gateway of the Russian State» to Western Europe over the White sea according to the words of Tsar Alexei Mikhailovich who thus defined its significance for the country in 1646. It was here that the young Tsar Peter I began building the first «state wharf» in Russia in 1693, and already a year later the 24-cannon «St Paul» was launched and sent abroad with Russian goods on board.

Later, when Arkhangelsk lost some of its importance it still remained a major Russian seaport. A remarkable Arkhangelsk author Boris Shergin wrote: «Ships sail off one after another from Arkhangelsk's piers, heading for different parts of the world, going west — to Norway, Sweden, Denmark, Germany, England and America and going north — to Spitsbergen, Novaya Zemlia, Zemlia Frantsa Iosifa (Franz Josef Land)». «Arkhangelsk is located on high ground facing the sea, with numerous islands scattered here and there». Throughout its history the Severnaia Dvina river was a major factor in the life of the city that spread for six miles down its banks. The riverside embankment became the city's gala facade; and indeed it was a magnificent sight with its impressive merchants' quarters, onion-shaped domes, cupolas and spires, lumber yards, a tar market place, and a whole forest of ship masts, producing an unforgettable impression on visitors.

Arkhangelsk's historical predecessor was the town of Kholmogory located 73 miles up the river. Kholmogory used to be the administrative, ecclesiastic and economic center of the vast Dvina land but after the foundation of Arkhangelsk its importance began to fade. At the end of the 17th century though, it experienced a short boom due to extensive stone construction undertaken by the enterprising Archbishop Afanasii, Tsar Peter's associate. At that time a magnificent cathedral resembling Moscow's Dormition Cathedral was built, as well as some ten wooden churches, two stone ones, a belfry and Archbishop's residence. The old wooden fortress — the biggest in the North — was renovated. In fact it was the people of Kholmogory who became the first inhabitants of Arkhangelsk, the town called New Kholmogory in its early date.

After the October revolution both cities changed beyond recognition. In 1929, Arkhangelsk became the center of the Northern administrative district which fact, due to the anti-religious politics of the day, inaugurated a large-scale campaign for the demolition of church buildings. Within a year the Holy Trinity Cathedral, which was called «the seed of intoxication» in the wording of a local paper, was pulled down. In the early 1930s, Michael the Archangel monastery that gave the city its name was razed to the ground and within a short period of time most of the churches followed its lead. Even the Governor's mansion and the administrative headquarters, fine examples of classical style, were considerably altered and turned into the House of Soviets... This was the first wave of violence that totally changed the city's skyline and destroyed a system of moral and aesthetic values that literally supported the city's life throughout the centuries.

Notwithstanding all this destruction, well into the post-war years Arkhangelsk could boast of quite a few remaining old buildings: austere and imposing structures in the city center and simple unpretentious houses in the outskirts. The author Yuri Kazakov wrote in 1956 that one could «walk two hundred meters down any small street and find oneself in the previous century — as if transported to a small out-of-the-way town. One and two story houses with tall roofs and outside staircases, resembling gangways, had an atmosphere of old charm about them, with their small weirdly shaped towers, spires, weathercocks on the roofs, attics and tiny upper floor windows, all of this unexpectedly reminiscent of Holland. In the yards one could see old willows and grass all over the ground, water wells and barns...». However, the chief architect of Arkhangelsk did not consider this architectural heritage worth preserving. At about the same time he wrote: «... merchants and industrialists, most of them dealing in lumber, built one and two story wooden mansions that had no artistic value whatsoever. Their designs reflected the whims of their owners and, with a few exceptions, those constructions had no pronounced architectural style and no connection to the remarkable techniques of northern carpentry.»

This kind of attitude, that is, the refusal to recognize the value of what made up the fabric of any old town, led to the destruction of thousands of important architectural monuments in our historical cities, and most often than not, the worst hit were the very structures that gave these cities their uniqueness and made them different from European counterparts.

By 1980 more than 1200 wooden and stone buildings had been torn down in Arkhangelsk (in 1923 the number of wooden houses only was 3100). Nowadays, in place of the old housing along Troitskii Prospect, formerly the city's main street, runs the wide Engels Prospect (now Voskresenskaia Street) and lies an enormous waste of the forever empty Lenin Square with the monument to Lenin in the middle of it.

A considerably altered Merchants Arcade is about the only old building left from the old Arkhangelsk and the old city is now balancing on the verge of total annihilation. In an attempt to save the old monuments, a decision was made to turn Chumbarova-Luchinskogo Street (formerly Meshchanskaia Street) into a conservation zone and transfer the most outstanding of the surviving buildings there. As a result, an artificial symbol of the old Arkhangelsk was created in an environment quite unfitting for this purpose with a backdrop of modern high-rise apartments.

Kholmogory was not subjected to this kind of large-scale destruction and yet there are not so many old buildings left there: among these are the Transfiguration Cathedral in a desperate state of repair and the Archbishop's Chambers still under restoration. Here, as in other places, new housing construction was conducted in such a manner as if the town planners were completely unaware of what kind of historical heritage they were dealing with. The ancient capital city was rebuilt into a settlement that lacks any kind of character.

The tragic history of these remarkable Russian towns in the last six decades is the focus of this book. An attempt is made here to restore the long-gone image of Arkhangelsk and Kholmogory on the basis of old photographs, drawings, engravings, watercolors and archival documents, to demonstrate the main stages of town development and the specific characteristics of local architecture, and to help the reader visualize these two cities as they were before the destruction of their historical tex-

ture. The original look of the two Northern cities can be restored in the imagination by way of fitting the few surviving relics into the historical context. The Supplement contains a catalogue of all surviving architectural monuments of Arkhangelsk within the 1917 city limits, while the locations of the demolished buildings are identified only for those considered landmarks.

With a few exceptions, the visual material presented here dates to the pre-Revolutionary period. The photographs in the catalogue are of a recent date. Comparing them to the old pictures the reader will have a chance to see the truth of what has been said above about the tragic fate of Arkhangelsk architecture.

The old Arkhangelsk, only the fragments of which have survived to the present day, had been developed over a period of four hundred years. For this reason it was important to list all the stages of its construction. It goes without saying that the presentation of each historical period depended mostly on the availability of the sources, much of the original material being introduced for the first time in this book. Of the foremost importance among these are the plans and panoramas of the handwritten Atlas of the Arkhangelsk Gubernia dated 1797 (see historical background in Supplement 6) as well as the building regulations «Ordinance for the Development of the Gubernia City of Arkhangelsk» approved by Nicholas I in 1839 and published for the first time in this book (Supplement 5).

Chronologically the description covers the period to the October Revolution. After this date the general attitude of the administration to the preservation of historical heritage was strictly negative. It is not accidental that simultaneously with the destruction of church buildings it was thought fit to «throw away» the city's old name as «the old worn-out dirty clothes». In later decades, a few outstanding buildings were constructed in the constructivist style, and an attempt was made to find some new designs for wooden housing ...

List of plats

Introduction

Beginning of demolition of the Cathedral in Archangel
Mihael Monastery.

Photograph, early 1930s

Arkhangelsk Museum of Local Lore

Beginning of demolition of the Trinity Cathedral.

Photograph by P. Kononov. April, 25, 1929

The Archives of Arkhangelsk Region

Ivangorod depicted on the map of Livoniya 1595.

Fragment. Gerard Mercator

KrA. *Utländska kartor. Bd. 32:56*

Ivangorod depicted on the sarcophagus of Swedish commander Pontus de la Gardi (1593).

Bas-relief depicting the siege of Narva and Ivangorod in 1581

Tallinn. *The Dome*

1. Sketch of town-planning history of Arkhangelsk

1. The White Sea. The Severnaya Dvina delta and view of Arkhangelsk.

The map of Gerard Gessel. 1613

The State Russian Museum

2. The wooden «town» Arkhangelsk.

Incut to the map of Gerard (Gerrits) Hessel. 1613

The Military Archives (Sweden)

3. Plan of the Arkhangel Posad district: Section of the Streletskaya sloboda near «Yuryev vvoz [Yuryev conveyance]». 1712

The Archives of Arkhangelsk Region

4. Hand-painted plan-panorama of Arkhangelsk. View from the Severnaya Dvina river. 1694

Anthology of the Archaeological Institute. SPb., 1880, Vol. 4.

5. Arkhangelsk. View from the Severnaya Dvina river. 1675
Engraving «His Excellence Konrad van Klenk' sailing off from Arkhangelsk».

Extract from the book: [Coyet B.] *Historisch Verhael of Beschryving van de Voyagie, gedaen onder de Sulte van den Heere Koenraad van Klenk...* Amsterdam, 1677. (Inset between pp. 20 and 21).

6. Arkhangelsk. View from the Severnaya Dvina river. 1701

Engraving from the book: *Cornells de Bruins. Reizen over Moskovie, door Persie en Inddie.* Amsterdam, 1714. (Inset between pp. 14 and 15).

7. Delta of the Severnaya Dvina («Karta reki Dviny s pokazaniem ostrovov i ... forvatera» [Plan of the Dvina river with islands and navigable waterway]). Fragment. 1780

Hand-painted «Atlas of fortresses under the rule of the Saint-Petersburg department». 1780

The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)

8. Plan of Arkhangelsk («Arkhangelsk s situatsieyu»). Fragment. 1730s

Hand-painted Atlas «Sila Rossiiskoi Imperii [Power of the Imperial Russia]». 1764

The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)

9. Plan of Arkhangelsk. 1739

«Plan goroda Arkhangelskogo s forshtatom sochinen po prikazu fortifikatsionnoi kontory. Poslan iyunya 29 dnya 1739 godu [Plan of Arkhangelsk town with outskirts developed by the order of the Fortification Department. Sent on June, 29, 1739]».

Designed by Fedor Neelov. Fragment

The Russian Military and History Archives (Moscow)

10. Fragment of the design drawing depicting town-planning of the «bottom» part of Arkhangelsk posad — «posad na Boru» [Trade and manufacture district of the town on the place of former forest]. Design drawing. 1713

The Archives of St.-Petersburg Branch of the Russian History Institute of the Russian Academy of Science

11. Fragment of the design drawing depicting town-planning of «posad na Boru». Design drawing. 1713

The Archives of St.-Petersburg Branch of the Russian History Institute of the Russian Academy of Science

12. Plan of the place where wooden fortress of Arkhangelsk was located. Circa 1730

13. Icon «Archangel Mihael with a view of Arkhangelsk». 1741.

Icon-painter Grigory Popov

14. Icon «Archangel Mihael with a view of Arkhangelsk». Middle XVIII c.

Icon-painter Grigory Popov

The Church of St. Ilya in Arkhangelsk

15. Fragment of the panorama of Arkhangelsk depicted on the icon «Archangel Mihael with a view of Arkhangelsk» (with the Gostiny Dvor [Merchant's trading center], the Trinity cathedral and the Governor's house)

The Museum-reserve «Kolomenskoe» (Moscow)

16. The Holy Trinity Cathedral.

Fragment of the icon «Archangel Mihael with a view of Arkhangelsk». Middle XVIII c.

Icon-painter Grigory Popov

The Church of St. Ilya in Arkhangelsk.

17. Panorama of Arkhangelsk.

Engraving of the early 1780s.

At the bottom: «Procopie Gaschouw.prinx.Balth: Frieder
leizel Sc.Ang.»

The Russian Archives of Ancient Acts (Moscow)

18. Three panoramas with views of Arkhangelsk (from the
Archangel Mihael Monastery up to the Church of Annunciation).

Handwritten «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

19. Plan of the Governor's house and turrets of the wooden
«gorod [Kremlin]» with design of moving a turret. 1728

The Archives of Arkhangelsk Region

20. Panorama of Arkhangelsk with bottom part of the town.
Fragment of fresco of the early XIX c. in the Archangel

Michael Church (not preserved).

From left to right: The Holy Trinity Church in Kuznetchiha
(1742–1745), the Church of the Assumption na Boru [at the
place of the former forest] (1742–1744) and belfry (1752–
1757), the Lutheran Church (1767–1768)

The Research Museum of Architecture (Moscow)

21. Panorama of Arkhangelsk with upper part of the town.
Fragment of fresco of the early XIX c. in the Archangel

Mihael Church (not preserved).

From left to right: gymnasium, the Church of the Nativity
of Christ (1692–1729), Bank office (1726), Post office (late
XVIII c.), Branch of the Solovetskiy Monastery (late XVIII c.),
shops and houses of residents, the Church of the Annuncia-
tion (1759–1764), Arkhangelsk Monastery (XVII–XVIII cc.)

The Research Museum of Architecture (Moscow)

22. The Holy Trinity Church. View from the Severnaya
Dvina river. To the left service facilities for the Governor-
general's house.

Fragment of handwritten «Atlas of the Arkhangelsk Prov-
ince». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

23. The Lutheran Church. View from the Severnaya Dvina
river.

Fragment of handwritten «Atlas of the Arkhangelsk Prov-
ince». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

24. The Church of the Assumption na Boru. View from the
Severnaya Dvina river.

Postcard, early XX c.

25. The Church of the Assumption na Boru with belfry. The
Church of the Assumption na Boru. View from the Severnaya
Dvina river.

Fragment of handwritten «Atlas of the Arkhangelsk Prov-
ince». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

26. Three panoramas with views of Arkhangelsk (from the
Church of the Annunciation to the Gostiny Dvor [Merchant's
trading center]).

«Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

27. The Solombala shipyard in early XVIII c.

Reconstruction by M. Miltchik.

Painter N. Andreev

28. Plan of the Solombala shipyard. 1780

Fragment of «Plan gorodu Arkhangelsku s pokazaniem
situatsii [Plan of Arkhangelsk town with depicting of situa-
tion]».

Handwritten «Atlas of fortresses of St-Petersburg Depart-
ment». 1780

The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)

29. Three panoramas with views of Arkhangelsk (from the
Gostiny Dvor [Merchant's trading center] to the Church of the
Assumption).

Handwritten «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

30. Plan of the Solombala shipyard (The Admiralty).

Fragment. Middle XVIII c.

The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)

31. General plan of Solombala «...s Admiralteistvom i
protchimi raznymi stroeniyami [with the Admiralty and other
different buildings]».

Handwritten «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

32. Plan of Arkhangelsk with superposition of pre-regular
town-layout and design of the new general plan (first version).
1780.

Handwritten «Atlas of fortresses of St-Petersburg Depart-
ment». 1780

The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)

33. Plan of the central part of Arkhangelsk with superposi-
tion of pre-regular town-layout and design of the new general
plan (first version). Fragment. 1780

The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)

34. Plan of Arkhangelsk and the Solombala shipyard. 1768

The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)

35. Plan of Arkhangelsk with superposition of pre-regular
town-layout and design of the new general plan (second ver-
sion). Fragment. 1784

The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)

36. General plan of Arkhangelsk of 1787, confirmed by
Catherine II in 1794.

Handwritten «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

37. Three panoramas with views of Solombala. Fragment.

Handwritten «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

38. Design of type sentry-box at an entry to the town. Fragment. 1800.

Hand-painted album «Lay-outs and facades of state buildings in Arkhangelsk». 1800

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

39. Facade and lay-out of model Philistine house. Fragment. 1800.

«S podlinnoy s praktiki snimal gubernsky arkhitektor Berezin [Made by provincial architect Berezin according to existing building]».

Hand-painted album «Lay-outs and facades of state buildings in Arkhangelsk». 1800

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

40. Facade and lay-out of the Governor-general's house located at the bank of Kuznetchikha river.

Surveyor Nicholas Bendtson from Arkhangelsk. Provincial surveyor Feodor Kiselev.

Handwritten «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

41. Facade and lay-out of the wooden Civil Governor's and Deputy-governor's house. Fragment. 1800

Provincial architect Berezin.

Hand-painted album «Lay-outs and facades of state buildings in Arkhangelsk». 1800

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

42. Lay-outs and facades of the Work-places, provincial post office and bank office. Fragment. 1797.

Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

43. Lomonosovskaya square. Provincial Work-places and the Governor's house. In the background Gostiny Dvor. In front of the Work-places the monument to the great Russian scholar Michael Lomonosov.

Postcard, early XX c.

44. Lomonosovskaya square. View of the gymnasium and the monument to the great Russian scholar Michael Lomonosov. At the distance the Holy Trinity Cathedral and belfry.

Photograph, early XX c.

45. Lomonosovskaya square with the monument to M. Lomonosov.

In the background the Town Council and Police-office and watch-tower.

Postcard, early XX c.

46. The Main (later Lomonosovskaya) square and Troitskiy (Trinity) avenue.

View from the Cathedral to a part of Gostiny Dvor, the Governor's house and building of the Work-places.

Watercolor by V. E. Galyamin (1794-1855). 1826

Arkhangelsk Museum of fine arts

47. The monument to M. Lomonosov (by sculptor Ivan Martos) in front of the Provincial Work-places

Photograph P. P. Pokotilo. 1902.

The Archives of Arkhangelsk Region

48. Model facades for building up of Arkhangelsk, the first half of XIX c.

The Archives of Arkhangelsk Region

49. View to Torgovaya street (embankment) from the Severnaya Dvina river.

From left to right: The Holy Trinity Cathedral, Bank office (Custom), Branch of the Solovetskiy Monastery with the Church of Reverend Zosima, Savvatiy and German.

Photograph by M. D. Terentyev. 1910s

Private collection

50. Troitskiy [Trinity] avenue. The church house and V. P. Karpov's house at the avenue.

Photograph, early XX c.

51. Merzlyutin's house at the corner of the Severnaya Dvina river embankment and Arkhiereiskaya street. View from the belfry of Archangel Michael monastery. At the distance the Annunciation church.

Postcard, early XX c.

52. Pskovsky avenue (Sredny, the present day Tchumbalova-Luchinskogo street).

Photograph, early XX c.

Arkhangelsk Museum of Local Lore

53. Lay-out, profile and facade of projectible wooden frame along the bank of the Severnaya Dvina river. 1767

54. Boulevard along embankment.

Photograph, early XX c.

Private collection

55. General design of Arkhangelsk. 1854

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

56. Naval Depot building.

Photograph, early XX c.

57. Plan of Solombala. 1823

The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)

58. Plan of Solombala. 1827

«General plan of Admiralties of Arkhangelsk port...»

The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)

59. General plan of Solombala. 1859.

Fragment of handwritten «General plan of Arkhangelsk, designed in Construction department of the Naval Ministry»

The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)

60. Solombala. Custom and Anglican Church.

Postcard, early XX c.

61. Solombala. Anglican Church and the Church of St. Ioann Rylsky in a distance at the embankment.
Postcard, early XX c.

62. Solombala. Building up of harbour.
Postcard, early XX c.

63. Solombala. Building up of outskirts.
Photograph, early XX c.

64. Troitsky avenue. View from fire-tower.
On background Lutheran Church, the Church of the Assumption na Boru with belfry and former Sugar-refinery (Technical College).
Photograph by Ya. Leitsinger, late XIX c.

65. Troitsky avenue. View from the tower of the Town Council.

To the left Lutheran Church, the Church of the Assumption na Boru with belfry and former Sugar-refinery (Technical College); in the distance, on the scene Kuznechevskaya Holy Trinity Church with belfry.

Photograph by P. Pokotilo. 1902
The Archives of Arkhangelsk Region

66. Church of the Nativity of Christ and Branch of the Solovetskiy Monastery. View from the roof of the Holy Trinity Cathedral. Strait in the distance the Archangel Michael Monastery, on the scene to the left — St. Ilya Church and belfry at the town cemetery. To the left from Church of the Nativity of Christ Troitsky avenue.

Photograph by P. Pokotilo. 1902
The Archives of Arkhangelsk Region

67. Monument to Peter I at the bank of the Severnaya Dvina river. Sculpture by M.M. Antokolsky, pedestal by engineer S. Pets. At the pedestal dates of the Emperor's visit to Arkhangelsk.

Photograph by M. Miltchik. 1992

68. Monument to Peter I and protecting case over Peter's house, moved from Novodvinskaya fortress.

Photograph by M. Terentev. 1910s
Private collection

69. Design of merchant A. Meller' house in Nemetskaya sloboda. Facade. 1894

The Archives of Arkhangelsk Region

70. Part of the embankment with the Church of the Assumption and Brandt' factory.

Watercolor by V. Galyamin
Arkhangelsk Museum of fine arts

71. Branch of Surskiy Monastery. View from Opera square.
Photograph 1910s

72. Panorama of Pur-Navolok from the Severnaya Dvina river. From left to right: in the distance Gostiny Dvor, the Arch-

angel Michael Church, the Holy Trinity Cathedral with belfry, Bank office and Post office.

Photograph by Ya. Leitsinger. 1902
Private collection

II. Sketch of Architectural History of Arkhangelsk

73. Wooden «gorod [Kremlin]». Fragment of hand-painted plan of Arkhangelsk. 1694

Anthology of the Archaeological Institute. Vol. 4. SPb., 1880

74. The Cathedral of the Archangel Michael Monastery. View from the North.

Photograph 1927
The Research Museum of Architecture (Moscow)

75. Kholmogory. The Cathedral of the Transfiguration and belfry. View from the South-West.

Photograph 1939
The Research Museum of Architecture (Moscow)

76. The Holy Trinity Cathedral. View from the East.
Photograph circa 1910

The Research Museum of Architecture (Moscow)

77. The Holy Trinity Cathedral. View from the North-East.
Photograph by A. Plotnikov. Circa 1909

Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

78. The Holy Trinity Cathedral. View from the West.
Photograph circa 1910

The Research Museum of Architecture (Moscow)

79. The Holy Trinity Cathedral. The North facade and layout of the church at the ground floor.

Measurement of provincial architect Malakhovsky. 1853
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

80. The Holy Trinity Cathedral with belfry. View from the Severnaya Dvina river

Watercolor by V. Galyamin. 1825
The State Russian Museum

81. The Holy Trinity Cathedral. Iconostasis.

Photograph by V. Plotnikov. 1909 (?)
Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

82. The Holy Trinity Cathedral with belfry. View from the West, from the embankment.

Photograph by V. Plotnikov. 1909
Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

83. Belfry of the Cathedral.

Photograph, early XX c.
The Research Museum of Architecture (Moscow)

84. The Holy Trinity Cathedral and its belfry. View from the South-East. To the right from the Cathedral the Church of the Resurrection and South facade of the Gostiny Dvor, to the left the Archangel Michael Church. Between the Cathedral and the belfry the side facade of the Work-places at the embankment.

Watercolor by V. Galyamin. 1826

Arkhangelsk Museum of fine arts

85. The Holy Trinity Church in Kuznetchikha. View from the South-East.

Photograph, early XX c.

Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

86. The Holy Trinity Church in Kuznetchikha. View from the South.

Photograph, early XX c.

Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

87. The Church of the Assumption na Boru with refectory and belfry.

Lay-out of the ground floor.

Engineer P. Lineyko. 1910

Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

88. The Church of the Assumption na Boru and belfry. View from the South.

Photograph by V. Plotnikov. 1909

Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

89. The Church of the Assumption na Boru and belfry. View from the West.

Photograph by V. Plotnikov. Circa 1909

Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

90. The Archangel Michael Church. View from the North-West.

Photograph by V. Plotnikov. Circa 1909

Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

91. The Archangel Michael Church and the Holy Trinity Cathedral with belfry. View from the Severnaya Dvina river.

Photograph, early XX c.

92. Gostiny Dvor and the Church of the Resurrection. View from belfry of the Archangel Michael Church.

Photograph, circa 1919

The Research Museum of Architecture (Moscow)

93. Solobala. The Cathedral of the Transfiguration. View from the South-West.

Photograph, early XX c.

Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

94. Lutheran Church of St. Catherine. View from the South-West.

Photograph, early XX c.

Arkhangelsk Museum of Local Lore

95. The Church of the Annunciation. View from the North-West. In the distance the Archangel Michael Monastery.

Postcard, early XX c.

96. The Church of the Annunciation and embankment of Severnaya Dvina. In the distance the Archangel Michael Monastery.

Photograph by Ya. Leitsinger. Late XIX c.

97. Bishop's house (near the Archangel Michael Monastery). Lay-out of the basement and facade. Fragment. Surveyor Fedor Kiselev. 1800.

Hand-painted album «Lay-outs and facades of state buildings in Arkhangelsk», 1800

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

98. Bishop's house at the embankment. Window niches with stucco molding.

Photograph by M. Miltchik. 1990

99. Theological Consistory. Fragment of the street-side facade.

Photograph by M. Miltchik. 1990

100. The Governor's house. To the left the north-west tower of the Gostiny Dvor.

Photograph, late XIX c.

The Central Research Restoration and Design Workshops (Moscow)

101. Provincial Work-places. View from Lomonosovskaya square. In the distance the Governor's house and the Church of the Resurrection, to the left the monument to the great Russian scholar Michael Lomonosov.

Photograph, late XIX c.

102. The model design of civil governor's house for a provincial town. Lay-out of the ground floor and facade.

Architect Adrian Zakharov. 1803

Hand-painted album «Collection of plans and facades»

Institute of Engineers of Rail Transport (St.-Petersburg)

103. The civil governor's house in Arkhangelsk (1806-1819) in comparing with model design of civil governor's house (1803)

104. Every-story lay-outs of the Work-places in Arkhangelsk.

Measurement drawing. 1827

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

105. Model design of Work-places for a provincial town. Architect Adrian Zakharov. 1803

Hand-painted album «Collection of plans and facades»

- («Cellar lay-outs» and «Facade of Work-places in a provincial town»)
Institute of Engineers of Rail Transport (St.-Petersburg)
106. Building of the Work-places in Arkhangelsk. Facade. Measurement drawing. 1868
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)
107. Facade of the Work-places in Arkhangelsk. 1819. Unrealized design
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)
108. Sugar-refinery (Technical College). View from the Severnaya Dvina river.
 Photograph by P. Pokotilo. 1902
Arkhangelsk Museum of Local Lore
109. Merzlutin's house. View from the embankment.
 Photograph by A. Pervov. 1964
The Archives of Arkhangelsk Region
110. Merzlutin's house and the Archangel Michael Monastery. View from the Severnaya Dvina river.
 Photograph by Ya. Leitsinger, late XIX c.
The Central Research Restoration and Design Workshops (Moscow)
111. Monument to the great Russian scholar Michael Lomonosov.
 Sculptor Ivan Martos.
 Watercolor by architect Pod'yakov. 1837
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)
112. Town estate at Pravda str., 1. View from the Troitsky avenue.
 Photograph by M. Miltchik. 1980
113. Building of the municipal Work-places and Police office with fire-station. Facade. 1843
 Design of provincial architect Shikhlarev with corrections by Paskin, architect of the Ministry of Internal Affairs
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)
114. Church of Consolation of All the Afflicted.
 Postcard, early XX c.
115. Church of St. Nicholas at the branch of Nikolo-Korelsky monastery.
 Postcard, early XX c.
116. Church of Reverend Zosimas, Savvaty and German at the branch of the Solovetsky monastery.
 Postcard, early XX c.
117. Church of St. Ioann Rylsky.
 Photograph by F. Kokin. 1920
The Archives of Arkhangelsk Region
118. Bulytchev's alms-house in Kuznetchikha.
 Photograph, early XX c.
119. Branch of Sursky St. John-Theologian monastery.
 Postcard, early XX c.
120. Theological Seminary.
 Postcard, early XX c.
121. Narodny Dom [People's House] named after Peter I in Solombala.
 Photograph by A. Poplavsky. 1910
The Archives of Arkhangelsk Region
122. Building of A. Surkov's brewery.
 Postcard, early XX c.
123. Russian bank
 Photograph, early XX c.
Private collection
124. Alms-house named after St. Andrew
 Postcard, early XX c.
125. E. Dvoynikova's house.
 Photograph by Belyaev. 1926
The Archives of Arkhangelsk Region
126. Ya. I. Leitsinger's house at Pskovsky avenue.
 Photograph by Ya. Leitsinger. 1908
Arkhangelsk Museum of Local Lore
127. Building of Commercial Assembly at Troitsky avenue
 Photograph by M. Terent'ev. 1919
Private collection
128. Community of the Red Cross
 Photograph, early XX c.
Private collection
129. Building of Makarovs' Torgovy Dom [firm]. Design Engineer S. Pets
The Archives of Arkhangelsk Region
130. Konstantinivsky orphanage
 Design by engineer S. Pets
The Archives of Arkhangelsk Region
131. Ya. Belyavsky's house. Engineer S. Pets
 Photograph by M. Terent'ev. 1920
Private collection
132. Building for Board of Care Community
 Postcard, early XX c.
133. Polish Roman-Catholic Church
 Postcard, early XX c.
134. Anglican Church. Design
The Archives of Arkhangelsk Region
135. Mosque
 Postcard, early XX c.

III. Main Architectural Ensembles of Arkhangelsk

136. Hand-painted plan of the Gostiny Dvory. 1694
To the left Nemetsky Dvor [Foreign merchants' trade-center], to the right Russian Dvor, in the center the fortress.
Anthology of the Archaeological Institute. Vol. IV. SPb., 1880
137. Plan of the Gostiny Dvory. Designer Vasily Khamuskov. 1727–1730
Hand-painted Atlas «Sila Rossiiskoi Imperii [Power of the Imperial Russia]» («Plan goroda Arkhangel'skogo [Plan of Kremlin in Arkhangelsk]»). 1764
The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)
138. Plan of the Gostiny Dvory.
Designer Nicholas Krivopervov. 1726
The Russian Military and History Archives (Moscow)
139. Gostiny Dvor («Tamozhennyi zamok [Custom castle]»). Plan with depicting of disassembled and later reconstructed parts; facades of Russian and Nemetsky Dvory overlooking river.
Hand-painted «Atlas of the Arkhangel'sk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)
140. Facade of the Gostiny Dvory overlooking river and facade of the fortress (Kamennyi gorod [Stone Kremlin]). The section of the north tower is depicted. Fragment. 1780
Hand-painted «Atlas of fortresses of St.-Petersburg Department». 1780
The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)
141. Facade of Kamennyi gorod [Stone Kremlin] overlooking river with Orlovskaya tower in its center and tiered plans of the tower. 1742
Fragment of drawing.
The Russian Military and History Archives (Moscow)
142. Architectural ensemble of Gostiny Dvory. 1667/68–1684. View from the South-West.
Reconstruction by A. M. Alexandrov. 1970s
The Central Research Restoration and Design Workshops (Moscow)
143. Facade of Nemetsky Gostiny Dvor facing river.
Engraver I. Seleznev. 1839
The State Russian Museum
144. Nemetsky Gostiny Dvor. View of facade facing river from the North-West.
Photograph by Ya. Leitsinger, late XIX c.
The Archives of Arkhangel'sk Region
145. Architectural ensemble of Gostiny Dvory, late XVII c. View from the South-West.
Reconstruction of headquarters by M. Miltchik.
Painter N. Andreev
146. Commodity exchange of the Gostiny Dvor.
Photograph by A. Rozanov. 1982
147. Gostiny Dvor. Building for weighing. The south facade.
Photograph by A. Rozanov. 1982
148. Gostiny Dvor. Lay-outs and facades of windows.
Architect Berezin. 1800
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)
149. Rebuilding of riverside facade of the Russian Gostiny Dvor in XVIII–XIX cc.
Scheme by A. Alexandrov. 1970s.
The Central Research Restoration and Design Workshops (Moscow)
150. Gates of the Gostiny Dvor at the riverside facade.
Photograph by P. Baranovsky. 1933
The Research Museum of Architecture (Moscow)
151. The Northern tower of the Gostiny Dvor. View from the North-West.
Photograph by A. Rozanov. 1982
152. Nemetsky Gostiny Dvor. View of the courtyard from the South-West.
Photograph by Ya. Leitsinger, late XIX c.
The Archives of Arkhangel'sk Region
153. Courtyard of the Gostiny Dvor. View to the South-West.
Photograph by P. Baranovsky. 1933
The Research Museum of Architecture (Moscow)
154. Gates of the Gostiny Dvor. View from courtyard. To the right — place, where a porch was located.
Photograph by P. Baranovsky. 1933
The Research Museum of Architecture (Moscow)
155. Gostiny Dvor. Vaulted room.
Photograph by P. Baranovsky. 1933
The Research Museum of Architecture (Moscow)
156. Gostiny Dvor. General view from the Severnaya Dvina river. To the right the Church of the Resurrection.
Photograph, early XX c.
157. Arkhangel'sk Monastery depicted on plan-panorama of Arkhangel'sk. Fragment. 1694
Anthology of the Archaeological Institute. Vol. 4. SPb., 1880. P. 117–118
158. The Archangel Michael Monastery. View from the South-West.
Postcard, early XX c.
159. The Cathedral of Archangel Michael in the Archangel Michael Monastery. View from the North-West.
Photograph. 1927
The Research Museum of Architecture (Moscow)

160. View of the Archangel Michael Monastery from the West, from the side of the Severnaya Dvina river.
Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». Fragment «View of Arkhangelsk from the point B». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg).
161. View of the Archangel Michael Monastery from the East. Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». Fragment «View of Arkhangelsk from the point A». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)
162. Plan of the Archangel Michael Monastery. Fragment of plan of Arkhangelsk. 1768
The Russian Military and History Archives (Moscow)
163. Plan of the Archangel Michael Monastery. 1808
The Archives of Arkhangelsk Region
164. Plan of the Archangel Michael Monastery. 1897
The Archives of Arkhangelsk Region
165. The Archangel Michael Monastery. Facade of belfry and wings, 1897
The Archives of Arkhangelsk Region
166. The Archangel Michael Monastery. View from the North-West from the embankment of the Severnaya Dvina river. Postcard, early XX c.
167. Map of the Severnaya Dvina mouth. 1823
The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)
168. View of Novodvinskaya fortress from the Severnaya Dvina river (from the West).
Engraving. Early XVIII c.
Cornelis de Bruins. *Reizen over Moskou, door Persie en Indie*. Amsterdam, 1714
169. The first depicting of Peter I' house. Plan of Novodvinskaya fortress. 1745. Fragment
The Russian Military and History Archives (Moscow)
170. Novodvinskaya fortress. Plan and profile. 1706.
(«Plan i profil kreposti, kotoraya po ukazy ego tsarskogo velichestva tsarya Petra Alekseevitcha pri reke Dvine mezhdugorodom Arkhangel'skim i Belym morem postroeno. Izobrazheni postroena ot korolevskogo prusskogo inzhenera Georga Ernesta Reze. [Plan and profile of fortress which was build according the decree of His Tsar's Majesty Peter Alekseevitch at the bank of the Dvina river between Archangelsky Kremlin and the White sea. Depicted and constructed by Court Prussian engineer Georg Ernest Reze].»)
The Russian Archives of Ancient Acts (Moscow)
171. Novodvinskaya fortress with the nearest surroundings. Circa 1764
Hand-painted Atlas «Sila Rossiiskoi Imperii [Power of the Imperial Russia]». 1764
The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)
172. Peter I' house (1702) from Novodvinskaya fortress in the Museum-reserve «Kolomenskoe». View from the porch. Photograph by M. Miltchik. 1992
173. Peter I' house (1702) from Novodvinskaya fortress in the Museum-reserve «Kolomenskoe». Photograph by M. Miltchik. 1992
174. Novodvinskaya fortress. Lay-out, facade and sections of Peter I' house.
Engineer-ensign Aphanasy Obrutchev. 1786
The Russian Military and History Archives (Moscow)
175. Novodvinskaya fortress. Plan with depicting of a church, Peter I' house and other buildings. 1745.
The Russian Military and History Archives (Moscow)
176. View of Novodvinskaya fortress and its forstadt from western side. 1797
Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)
177. Novodvinskaya fortress. Plan and sections of ramparts of Flazhny [Flag] and Morskoy [Naval] bastions. 1780.
Hand-painted «Atlas of fortresses under the rule of the Saint-Petersburg department» 1780
The Russian Naval Archives (St.-Petersburg)
178. Novodvinskaya fortress. View to Dvinsk (Winter) Gates and Rogaty [Horned] bastion from the river. Photograph by P. Pokryshkin. 1913
Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)
179. Novodvinskaya fortress. Summer gates. Photograph by P. Pokryshkin. 1913
Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)
180. Novodvinskaya fortress. Officer's house at Summer gates. Photograph by P. Pokryshkin. 1913
Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)
181. Novodvinskaya fortress. Rogaty [Horned] bastion. In the distance Summer gates and a bridge. Photograph by Ya. Leitsinger. Early XX c.
Arkhangelsk Museum of Local Lore
182. View to ravelin from the South. Photograph by P. Pokryshkin. 1913
Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)
183. Novodvinskaya fortress. View to ravelin and Flazhny [Flag] bastion from the South-East. Photograph by P. Pokryshkin. 1913
Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

IV. Sketch of town-planning and architectural history of Kholmogory

184. Kholmogory at the plan of the Kholmogory' mouth of the Severnaya Dvina river.

Fragment of the plan «mest, prilozhashchikh k Kurostrovskoi volosti [surroundings of Kurostrovsk region]». 1788
Ivan Lepekhin's travel in 1772. SPb., 1805. Part IV

185. Plan of the Kholmogory' fortress («gorod» [Kremlin]). Late XVII — early XVIII c.

According to drawing of early XVIII c. and to «rospis [list]» 1683.

The Russian Archives of Ancient Acts (Moscow)

The Russian Military and History Archives (Moscow)

186. View to architectural ensemble with Cathedral and Bishop's house from the South. Late XVII c.

Reconstruction by Yuri Ushakov.

187. Plan of Kholmogory' rampart, made in 1860s, with depicting of former turrets, and existing buildings, and remainders of demolished buildings.

Tyshinsky A.. O chudskikh drevnostyakh in Arkhangel'skoi gubernii [Some Materials on Chudskie Antiquities] // Trudy I Arkheologicheskogo s'ezda v Moskve [Transactions of the I Archeological Conference in Moscow] 1869. M., 1871. Vol. II. Collection of maps and plans. P. V

188. Plan of Kholmogory «s oznatcheniem i opisaniem kazennykh i publitsnykh zdaniy [with depicting and description of state and public buildings]». 1797

Hand-printed «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

189. The Cathedral of the Transfiguration. The northern facade.

Reconstruction by L. David. 1963

The Central Research Restoration and Design Workshops (Moscow)

190. The Cathedral of the Transfiguration.

Plan at the level of floor with projections of vault and domes. Measurement by A. Opolovnikov. 1943

The Research Museum of Architecture (Moscow)

191. Belfry of the Cathedral.

Design of restoration by L. David and A. Alexandrov. 1962
The Central Research Restoration and Design Workshops (Moscow)

192. Belfry of the Cathedral. Lay-outs of two bottom tiers.

Measurement by V. Pozdnyakov and V. Munk. 1946
The Research Museum of Architecture (Moscow)

193. Bishop's house and supplemental buildings. Late XVII c.

Reconstruction by Yuri Ushakov.

194. Kholmogory. View to the architectural ensemble with the Cathedral from the South-East.

Photograph by Ya. Lensinger. Early XX c.

Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

195. Bishop's house (1688–1691).

Lay-out of the ground floor.

Measurement by V. Pozdnyakov and V. Munk. 1946

The Research Museum of Architecture (Moscow)

196. Bishop's house. The northern facade.

Design of restoration by A. Alexandrov. 1963

The Central Research Restoration and Design Workshops (Moscow)

197. View to the architectural ensemble with the Cathedral from the North-East.

Postcard, early XX c.

198. View to Gorodok (the Cathedral and former Bishop's house with supplemental buildings) from the North-West.

Photograph, early XX c.

Private collection

199. Bishop's house with supplemental buildings. (Kholmogory prison).

Hand-painted plan. 1745

The Russian Archives of Ancient Acts (Moscow)

200. Three views to Kholmogory from the side of Kura-polka («from the point A, from letter E till letter F»; «from the point B, from letter F till letter G»; «from the point B, from letter G till letter H»).

Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

201. Kholmogory. Lay-out and facade of the Work-places.

Fragment of drawing. 1800

The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

202. View to the center of Glinsky posad [district] from the East.

Photograph by I. Popov. Early XX c.

Institute of History of Culture of the Russian Academy of Science (St.-Petersburg)

203. Glinsky posad [district]. View to the Holy Trinity Church and belfry from the North.

Photograph 1939

The Research Museum of Architecture (Moscow)

204. The Holy Trinity Church. Central window of a conch.

Photograph 1939

The Research Museum of Architecture (Moscow)

205. The Holy Trinity Church. Side window of a conch.

Photograph 1939

The Research Museum of Architecture (Moscow)

206. View to the south-east part of former Glinsky posad [district] from belfry of the Holy Trinity Church.
Postcard, early XX c.

207. View from the South-West to the Cathedral of the Transfiguration along the embankment.
Postcard, early XX c.

208. View to the belfry of the Holy Trinity Church from North-East along the embankment.
Postcard, early XX c.

209. Architectural ensemble with the Cathedral at Gorodok. View from the North.

Fragment «View of Kholmogory from point B, from letter F till letter G»
Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

210. View to Bolshaya Slobodka of former Kurtsevsky posad [district] from the South-East.

Fragment «View of Kholmogory from point A, from letter E till letter F».
Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

211. Estate at the entrance to Bolshaya Slobodka.

Fragment «View of Kholmogory from point A, from letter E till letter F».
Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

212. View to building of Post office from the North.

Fragment «View of Kholmogory from point B, from letter F till letter G».
Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

213. Plan of Glinsky posad [district]. Fragment of plan of Kholmogory.

Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

214. Kholmogory. Glinsky posad [district]. View to the Holy Trinity Church from Kuropolka.

Fragment «View of Kholmogory from point C, from letter H till letter I».
Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

215. Glinsky posad [district].

Fragment «View of Kholmogory from point C, from letter I till letter K».
Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

216. View to salt shop (№ 27) from the South-East and part of former Glinsky posad [district]. Fragment.

Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

217. Three views to Kholmogory from Kuropolka («from point C, from letter H till letter I»; «from point C, from letter I till letter K»; «from point D, from letter K till letter L»)

Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

218. View to former Nizhny posad and Zapadrokurye from the East.

Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

219. General plan of Kholmogory, confirmed in 1784. Design.

Hand-painted «Atlas of the Arkhangelsk Province». 1797
The Russian State Historical Archives (St.-Petersburg)

02-44016

Научное издание

Михаил Исаевич Мильчик
Людмила Дмитриевна Попова

Первые ворота Российского государства

Очерки градостроительной и архитектурной истории
Архангельска и Холмогор

Редактор Е. А. Адаменко
Художник Н. В. Циплева
Корректор О. С. Закорко
Компьютерная верстка Н. В. Валерьянова
Перевод на английский язык М. Л. Завьялова,
Г. Н. Корнева, Т. Н. Чебоксарова

Информационно-издательская фирма «Лики России»
190000, Санкт-Петербург, пер. Пирогова, 17/8
Тел./факс: (812) 312 1121

Изд. лиц. № 07890 от 14 мая 1998 г. Подписано в печать 14.05.2002.
Формат 60 x 90/8. Бумага мелованная. Гарнитура КопппаС.
Уч. - изд. л. 14,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 353.

Диапозитивные пленки — фирма «Голанд»
Санкт-Петербург, Невский пр., 93
Тел. 327 70 94

Сканирование и обработка иллюстраций
при участии полиграфического агентства «Фортэкс»

Отпечатано в ОАО «Иван Федоров»
191119, Санкт-Петербург, Звенигородская, 11

М 20
28824

Mikhail Miltchik Lyudmila Popova

First Gateway
of the Russian State